

Л.Р. Кызласов

 ДРЕВНЕЙШАЯ
ХАКАСИЯ

**КНИГА О ДРЕВНОСТИ
ЗРИМОЙ, СЕДОЙ
И ЗАГАДОЧНОЙ**

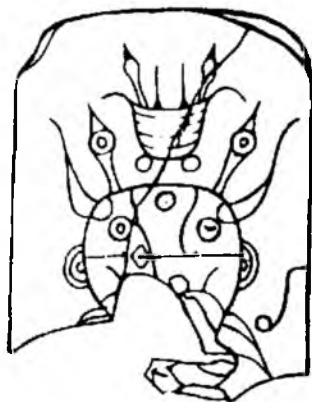

Л.Р. Кызласов

ДРЕВНЕЙШАЯ
ХАКАСИЯ

ХАКАССКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Издательство
Московского университета
1986

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

член-корреспондент В. Л. Янин,
доктор исторических наук
Г. А. Федоров-Давыдов

Древнейшая Хакасия. Книга о древности зримой, седой и загадочной — результат многолетних изысканий и раскопок древних памятников Хакасии. Впервые описана одна из позднеолитических культур — тазминская (начало III тыс. до н. э.), представленная яркими памятниками языческого культа — каменными изваяниями, древними святилищами, менгирами и наскальными рисунками; автором предложено новое объяснение разных категорий древних сакральных изображений, выявлены мировосприятие, верования и многие другие стороны духовной культуры древних племен, населявших земли бассейнов рек Абакана и Чулыма в период неолита и раннего металла.

Книга будет полезна как специалистам-историкам и археологам, так и читателям, интересующимся историей и культурой нашей Родины.

К 0507000000—150
007(02)—86 7—86

© Издательство Московского
университета, 1986 г.

Введение

Наиболее длительная по времени эпоха каменного века в истории древнейшего населения Хакасско-Минусинской котловины еще в недавнее время таила много неясного в сравнении с последующими периодами бронзового и раннего железного веков¹. Однако за последние годы совершены важные открытия, появились новые материалы, изменившие прежние представления.

В 1975 г. в гроте Двуглазка на р. Толчее в Боградском районе Хакасии З. А. Абрамовой было обнаружено одно из первых жилищ древнейших обитателей Южной Сибири — неандертальцев². Вторым подобным памятником является, по-видимому, грот на правом берегу Белого Июса. Неандертальцы, обитавшие на территории Хакасии от 100 до 40 тысяч лет тому назад, были, возможно, первыми древними людьми, поселившимися на Енисее.

Теперь можно считать доказанным, что Хакасско-Минусинская котловина входила в территорию той прародины, где, вероятно, произошло становление *Homo sapiens* — человека современного типа, с которым связаны последующие поселения верхне-палеолитического периода.

В долине того же Белого Июса, на левом его берегу, в 1975 г. обнаружено интереснейшее поселение верхнепалеолитических людей — стоянка Малая Сья, относящаяся к периоду около 34 тысяч лет тому назад³.

Значительным событием в изучении верхнего палеолита в области среднего течения Енисея стали монографии З. А. Абрамовой, вышедшие в свет в 1979 г. Они посвящены обобщению материалов, относящихся к завершающему этапу древнего периода

---

¹ Кызласов Л. Р. Каменный век Хакасии. — Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, вып. XVII. Абакан, 1973.

² Абрамова З. А., Ермолова Н. М. Грот Двуглазка — жилище неандертальца. — Природа, 1976, 12; Абрамова З. А. Мустьерский грот Двуглазка в Хакасии. — КСИА, вып. 165. М., 1981.

³ Ларичев В. Е. Охотники, художники, рудоизнаты. — Знание—сила, 1977, № 2; Муратов В. М., Оводов Н. Д., Паньчев В. А., Сафарова С. А. Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сья в Хакасии. — В кн.: Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.

каменного века, собранных за время работ экспедиции, изучавшей стоянки древнего человека в зоне затопления водохранилища Красноярской ГЭС⁴, а также важные открытия С. Н. Астахова и С. А. Васильева в Саянском ущелье, где обнаружены верхнепалеолитические поселения. Н. Ф. Лисициным собраны материалы с мезолитических и неолитических степных и озерных стоянок Северной Хакасии⁵.

В нашей книге наибольшее внимание уделено памятникам неолитической эпохи, которой завершился длительный период каменного века в истории Хакасско-Минусинской котловины. Эпоха неолита до сих пор остается наименее изученным периодом в истории аборигенных племен, живших в долинах Среднего Енисея, Абакана и по верховьям Чулыма. Этот регион представляет большой интерес и потому, что он является зоной взаимодействия и наибольших контактов двух крупнейших культурных и этнических ареалов неолитической Сибири: урало-обского и прибайкальского. Крайне слабая изученность материалов неолита Хакасско-Минусинской котловины затрудняет воссоздание картины сложных взаимоотношений, существовавших в неолитическое время между племенами Западной и Восточной Сибири.

Без изучения неолитической эпохи невозможно решить важные проблемы происхождения последующих энеолитических племен и населения афанасьевской культуры, нельзя разрешить многие загадки, встающие перед исследователями истоков культур бронзового века.

Все это побуждает проанализировать и обобщить те археологические материалы по неолиту и энеолиту Хакасии, которые собраны Хакасской археологической экспедицией Московского университета (1950—1983 гг.). Сборы их проводились постепенно, в разные годы полевых исследований. Экспедицией обнаружено несколько стоянок, относящихся к неолиту, произведены первые методические раскопки вокруг тех древнейших енисейских каменных изваяний и менгиров, которые сохранились на местах их первоначального установления. Это позволило впервые связать издавна изучавшиеся памятники древнего изобразительного искусства с археологией южносибирской первобытности, позволили обнаружить возле них древнейшие святилища и по-иному осознать не только их назначение, но и датировку.

Сотрудниками экспедиции изучены неопубликованные материалы, происходящие из ряда поселений эпохи неолита, хранящие-

---

⁴ Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979; Она же. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.

⁵ Астахов С. Н. Работы палеолитического отряда Саяно-Тувинской экспедиции. — В кн.: АО 1971 года. М., 1972; Астахов С. Н., Васильев С. А. Палеолитическая стоянка Джой. — КСИА, вып. 165; Лисицын Н. Ф. Мезолит Минусинской котловины. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980; Он же. Стоянки каменного века Хакасско-Минусинской котловины. — КСИА, вып. 165; и др.

ся в Минусинском и Хакасском краеведческих музеях, Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в Государственном Историческом музее и в фондах Института археологии АН СССР. Все они использованы для выявления характерных черт и особенностей неолитических культур изучаемой территории, для датировки разнородных неолитических памятников, для выявления некоторой исторической динамики развития неолитических и энеолитических культур. При этом мы не претендуем на полную публикацию и интерпретацию музейных коллекций, а также на обобщение всех современных данных по неолиту и энеолиту Хакасско-Минусинской котловины. Целый ряд экспедиций еще не закончил сбор и обработку материалов⁶.

Автор приносит глубокую благодарность всем сотрудникам, аспирантам и студентам исторического факультета Московского университета, принимавшим участие в полевых исследованиях публикуемых здесь памятников. Особый вклад внесли сотрудники ХАЭ А. В. Кызласова (первооткрывательница неолитических стоянок на сопках Оглахты II и III), И. А. Раскина, И. Л. Кызласов, А. В. Седов, А. С. Кудрявцев, В. И. Эртюков, В. П. Тогочакова.

*
* *

Начало изучения неолита Хакасско-Минусинской котловины связано с именем выдающегося сибирского краеведа Ивана Тимофеевича Савенкова. Главным объектом его исследований были палеолитические и неолитические памятники окрестностей Красноярска, прежде всего Афонтова гора и Базанха, а также палеолитические стоянки Верхнего Енисея. В 1885 г. им было предпринято путешествие с целью обследовать долину Енисея выше Красноярска⁷, во время которого, наряду с открытием стоянок эпохи неолита на р. Тубе, Савенковым в окрестностях д. Лепешкиной, у д. Батени, около Карасука и у с. Анаш были произведены сборы подъемного материала, относящегося к неолитическому времени. Коллекция неолитических орудий была собрана И. Т. Савенковым и его спутниками у д. Тесь, у горы Изых, по берегам рек Часголу и Узунжулу⁸.

И. Т. Савенков занимался и классификацией орудий эпохи неолита. Этому, в частности, посвящены его труды: «Заметки по всем установленным типам и разновидностям орудий переходной неолитической эпохи»; «Описание наконечников стрел неолитической эпохи»; «Материалы о классификации и делении орудий каменного века»; «Орудия и изделия из кости и рога»; «Наконечники

---

⁶ См.: Виноградов А. В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины. — АКД (на правах рукописи). Л., 1982.

⁷ Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. — ИВСОРО, 1886, т. XVII, № 3—4.

⁸ Он же. Каменный век в Минусинском крае. — В кн.: Материалы по археологии восточных губерний России, вып. 2. М., 1896.

как оружие и ручное орудие»⁹. И. Т. Савенков является автором первой монографии, посвященной наскальным изображениям Енисея¹⁰, в том числе Шалаболинской и Оглахтинской писаницам, которые он тщательно изучал более двадцати лет.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение неолита Хакасско-Минусинской котловины было продолжено Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и С. А. Теплоуховым.

Во время обследования берегов р. Тубы Н. К. Ауэрбах открыл стоянку Богуртак, которую Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский (изучавший материалы стоянки), датировали неолитическим временем¹¹. К сожалению, результаты исследования этой стоянки не были опубликованы. В 1929 г. в окрестностях с. Батени С. А. Теплоухов обнаружил многослойное поселение, нижний слой которого (содержавший каменные орудия, керамику, покрытую штриховкой от вытертости травой, и кости диких животных)¹² был отнесен С. А. Теплоуховым к эпохе неолита.

Несколько ранее, в 1923 г., в с. Батени было найдено первое из известных в Хакасии неолитических погребений. Оно было открыто случайно, поэтому данные об условиях находки весьма неполны. Однако, несмотря на отсутствие сведений об устройстве могилы и расположении находившихся в ней предметов, «погребение представляет собой все же хороший археологический комплекс, дающий, хотя бы и в самых общих чертах, представление о своеобразии культуры неолитических племен, населявших Абакано-Енисейские степи»¹³.

Сообщение о погребении в с. Батени сделано Теплоуховым, но он ограничился кратким упоминанием о находке и воздержался от интерпретации памятника¹⁴. Подробное описание материалов погребения было опубликовано много лет спустя М. П. Грязновым, охарактеризовавшим материальную культуру неолитических племен Абакано-Енисейских степей как культуру глубоко своеобразную, отличающуюся от известных комплексов Прибайкалья, Красноярска и Томска. М. П. Грязнов высказал предположение, что носители этой культуры начали предпринимать первые попытки одомашнивания животных, хотя основным их занятием по-прежнему оставалась охота¹⁵.

Скелет погребенного из с. Батени изучен Г. Ф. Дебецем, констатировавшим его отличие от антропологического типа более

---

⁹ Архив МКМ, опись документов Савенкова Ивана Тимофеевича, д. 43, 81, 104, 95, 141.

¹⁰ Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. — В кн.: Труды 14-го археологического съезда, т. I. М., 1910.

¹¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 17.

¹² Там же, с. 17.

¹³ Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее. — МИА, 1953, № 39, с. 332.

¹⁴ Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. — В кн.: Материалы по этнографии, т. III, вып. 2. Л., 1927, с. 61.

¹⁵ Грязнов М. П. Указ. соч., с. 335.

позднего, афанасьевского, населения¹⁶. В начале 60-х годов В. П. Алексеев в ряде статей подтвердил вывод, сделанный Г. Ф. Дебецем, и указал на наличие в строении черепа погребенного южных, «негроидных» признаков. Позднее А. Г. Козинцев критически отнесся к этим взглядам В. П. Алексеева¹⁷.

В течение двадцатилетия, прошедшего после открытия погребения в с. Батени, накопление сведений о неолитических культурах Хакасско-Минусинской котловины осуществлялось за счет сборов подъемного материала и случайных находок, пополнявших фонды Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова и Хакасского областного музея. Отметим обломок обработанной плиты песчаника, напоминавший фигуру янусовидных ка-

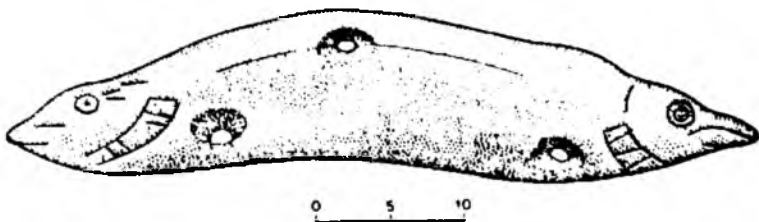

Рис. 1. Каменная янусовидная рыба-приманка, найденная у д. Лепшикиной (хранится в МКМ)

менных рыб-приманок, обнаруженный в 1935 г. археологом Минусинского музея В. П. Левашевой на дюнах у д. Быстрая¹⁸. Подобные каменные рыбы-приманки характерны для неолита Прибайкалья; немногочисленные находки их на правом берегу Енисея служат доказательством связей населения правобережья Енисея с племенами Прибайкалья в эпоху неолита (рис. 1).

В 1945—1946 гг. экспедицией Минусинского музея, возглавляемой геологом П. Е. Чернявским, было осуществлено обследование памятников материальной культуры на территории Минусинской котловины, которое выразилось в выявлении, учете и предварительном изучении стоянок, курганов и могильников, а также в сборе на территории стоянок подъемного материала. За полевой сезон 1946 г. этой экспедицией было открыто тридцать во-

¹⁶ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, с. 68—69.

¹⁷ Алексеев В. П. Антропологические типы Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 337; Он же. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии. — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, с. 154—155; ср.: Козинцев А. Г. Проникли ли в древности негроиды в Сибирь? — Вопросы антропологии, вып. 47. М., 1974.

¹⁸ Левашева В. П. Археологические исследования Минусинского музея за последние 17 лет. — Архив МКМ, оп. 1, д. 643, с. 5; Она же. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, с. 13—16.

семь стоянок¹⁹, большинство из которых, по мнению П. Е. Чернявского, относилось к эпохе камня. В связи с тем что детальное исследование обнаруженных памятников не входило в задачи экспедиции, ни одна из стоянок не была раскопана. В настоящее время часть подъемных материалов, собранных этой экспедицией, хранится в фондах Минусинского музея. Эти материалы использованы в данной работе. В 1947—1949 гг. археологом Минусинского музея Э. Р. Рыгдылоном была проделана огромная работа по обследованию территории Хакасско-Минусинской котловины с целью выявить новые и осмотреть ранее известные памятники каменного века.

В 1947 г. Э. Р. Рыгдылон исследовал берега озер Иткуль, Билё, Шира и отроги горы Изых, где ранее были найдены отдельные орудия, относящиеся к палеолиту и неолиту²⁰. Весной 1948 г. Э. Р. Рыгдылон предпринял поездку в район д. Жеблахты на р. Ое, где на гриве «Каменная Гора» во время раскопок тагарского кургана были обнаружены (в насыпи этого кургана) неолитические каменные орудия²¹. В том же году Рыгдылон подробно исследовал берега р. Тубы и осмотрел некоторые изображения Шалоболинской писаницы, которые отнес к неолитической эпохе²².

Основанием для датирования Шалоболинской писаницы столь ранним временем послужила находка на расстоянии 250 м от рисунков более двадцати каменных орудий (скребков и отбойников), а также сам характер изображений лосей, быков и лодок с людьми, которые как по технике исполнения, так и по «монументально-реалистическому» стилю отличны от изображений эпохи металла²³.

Э. Р. Рыгдылоном обследован район с. Тесь, известного в литературе по сборам И. Т. Савенкова, Потрошиловские дюны в устье р. Тубы, а также окрестности деревень Бузуновой, Ильинки и Красный Маяк, где были зафиксированы находки неолитических изделий из камня. В 1948 г. во время обследования пригородов Минусинска, которое проводилось с целью сбора материала по древней металлургии, Э. Р. Рыгдылон открыл еще одно поселение эпохи неолита, расположенное в 5 км от города на берегу Минусинки²⁴. Результаты исследований Э. Р. Рыгдылона бы-

¹⁹ Чернявский П. Е. Отчет о результатах работ по обследованию и учету памятников материальной культуры в Шушенском и Минусинском районах Красноярского края экспедицией Государственного музея в 1946 г. — Архив МКМ, оп. 1, д. 657.

²⁰ Рыгдылон Э. Р. Краткий отчет об археологической разведке. Лето 1947 г. — Архив МКМ, оп. 1, д. 655.

²¹ Он же. Отчет о краеведческом выезде в район д. Жеблахты в мае 1948 г. — Архив МКМ, оп. 1, д. 654.

²² Он же. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея. — МИА, 1953, № 39, с. 280—281.

²³ Рыгдылон Э. Р. Указ. соч.; ср.: Он же. Заметки о наскальных изображениях у деревни Маткечи на Абакане. — ИВГО, 1955, т. 87, рис. 2.

²⁴ Он же. Отчет по сбору материала по древней металлургии. — Архив МКМ, оп. 1, д. 652.

ли освещены в его статье «Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея»²⁵.

В 1949 г. была опубликована монография С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», где в главе «Южносибирский неолит» обобщены итоги изучения неолитических памятников Хакасско-Минусинской котловины. С. В. Киселев констатировал крайне слабую разработанность вопроса о неолите Хакасии, однако он высказал твердое убеждение, что неправильно было бы на основе столь печального состояния памятников и на фактах переживания неолитических типов орудий в позднейшее время отрицать самое наличие неолитической стадии на Среднем Енисее²⁶. Как указывал С. В. Киселев, о существовании на территории Хакасии особой стадии развитого неолита свидетельствует «несовпадение уровня развития культуры, выясняемого по позднепалеолитическим материалам и по фактам раннеметаллического времени». С. В. Киселев отметил находки каменных рыб-приманок из Прибайкалья на территории Хакасско-Минусинской котловины и расценил этот факт как еще одно доказательство наличия в Хакасии стадии развитого неолита, «люди которого одни только могли быть современниками изготовления байкальских каменных рыб»²⁷.

Большинство неолитических памятников Хакасско-Минусинской котловины, выявленных П. Е. Чернявским, Э. Р. Рыгдылоном и другими исследователями, расположено на правом берегу Енисея. Одной из немногих неолитических стоянок, известных на левобережье, является Бутрахты на р. Таштып, открытая в 1961 г. Я. И. Сунчугашевым. На территории стоянки собран подъемный материал, включавший в себя нуклеусы, отщепы, пластины, каменные орудия. Коллекция находок этой стоянки хранится в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории. В 1962 г. нанесенные охрой неолитические рисунки на скале близ устья р. Сосновки джойской обнаружил А. Н. Липский (рис. 2)²⁸.

Новый этап в истории археологического изучения бассейна среднего течения Енисея открывают работы Красноярской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова, производившей исследования во многих пунктах зоны затопления Красноярской ГЭС. Широкие и планомерные разведки и раскопки привели к значительному пополнению фактических данных²⁹.

²⁵ МИА, 1953, № 39.

²⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, 1949, № 9, с. 9—14.

²⁷ Там же.

²⁸ Сунчугашев Я. И. О находке кремневых орудий на реке Таштып (рукопись хранится в Хакасском НИИЯЛИ); Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, рис. 2.

²⁹ Дэвлет М. А. Археологическое изучение Южной Сибири в годы Советской власти. — КСИА, вып. 118. М., 1969, с. 40.

В 1960 г. Черновским отрядом Красноярской экспедиции, возглавляемым Г. А. Максименковым, были произведены раскопки многослойной стоянки Усть-Собакинская, расположенной в 25 км от Красноярска, вверх по течению Енисея³⁰, а в 1961—1962 гг. неолитическим отрядом Красноярской экспедиции (начальник отряда Н. Н. Гурина) велись работы по изучению посе-

Рис. 2. Лоси и лодка с людьми, нарисованные охрой на скале в устье Сосновки джойской в Саянских горах (по А. Н. Липскому)

ления в устье р. Бирюсы, впадающей в Енисей в 30 км выше Красноярска³¹. В результате этих исследований получены материалы, освещающие различные этапы истории прибрежных районов Среднего Енисея и имеющие большое значение для изучения культурно-исторических связей населения Енисея в неолитическую эпоху.

³⁰ Максименков Г. А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 77—83.

³¹ Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. — КСИА, вып. 97. М., 1964.

Большую научную ценность имеет открытое в 1963 г. второе неолитическое погребение, обнаруженное в урочище Черемушный Лог в 4 км выше д. Байкаловой. В физическом облике погребенного прослеживаются палеомонголоидные черты (в отличие от погребенного из с. Батени), что свидетельствует об этнической неоднородности неолитического населения Хакасско-Минусинской котловины. Разнообразный сопроводительный инвентарь из погребения у д. Байкаловой (каменные тесла и топоры, украшения, орудия из кости, абразивные инструменты), устройство могилы и ее ориентировка сближают это погребение с погребениями Ангары и Прибайкалья. Л. П. Хлобыстин и Я. А. Шер, изучавшие данный памятник, датировали его предглазковским временем — концом III тыс. до н. э.³²

В 1967—1968 гг. Л. П. Зяблин, возглавлявший Копенский отряд Красноярской экспедиции, открыл пять неолитических поселений: в районе Перевозинского чаатаса (у с. Абакано-Перевоз); у д. Копёны; на правом берегу Абакана около д. Киндырла; в районе могильника Тас хазаа и у д. Унюк Краснотуранского района³³. Четыре первых поселения не раскапывались. Подъемный материал, собранный на их территории, малочислен и не вносит нового в характеристику неолита Хакасско-Минусинской котловины. Унюк, единственное из до сих пор известных неолитических поселений с сохранившимся культурным слоем, был расположен на правом берегу Енисея вблизи устья р. Сыды. Он раскопан Зяблиным большой площадью в 1967—1968 гг. Обнаружены значительное количество фрагментов глиняной посуды и разнообразный каменный инвентарь: топоры и тесла из зеленого нефрита, кремневые наконечники копий и стрел, вкладыши, ножи, скребки, песчаниковые пилы для распиловки нефрита. Детальное изучение материалов, обнаруженных при раскопках этого уникального памятника, дает возможность получить новые важные данные о хозяйстве и быте неолитических племен, а также о связях обитателей поселения с соседями³⁴.

В 1968 г. Хакасской археологической экспедицией МГУ под руководством профессора Л. Р. Кызласова при раскопках средневековых курганов и крепости на левом берегу Енисея, в 40 км ниже г. Абакана, в горах Оглах-тах, были открыты две неолитические стоянки — Оглахты II и Оглахты III³⁵. Стоянки расположены на сопках, отдаленных друг от друга на 800 м. На тер-

³² Хлобыстин Л. П., Шер Я. А. Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее. — КСИА, вып. 106. М., 1966.

³³ Зяблин Л. П. Работы Копёнского отряда. — В кн.: АО 1968 г. М., 1969.

³⁴ Зяблин Л. П., Кривонос А. А. Копёнский отряд. — В кн.: АО 1967 г. М., 1968; Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

³⁵ Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской экспедиции МГУ в 1968 г. — Архив Института археологии АН СССР. Р-1, д. 3842; Он же. Древние крепости Хакасии. — В кн.: АО 1968 г. М., 1969, с. 246; Он же. Каменный век Хакасии, с. 192.

ритории обеих стоянок под слоем дерна были обнаружены орудия из речной гальки, наконечники стрел, нуклеусы, пластины, многочисленные отщепы, а также обломки глиняных сосудов. Отдельные каменные орудия и фрагменты керамики были обнаружены, во втором переотложенном состоянии, в насыпях раскопанных средневековых курганов. Характер кремневого инвентаря и керамической посуды обеих стоянок, одинаковые условия залегания материала, а также незначительное расстояние между стоянками — все это позволяет считать Оглахты II и Оглахты III единым местонахождением. Оглахты II и Оглахты III являются уникальными для Хакасии стоянками, расположенными не на берегу рек и водоемов, а в горах, на значительном расстоянии от источников воды. Пребывание людей на этих стоянках было, по-видимому, непродолжительным (об этом свидетельствует и отсутствие культурного слоя). Возможно, это сезонные поселения, на которых охотники жили временно.

В 1969 г. археологом Минусинского краеведческого музея Н. В. Леонтьевым была обнаружена первая в Хакасско-Минусинской котловине стоянка озерного типа, расположенная на восточном берегу озера Кызыкуль (Минусинский район). На территории стоянки найдено большое количество разнообразных каменных орудий и фрагменты нескольких глиняных сосудов. Последнее обстоятельство важно, так как обломков керамики на неолитических памятниках Хакасии, как правило, чрезвычайно мало. Но раскопки на стоянке Кызыкуль не были произведены.

Важным историческим источником для изучения духовной жизни древних обитателей Хакасско-Минусинской котловины являются наскальные изображения Шалоболинской и Оглахтинской писаниц, а также каменные изваяния Ах оба и Чалгыс оба на левом берегу р. Нини (правом притоке Уйбата). В 1970 г. экспедицией МГУ были произведены раскопки вокруг этих ранних культовых изваяний, почитание которых началось еще в эпоху неолита³⁶. Об этом свидетельствует находка при изваянии Ах оба кремневого скребловидного орудия, изготовленного из пластинчатого отщепа (рис. 3, 2). Подобные орудия были широко распространены в неолитическое время на Урале, в Хорезме, в Казахстане³⁷, а на территории Сибири встречаются (в развитом и позднем неолите) в Белькачи I, в Туой-Хая и Усть-Чиркуо³⁸, а также в поселениях на берегу Анабары и Оленека³⁹.

³⁶ Кызласов Л. Р. Двадцатый год работы Хакасской экспедиции. — В кн.: АО 1970 г. М., 1971, с. 218.

³⁷ Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968, табл. V, XVII, XLVII; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, с. 100, рис. 48; Чалая Л. А. Новые материалы по неолиту Казахстана. — ВМУ, сер. история, 1970, № 6, рис. 2.

³⁸ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969, табл. 12, 15, 21; Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968, рис. 17, 22.

³⁹ Хлобыстин Л. П. Новые памятники бассейна рек Анабары и Оленека. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности, с. 175.

Что касается Оглахтинской и Шалоболинской писаниц, то их научное изучение было начато И. Т. Савенковым, посвятившим им свой труд «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее». В 1904—1910 гг. большую работу по изучению петроглифов Верхнего Енисея проделал А. В. Адрианов, однако результаты его исследований опубликованы не были. Часть эстампажей Адрианова издана К. В. Вяткиной в 1949 г. в работе «Шалоболин-

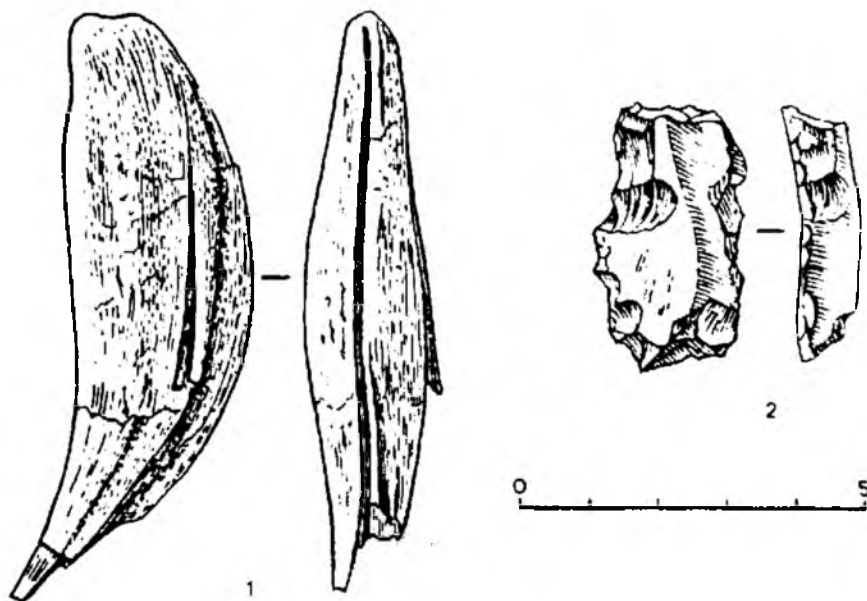

Рис. 3. Находки при культовых изваяниях эпохи неолита. 1 — клык медведя (Игир оба, 1971 г.); 2 — кремневое универсальное орудие (Ах оба, 1970 г.)

ские (Тесицские) наскальные изображения»⁴⁰. Вклад в изучение Шалоболинских и Оглахтинских петроглифов внес А. А. Формозов, занимавшийся вопросами их датировки, исследовавший сюжеты, а также стилистические и художественные особенности этих наскальных изображений. А. А. Формозов, сопоставив петроглифы Хакасии и Ангары, пришел к выводу, что Хакасско-Минусинская котловина входит в ту же зону первобытного искусства, что Ангара и Верхняя Лена. Стиль, объединяющий петроглифы этих районов, вырабатывался в неолитическую эпоху, не ранее серовского времени⁴¹. Большую работу по изучению писаниц

⁴⁰ Сб. МАЭ, XII, 1949, с. 416—478.

⁴¹ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 85, 86, 111—113.

произвел отряд Красноярской экспедиции под руководством Я. А. Шера⁴².

Процесс изучения неолита Хакасии все еще переживает свой первый этап — этап накопления информации. Большинство данных получено в ходе исследования памятников других эпох или случайно. В Хакасии, главным образом благодаря работам Э. Р. Рыгдылона, известно немало неолитических поселений, однако исследование этих важнейших памятников сводилось к сбору подъемного материала, не документированного стратиграфически. Коллекция случайных находок, несмотря на отсутствие планиграфических данных, имеют определенную научную ценность и значительно пополняют фонд материалов по неолиту Среднего Енисея. Однако всего этого недостаточно для всесторонней характеристики особенностей неолитических культур рассматриваемой территории.

Еще в 1947 г. Э. Р. Рыгдылон указывал⁴³ на необходимость раскопок большими площадями ранее зарегистрированных и вновь открываемых поселений каменного века. Это высказывание сохраняет свое значение и теперь. Такие неолитические поселения, как, например, Кызыкуль, Оглахты II и Оглахты III, Бутрахты и другие, при условии проведения на их территории систематических раскопочных работ могут вслед за поселением Унюк стать опорными комплексами при интерпретации материалов неолитического времени территории Хакасско-Минусинской котловины. В 1980—1981 гг. небольшие раскопки на некоторых поселениях произведены А. В. Виноградовым⁴⁴. Следует надеяться, что в недалеком будущем полевые работы на неолитических поселениях Хакасии будут развернуты широким фронтом. С особым интересом ожидают археологи Южной Сибири открытия в бассейнах Верхнего и Среднего Енисея больших серий неолитических погребений и целых могильников.

---

⁴² Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

⁴³ Рыгдылон Э. Р. Краткий отчет об археологической разведке. — Архив МКМ, оп. 1, д. 655, с. 1.

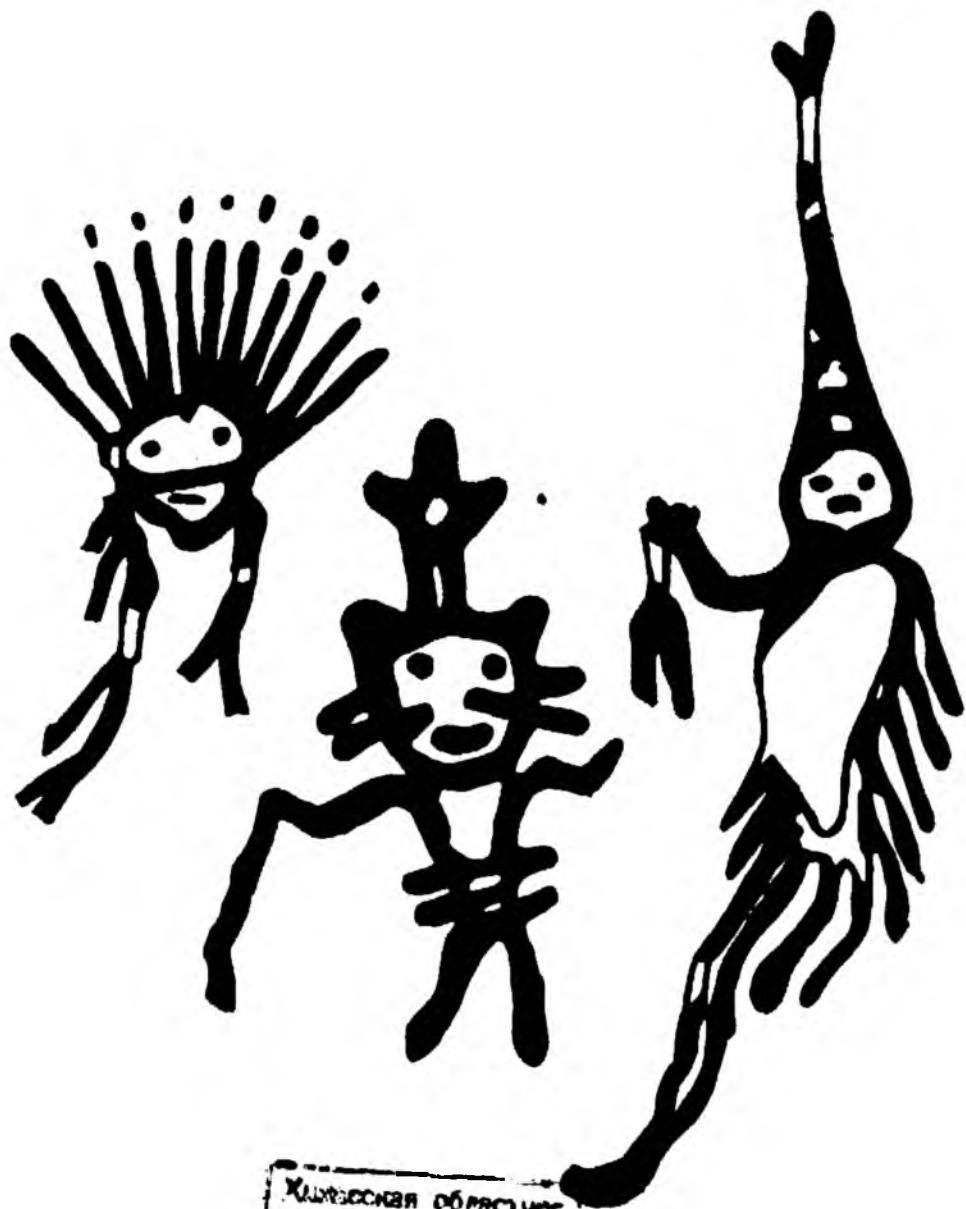
⁴⁴ Виноградов А. В. Исследование неолитических памятников Минусинской котловины. — В кн.: АО 1980 г. М., 1981; Он же. Исследование древних поселений в Минусинской котловине. — В кн.: АО 1981 г. М., 1983; Он же. Вьюжное-I — новый памятник эпохи неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине. — В кн.: Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск, 1982.

ЧАСТЬ 1

ЭПОХА НЕОЛИТА

Хишаская областна
БИБЛИОТЕКА

Неолитические поселения на левобережье Енисея

1. Оглахты II и Оглахты III

В 1968 г. экспедицией МГУ при раскопках средневековых курганов и изучении крепости на левом берегу Енисея (в 40 км ниже г. Абакана) в горах Оглахтах были открыты две неолитические стоянки. Стоянки расположены в безводной местности в 9 км от берега на двух сопках, названных нами Оглахты II и Оглахты III. Сопки отстоят друг от друга на 800 м. На этих горах, сложенных из девонского песчаника, никаких выходов кремня нет, и его надо было приносить сюда издалека. А. В. Кызласовой было обнаружено на сопке Оглахты II

малопонятное по внешнему виду сооружение, раскопки которого затем производились ею под наименованием объект № 6.

На вершине сопки (в ряду каменных курганов 3 и 5) на ровном месте (рис. 4) плашмя лежали вросшие в дерн плиты девонского песчаника (размерами от $0,3 \times 0,35$ до $0,85 \times 0,6$). 14 из них располагались в линию с юго-запада на северо-востоку, одна находилась к северо-западу, а четыре других — к юго-востоку от них. В целом все это напоминало некое подчетыреугольное сооружение (рис. 5). Возможно, это все, что осталось от наземного временного жилища. Первоначально поперек выкладки была проложена небольшая разведочная траншея, в которой сразу в нижнем слое дерна (на глубине

0,2 м) были найдены обломки сплошь орнаментированного неолитического сосуда (нах. 1; рис. 6, 4).

ной 7—8 см лежит на более мощном слое погребенного дерна толщиной 0,2—0,3 м. Все находки об-

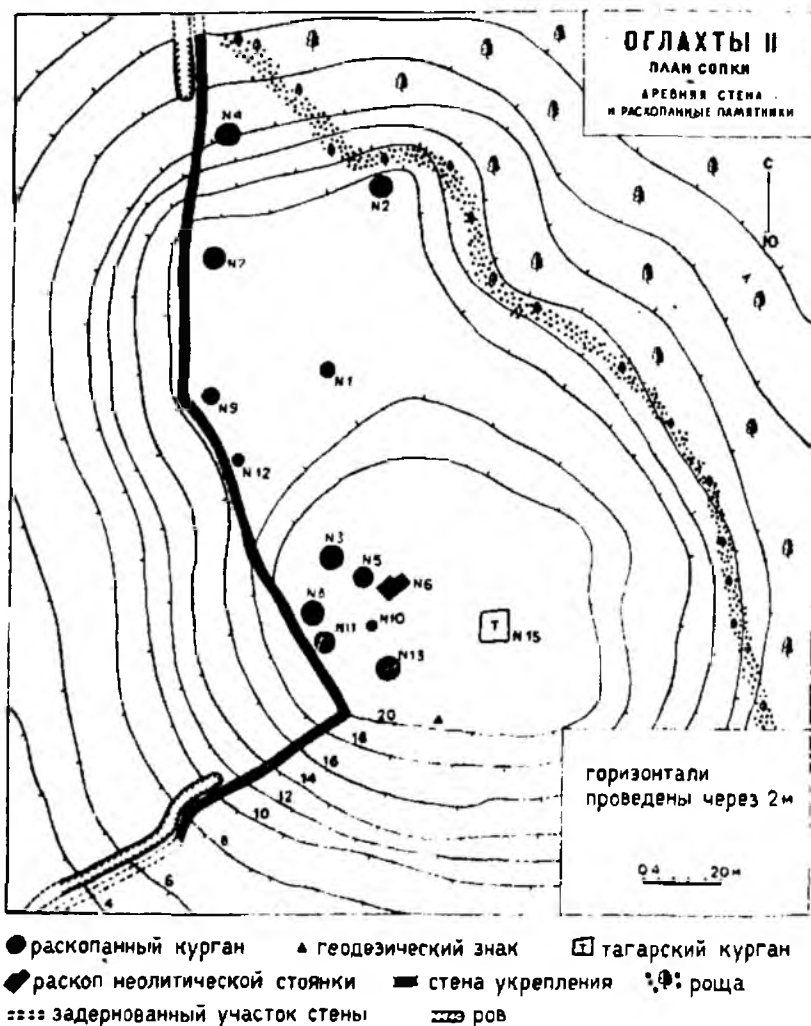

Рис. 4. Группа памятников на сопке Оглахты II в Оглахтинской крепости на левом берегу Енисея

Затем был развернут раскоп 6,5×6,5 м, в который вписалось все каменное сооружение (рис. 5). Стратиграфические условия следующие — современный дерн толщи-

наружены на слое погребенного дерна или углублены в него. Ниже залегает монолитная скала.

У юго-восточных плит обнаружены черепки однотипных сосудов

(нах. 2 и 3; рис. 5), у самого юго-восточного борта — обломок гладкого венчика и черепки (нах. 4),

вый наконечник стрелы (нах. 6; рис. 7, 2), обломок трубчатой кости животного, а к юго-западу от

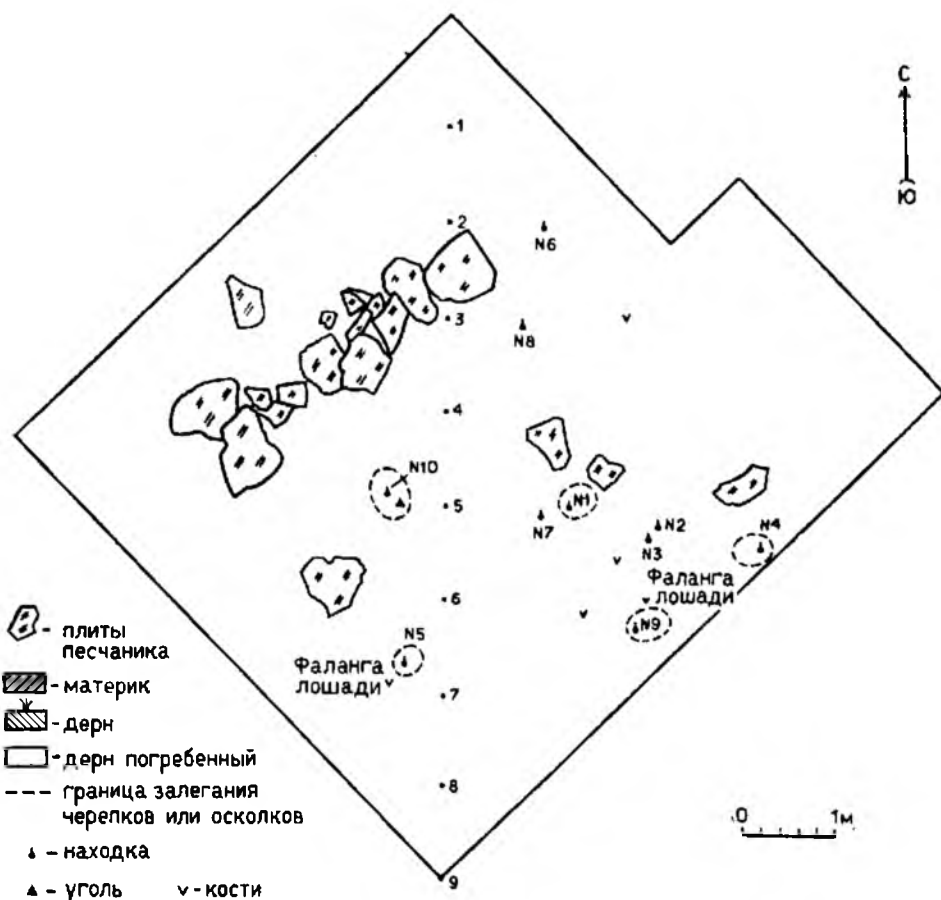

Рис. 5. Остатки неолитического жилища и находки в нем. Оглахты II, раскоп 6

фаланга лошади, обломок лопатки барана и обломки гладкостенного сосуда (нах. 9). Ближе к южному углу раскола залегала еще одна фаланга лошади, и на глубине 0,6 м — обломки гладкого сосуда с утолщенным венчиком (нах. 5; рис. 6, 1). У северо-восточной стенки обнаружены сломанный кремне-

них — черепки гладкого сосуда и обломок другого горшка с просверленным отверстием (нах. 8; рис. 6; 3). Почти в центре каменной выкладки найдено много мелких кремневых сколов, кусочек древесного угля, а также концевой скребок с двумя фасетками крутой ретуши (нах. 10; рис. 8, 4). К востоку от

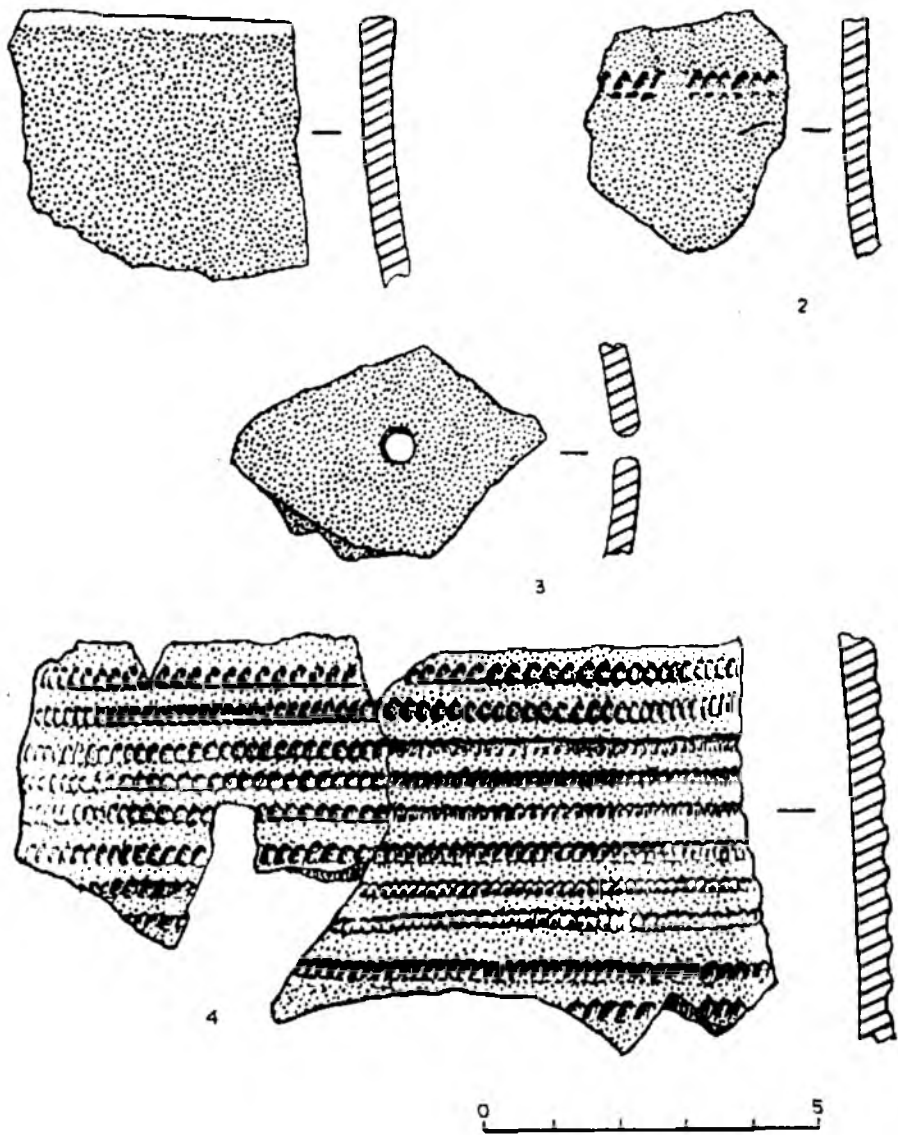

Рис. 6. Обломки глиняных неолитических сосудов со стоянки Оглахты II, раскоп 6

них лежали два скола из кремня и кварцита (нах. 7; рис. 5).

Объект № 10 — несколько плиток лежали плашмя, образуя округлую выкладку в 6 м к юго-

западу от объекта № 6 (рис. 9). Под плитками (на глубине 0,22 м) в центре найден древесный уголек, в 2 м к югу (на глубине 0,17 м) обнаружен черепок неолитического со-

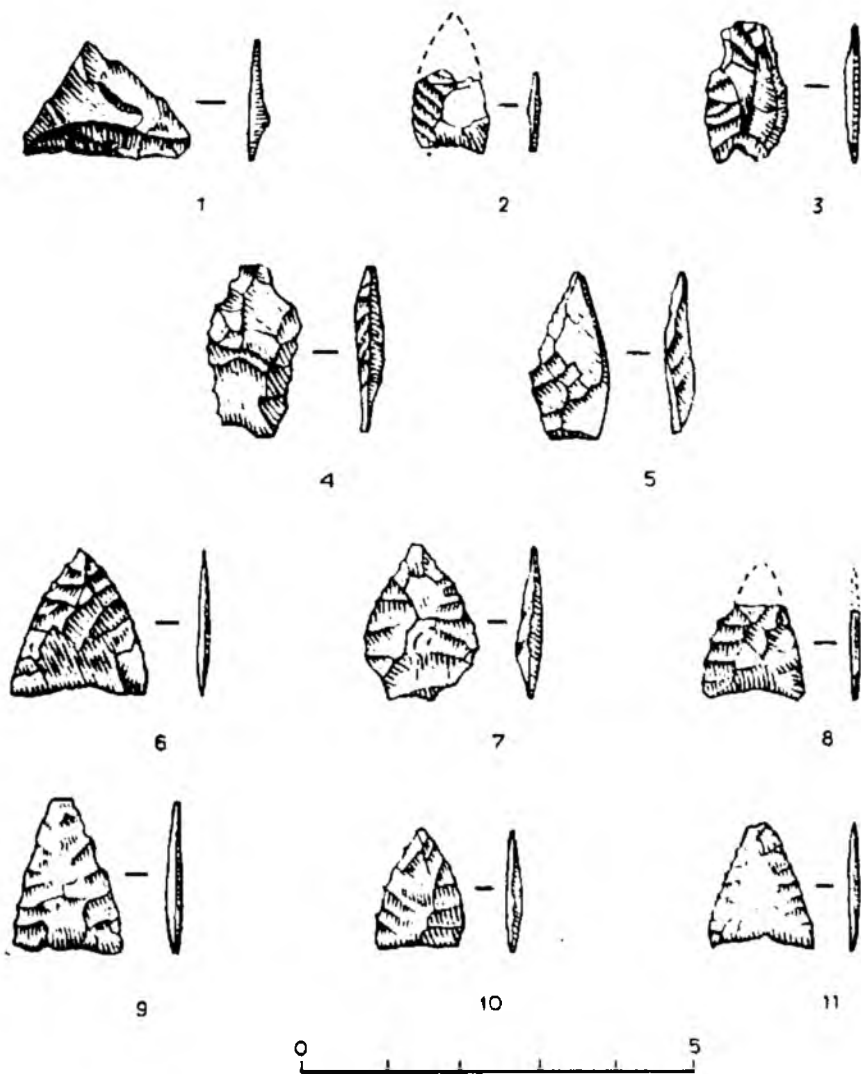

Рис. 7. Скол и каменные наконечники стрел со стоянок Оглахты II (1—3) и Оглахты III (4—11, под курганом 4)

суда с орнаментом (нах. 1; рис. 6, 2 и 9).

Следы кратковременной стоянки эпохи неолита на сопке Оглахты II проявились и в том, что отдельные кремневые предметы обнаружены во вторичном переотложенном состоянии в насыпях раскопанных

здесь средневековых курганов. Так, в кургане № 5 обнаружен наконечник стрелы (рис. 7, 3), в кургане № 11 — скол, в кургане № 13 — обломок ножа из черного кремня (рис. 7, 1), в кургане № 15 — отщепы. Вероятно, на этой сопке следовало бы снять дерн на большой

площади для выявления других остатков жилищ или производственных мастерских.

Следы неолитической стоянки обнаружены и на соседней сопке Ог-

из черного кремня (рис. 8, 1, 3), в кургане № 2 — ножевидная пластинка (рис. 8, 2), в кургане № 3 — кусок кремня со следами откалывания и отщепы; в кургане № 6 —

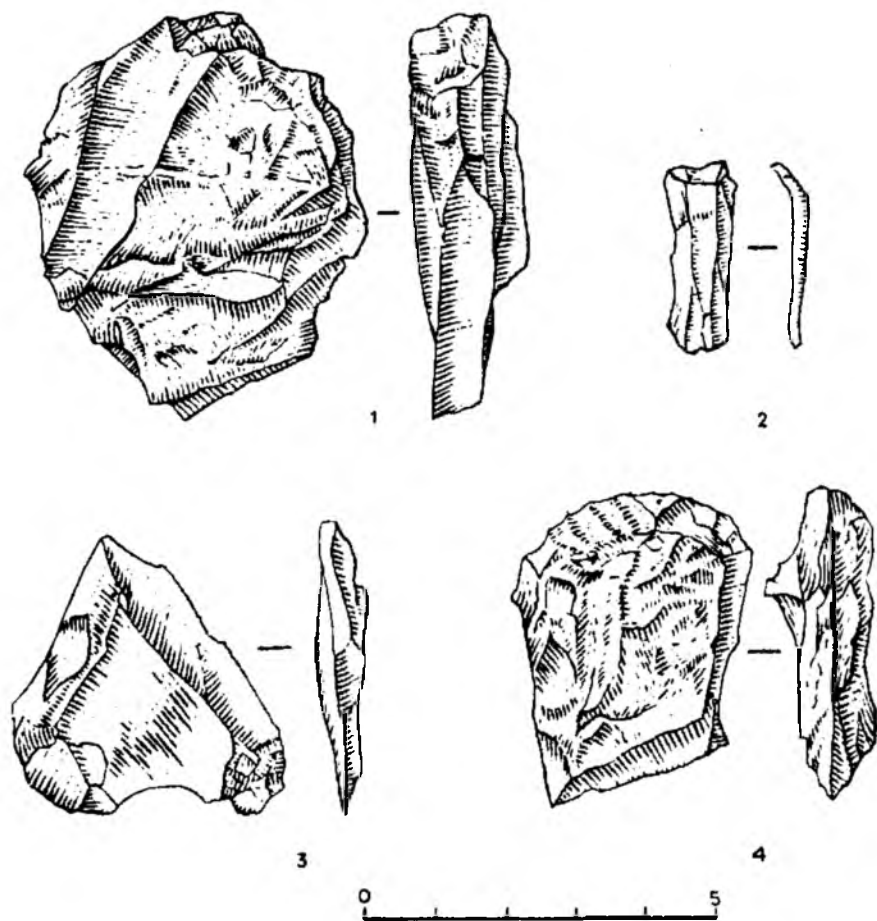

Рис. 8. Каменные орудия со стоянок Оглахты II (4) и III (1—3). 4 — из раскопа 6; 1, 3 — из кургана 4 Оглахты III

лахты III, расположенной в 800 м к северо-северо-западу от Оглахты II. Здесь в насыпях средневековых курганов найдены многочисленные предметы и керамика неолита (рис. 10). В кургане № 1 — сколы

обломки неолитического сосуда; в кургане № 7 — большое скопление мелких фрагментов посуды (46 обломков); в кургане № 8 — наконечник стрелы из кварцита, в кургане № 9 — кремневый наконечник стрелы

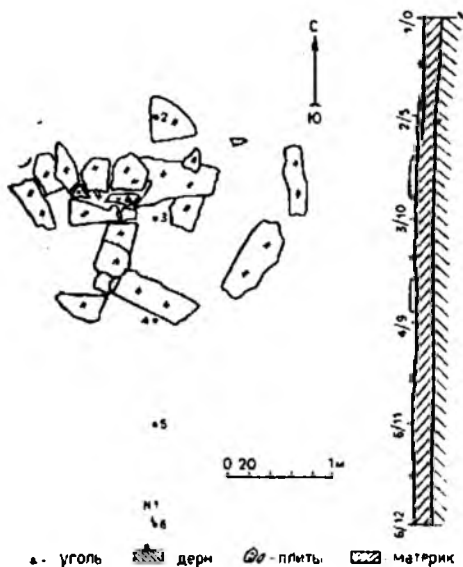

Рис. 9. План объекта 10 стоянки Оглахты II (остатки жилища)

лы (рис. 11, 5), в кургане № 12 — скребок (рис. 10).

Насыпь кургана № 4 вообще перекрывала неолитическую стоянку и была развернута нами в раскоп (рис. 12). Здесь обнаружено свыше 150 фрагментов неолитических сосудов четырех типов по орнаменту: 1) с треугольными оттисками, 2) с гребенчатым штампом, 3) с нарезным украшением, 4) с оттиском «шагающей лопаточкой». Кроме того, здесь найдено свыше 8 наконечников стрел из кремня, ножевидные пластинки, скребки, большое количество сколов и отщепов (рис. 7, 4—11).

Кремневые и кварцевые предметы (призматический нуклеус, сколы и т. п.) были обнаружены также при осмотре проложенной плугом через вершину сопки борозды, предохраняющей березовую рощу северного склона сопки от огня при сжигании сухого травостоя по весне. Эти находки позволяют за-

ключить, что вся вершина сопки Оглахты III также использовалась для кратковременных стоянок неолитических охотников.

Характер каменного инвентаря и керамика обеих стоянок, одинаковые условия залегания материала, а также незначительное расстояние между ними позволяют с достаточным основанием считать Оглахты II и Оглахты III единовременным местонахождением. Рассмотрим подробнее материалы каждой из стоянок.

Оглахты II, объект № 6. Всего найдено 64 экземпляра каменного инвентаря. Среди них три отщепов средних размеров — два из кремня черной окраски и один из мелкокристаллической породы темно-серого цвета — с ретушью и следами сработанности. Все они несут на себе негативы предыдущих сколов (см. табл. 1).

Таблица 1
Размеры отщепов, в мм

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
O ₂ 6/2	28	16	5
O ₂ 6/5	26	22	11
O ₂ 6/6	24	20	9,5

Имеются также два отщепов из серого кварцита без ретуши, с сохранившимися ударными площадками. У одного из них (№ O₂ 6/7) видна ярко выраженная «бюльба» (см. табл. 2).

Таблица 2
Размеры отщепов, в мм

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
O ₂ 6/3	26	21	4,5
O ₂ 6/7	22	19	3

Кроме того, собрано 56 мелких осколков и чешуек из кварцита и кремня, образовавшихся в результате подправки нуклеусов в процессе работы.

дий весь имеющийся в их распоряжении камень, а не только лучшую качественную часть породы.

На объекте № 6 найдены два миниатюрных, изготовленных из отще-

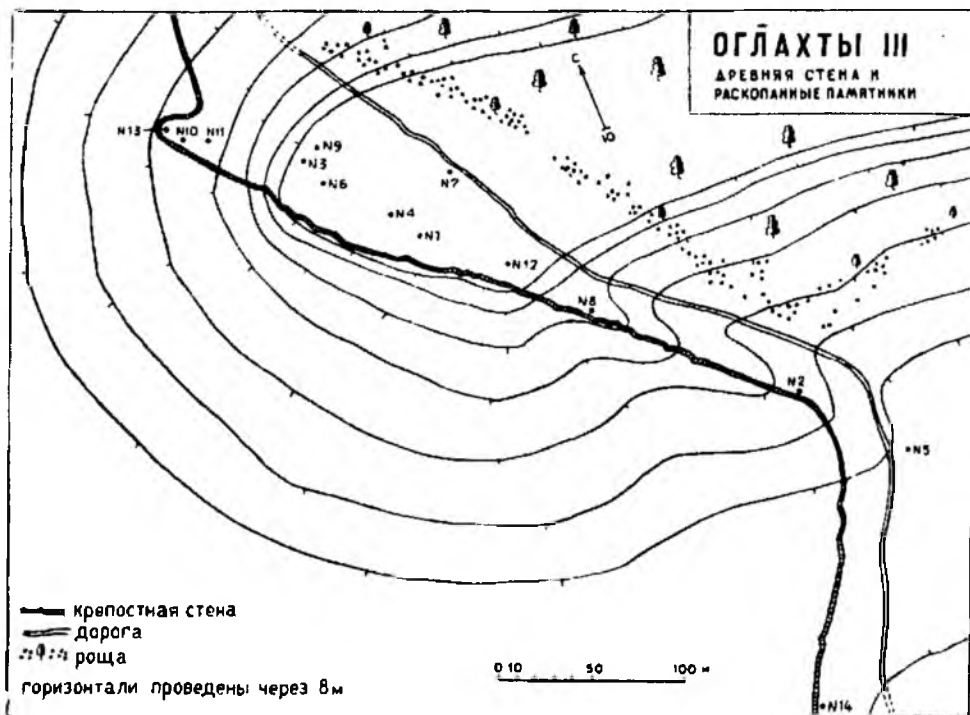

Рис. 10. Группа памятников на сопке Оглахты III в Оглахтинской крепости на левом берегу Енисея

К числу законченных отдельных орудий относится концевой скребок с высоким рабочим краем (№ О₂ 6/4), изготовленный из темно-серого кварцитового отщепы, размером 39×34×12 мм (рис. 8, 4). Рабочий край скребка оформлен ретушью с крупными широкими фасетками. Со стороны спинки сохранились участки коры выветривания и известковый натек, что свидетельствует о стремлении обитателей стоянки использовать для производства ору-

па наконечника стрел миндалевидной формы с легкой выемкой в основании. Поверхность наконечников обработана ретушью с неглубокими фасетками: на одном экземпляре (№ О₂ 6/1 — рис. 7, 2) она противоположная, а на другом (№ О₂ 6/9 — рис. 7, 3) — покрывает всю поверхность. Сырьем для изготовления наконечников в обоих случаях служили отщепы из кремня черного цвета. Они имеют следующие размеры (в мм) (см. табл. 3).

Таблица 3

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
O ₂ 6/1	11	9	2
O ₃ 6/9	17	11	2

Керамическая коллекция, собранная на объекте № 6, включает в себя 140 фрагментов от четырех сосудов. Сосуды вылеплены вручную ленточным способом; обжиг их равномерный, без пятен. Поверхность сосудов темно-коричневая.

Первый сосуд не орнаментирован. От него сохранилось 80 обломков,

из них 27 очень мелких. На одном фрагменте (рис. 6, 3) стенки имеют сквозное отверстие диаметром 5 мм. В тесто глины примешаны мелкий кварцитовый песок и, вероятно, измельченная кость. Поверхность хорошо заглажена, толщина стенок 5 мм. В числе обломков имеется 9 фрагментов венчика. Диаметр горла сосуда составлял 17,5 см. Венчик слегка отогнут, а край его уплощен и скошен наружу (рис. 6, 1).

От второго сосуда сохранились 3 обломка. Изготовлены также из теста с примесью песка. Внешняя поверхность залощена, а внутренняя

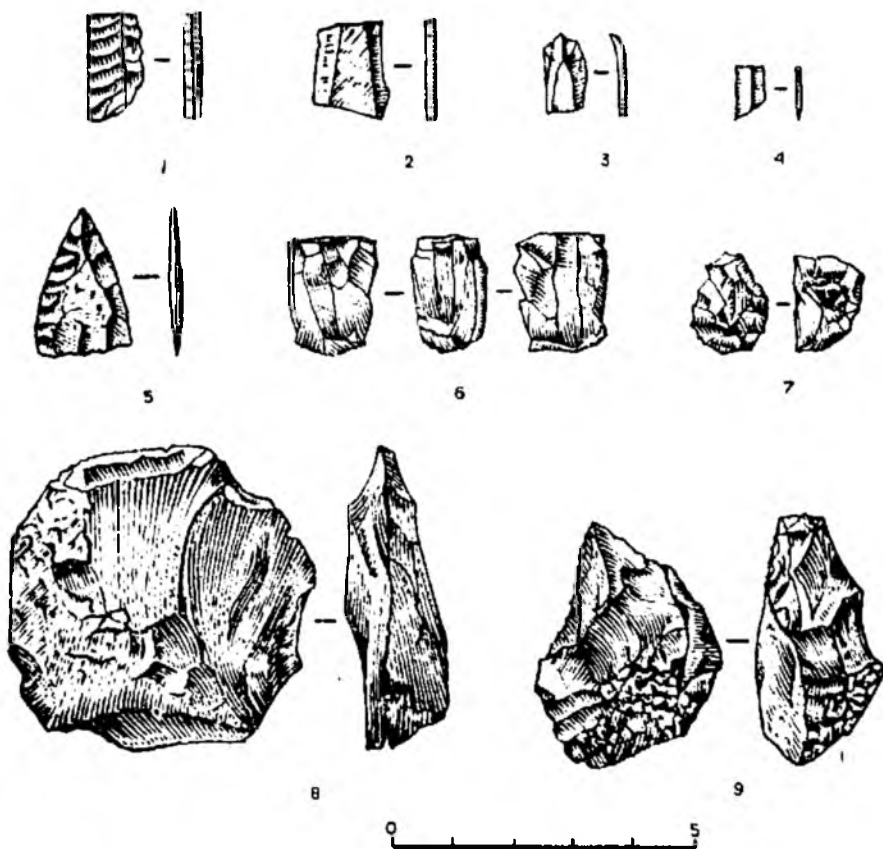
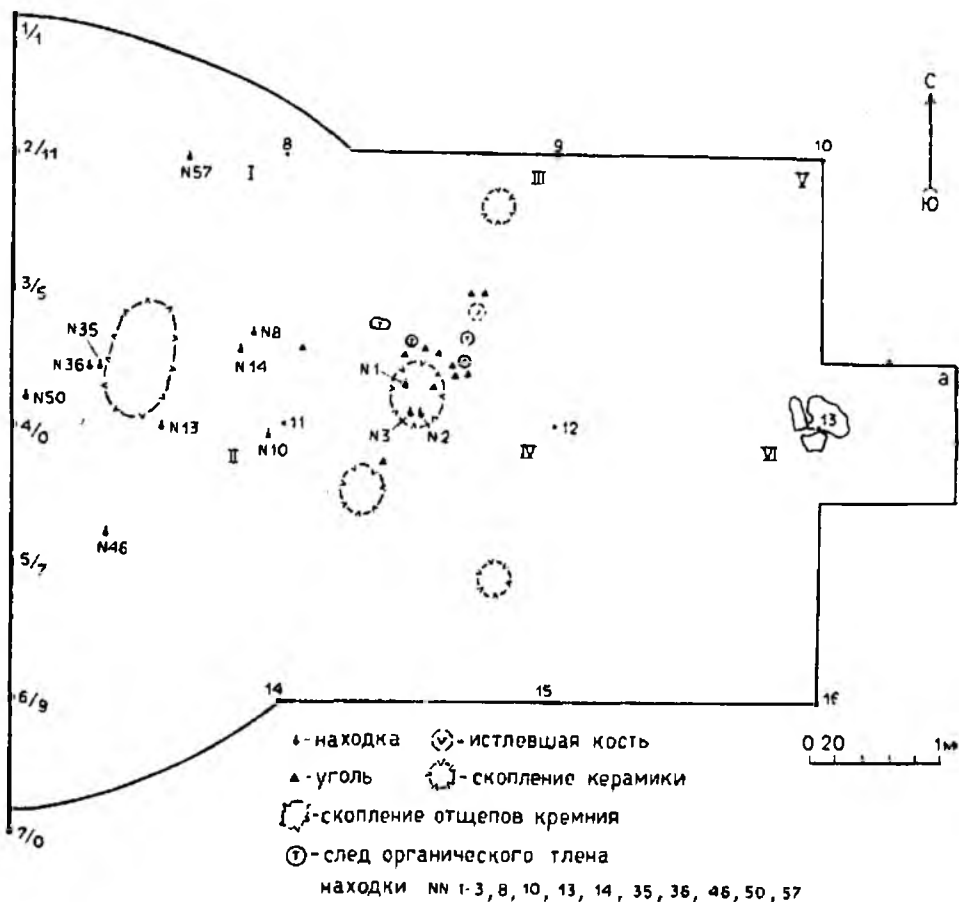

Рис. 11. Каменные предметы со стоянок Оглахты II (1) и III (2—9)

гладко затерта. Толщина фрагментов составляет 4 мм. Поверхность сосуда, по-видимому, была расчленена на отдельные орнаментальные зоны параллельными линиями, со-

Полосы нанесены 2—3 рядами от тисков палочек. От третьего сохранились 15 фрагментов. Расстояние между рядами оттисков составляет 3 мм (рис. 6, 4). Тесто содержит в

Примечание: из находок, сделанных в курганной насыпи, на план нанесены только находки, относящиеся к неолитическому времени

Рис. 12. Раскоп у кургана № 4 на стоянке Оглахты III

ставленными из 2—3 рядов оттисков штампа.

Третий и четвертый сосуды были полностью орнаментированы параллельными горизонтальными полосами, опоясывающими все их тулово.

качестве примеси песок и толченую кость. Поверхность гладко затерта, а толщина стенок равна 5 мм.

Четвертый сосуд (42 обломка) орнаментирован отпечатками, нанесенными без отрыва палочки от его

поверхности. Промежуток между орнаментальными рядами равен 3 мм. Тесто содержит в качестве отощителя мелкий песок. Толщина стенок — 4 мм.

Обломок неолитического сосуда, найденный в насыпи кургана № 10, имеет тонкие стенки, вылеплен из теста с добавлением мелкого песка (рис. 6, 2). Поверхность гладко затерта. Орнамент в виде прямого пояса из оттисков гребенчатого штампа с овальными зубцами. В кургане № 11 найден поперечный скол с нуклеуса из желтовато-серой мелкокристаллической породы. Размеры скола $20 \times 18 \times 17$ мм. В насыпи кургана № 13 обнаружен кремневый отщеп ($18 \times 16 \times 3$ мм) черного цвета. Одна сторона покрыта мелкой ретушью (рис. 7, 1).

Раскопки на стоянке Оглахты III дали следующие результаты. В кургане № 1 оказалась массивная заготовка каменного орудия, по-видимому, скребка (№ О₃ 1/50). Длина — 47, ширина — 46, толщина — 16,5 мм. В качестве материала использована мелкокристаллическая порода черного цвета (рис. 8, 1). Здесь же найдены крупный отщеп (№ О₃ 1/51) из кварцита и два мелких (№ О₃ 1/52а, О₃ 1/52б) из

Таблица 4

Размеры отщепов, в мм

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
О ₃ 1/51	34	26	7,5
О ₃ 1/52а	17	16	6
О ₃ 1/52б	19	18	4

кварцита черного цвета без следов вторичной обработки, а также кремневый поперечный скол с нуклеуса (№ О₃ 1/52в) (см. табл. 4).

В насыпи кургана № 2 обнаружена кремневая пластина желтого цвета (№ О₃ 2/148 — рис. 8, 2). Со стороны спинки на пластине имеются три негатива предыдущих сколов (рассматриваемый экземпляр может быть отнесен к разряду пластин с трапециевидным сечением). Длина пластины — 26, ширина — 8, толщина — 2 мм. В кургане № 3 найден нуклеус из черного кремня ($27 \times 35 \times 12$ мм) с негативами на выпуклой стороне. Под насыпью кургана № 4 расчищена часть слоя стоянки. Здесь собрано 66 образцов каменной индустрии (рис. 12). Это главным образом мелкие кварцитовые чешуйки темно-серого цвета (42 экз.) и отщепы из того же материала (15 экз.). На одном отщепе ($26 \times 9 \times 2,5$ мм) из черного кварцита имеются ретушь и следы сработанности.

Здесь же обнаружены 6 миниатюрных наконечников стрел (рис. 7, 6—11): 5 экземпляров с выемкой в основании (№ О₃ 4/21, О₃ 4/20, О₃ 4/22, О₃ 4/23, О₃ 4/24) и один экземпляр (№ О₃ 4/19) — с прямым основанием. Все наконечники стрел относятся к типу треугольных, за исключением экземпляра № О₃ 4/22, который имеет миндалевидную форму (рис. 7, 7). У двух наконечников (№ О₃ 4/20, О₃ 4/23) боковые стороны прямые, у остальных же — слегка выпуклые. Наконечники обработаны ретушью с широкими фасетками, характерной для большинства каменных изделий Оглахтинских стоянок. В качестве материала для их изготовления использованы отщепы — в трех случаях из черного кварцита (№ О₃ 4/19, О₃ 4/21, О₃ 4/24), в одном (№ О₃ 4/23) — из мелкокристаллической породы светло-коричневого цвета и в двух случаях из кремния — белой (№ О₃

4/22) и желтой окраски (№ О₃ 4/20). (см. табл. 5).

Таблица 5
Размеры наконечников стрел, в мм

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
О ₃ 4/19	15	11	2,5
О ₃ 4/21	18	17	2,4
О ₃ 4/20	18	14	2,1
О ₃ 4/22	19	15	3,5
О ₃ 4/23	15	14	2
О ₃ 4/24	13	13	2

Кроме того, в числе находок имеются два экземпляра заготовок наконечников стрел (№ О₃ 4/25, О₃ 4/26). Материалом, как и для законченных наконечников стрел, описанных выше, служили отщепы, в данном случае из серого кварцита (рис. 7, 4, 5). (см. табл. 6).

Таблица 6
Размеры заготовок, в мм

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
О ₃ 4/25	21	10	3,5
О ₃ 4/26	22	11	4

Наибольшее число находок керамики приходится на участок стоянки под курганом № 4: 260 фрагментов от пяти лепных сосудов, изготовленных из глины с примесью песка.

135 обломков (95 из них маленькие) относятся к сосуду № 1 с гладко затертыми стенками, сравнительно хорошо обожженному. Толщина стенок — 5 мм. Венчик сосуда отогнут, край его слегка приострен и скошен наружу. Диаметр горла сосуда составлял 19 см (рис. 13, 1—3, 5, 6; сосуд № 1). По-

верхность покрыта рядами оттисков крупного скобчатого штампа. Ряды образовали геометрические фигуры, которые из-за фрагментарности обломков остались неопределенными. Пространство внутри фигур осталось незаполненным. На одном обломке отверстие диаметром 5 мм.

87 мелких фрагментов принадлежат сосуду, вылепленному из рыхлого теста с примесью песка. Сосуд обожжен слабо и неравномерно (черепок в изломе двухцветный). Толщина стенки — 4 мм. Орнамент — ряды «С»-образных оттисков овального штампа, выполненных с нажимом на одну сторону. Расстояние между орнаментальными рядами составляет 5 мм (сосуд № 2).

В числе находок — 25 обломков сосуда с пористыми стенками красновато-коричневого цвета (фрагменты в изломе двухцветные). Толщина стенок — 5 мм. Венчик отогнут наружу, а край его закруглен. Диаметр горла составляет 10 см. Поверхность украшена елочным орнаментом, выполненным неглубокими отпечатками гребенчатого штампа с треугольными зубцами; орнаментальные линии состояли из двух рядов этих оттисков (рис. 13, 4; рис. 14, 1; сосуд № 3).

Три фрагмента относятся к хорошо обожженному сосуду с аккуратно заглаженными стенками толщиной в 5 мм. Поверхность сосуда украшена орнаментом, нанесенным узкой «гладкой качалкой» (рис. 14, 3; сосуд № 4). Есть еще 10 гладких обломков незначительного размера. Они принадлежат хорошо обожженному (излом черепка одноцветный) тонкостенному сосуду — толщина 5 мм. В тесте заметна примесь песка и измельченных костей. В кургане № 6 найдено 3 облом-

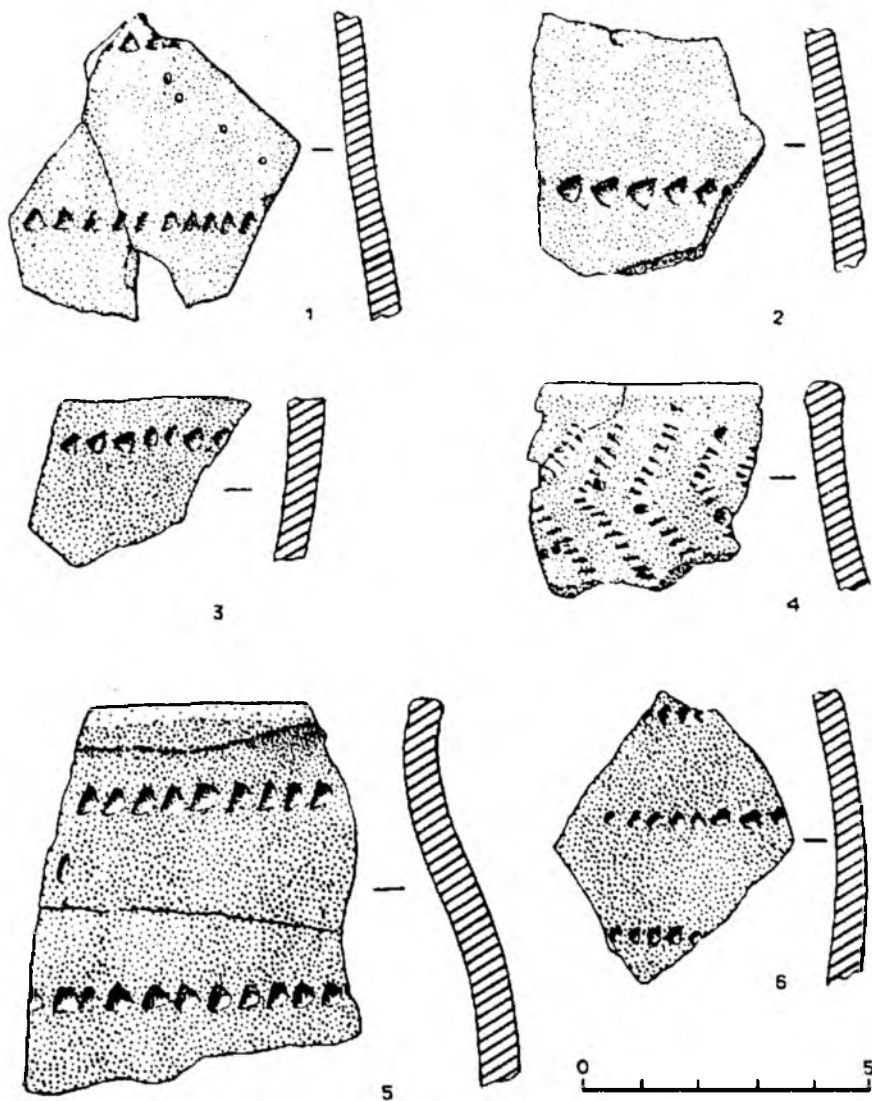

Рис. 13. Обломки сосудов у кургана № 4 на стоянке Оглахты III (4 — от сосуда 3, остальные — от сосуда 1)

ка, принадлежащих неорнаментированному сосуду, изготовленному ленточным способом. Тесто из глины с примесью мелкого песка. Поверхность сосуда гладко затертая, однако признаков заглаживания оп-

ределенным предметом (травой, ложилком) не наблюдается. Обжиг хорошего качества — черепок в изломе одноцветный; поверхность сосуда темно-коричневого цвета, без пятен. Толщина стенок — 4 мм. В

кургане № 7 42 обломка одного сосуда. Тесто глины имеет примесь крупного кварцевого песка. Поверхность небрежно заглажена тра-

рокой «гладкой качалки» (рис. 14, 2, 4, 5). В насыпи кургана № 8 обнаружен обломок наконечника стрелы из светло-серого кварцита.

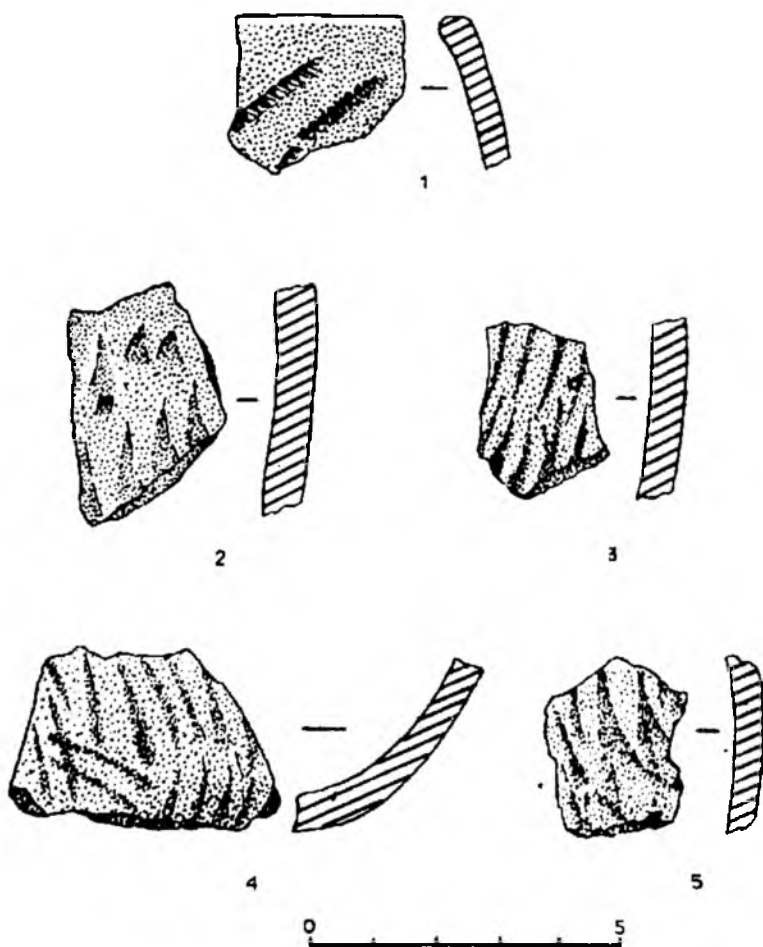

Рис. 14. Обломки сосудов у кургана № 4 (1, 3) и кургана 7 на стоянке Оглахты III (1 — от сосуда 3; 3 — от сосуда 4)

вой. Обжиг неравномерный, толщина стенок — 6 мм. Фрагмент венчика столь незначителен по размерам, что выяснить его форму и определить диаметр горла невозможно. Покрывает орнаментом в виде ши-

Он является единственным экземпляром наконечника, изготовленного из пластины (№ О₃ 8/56 — рис. 11, 1). Длина — 16,5, ширина — 9, толщина — 2,5 мм; поверхность обработана крупной ретушью.

В кургане № 9 найден наконечник стрелы треугольной формы с прямым основанием и слегка выпуклыми боковыми сторонами (№ О₃ 9/65 — рис. 11, 5), обработанный ретушью с плоскими фасетками; наконечник из кварцитового отщепя серого цвета (23×15×2 мм). В насыпи кургана № 12 оказался крупный отщеп светло-серого цвета с частично сохранившейся корой выветривания (№ О₃ 12/66). На краях отщепя видны следы сработанности. Длина — 43, ширина — 31, толщина — 15 мм. Интересные находки получены при сборе подъемного материала из дерновины, вывернутой плугом при опаживании березовой рощицы. Среди них — два кремневых нуклеуса, отличительные особенности которых позволяют получить новые данные для определения характера каменной индустрии Оглахтинских стоянок. Оба нуклеуса предназначались для скалывания пожевидных пластин. Первый из них (№ О₃ п. м./57) — призматический, одноплощадочный. Ударная площадка (14×9 мм) образована одним крупным сколом, снятие пластин с нее производилось почти по всему периметру. Нуклеус относится к категории односторонних; плоскость скалывания у него выпуклая, занимает более половины диаметра нуклеуса и покрыта многочисленными узкими негативами предыдущих сколов (ширина 1,5—4,5 мм). Противоположная сторона нуклеуса уплощена несколькими сколами. Высота его равна 20 мм (рис. 11, 6). Второй нуклеус (№ О₃ п. м./58 — рис. 11, 7) — клиновидный, также с односторонним ограничением. Сторона, противоположная плоскости скалывания, покрыта желвачной коркой. Ударная площадка носит следы подправки мелкими сколами;

размеры ее — 15×12 мм. Высота нуклеуса 11 мм, ширина негативов сколов колеблется от 3,5 до 1,5 мм.

Сколы нуклеусов в коллекции из сборов подъемного материала представлены пятью небольшими отщепами и тремя пластинами. Имеется также 10 экземпляров мелких чешуек из кварцита серой окраски (см. табл. 7).

Таблица 7

Отщепы имеют следующие размеры (в мм):

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
О ₃ п. м./63а	22	15	3,1
О ₃ п. м./63б	18	11	2,5
О ₃ п. м./64в	18	14	3,4
О ₃ п. м./65г	20	10	2
О ₃ п. м./66д	14	12	2,5

Пластины из кварцита серого цвета не отретушированы, но несут следы вторичной обработки (имеется в виду применение техники сечения). Поперечный разрез двух из них (№ О₃ п. м./61б, О₃ п. м./60 — рис. 11, 2) имеет форму трапеции, третья же пластина (№ О₃ п. м./61а — рис. 11, 3, 4) в разрезе представляет собой треугольник. Размеры пластин (в мм) (см. табл. 8).

Таблица 8

№ по описи	Длина	Ширина	Толщина
О ₃ п. м./61а	7	6	1
О ₃ п. м./60	16	13	2
О ₃ п. м./61б	12	7	2

В состав коллекции из сборов входят два крупных орудия, изготовленных из речных галек (№ О₃ п. м./59, О₃ п. м./61 — рис. 11, 8, 9). Орудия оформлены крупными сколами, края их носят следы сработанности. На них сохранилась жел-

начная корка, а орудие за номером О₃ п. м./59 со стороны брюшка покрыто известковым натеком. Длина первого орудия — 49,5, ширина — 48,5, толщина — 15 мм; второго соответственно — 40×34×28 мм. Техническая характеристика: нуклеусы — 2 экз.; отщепы крупные — 1 экз.; отщепы средние — 17 экз.; отщепы мелкие — 13 экз.; пластины неретушированные — 4 экз.; чешуйки — 108 экз. Типологическая характеристика: из-

делия из пластин; фрагмент полностью отретушированного наконечника стрелы — 1 экз.; вкладыши без ретуши — 3 экз.; изделия из отщепов: скребки — 2 экз.; заготовка скребка — 1 экз.; скребловидное орудие — 1 экз.; полностью обработанные наконечники стрел — 3 экз.; частично обработанные наконечники — 6 экз.; заготовки наконечников стрел — 2 экз.; отщепы с ретушью — 5 экз. Всего 24 экз. (см. табл. 9).

Таблица 9

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклевид-обломки	Изделия	Всего		%
Кварцит	светло-серый	45	13	—	1	59	131	80,9
	темно-серый	56	9	—	4	69		
	черный	—	—	—	4	3		
Кремень	желтый	—	1	—	1	2	25	15,5
	белый	—	—	—	1	1		
	светло-серый	—	12	—	—	12		
	черный	—	6	1	2	9		
Кремнистый сланец	светло-серый	—	1	—	—	1	4	2,4
	темно-серый	—	1	—	—	1		
	черный	—	—	—	1	1		
	светло-коричневый	—	—	—	1	1		
Сланец	черный	—	—	—	1	1	2	1,2
	темно-зеленый	—	—	—	1	1		

2. Сарагаш

Благодаря разведкам Э. Р. Рыгдылона стало известно неолитическое поселение левобережья Енисея у д. Сарагаш. Здесь была собрана коллекция предметов, хранящаяся в Минусинском музее под

№ 9937. В статье Э. Р. Рыгдылона «Новые следы поселения каменного века в бассейне Среднего Енисея» говорится о находке на поселении Сарагаш «плохо сохранившейся керамики»¹, однако в коллекции

¹ МИА, 1953, № 39, с. 277.

музея фрагменты сосудов отсутствуют.

На поселении Сарагаш было обнаружено 27 каменных предметов, среди них небольшой нуклеидный обломок (18×16×12 мм), изготовленный из сланца светло-зеленого цвета. На поверхности обломка имеются негативы сколов-отщепов следующей величины: 8×12; 10×13; 6×14 мм. В состав коллекции входят 14 отщепов, из которых первичных — 5, кондиционных — 5, пластинчатых — 3 экземпляра. Во-

семь отщепов принадлежат к числу мелких: длина от 13 до 24, ширина от 9 до 18, толщина от 3 до 5 мм. Три отщепа имеют средние размеры: длина — 25—30, ширина — 15—22, толщина — 4—6 мм. Остальные три экземпляра относятся к разряду крупных. Длина — 31—40, ширина — 18—23, толщина — 5—7 мм.

В качестве сырья использовались кремль, глинистый сланец и кремнистый сланец различной окраски (см. табл. 10).

Таблица 10

Порода камня	Цвет	Отщепы			Всего	%	
		мелкие	средние	крупные			
Кремль	белый темно-зеленый	—	1	—	1	2	14,4
		1	—	—	1		
Глинистый сланец	черный светло-зеленый светло-коричневый	1	—	1	2	4	28,5
		—	—	1	1		
		1	—	—	1		
Кремнистый сланец	светло-серый черный светло-зеленый темно-зеленый	2	—	—	2	8	57,1
		2	—	1	3		
		1	—	—	1		
		—	2	—	2		

Кроме того, имеются 8 мелких осколков и чешуек: 5 — из кремнистого сланца светло-зеленого цвета, 2 — из кварцита светло-серой окраски и один — из глинистого сланца черного цвета. В качестве сырья для производства орудий использовались и речные гальки. В состав коллекции входят одна целая галька и два обломка, на которых имеются негативы сколов с раковистым изломом. Длина гальки равна 82, ширина — 57, толщина — 40 мм. Размеры обломков: 42×37×15 мм и 44×32×16 мм. Единственным орудием, обнаружен-

ном на поселении Сарагаш, является черешковый наконечник стрелы удлинённых пропорций, изготовленный из сланцевого отщепа белого цвета. Жало и черешок наконечника обломаны. Длина фрагмента наконечника — 19, ширина — 10, толщина — 3,5 мм. Вся поверхность его обработана ретушью с широкими округлыми фасетками.

В статье Э. Р. Рыгдылона «Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея» среди находок, обнаруженных на поселении Сарагаш, упоминается

каменный шлифованный топорик и приводится рисунок этого орудия², но в коллекции Минусинского музея его нет.

Техническая характеристика: нуклеидный обломок — 1 экз.; отщепы крупные — 3 экз.; отщепы сред-

ние — 3 экз.; отщепы мелкие — 8 экз.; чешуйки — 8 экз.; гальки — 1 экз.; обломки галек — 2 экз.

Типологическая характеристика: изделия из отщепов; фрагмент наконечника стрелы, полностью обработанного, — 1 экз. (см. табл. 11).

Таблица 11

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклеид. обломки	Изделия	Всего	%	
Кварцит Кремень	светло-серый	2	—	—	—	2	7,4	
	белый	—	1	—	—	—	—	
	темно-зеленый	—	1	—	—	2	7,4	
Кремнистый сланец	белый	—	—	—	1	1	17	63
	светло-серый	—	2	—	—	2		
	темно-серый	—	1	—	—	1		
	черный	—	2	—	—	2		
	светло-зеленый	5	3	—	—	8		
темно-зеленый	—	3	—	—	3			
Глинистый сланец	черный	1	2	—	—	3	6	22,2
	светло-зеленый	—	1	1	—	2		
	светло-коричневый	—	1	—	—	1		

3. Бутрахты

В 1961 г. Я. И. Сунчугашевым на второй надпойменной террасе р. Таштып, левого притока Абакана, собрана коллекция неолитических каменных орудий. Каменные изделия найдены «на пашне, расположенной на правом берегу речки Бутрахты, в 300 м к востоку от деревни того же названия и в 1—2 км от правого берега реки Таштып»³. Это 27 каменных предметов,

изготовленных в большинстве своем из кремнистого сланца черного цвета. Среди них 2 нуклеуса — призматический и клиновидный. Призматический относится к одноплощадным. Скальвание пластины производилось с одной из граней; ширина негативов сколов-пластин равняется 3—8 мм. Ударная площадка нуклеуса уплощена и имеет подквадратную форму (26×28 мм). Высота нуклеуса — 33, ширина — 29, толщина — 26 мм.

Второй нуклеус, клиновидный, имел меньшие размеры — 25×21×12 мм. Ударная площадка прямоугольной формы (19×11 мм) носит следы «подправки» мелкими поперечными ударами. Ширина негативов сколов с нуклеуса равна 3—

² МИА, 1953, № 39, с. 277 и 279 (рис. 2—15).

³ Сунчугашев Я. И. О находке кремневых орудий на р. Таштып. Рукопись, с. 1. Коллекция хранится в Хакасском НИИЯЛИ в г. Абакане.

4 мм. Снятие пластин с нуклеуса, так же как и в первом случае, производилось лишь на одной из граней, остальные грани оформлены поперечными сколами. Имеются еще два обломка, по-видимому, от нуклеусов призматической формы. Длина первого обломка — 27, ширина — 22, толщина — 6 мм; размеры второго экземпляра — 28×17×7 мм. Ширина негативов сколов с поверхности обломков нуклеусов 5—9 мм и 4—6 мм. В состав коллекции входят 20 экз. отщепов средних размеров, из них один отщеп с ретушью и один пластинчатый.

Сырьем для производства орудий служили речные гальки, о чем свидетельствуют несколько небольших

галек со следами использования. Из галечного скола был, по-видимому, изготовлен и асимметричный кремневый нож, напоминающий по форме ангарские ножи для разделки рыбы. Длина ножа равна 45, ширина — 33, толщина — 7 мм.

Техническая характеристика: нуклеусы — 2 экз.; обломки нуклеусов — 2 экз.; отщепы средние — 20 экз.; галька — 2 экз.

Типологическая характеристика: изделия из отщепов; отщеп с ретушью — 1 экз.; изделия из галечных сколов; нож — 1 экз.

Таковы известные нам материалы, происходящие с неолитических поселений, обнаруженных на енисейском левобережье.

Неолитические поселения на правобережье Енисея

1. Кызыкуль (хак. Хызыл кол)

В 1969 г. Н. В. Леонтьевым на восточном берегу озера Кызыкуль (Минусинский район) открыто поселение эпохи неолита и собран подъемный материал, состоящий из образцов каменной индустрии и обломков глиняной посуды. Культурный слой отсутствует¹.

Найден 201 каменный предмет. В их числе — два нуклеидных обломка, на поверхности которых сохранились негативы многочисленных сколов-отщепов. В качестве сырья использован кремнистый сланец: в первом случае коричневого цвета, а во втором — зеленого (раз-

меры $35 \times 20 \times 10$ мм, $30 \times 21 \times 13,5$ мм). В состав коллекции входят сколы двух типов: отщепы и пластины. Отщепов 65 экземпляров. Среди них 11 кондиционных отщепов (на 8 отщепах нанесена ретушь). Во всех случаях ретушь мелкая, с неглубокими круглыми фасетками. 37 отщепов можно отнести к разряду мелких (размерами $15-20 \times 6-15 \times 1,5-5$ мм). Имеется также 12 отщепов средней величины (размерами $25-30 \times 17-22 \times 3-5$ мм) и 16 экземпляров крупных отщепов (размерами $31-46 \times 17-25 \times 3-7$ мм). В качестве сырья использовались кварц, кварцит, кремнь, кремнистый сланец и сланец различной окраски (см. табл. 12).

Пластин найдено 7. У трех из них сечение имеет треугольную форму и у четырех — трапециевидную. У

¹ Коллекция хранится в МКМ, № 9986.

Породы камня, использованные для изготовления орудий

Порода камня	Цвет	Отщепы			Всего		%
		мелкие	средние	крупные			
Кварц	серый	3	—	—	3		4,61
Кварцит	светло-серый	—	—	1	1	34	52,3
	темно-серый	18	7	8	33		
Кремень	серый черный зеленый	3	—	—	3	10	15,38
		1	—	—	1		
		3	1	2	6		
Кремнистый сланец	коричневый	—	—	2	2		3,08
Сланец	светло-зеленый	9	3	3	15	16	24,63
	темно-коричневый	—	1	—	1		

одной пластины удалена концевая часть; остальные 6 обломков представляют собой проксимальные части пластин. Этот факт свидетельствует о широком применении техники сечения. Ретушь на пластинах отсутствует. В качестве сырья в трех случаях использовался кремень черного цвета, остальные пластины изготовлены из кварцита: светло-серого (1 экз.), темно-серого (2 экз.) и черного (1 экз.). Размеры пластин колеблются от 8 до 19 мм в длину, от 5 до 7 мм в ширину, от 1 до 2 мм в толщину.

В состав коллекции входят 115 мелких чешуек, отслоившихся в процессе изготовления орудий. В основном это чешуйки из кварцита темно-серой окраски (100 экземпляров). Имеется также 7 чешуек из серого кремня, 6 из светло-зеленого сланца и 2 из белого кварцита. Из законченных орудий найден концевой скребок подквадратной

формы, изготовленный из кремневого отщепа зеленой окраски с частично сохранившейся желвачной корой. Высокий рабочий край скребка оформлен ретушью с широкими неглубокими фасетками, а затем подправлен ретушью с мелкими фасетками округлой формы. Длина скребка равна 25, ширина — 24, толщина — 13,5 мм.

Среди находок имеются фрагменты четырех каменных орудий. Один из них (№ 9986-14) представляет собой обломок крупного режущего орудия, напоминающего ангарские асимметричные кремневые ножи для потрошения рыбы². Орудие было изготовлено из кварцитового отщепа черного цвета. Рабочие края его обработаны отжимной ретушью

² Семенов С. А. Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений. — МИА, 1945, № 2, с. 206, рис. 9, 10.

с широкими плоскими фасетками и носят следы длительного использования (длина — 30, ширина — 27, толщина — 9 мм). Остальные 3 экземпляра являются обломками орудий с режущими краями. Определить форму и функциональные назначения их не представляется возможным (см. табл. 13).

Таблица 13
Размеры обломков, в мм

№	Длина	Ширина	Толщина
1	20	12	3
2	17	9	2,5
3	18	14	4,5

Для изготовления этих орудий использован в одном случае сланец светло-зеленой окраски и в двух случаях — кремнистый сланец серого и коричневого цвета. Рабочие края орудий обработаны двухсторонней ретушью, фасетки мелкие, неглубокие или более крупные. На поселении у озера Кызыкуль найдены шесть наконечников стрел, из них 4 экземпляра целые (№ 9986-7, 9986-8, 9986-9, 9986-10), а 2 наконечника представлены фрагментами (№ 9986-11, 9986-12). Все наконечники стрел изготовлены из отщепов, 2 из них (№ 9986-9, 9986-11) относятся к частично обработанным, поверхность же остальных экземпляров полностью обработана отжимной ретушью.

1. № 9986-7. Наконечник миндалевидной формы, изготовлен из кварцитового отщепа темно-серой окраски. Поверхность изделия обработана ретушью с широкими плоскими фасетками, края отделаны заостряющей ретушью (33×10×4,5 мм).

2. Заготовкой второму наконечнику (№ 9986-8) служил отщеп из

темно-серого кварцита. Форма вытянуто-треугольная, боковые стороны прямые, в основании имеется небольшая выемка. Наконечник обработан ретушью с неглубокими широкими фасетками (33×16×2 мм).

3. Наконечник стрелы треугольной формы с глубокой выемкой в основании (№ 9986-10). Боковые стороны прямые; кончик острия и шипы обломаны. Использован сланец светло-коричневого цвета (17×16×2 мм).

4. Четвертый экземпляр (№ 9986-9) отделан краевой ретушью с округлыми фасетками. Имеет форму треугольника с прямыми боковыми сторонами: основание прямое, шипы отсутствуют. Изготовлен из кремневого отщепа черной окраски (16×12×1,4 мм).

На берегу оз. Кызыкуль поднято еще два обломка наконечников стрел. Первый из них (№ 9986-11) выполнен из кварцитового отщепа черного цвета, обработан краевой ретушью с широкими неглубокими фасетками. Форма вытянутого треугольника с прямыми основанием и боковыми сторонами (15×14×2,5 мм).

Второй обломок (№ 9986-12) из кремня светло-зеленой окраски. Поверхность наконечника обработана отжимной ретушью (14×8×3,5 мм).

Из шести наконечников стрел 2 экземпляра имеют миндалевидную форму, а 4 — треугольную. Среди последних можно выделить следующие варианты (см. табл. 14).

В коллекции есть одна заготовка наконечника стрелы. Это кремневый отщеп желто-коричневого цвета (25×18×7 мм). Техническая характеристика: нуклевидные обломки — 2 экз., отщепы мелкие — 37 экз., отщепы средние — 12 экз.,

Таблица 14

Форма	Основание	Стороны	Количество
Треугольная	прямое	прямые	—
		выпуклые	1
Треугольная	с выемкой	прямые	1
		выпуклые	—
Вытянуто треугольная	прямое	прямые	1
		выпуклые	—
	с выемкой	прямые	1
		выпуклые	—

крупные — 16 экз., чешуйки — 100 экз., неретушированные пластины — 7 экз., (см. табл. 15).

На Кызыкуле обнаружено 14 фрагментов керамики, принадлежащих восьми сосудам. Все они были изготовлены вручную, ленточным способом, из глины с примесью песка (пять сосудов) или измельченной травы (три сосуда). Стенки аккуратно затерты, на двух обломках изнутри есть следы заглаживания гребенчатым штампом. Обжиг неравномерный: на стенках пятна. Все обломки, за исключением трех, имеют двухцветный излом. Собраны обломки венчиков от шести сосудов. Диаметры горловин их 10, 14, 16, 17, 17,5 и 19 см.

Четыре обломка относятся к сосудам с прямыми стенками. У двух сосудов стенки слегка сужались ко дну. Венчики делались прямыми (2 экз.) или отогнутыми наружу (3 экз.). У одного сосуда венчик был загнут внутрь. Края венчиков в двух случаях уплощены, в трех —

закруглены и однажды край венчика скошен внутрь. Толщина стенок колеблется от 5 до 9 мм.

Все обломки орнаментированы. Можно выделить следующие типы орнаментов: гребенчатый (1), накольчатый (2), ямочно-накольчатый (2) и гусеничный (3). В последнем случае узор состоял из образующих прямые линии оттисков гребенчатого штампа с мелкими острыми зубцами. Оттиски нанесены с нажимом на одну сторону. Расстояние между орнаментальными линиями — 10 мм.

На первом из двух сосудов с накольчатым узором (два фрагмента венчика и один обломок стенки) тонкой палочкой нанесен узор в виде елки и косых штрихов, а на втором перекрещивающиеся отпечатки штампа образуют рисунок, напоминающий густую сетку.

Ямочно-накольчатый тип орнамента оказался на двух сосудах: орнаментальная плоскость ограничена одним или двумя рядами небольших круглых ямок (диаметром 4 мм), заполнена вертикально или же наклонно расположенными оттисками штампа — палочки с квадратным сечением. Расстояние между линиями оттисков 4 мм.

Последний тип орнамента — гусеничный — украшал 3 сосуда (обломки венчиков): 1) по горловине сосуда нанесен ряд наклонно расположенных отпечатков штампа. Ниже орнаментального пояса расположен узор в виде елки, выполненный оттисками того же штампа; 2) в промежутке между двумя «елками», нанесенными гусеничным штампом, расположены три ряда оттисков, выполненных штампом-палочкой с квадратным концом; 3) вся поверхность сосуда была покрыта рядами оттисков гусеничного штампа. Край вен-

Таблица 15

Породы камня, использованные для изготовления орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки и осколки	Сколы	Нуклеусы и нуклеид. обломки	Изделия	Общее кол-во		%
Кварц	белый	2	—	—	—	2	5	2,43
	серый	—	3	—	—	3		
Кварцит	светло-серый	—	2	—	—	2	142	71,04
	темно-серый	100	35	—	2	137		
	черный	—	1	—	2	3		
Кремень	серый	7	3	—	—	10	23	11,4
	черный	—	4	—	1	5		
	зеленый	—	5	—	2	7		
	коричневый	—	—	—	1	1		
Кремнистый сланец	серый	—	—	—	1	1	6	2,98
	зеленый	—	—	1	—	1		
	коричневый	—	2	1	1	4		
Сланец	светло-зеленый	6	15	—	1	22	25	12,15
	светло-коричневый	—	—	—	1	1		
	темно-коричневый	—	1	—	1	2		

чика украшен наклонными оттиска-ми того же штампа. По горлу сосуда с внешней и внутренней стороны нанесен поясok из глубоких круглых ямок (диаметр их равен 7—8 мм). Промежуток между ямками равен 23 мм.

2. Бузунова

Близ д. Бузуновой Э. Р. Рыгдылоном была собрана коллекция каменных орудий эпохи неолита, состоящая из 192 предметов³.

В числе находок 4 нуклеидных обломка, на поверхности которых имеются многочисленные негативы

³ Хранится в МКМ, № 9935.

от сколов-отщепов. Использован сланец светло-зеленого (2 экз.) и белого (1 экз.) цвета и кварцит светло-серой окраски (1 экз.) (см. табл. 16).

Таблица 16

Размеры нуклеидных обломков, в мм

№	Длина	Ширина	Толщина
1	35	26	19
2	30	24	10
3	36	30	18
4	34	26	22

В состав коллекции входят сколы двух типов — отщепы и пластины. Отщепов найдено 74 экземпляра, из них 16 являются пластинчатыми, и 7 — кондиционными (см. табл. 17).

Таблица 17
Размеры отщепов, в мм

Отщепы	Длина	Ширина	Толщина
Мелкие 54 экз.	14—24	8—20	2—9
Средние 16 экз.	25—30	7—20	2—10
Крупные 4 экз.	34—37	16—24	3—10

Сырьем для них служили кварцит, кремь и сланец (см. табл. 18). Пластин собрано 26 экземпляров. У двенадцати сечение имеет треугольную форму, у тринадцати — трапециевидную и у одной — пятигранную. Шесть целых пластин, 9 — сечения (на одном сечении имеется односторонняя ретушь, нанесенная со стороны брюшка), 4 — концевые части и

7 — проксимальные части пластин.

В качестве сырья использовались кремь, сланец и кремнистый сланец различной окраски. Размеры пластин: 10—20×5—9 мм, толщина от 1 до 3 мм. Еще найден продольный скол с нуклеуса из сланца светло-зеленого цвета и 80 мелких чешуек из различных пород камня: халцедона зеленого цвета (1 экз.), кварцита темно-серой окраски (8 экз.), кремня белого (4 экз.), черного (3 экз.) и темно-зеленого цвета (29 экз.), а также сланца черной (21 экз.) и светло-зеленой окраски (14 экз.).

В состав коллекции входят 5 орудий — 4 целых и 1 фрагмент.

1. Орудие подтреугольной формы со скобелевидным высоким краем,

Таблица 18

Породы камня	Цвет	Отщепы			Всего	%	
		мелкие	средние	крупные			
Кварц	светло-серый	13	—	—	13	17,57	
Кварцит	светло-серый	—	2	—	2	2,7	
Кремь	черный	—	—	1	1	17	22,97
	светло-зеленый	—	—	2	2		
	темно-зеленый	6	7	—	13		
	светло-коричневый	1	—	—	1		
Сланец	светло-серый	8	2	—	10	42	56,76
	темно-серый	—	—	1	1		
	черный	26	4	—	30		
	темно-коричневый	—	1	—	1		

изготовленное из крупного отщепа (кварцит темно-серого цвета). Ретушь, типичная для изделий из этой породы камня, имеет широкие плоские фасетки и покрывает всю поверхность орудия.

Возможно, это орудие одновременно использовалось и в качестве скребка: край, противоположный скобелевидному рабочему краю, обработан мелкой ретушью (37×35,5×17 мм).

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклеид обломки	Изделя	Всего		%
Халцедон	темный	1	—	—	—	1	1	0,52
Кварц	светло-серый	—	13	—	—	13	13	6,77
Кварцит	светло-серый	—	2	1	—	3	12	6,25
	темно-серый	8	—	—	1	9		
Кремень	белый	4	—	—	—	4	56	29,18
	светло-серый	—	—	—	2	2		
	черный	3	1	—	—	4		
	светло-зеленый	—	2	—	—	2		
	темно-зеленый	29	14	—	—	43		
коричневый	—	1	—	—	1			
Кремнистый сланец	черный	—	1	—	1	2	7	3,64
	темно-зеленый	—	—	—	5	5		
Сланец	белый	—	—	1	—	1		
	светло-серый	—	15	—	2	17		
Сланец	темно-серый	—	1	—	—	1	103	53,64
	черный	21	31	—	2	54		
	светло-зеленый	14	11	2	1	28		
	коричневый	—	2	—	—	2		

2. Концевой скребок подквадратной формы, изготовленный из пластинчатого кремневого отщепа светло-серого цвета с частично сохранившейся желвачной корочкой. Высокий рабочий край оформлен несколькими продольными сколами и мелкой ретушью с глубокими округлыми фасетками (23,5×23 мм, толщина — 12 мм).

3. Концевой скребок овальной формы из галечного скола. На поверхности со стороны спинки имеются негативы предыдущих сколов. Рабочий край обработан ретушью

с мелкими фасетками округлой формы (44×25×9 мм).

4. Шлифованное тесло прямоугольной формы, изготовленное из сланца светло-серого цвета (97×59 мм, толщина — 13 мм). Одна боковая сторона тесла уплощена, а вторая — слегка выпуклая. Поперечное сечение имеет форму прямоугольника с округленными углами.

5. Обломок крупного концевго скребка подквадратной формы из светло-серого сланца. Закругленный рабочий край оформлен ретушью с широкими плоскими фасетками

Породы камня, использованные для производства орудий

Породы камня	Цвет	Отщепы			Всего		%
		мелкие	средние	крупные			
Кварцит	светло-серый	—	—	1	1	4	7,12
	темно-серый	2	1	—	3		
Кремень	белый	1	—	—	1	20	35,6
	светло-зеленый	13	1	3	17		
	темно-зеленый	2	—	—	2		
Кремнистый сланец	серый	6	—	—	6	14	25
	светло-зеленый	—	6	—	6		
	темно-зеленый	—	—	2	2		
Сланец	черный	3	11	—	14	18	32,28
	темно-зеленый	—	—	2	2		
	темно-коричневый	—	—	2	2		

(46×33×22 мм). Еще в коллекцию входят 80 мелких чешуек.

Технические данные: нуклеидные обломки — 4 экз.; отщепы мелкие — 54 экз., отщепы средние — 16 экз.; отщепы крупные — 4 экз.; продольный скол с нуклеуса — 1 экз.; пластины неретушированные — 25 экз.; пластины ретушированные — 1 экз.; обломки галек — 2 экз.; чешуйки — 80 экз. (см. табл. 19).

9 относятся к числу первичных отщепов, 9 являются кондиционными и 4 — пластинчатыми отщепами (см. табл. 21).

Таблица 21
Размеры отщепов, в мм

Отщепы	Длина	Ширина	Толщина
Мелкие — 27 экз.	14—24	10—19	2—7
Средние — 19 экз.	25—29	18—29	3—7
Крупные — 10 экз.	32—49	14—26	4—8

3. Потрошилова

На стоянке неолитического времени Э. Р. Рыгдылоном близ д. Потрошиловой в устье р. Тубы было найдено 66 каменных предметов⁴, большинство из которых (56 экз.) представляет собой кремневые, кварцевые и сланцевые отщепы (см. табл. 20).

⁴ Хранится в МКМ, № 9934.

Кроме того, имеются 6 крупных сланцевых продольных сколов с нуклеусов (длина 39—44 мм, ширина 32—41, толщина 11—12 мм) и одна крупная сланцевая пластина с треугольным сечением (25×12×3 мм). Найден обломок призматического нуклеуса, с вогнутой ударной площадкой. Нуклеус предназначен для снятия пластин (ширина негативов сколов колеблется в пределах 3—5 мм). Высота фраг-

мента нуклеуса — 18 мм, ширина — 16 мм, толщина — 6 мм. Сделан из черного сланца. Еще есть нуклевидный обломок из сланца темно-серой окраски, на всей поверхности которого имеются негативы сколов-отщепов (22×19×14 мм).

Единственным орудием из Потрошиловой стоянки является скребло, изготовленное из первичного скола с гальки (со стороны спинки на орудии сохранилась желвачная корка). Выпуклый рабочий край, обра-

ботанный крупной ретушью с плоскими фасетками, носит следы длительного использования (53×40 мм, толщина — 3 мм). Технические данные: нуклеус (фрагмент) — 1 экз.; нуклевидный обломок — 1 экз.; отщепы мелкие — 27 экз.; отщепы средние — 19 экз.; отщепы крупные — 10 экз.; пластина неретушированная — 1 экз.; продольные сколы с нуклеусов — 6 экз. Типологические данные: изделия из галек — 1 экз. (см. табл. 22).

Таблица 22

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклеовидные обломки	Изделия	Всего	%	
Кварцит	светло-серый	—	1	—	—	1	4	6,06
	темно-серый	—	3	—	—	3		
Кремень	белый	—	1	—	—	1	20	30,3
	светло-зеленый	—	17	—	—	17		
	темно-зеленый	—	2	—	—	2		
Кремнистый сланец	серый	—	6	—	—	6	15	22,72
	светло-зеленый	—	6	—	1	7		
	темно-зеленый	—	2	—	—	2		
Сланец	серый	—	2	1	—	3	27	40,92
	черный	—	15	1	—	16		
	темно-зеленый	—	6	—	—	6		
	темно-коричневый	—	2	—	—	2		

4. Каменная гора

В 4,5 км от устья р. Он на мысу гривы, называемой Каменной горой, во время раскопок тагарского кургана Э. Р. Рыгдылоном обнаружены неолитические каменные орудия в количестве 79 экз. «К сожалению, они найдены в насыпной земле, иначе говоря, не на том месте, где данные предметы были оставлены

людьми каменного века. Поиски первоначального залегания каменных предметов не увенчались успехом»⁵. В числе находок 4 нуклеуса (1 целый и 3 фрагмента).

1. Призматический одноплощадочный нуклеус из желтого халце-

⁵ Рыгдылон Э. Р. Отчет о краеведческом выезде в район д. Жеблахты 6 мая 1948 г. — Архив МКМ, оп. 1, дел. № 654, с. 5. Хранится в МКМ, № 9934.

дона предназначался для скалывания пластин. Вогнутая ударная площадка овальной формы (размеры ее 14×12 мм) обработана мелкими поперечными сколами и носит следы вторичной подправки. Ширина негативов сколов-пластин равняется 2—3 мм. Опорная площадка также имела овальную форму (15×17 мм). Высота нуклеуса — 22, ширина — 17, толщина — 12 мм. Остальные три нуклеуса изготовлены из сланца темно-серой окраски.

2. Фрагмент призматического нуклеуса имеет округлую ударную площадку (вогнутую). Обработана она несколькими поперечными сколами, следы вторичной подправки отсутствуют.

Размеры ударной площадки — 25×23 мм. Высота обломка нуклеуса — 13, ширина — 28, толщина — 22 мм.

3. Срединная часть клиновидного нуклеуса (ударная и опорная площадки удалены). Скалывание пластин производилось с одной грани нуклеуса, ширина негативов сколов 3—5 мм.

Размеры фрагмента 20×26×22 мм.

4. Продольный скол с нуклеуса. Использованная часть нуклеуса была удалена с целью его «подновления». На фрагменте негативы пластин шириной 3—5 мм. Размеры 25×17×7 мм. Кроме того, в рассматриваемой коллекции есть нуклеовидный обломок из кварцита светло-серого цвета (28×13×7 мм). На гриве Каменная гора собран 31 отщеп, из которых первичных — 3, кондиционных — 12 (с ретушью 4 экз.) (см. табл. 23, 24).

В числе находок 16 пластин, из них 8 целых, собственно ножевид-

Таблица 23

Породы камня, использованные для производства орудий

Породы камня	Цвет	Отщепы			Всего	%	
		мелкие	средние	крупные			
Кварц	светло-серый	2	—	—	2	6,45	
Кварцит	светло-серый	—	—	1	1	8	25,8
	темно-серый	2	5	—	7		
Кремень	черный	—	—	1	1	3	9,68
	светло-зеленый	1	—	1	2		
Кремнистый сланец	белый	—	2	1	3	11	35,47
	темно-серый	—	1	—	1		
	черный	3	1	—	4		
	светло-зеленый	3	—	—	3		
Сланец	черный	—	—	1	1	7	22,58
	светло-зеленый	—	2	—	2		
	сургульный	3	1	—	4		

Таблица 24

Величина отщепов колеблется в следующих пределах (в мм)

Отщепы	Длина	Ширина	Толщина
Мелкие 14 экз.	14—24	8—17	2—5
Средние 12 экз.	25—30	10—18	2—8
Крупные 5 экз.	32—40	17—28	4—8

ных пластин 7, проксимальных частей 1. Четыре имеют треугольное сечение, 10 — трапециевидное и 2 — пятигранное. Сделаны они из кремня и кварцита различных цветов. Размеры пластин: 9—28×4—9×1—3 мм. Кроме того, на гриве Каменная гора собрано 22 мелких чешуйки и осколка из различных пород камня: кварца светло-серого цвета (5 экз.), темно-серого кварцита (8 экз.), кремня черной (3 экз.) и светло-серой (2 экз.) окраски, а также из черного (3 экз.) и светло-зеленого (1 экз.) сланца. В состав рассматриваемой коллекции входят 5 орудий, 3 из них представлены фрагментами.

1. Наконечник стрелы треугольной формы с прямыми боковыми сторонами и выемкой в основании. Кончик острия и шипы обломаны. Поверхность обработана ретушью с глубокими, крупными фасетками. Сделан из кремнистого сланца светло-зеленой окраски. Размеры наконечника: 14×11×3 мм.

2. Скребок овальной формы из сланцевого отщепа черного цвета (со стороны спинки сохранилась желвачная корка). Струйчатая краевая ретушь нанесена по всему диаметру скребка и имеет плоские широкие фасетки (25×18×7 мм).

3. Обломок концевого скребка микролитического облика с высоким рабочим краем. Скребок имел, вероятно, прямоугольную или квад-

ратную форму. Сделан из кварцита светло-серого цвета (16×9×6,5 мм).

4. Фрагмент орудия, изготовленного из кремнистого сланца темно-коричневого цвета. Оно имело два рабочих края — со стороны спинки и со стороны брющка, оформленных противоположащей ретушью. Величина фрагмента 23×15×6 мм.

5. Обломок концевого скребка, выполненного на продольном сколе с нуклеуса из сланца серого цвета (длина обломка — 43×15×15 мм).

Технические данные: нуклеусы — 1 экз.; фрагменты нуклеусов — 3 экз.; нуклевидные обломки — 1 экз.; отщепы мелкие — 14 экз.; отщепы средние — 12 экз.; отщепы крупные 5 экз.; чешуйки — 22 экз.; пластины неретушированные — 16 экз. Итого (без чешуек) — 52 экз. Типологические данные. Изделия из пластин: вкладыши без ретуши — 7 экз.; изделия из отщепов: скребок концевой — 1 экз.; фрагменты скребков — 2 экз.; фрагмент скреблоподобного орудия — 1 экз.; наконечник стрелы, полностью ретушированный, — 1 экз.; отщепы с ретушью — 4 экз. Всего 16 экз. (см. табл. 25).

5. Казанцева

В районе д. Казанцевой, расположенной на берегу р. Он, Э. Р. Рыгдылоном была собрана небольшая коллекция неолитических каменных орудий, состоящая из 24 предметов⁶. Основную часть находок составляют отщепы (см. табл. 26).

Всего у д. Казанцевой было найдено 19 отщепов, из них 6 кондиционных и 1 пластинчатый (см. табл. 27).

⁶ Хранится в МКМ, № 9937.

Таблица 25

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Отщепы			Изделя	Всего		%
		мелкие	средние	крупные				
Халцедон	желтый	—	—	1	—	1		1,26
Кварц	светло-серый	5	2	—	—	7		8,86
Кварцит	светло-серый	—	3	1	3	7	25	31,63
	темно-серый	8	8	—	1	17		
	черный	—	1	—	—	1		
Кремень	светло-серый	2	—	—	—	2	8	10,12
	черный	3	2	—	—	5		
	светло-зеленый	—	1	—	—	1		
Кремнистый сланец	белый	—	3	—	—	3	13	16,5
	светло-серый	—	1	—	—	1		
	черный	—	4	—	1	5		
	светло-зеленый	—	3	—	—	3		
	коричневый	—	—	—	1	1		
Сланец	темно-серый	—	—	—	1	4	25	31,63
	черный	3	2	—	5	10		
	светло-зеленый	1	2	—	—	3		
	сургучный	—	6	—	—	6		
	светло-коричневый	—	1	—	1	2		

Таблица 26

Порода камня	Цвет	Отщепы			Всего		%
		мелкие	средние	крупные			
Кварцит	светло-серый	2	3	2	7	7	36,96
Кремнистый сланец	темно-серый	2	—	—	2	9	47,36
	черный	2	1	2	5		
	темно-зеленый	1	—	—	1		
	темно-коричневый	1	—	—	1		
Сланец	черный	—	—	1	1	3	15,78
	светло-зеленый	—	1	1	2		

Таблица 27
Размеры отщепов, в мм

Отщепы	Длина	Ширина	Толщина
Мелкие — 8 экз.	14—23	11—20	3—8
Средние — 5 экз.	25—29	7—27	4—10
Крупные — 6 экз.	32—47	15—27	3—10

Еще найден крупный скол с нуклеуса из сланца темно-коричневого цвета и наконечник стрелы треугольной формы с выемкой в основании. Боковые стороны наконечника прямые, острие и шипы обломаны, поверхность обработана ретушью с крупными фасетками. Сырьем для наконечника служил кварцитовый отщеп темно-зеленого цвета (22×14×4,5 мм).

В числе находок обломок крупного скребловидного орудия, изготовленного из кварцита темно-серой окраски (62×65×22 мм). Со сто-

роны спинки поверхность орудия обработана несколькими крупными сколами. Выпуклый рабочий край оформлен мелкой двусторонней ретушью с неглубокими овальными фасетками. Интересной находкой являются прямоугольные скребки из кремнистого сланца белой и светло-коричневой окраски:

1. Скребок прямоугольной формы, изготовлен из крупного отщепа. Со стороны брюшка и спинки три стороны скребка обработаны двусторонней ретушью с мелкими круглыми фасетками. Рабочие края несут следы длительного использования (26×20×5 мм).

2. Для изготовления второго скребка был использован утилизированный призматический нуклеус. На поверхности сохранились негативы пластин, снимавшихся с нуклеуса (ширина их 5—7 мм.). Размеры скребка — 22×17×7 мм. Технические данные: отщепы мелкие —

Таблица 28
Породы камня, использованные для производства орудий

Породы камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклевид обломки	Изделия	Всего	%	
Кварцит	светло-серый	—	7	—	—	7	9	37,6
	темно-серый	—	—	—	2	2		
Кремень	светло-коричневый	—	—	—	1	1	1	4,16
Кремнистый сланец	белый	—	—	—	1	1	10	41,6
	темно-серый	—	2	—	—	2		
	черный	—	5	—	—	5		
	темно-зеленый	—	1	—	—	1		
Сланец	темно-коричневый	—	1	—	—	1	4	16,64
	черный	—	1	—	—	1		
	светло-зеленый	—	1	—	—	1		

8 экз., отщепы средние — 5 экз., отщепы крупные 6 экз., продольный скол нуклеуса — 1 экз. Всего 20 экз.

Типологические данные. Изделия из отщепов: наконечник, полностью ретушированный, — 1 экз., скребок — 1 экз., скребловидное орудие — 1 экз., скребок из утилизированного нуклеуса — 1 экз. Всего 4 экз. (см. табл. 28).

6. Малая Минуса

Еще одна неолитическая стоянка была открыта Э. Р. Рыгдылоном недалеко от д. Малая Минуса, «на правой стороне дороги в д. Малая Иня, на юго-западном склоне невысокой гривы окаймлявшей когда-то водоем»⁷. Собрано 73 образца каменной индустрии. Среди них нуклеус-скребок сибирского типа из яшмы сургучного цвета. Вогнутая ударная площадка (12×18×12 мм) имеет прямоугольную форму. Ширина негативов нуклеуса: 1,5—4 мм. Рабочий край скребка оформлен двусторонней ретушью с крупными плоскими фасетками. Высота равна 33, ширина — 28, толщина — 15 мм. Кроме того, найдены нуклеовидный обломок из кремнистого сланца черного цвета и заготовка клиновидного одноплощадочного нуклеуса из кварцита светло-серой окраски (30×23×23 мм). Основным видом сколов в данном комплексе являются отщепы. Собрано 58 экз. отщепов, из них первичных — 9, пластинчатых — 3, кондиционных — 15. Большинство из них относится к разряду мелких (33 экз.), длина

этих отщепов варьирует в пределах 13—24 мм, ширина 12—20 мм, толщина 2—6 мм. 15 экз. имеют средние размеры: 25—30×8—21×6—10 мм. 10 отщепов относятся к числу крупных: 31—41×9—27×4—10 мм. Пластин найдено 7 экземпляров (целых — 6, проксимальных частей — 1). Три пластины имеют сечение треугольной формы и четыре — сечение трапециевидное. Размеры пластин: длина от 12 до 20 мм, ширина от 4 до 9 мм, толщина от 1,5 до 3 мм. В качестве сырья использованы: сланец черного (2 экз.), светло-серого (1 экз.) и сургучного (1 экз.) цвета; кварцит светло-серой окраски (2 экз.) и кремнь светло-зеленого цвета (1 экз.) (см. табл. 29).

Здесь же найдено два крупных галечных скола, на поверхности которых сохранилась желвачная кора. Размеры первого из них: 48×35×14 мм; размеры второго соответственно 52×34×17 мм. В состав данной коллекции входят фрагменты трех орудий — концевого скребка и двух ножей, изготовленных из крупных пластинчатых отщепов.

1. Обломок ножа из светло-зеленого кремня. Со стороны брюшка на орудии сохранилась бьюльба и раковистый излом. Рабочий край обработан двусторонней крупной ретушью.

2. Обломок ножа из темно-коричневого сланца. Невысокий рабочий край со стороны спинки оформлен ретушью с широкими фасетками овальной формы (29×27×7 мм).

3. Фрагмент концевого скребка из черного сланца. Со стороны спинки сохранилась кора выветривания (28×22×5 мм).

Технические данные: нуклеус-скребок сибирского типа — 1 экз.; заготовка нуклеуса — 1 экз.; нук-

⁷ Рыгдылон Э. Р. Дюнная стоянка в окрестностях г. Минусинска. — Архив МКМ, оп. 1, д. 650, с. 6. Коллекция хранится в МКМ, № 9932.

Таблица 29

Порода камня	Цвет	Отщепы			Всего	%	
		мелкие	средние	крупные			
Кварцит	светло-серый	1	—	—	1	7	12,06
	темно-серый	3	2	—	5		
	черный	—	—	1	1		
Кремень	светло-зеленый	3	1	—	4		6,9
Кремнистый сланец	белый	1	—	—	1	38	65,51
	светло-серый	4	—	—	4		
	светло-зеленый	8	8	7	33		
Сланец	светло-серый	—	—	1	1	9	15,53
	черный	3	4	1	8		

Таблица 30

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешушки	Сколы	Нуклеусы и нуклев. обломки	Изделия	Всего	%	
Яшма	сургучный	—	—	1	—	1	1	1,37
Кварцит	светло-серый	—	3	1	—	4	10	13,69
	темно-серый	—	5	—	—	5		
	черный	—	1	—	—	1		
Кремень	светло-зеленый	—	5	—	1	6		8,21
Кремнистый сланец	белый	—	1	—	—	1	41	56,19
	светло-серый	—	4	—	—	4		
	черный	—	2	1	—	3		
	светло-зеленый	—	33	—	—	33		
Сланец	светло-серый	—	1	—	—	1	15	20,54
	черный	—	10	—	—	11		
	светло-зеленый	—	1	—	—	1		
	сургучный	—	1	—	—	1		
	темно-коричневый	—	—	—	1	1		

левидный обломок — 1 экз.; отщепы мелкие — 33 экз.; отщепы средние — 15 экз.; отщепы крупные — 10 экз.; пластины неретушированные 7 экз.; сколы с галек — 2 экз. Всего 70 экз. Типологические данные. Изделия из отщепов: фрагменты ножей — 2 экз., фрагменты скребка концевого — 1 экз. (см. табл. 30).

7. Саянская

На выдувах в районе д. Саянской обнаружены три тесловидных орудия, которые Э. Р. Рыгдылон определяет как «острые концы мотыгообразных орудий (корнекопалок?)»⁸. «Корнекопалки» изготовлены из зеленоватого (№ 9937-1 и № 9937-2) и бордового (№ 9937-3) диабазы. Поверхность несет на себе негативы многочисленных сколов, боковые грани орудий оформлены заостряющей двусторонней ретушью. Одна из сторон у «корнекопалок» выпуклая, а вторая уплощена одним сильным ударом. В поперечнике орудия имеют форму неправильного ромба. Размеры их в (мм) (см. табл. 31).

Таблица 31

№	Длина	Ширина	Толщина
9937-1	113	58	31
9937-2	91	56	25
9937-3	54	38	17

⁸ Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века. — МИА, № 39. М.—Л., 1953, с. 283. Хранится в МКМ, № 9937.

8. Ильинка

На «обширных дюнах, расположенных на высокой террасе (12—15 м), возвышающейся над займищем у д. Ильинка, на правой стороне р. Тубы, на южной стороне дороги, идущей по сосновому лугу»⁹, найдено 7 изделий из камня. Этого недостаточно для определения характера каменной индустрии памятника, но находки у д. Ильинки заслуживают внимания. В состав коллекции входят 3 клиновидных нуклеуса (2 целых и 1 фрагмент).

1. Нуклеус № 9934-32. Ударная площадка вогнутая, подтреугольной формы (15×19 мм), обработана поперечными мелкими сколами и носит следы вторичной подправки. Скалывание пластин производилось с одной из граней, остальные обработаны поперечными ударами. Ширина негативов пластин — 35 мм. Опорная площадка «заострена» несколькими сколами, что характерно для нуклеусов-скребков, однако ретушь и следы сработанности на опорной площадке отсутствуют. Сырьем для нуклеуса послужил сланец зеленоватого цвета (сохранились желвачная кора и известковый натек). Высота нуклеуса — 30, ширина — 30,5, толщина — 18 мм.

2. Нуклеус № 9934-34. Вогнутая ударная площадка (15×21 мм) имеет трапецевидную форму. Опорная площадка «заострена». Нуклеус изготовлен из сланца темно-зеленой окраски, на одной из его граней имеется желвачная кора (27×22×20 мм). Ширина негативов сколотых пластин — 2—4 мм.

⁹ Рыгдылон Э. Р. Отчет по Тубинской экспедиции 1948 года. — Архив МКМ, д. 651, с. 14. Коллекция хранится в МКМ, № 9934.

3. Обломок нуклеуса № 9934-33 (нижняя часть его удалена поперечным ударом). Ударная площадка вогнутая, прямоугольной формы (размеры ее — 10×14 мм), носит следы вторичной подправки. Снятие пластин производилось с одной из граней нуклеуса, ширина негативов 2—4 мм. Остальные боковые грани уплощены, на их поверхности нет следов предыдущих сколов. Это отличает данный нуклеус от двух предшествующих. Сырьем явился кремнистый сланец светло-зеленой окраски. Среди находок есть еще боковой скребок миндалевидной формы, изготовленный из кремнистого сланца черного цвета. Вся поверхность его со стороны брюшка и спинки обработана ретушью с крупными плоскими фасетками округлой формы. Рабочие края скребка (противолежащие) оформлены ретушью с фасетками меньших размеров и более глубокими (42××28×8 мм).

У д. Ильинки найден обломок и какого-то крупного орудия, функциональное назначение которого неясно (9934-35). Рабочий край его обработан несколькими сколами и,

по-видимому, отретуширован. Из-за полной утилизации орудия утверждать последнее с уверенностью нельзя. Орудие сделано из сланца светло-коричневого цвета (42×37××17,5 мм). Еще есть два наконечника стрел из черного роговика, отличающихся от наконечников других неолитических памятников тщательностью отделки и являющихся образцами высокого уровня развития каменной индустрии. Один из них (9934-30) имеет миндалевидную форму. Основание его прямое. Поверхность обработана ретушью с широкими глубокими фасетками, а края — мелкой отжимной ретушью с круглыми фасетками (33×17××4 мм).

Второй наконечник принадлежит по форме к числу наконечников «кельтеминарского» типа. Его поверхность покрыта струйчатой ретушью (26×10×2 мм).

Технические данные: нуклеусы — 2 экз.; обломки нуклеусов — 1 экз.

Типологические данные. Изделия из отщепов: скребок боковой — 1 экз.; фрагмент орудия — 1 экз.; наконечники стрел, полностью обработанные, — 2 экз. (см. табл. 32).

Таблица 32

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклеид. обломки	Изделия	Всего	%	
Роговик	черный	—	—	—	2	2	28,55	
Кремнистый сланец	черный светло-зеленый	— —	— —	— 1	1 —	1 1	2	28,55
Сланец	светло-зеленый темно-зеленый светло-коричневый	— — —	— — —	1 1 —	— — 1	1 1 1	3	42,9

9. Пункт X

В 1946 г. экспедицией Минусинского краеведческого музея под руководством П. Е. Чернявского были открыты две неолитические стоянки, зафиксированные в отчете как стоянки десятая и семнадцатая.

Стоянка X находится «справа по дороге из с. Иджа на с. Каптырево, в 10 км от с. Иджа»¹⁰. Здесь найдены 27 образцов каменной индустрии и 1 мелкий обломок сосуда. Среди каменных предметов имеется клиновидный одноплощадочный нуклеус, предназначенный для снятия пластин (ширина негативов пластин равна 2—4 мм). Вогнутая ударная площадка нуклеуса (размеры ее — 12×18 мм) носит следы вторичной подправки. Снятие пластин производилось с одной из граней. На двух других гранях име-

ются негативы сколов-отщепов. Нуклеус из сланца светло-коричневого цвета (32×25×17 мм).

В коллекцию входят два нуклеидных обломка; поверхность их несет следы сколов-отщепов. Размеры первого обломка 22×18×14 мм; второго обломка — 29×21×13 мм. Сырьем послужили халцедон розового цвета и кварцит темно-серой окраски. Еще есть два продольных сланцевых скола с нуклеуса. На одном из них со стороны спинки нанесена односторонняя краевая ретушь с мельчайшими фасетками.

На территории стоянки X было найдено 13 отщепов, в том числе один первичный (с желвачной корой) и пять кондиционных. Из 13—5 относятся к мелким (22—24×12—19×3—6 мм), 4 — к средним (26—29×14—18×4—11 мм), 4 — к крупным (34—37×10—30×4—8 мм). В качестве исходного сырья использовались следующие породы камня (см. табл. 33).

В коллекции имеется крупная пластина (33×12×13 мм) с трапециевидным сечением из сланца темно-коричневого цвета. В качестве

Таблица 33

Порода камня	Цвет	Отщепы			Всего	%	
		мелкие	средние	крупные			
Кремень	светло-зеленый	1	—	—	1	1	7,69
Сланец	черный	—	1	—	1	7	53,84
	светло-зеленый	2	1	—	3		
	светло-коричневый	1	—	—	1		
	темно-коричневый сургучный	—	—	1	1		
Кремнистый сланец	черный	—	2	1	3	5	38,47
	темно-зеленый	—	—	1	1		
	светло-коричневый	—	—	1	1		

¹⁰ Чернявский П. Е. Отчет результатов работ по обследованию и учету памятников материальной культуры в Шушенском и Минусинском районах Красноярского края экспедицией Гос. Музея в 1946 г. — Архив МКМ, оп. 1, д. 657, с. 4. Хранится в МКМ, № 9920.

сырья для производства орудий использовались и речные гальки — в коллекции имеются галька небольших размеров (74×60×20 мм) со следами обработки, а также 4 крупных галечных скола, на поверхности которых сохранились негативы сколов-отщепов (см. табл. 34).

Таблица 34
Размеры галечных сколов, в мм

№	Длина	Ширина	Высота
1	62	43	15
2	57	43	18
3	47	34	9
4	42	29	7

Из скола с гальки было изготовлено крупное скребловидное орудие овальной формы. Поверхность его обработана крупными поперечными сколами, а рабочий край оформлен ретушью с широкими плоскими фасетками (73×40×21 мм). Два других орудия (концевые скребки) выполнены из отщепов пластинчатых очертаний. Сырьем для них послужил сланец светло-зеленого и черного цвета. Рабочие края обоих скребков покрыты ретушью с мелкими плоскими фасетками округлой формы (см. табл. 35). Технические

Таблица 35
Размеры концевых скребков, в мм

№	Длина	Ширина	Толщина
1	35	17	5
2	46	25	7

данные: нуклеус — 1 экз.; нуклевидные обломки — 2 экз.; отщепы мелкие — 5 экз.; отщепы средние — 4 экз.; отщепы крупные — 4 экз.;

пластины неретушированные — 1 экз.; продольные сколы с нуклеуса — 2 экз., гальки целые — 1 экз.; обломки галек — 4 экз. Всего 24 экз. Типологические данные. Изделия из галек: скребловидное орудие — 1 экз. Изделия из отщепов: скребки концевые — 2 экз. (см. табл. 36).

На стоянке X найден небольшой фрагмент сосуда, вылепленного из глиняного теста с примесью мелко-го речного песка. Поверхность сосуда с внешней стороны залощена, а с внутренней — «расчесана» зубчатым штампом. Качество обжига сосуда невысокое. Толщина стенки — 8 мм. Сосуд украшен орнаментом в виде прямых линий, состоящих из наклонно расположенных оттисков короткого зубчатого штампа. Оттиски нанесены с нажимом на одну сторону, расстояние между орнаментальными линиями — 3 мм.

10. Пункт XVII

Стоянка XVII расположена «на дороге из д. Ново-Покровка в д. Старые Очуры при спуске на террасе р. Енисей»¹¹. Собрано 14 каменных предметов и два кварцитовых отщепов черного цвета. Один имеет средние размеры: 21×10×2 мм, другой — 27×14×2 мм.

В состав коллекции входят пять пластин: четыре целых и один экземпляр — проксимальная часть пластины. Две пластины имеют треугольное сечение, две — трапециевидное и одна — пятигранное. Размеры пластин: 15—23×5—8×2—3 мм. Ширина негативов предыду-

¹¹ Чернявский П. Е. Указ. соч., с. 5. Коллекция в МКМ, № 9941.

Таблица 36

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы и нуклеид-обломки	Изделия	Всего		%
Халцедон	розовый	—	—	1	—	1		3,7
Кварцит	темно-серый	—	—	1	—	1		3,7
Кремнистый сланец	черный	—	3	—	—	3	7	27,9
	темно-зеленый	—	2	—	1	3		
	светло-коричневый	—	1	—	—	1		
Сланец	черный	—	1	—	1	2	17	61
	светло-зеленый	—	4	—	1	5		
	светло-коричневый	—	5	1	—	6		
	темно-коричневый	—	3	—	—	3		
	сургучный	—	1	—	—	1		
Кремень	светло-зеленый	—	1	—	—	1	1	3,7

щих сколов равняется 1,5—3,5 мм. При изготовлении пластин использовались: кварцит черного цвета (2 экз.); кремнистый сланец черного (1 экз.) и светло-серого цвета (1 экз.), а также кварцит темно-серой окраски (1 экз.).

На территории стоянки XVII найдены также 6 экз. кварцитовых че-

шук черного цвета и 1 продольный скол с нуклеуса из того же минерала. Размеры скола — 39×10×6 мм. Технические данные: крупные отщепы — 1 экз.; средние отщепы — 1 экз.; продольные сколы с нуклеуса — 1 экз.; чешуйки — 6 экз.; неретушированные пластины — 5 экз. (см. табл. 37).

Таблица 37

Породы камня, использованные для производства орудий

Порода камня	Цвет	Чешуйки	Сколы	Нуклеусы	Изделия	Всего		%
Кварцит	темно-серый	—	1	—	—	1	12	85,71
	черный	6	5	—	—	11		
Кремнистый сланец	светло-серый	—	1	—	—	1	2	14,29
	черный	—	1	—	—	1		

11. Унюк

В 1967 г. Л. П. Зяблиным открыто обширное неолитическое поселение с сохранившимся культурным слоем, расположенное около д. Унюк, вблизи устья р. Сыда — в зоне затопления водохранилища Красноярской ГЭС. Автор раскопок датировал поселение концом IV — началом III тысячелетия до н. э.

Поселение находилось на первой надпойменной террасе Енисея. «Судя по находкам неолитических черепков и кремневых изделий на берегу Енисея, это поселение занимало не менее 400 м вдоль реки... Стратиграфия такова: 1) 0—15 см — современные наносы реки (песок); 2) 15—65 см — первый слой ископаемой почвы, сильно гумусированный и содержащий остаток поселения таштыкского времени; 3) 65—90 см — темно-серый песок с лёссом (наносы Енисея) без культурных остатков; 4) 90—105 см — второй слой гумусированной почвы без культурных остатков — на некоторых участках берега севернее раскопок мы находили в основании этого слоя кости и керамику, по видимому, тагарского времени; 5) 105—125 см — третий слой речных наносов, желто-серый песок с лёссом, стерильный; 6) 125—160 см — серый песок с лёссом. Остатки неолитического поселения залегали в этом слое. Он членится на две прослойки чистым серым песком толщиной 10—15 см, но кое-где эти прослойки сливаются, образуя линзу наносов песка»¹².

В 1968 г. Копёвским отрядом Красноярской экспедиции были осуществлены раскопки этого памят-

ника на площади 720 м². Неолитический слой поселения содержал обильный керамический и каменный инвентарь¹³. Здесь была найдена серия изделий из зеленого нефрита: кирка и семь клиновидных тесел и топоров с прямым обушком, овально-плоских в сечении. Обнаружена и пила, предназначенная для распиливания нефрита, изготовленная из плоской и широкой песчаниковой плиты. Найдены наконечники стрел разнообразной формы, в том числе треугольные с прямым основанием, миндалевидные с неглубокой выемкой в основании, черешковые и лавролистные. Одной из отличительных особенностей унюкского каменного инвентаря является наличие серии крупных скребков овальной формы. Они изготовлены из кремневых отщепов черного цвета и обработаны краевой ретушью с крупными фасетками. Кроме того, обнаружено значительное число разнообразных каменных изделий: вкладыши, проколки, скребки, ножи.

На поселении Унюк сохранились лепные сосуды из грубого теста с примесью крупного песка. Стенки сосудов (толщина их равна 8—10 мм) сплошь покрыты орнаментом, состоящим из рядов вдавленных «отступающей лопаточки», палочки и отпечатков гребенчатого штампа. Не найдено ни одного фрагмента посуды без орнамента или с орнаментом, частично покрывающим его.

Широко распространены пояски из круглых ямок под венчиками сосудов. Сосуды имели выпуклое

¹² Зяблин Л. П., Кривонос А. А. Копёвский отряд. — В кн.: АО 1967 г. М., 1968, с. 146—147.

¹³ Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 69—72. Коллекция хранится в Институте археологии АН СССР, № 16841.

дно; венчики были слегка загнуты внутрь и в большинстве случаев закруглены.

*
* * *

В связи с находками орудий из зеленого нефрита, месторождения которого хорошо известны в Восточно-Саянском хребте, следует добавить, что в последние годы зеленый нефрит был открыт геологами и в Хантигирском хребте Западно-Саяна. Образцы его доставлены в Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова. Весьма вероятно, что западносаянское месторождение местные племена разрабатывали уже в неолите. Нефритовые топоры и тесла обнаружены в разных местах левобережья р. Енисея и по притокам Абакана: в 160 км выше Красноярска у д. Караульной; на правом берегу Абакана, близ улуса Киндырла, а также в верховьях р. Тёи близ улуса Оты¹⁴. Последняя находка ост-

¹⁴ Савенков Ив. Каменный век в Минусинском крае. М., 1896, с. 12—13, 21, табл. XXIII, 1; Зяблин Л. П. Работы Колёнского отряда. — В кн.: АО 1968 г. М., 1969, с. 239. Топор из Оты подарен нам в июле 1982 г. И. А. Побызковым.

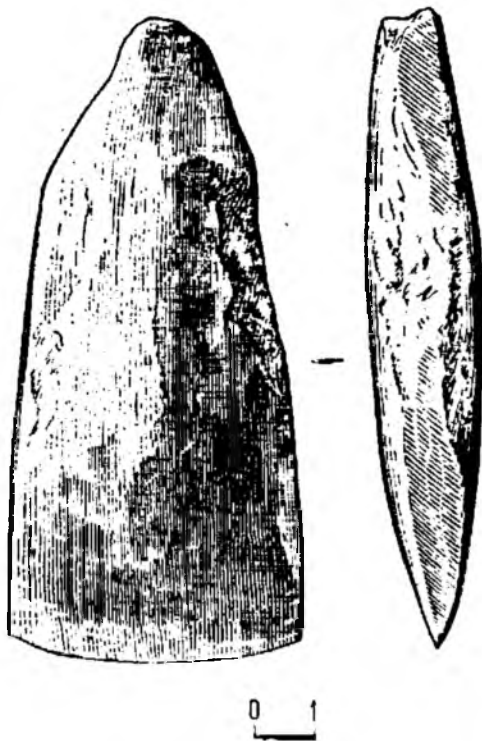

Рис. 15. Топор из зеленого нефрита. Найден в верховьях р. Тёи близ Оты в 1981 г.

ролезвийного шлифованного топора (рис. 15) из зеленого нефрита (10,7×4,9×1,5 см) датируется маем 1981 г.

Неолитические поселения Хакасско-Минусинской котловины и их особенности

В предыдущих главах рассмотрен каменный инвентарь каждого из известных нам поселений Хакасско-Минусинской котловины. Каковы же черты, которые характеризуют неолитическую каменную индустрию Хакасско-Минусинской котловины в целом? Имеются ли различия в производстве каменных орудий на левом и правом берегах Енисея?

1. Техническая характеристика каменного инвентаря

Выше неоднократно отмечалось использование речных галек в качестве исходного сырья для произ-

водства орудий. Обломки галек со следами обработки и изделия из речных галек были обнаружены на стоянках Оглахты II и Оглахты III, Бутрахты, Бузунова, Потрошилова, Малая Минуса и Пункт X. Отсутствие кремневых выходов в степной части Красноярского края вынуждало население каменного века на Енисее и его притоках довольствоваться добычей камня в речных галечниках и не только в эпоху палеолита, но и в неолитическое время. Для характеристики каменного производства Хакасско-Минусинской котловины полностью применимы слова Н. К. Ауэрбаха о том, что «речная галька, служившая исходным материалом для каменных орудий, бралась первобытным человеком из галечных отложений Енисея, находящихся всюду в непо-

средственной близости стоянок»¹.

Вместе с тем, по мнению Я. И. Сунчугашева, в верховьях рек Абакана и Таштыпа, где расположены незначительные залежи кремня, могла иметь место разработка этих залежей с целью добычи кремня, хотя до настоящего времени следы подобных разработок не обнаружены².

Наиболее широко использовались такие породы камня, как кремнистый сланец, кварцит и глинистый сланец. Значительно реже употребляли кремень и в единичных случаях — кварц, халцедон, яшму, роговик и диабазы (см. табл. 38)³.

Для изготовления орудий употреблялся и зеленый саянский неф-

рит, применение которого связано с известными трудностями и требовало от производителей овладения такими приемами обработки камня, как пиление и шлифование. Из нефрита изготовлялись тесла, топоры и мотыги. Для подобных крупных орудий в качестве сырья использовались также глинистый сланец и диабаз. Мелкие орудия труда выполнялись главным образом из глинистого и кремнистого сланца, а наконечники стрел и копий — из кремня, кварцита и роговика.

Техника неолитической индустрии Среднего Енисея отличается многообразием используемых приемов обработки сырья, начиная от раскалывания и распиливания камней и кончая ретушированием и полированием. Нанесение ретуши зависело от характера и качества применяемого сырья: изделия из кварцита и других мелкокристаллических пород обработаны ретушью с плоскими фасетками; на орудиях же из кремня, роговика, глинистого сланца ретушь имеет глубокие фасетки округлой или овальной формы. Среди нуклеусов можно выде-

¹ Ауэрбах Н. К. К вопросу о материале каменных орудий Сибири. — В кн.: Труды секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1928, с. 43.

² Сунчугашев Я. И. О находке кремневых орудий на реке Таштып. Рукопись, с. 2. Хранится в Хак. НИИЯЛИ.

³ При составлении таблиц использовались данные тех археологических памятников, материалы которых подвергались статистической обработке.

Таблица 38

Породы камня, использованные для изготовления орудий (в%)

Поселения	Порода камня								
	халцедон	яшма	кварц	кварцит	роговик	кремень	кремнистый сланец	глинистый сланец	диабаз
Сарагаш	—	—	—	7,4	—	7,4	63	22,2	—
Бутрахты	—	—	—	—	—	25	75	—	—
Кызыкуль	—	—	2,43	71,04	—	11,4	2,98	12,15	—
Вузунова	0,52	—	6,77	6,25	—	29,18	3,64	53,64	—
Потрошилова	—	—	—	6,06	—	30,3	22,72	40,92	—
Каменная гора	1,26	—	8,86	31,63	—	10,12	16,5	31,63	—
Казанцева	—	—	—	37,6	—	4,16	41,6	16,64	—
Саянская	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Малая Минуса	—	1,37	—	13,69	—	8,21	56,19	20,54	—
Ильинка	—	—	—	—	28,55	—	28,55	42,9	—
Пункт X	3,6	—	—	3,7	—	3,7	27,9	61	—
Пункт XVII	—	—	—	85,71	—	—	14,7	—	—

Типы нуклеусов и породы камня, из которых они изготовлены

Типы нуклеусов	Призматические										Нуклеусы-скребки								
	Клиновидные					Сырые					яшма	калцедон	глинистый сланец	кремнистый сланец	кремнистый сланец	глинистый сланец			
Местоахождение	калцедон	яшма	кремне-вый сланец	глинистый сланец	калцедон	яшма	кремне-вый сланец	кремне-вый сланец	яшма	калцедон							яшма	кремне-вый сланец	кремне-вый сланец
Оглахты III																			
Бутрахты																			
Каменная гора																			
Малая Минуса																			
Ильинка																			
Пункт X																			

* Таким знаком обозначены нуклеусы, имеющие плоскую ударную площадку.

лить три типа: клиновидные, призматические и нуклеусы-скребки сибирского типа. Все они использовались для снятия пластин. Нуклеусов, специально предназначавшихся для скалывания отщепов, не найдено (см. таблицу 39). Клиновидные и призматические нуклеусы обнаружены как на левом, так и на правом берегах Енисея, а нуклеусы-скребки известны пока лишь на правобережных неолитических поселениях. Все найденные нуклеусы принадлежат к категории одноплощадочных. Ударная площадка (в большинстве случаев она вогнутая, но встречаются единичные экземпляры нуклеусов с уплощенной ударной площадкой) оформлялась мелкими поперечными сколами. Аналогичным способом обрабатывалась и опорная площадка. Снятие пластин производилось не по всему периметру ударной площадки, а лишь с одной-двух граней нуклеуса. Остальные грани обрабатывались несколькими поперечными сколами. Негативы сколов-пластин характеризуются протяженностью вдоль всей или значительной части высоты нуклеусов. Это в равной мере свойственно негативам как от мелких, так и от крупных пластин.

Все нуклеусы имеют приблизительно равную величину: длина их варьируется в пределах от 23 до 43 мм, ширина — от 20 до 36 мм, толщина от 15 до 28 мм. Исключения составляют два миниатюрных нуклеуса со стоянки Оглахты III — длина одного из них не достигает и полутора сантиметров (см. табл. 39). Основой каменной индустрии поселений как на левом, так и на правом берегу Енисея является техника расщепления камня на отщепы. Как известно, «отщеп, только отделенный от ядрища, как правило, не служил орудием; требовалась

значительная последующая обработка, зачастую необходимо было сплошное двустороннее ретуширование, в процессе которого отщеп приобретал законченную форму орудия. Изучение следов работы уточняет его функцию, но если таковые отсутствуют, форма орудий — скребка, скобеля, проколки, ножа и т. д. — в целом соответствует его назначению»⁴. Отщепы в неолитических комплексах Хакасско-Минусинской котловины являются основным видом сколов, который численно абсолютно преобладает над сколами-пластинами. Именно из отщепов изготовлено большинство орудий труда и охоты. Пластины же применялись главным образом для изготовления вкладышей, а в единичных случаях — также и для наконечников стрел (Оглахты III), проколочек и сверл (Унюк). В подавляющем большинстве пластины вытянутые, почти все плоские, с параллельными боковыми сторонами. В поперечном сечении пластины, как правило, треугольные и имеют форму трапеции. Наиболее типична пластина, имеющая длину около 20 мм при ширине 7—9 мм. Короткие экземпляры, у которых ширина превосходит длину, отсутствуют. Техника сечения применялась довольно широко: из общего числа обнаруженных пластин целые экземпляры составляют всего 11,9%, однако и собственно ножевидных пластин, т. е. пластин с параллельными боковыми сторонами, у которых удалены проксимальная и концевая части, найдено немного — 28,6% от общего количества пластин. У остальных же пластин, число которых составляет 59,5%, сохранялась или проксимальная, или концевая часть.

⁴ Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968, с. 58.

Из всех пластин, найденных на описанных поселениях, отретушированные экземпляры составляют лишь 1,5%. Ретушь наносилась со стороны брюшка. Как уже было отмечено, ножевидные пластины применялись главным образом в качестве вкладышей для составных орудий. Для этого использовались как ретушированные, так и неретушированные экземпляры. Как стало известно, благодаря находке костяного ножа с неретушированными вкладышами, сделанной З. А. Абрамовой при раскопках ею палеолитического поселения Кокорево I, подобные орудия применялись на Енисее начиная с эпохи палеолита⁵.

2. Типологическая характеристика каменных орудий

Обратимся теперь к результатам типологического анализа каменного инвентаря со стоянок Хакасско-Минусинской котловины. Цифровые данные, приведенные в табл. 40, показывают, что численность различных типов орудий из камня, найденных на тринадцати из рассмотренных в данной работе памятников, не достигает и 20. Для сравнения отметим, что только в четырех из раскопанных Л. Я. Крижевской памятниках Зауралья⁶ число типов орудий приближается к 40, а общее количество каменных изделий составляет свыше 14 000 предметов. Однако было бы неверно делать вывод об однообразии и «бедности»

⁵ Абрамова З. А. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея. — КСИА, 1966, вып. 111.

⁶ Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 47.

каменного инвентаря поселений Хакасско-Минусинской котловины. Небольшое количество известных ныне типов орудий и незначительное в целом число находок каменных изделий объясняется тем, что подавляющее большинство неолитических поселений Верхнего Енисея не раскапывалось, а исследовалось путем сбора подъемного материала и шурфовки. Пример поселения Унюк, где в результате раскопочных работ был получен многочисленный и разнообразный каменный инвентарь, позволяет надеяться, что в дальнейшем в Хакасии станут известны и многие другие типы неолитических орудий из камня.

При сравнении каменного инвентаря из неолитических поселений Хакасско-Минусинской котловины прежде всего выявляются резкие различия между каменными орудиями, найденными на территории Оглахтинских стоянок и на поселении Унюк. Черешковые наконечники стрел, характерные для поселения Унюк, в материалах Оглахтинских стоянок отсутствуют. Не известны в Оглахты II и Оглахты III и лавролистные наконечники, широко представленные в каменном инвентаре поселения Унюк. В то же время численно преобладающие среди оглахтинских наконечников стрел мелкие экземпляры треугольной формы с выемкой в основании не обнаружены на территории поселения Унюк, а миндалевидные наконечники с неглубокой выемкой в основании и треугольные наконечники с прямым основанием, составляющие в Оглахты II и Оглахты III 55,5% от количества всех найденных там наконечников, представлены в коллекции из поселения Унюк лишь единичными экземплярами. Как уже было отмечено в главе III, одной из ха-

рактерных особенностей унюкского каменного инвентаря является наличие большого числа крупных скребков овальной формы, изготовленных из кремневых отщепов черной окраски. Поверхность скребков обработана продольными сколами, а рабочие края оформлены крупной ретушью с широкими фасетками. Такие орудия не найдены на территории стоянок Оглахты II и Оглахты III, равно как и среди находок из поселения Унюк не встречаются скребки, подобные оглахтинским. Каменные орудия из оглахтинских стоянок и поселения Унюк различаются между собой; они не похожи и на изделия из камня, найденные на известных неолитических памятниках Хакасско-Минусинской котловины, за исключением двух погребений — у с. Батени и у д. Байкаловой. Единственным каменным предметом, обнаруженным в погребении у с. Батени на левом берегу Енисея, является крупное орудие округлой формы типа скребла, изготовленное из речного валуна⁷, совершенно аналогичное скребловидному орудю из речной гальки со стоянки Оглахты III (рис. 11, 8). Ни в одном из других неолитических памятников рассматриваемой территории подобные орудия не найдены. Второе погребение обнаружено близ д. Байкаловой на правом берегу Енисея, неподалеку от поселения Унюк. В состав погребального инвентаря входили нефритовые и сланцевые топоры и тесла, подобные тем, которые были найдены у поселения Унюк. Л. П. Хлобыстин и Я. А. Шер по аналогии с Прибайкальем датировали погребение у д. Байкаловой концом китой-

⁷ Грязнов М. П. Неолитическое погребение у с. Батени. — МИА, 1953, № 39, с. 333, рис. 8; с. 334.

ского — началом глазковского этапа. Что же касается неолитических поселений, расположенных на правом берегу Енисея, то при рассмотрении особенностей каменного инвентаря этих памятников, наоборот, выявляются черты, сближающие их орудия как между собой, так и в отдельных случаях с изделиями из камня, найденными на оглахтинских стоянках и на поселении Унюк. Так, на поселениях Кызыкуль и Каменная гора обнаружены наконечники стрел треугольной формы, аналогичные оглахтинским: небольших размеров, с прямыми и слегка выпуклыми боковыми сторонами и неглубокой выемкой в основании. Треугольные наконечники вытянутых пропорций, характерные для поселения Кызыкуль, найдены в Казанцевой и в оглахтинских стоянках. В то же время на поселении Кызыкуль собраны наконечники стрел, имеющие аналогии среди находок с поселения Унюк, — миндалевидные и в форме небольших треугольников с прямым основанием. У д. Ильинка также найден миндалевидный наконечник стрелы, подобный унюкским. На поселениях правобережья изготовлялись скребки одних и тех же типов: округлые и концевые. Среди последних можно выделить прямоугольные (Казанцева, Малая Минуса и Пункт X), квадратные (Каменная гора, Кызыкуль, Бузунова) и подтреугольные (Бузунова). Прямоугольный и подтреугольный скребки имеются и среди каменных орудий из стоянок Оглахты II и Оглахты III. На многих поселениях правобережья бывал еще один тип орудий — крупные асимметричные ножи для разделки рыбы, изготовленные из отщепов или галечных сколов.

Итак, изучение каменного инвентаря неолитических поселений пра-

вобережья и левобережья Верхнего Енисея позволяет прийти к следующим выводам:

1. В основе производства каменных орудий рассмотренных поселений эпохи неолита лежат единые технические традиции, что выражается в следующем:

а) использование одинаковых видов сырья;

б) применение единых способов обработки камня;

в) изготовление нуклеусов одних и тех же типов;

г) использование в качестве заготовок для производства орудий сколов-отщепов.

2. В результате типологического анализа каменных орудий на территории Хакасско-Минусинской котловины можно выделить предварительно три неолитические культуры: оглахтинскую (к ней относятся стоянки Оглахты II и Оглахты III, а также, по-видимому, погребение у с. Батени), унюкскую (поселение Унюк и погребение у д. Байкаловой) и, условно говоря, среднеазиатскую (поселения Кызыкуль, Бузунова, Потрошилова, Каменная Гора, Казанцева, Саянская, Ильинка, Пункт X, Пункт XVII).

Что касается левобережных поселений Бутрахты и Сарагаш, то вопрос об их принадлежности к той или иной неолитической культуре может быть окончательно решен только тогда, когда на левом берегу Енисея станут известны новые поселения эпохи неолита. В настоящее время можно отметить некоторые элементы сходства между каменными орудиями поселений Бутрахты и Сарагаш и каменным инвентарем поселений правобережья. Имеются в виду следующие находки: черешковый наконечник стрелы из поселения Сарагаш, аналогичный унюкским наконечникам, и асим-

метричный нож для разделки рыбы из поселения Бутрахты, близкий к изделиям того же типа, найденным на поселениях Кызыкуль и Малая Минуса.

3. Глиняная посуда

Эти выводы подтверждаются данными, полученными в результате изучения глиняной посуды с поселений Хакасско-Минусинской котловины. Обломки посуды собраны на территории пяти поселений: Оглахты II и Оглахты III (на левом берегу Енисея), Кызыкуль, Пункт X и Унюк (расположенных на правобережье). Все сосуды изготовлялись вручную, ленточным способом, однако в технике изготовления и в способах украшения мы наблюдаем существенные различия, особенно между сосуда-

ми унюкской и оглахтинской культур. Тонкостенные, с залощенной поверхностью, хорошо обожженные сосуды из Оглахты II и Оглахты III не похожи на унюкские. Последние — крупные, с толстыми, небрежно затертыми травой стенками (толщина их в некоторых случаях достигает 10 мм). Особняком стоит и посуда среднеенисейской культуры. В качестве отощителя при изготовлении сосудов из поселения Кызыкуль использовалась в отдельных случаях измельченная трава (в керамическое тесто на оглахтинских стоянках и на поселении Унюк добавлялся речной песок). Поверхность сосудов из поселений среднеенисейской культуры заглаживалась не травой, а зубчатым штампом. По качеству обжига эти сосуды значительно уступают оглахтинским и унюкским.

Обратимся теперь к орнаментам посуды из Хакасско-Минусинской котловины (см. табл. 41).

Таблица 41

Местонахождение	Типы орнаментов					
	гладкая качалка	гребенчатый	накольчатый	ямочно-накольчатый	отступающая лопатка	гусеничный
Оглахты II, Оглахты III	+	+	+	—	—	—
Унюк	—	+	—	+	+	—
Кызыкуль	—	+	+	+	—	+
Пункт X	—	+	—	—	—	—

Гребенчатый орнамент присущ керамике всех рассматриваемых неолитических культур Хакасии. Сосуды, украшенные накольчатым орнаментом и «гладкой качалкой», найдены только на территории оглахтинских стоянок. А ямочно-накольчатый орнамент и «отступающая лопатка» применялись для ук-

рашения посуды только на поселении Унюк. Что же касается керамической посуды среднеенисейской культуры, то на сосудах из поселения Кызыкуль встречаются орнаменты, характерные как для оглахтинской, так и для унюкской культур: накольчатый и ямочно-накольчатый.

4. Место неолитических поселений Хакасско-Минусинской котловины

При сравнительной характеристике материалов оглаhtинской, унюкской и среднеенисейской культур уже отмечалась близость изделий из нефрита, найденных на поселении Унюк и в погребении у д. Байкаловой, к прибайкальским нефритовым теслам и топорам, распространенным там в серовское и особенно в китойское время, но появившимся еще в исаковскую эпоху. Не только изделия из нефрита, но и орудия, применявшиеся для его обработки, на поселении Унюк идентичны прибайкальским: в состав унюкской коллекции входит пила, изготовленная из песчаниковой плиты, которая предназначалась для распиливания желваков нефрита. Подобные пилы в большом количестве найдены в Прибайкалье и относятся к китойскому этапу⁸. Л. П. Зяблин на основании отдельных элементов сходства керамики с поселения Унюк с посудой из слоя II-A поселения Усть-Белая считает эти памятники синхронными и датирует их концом IV — началом III тыс. до н. э.⁹ Но характер каменного инвентаря из Усть-Белой свидетельствует о том, что слой II-A этого поселения относится ко времени гораздо более раннему, чем время су-

ществования поселения Унюк¹⁰. Гораздо ближе к унюкской керамике посуда из прибайкальских памятников, относящихся к китойскому этапу, в частности из IX слоя поселения Улан-Хада, где преобладают лепные гладкостенные сосуды, орнаменты которых, выполненные гребенкой и «отступающей лопаткой»¹¹, аналогичны узорам на сосудах из поселения Унюк.

Некоторое сходство можно отметить между унюкской глиняной посудой и сосудом, найденным в погребении на Афонтовой горе у Красноярска (он имеет прямые стенки и округлое дно, сплошь покрытые оттисками штампа-лопаточки с овальным концом)¹², который подобен прибайкальской посуде китойского времени¹³.

А. П. Окладников рассматривает китойский этап как генетически связанный с предыдущим серовским и датирует его концом III тыс. до н. э. — началом II тыс. до н. э. В Хакасско-Минусинской котловине в это время существует окуневская культура, поселение же Унюк и погребение у д. Байкаловой являются памятниками эпохи неолита. В последние годы некоторые исследователи склонны рассматривать китойскую культуру как локальную, пришлую, появившуюся в Прибайкалье ранее середины III тыс. до н. э. По их мнению, она сосуществовала с серовской культурой и

¹⁰ Савельев Н. А., Медведев Г. И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. с. 56—62.

¹¹ Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. — КСИА, вып. 97. М., 1964, с. 26.

¹² Окладников А. П. Неолитическое погребение на Афонтовой горе. — КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 10, рис. 1(8).

¹³ Там же, с. 12—13.

⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, 1950, № 18, с. 204, 267, 360; рис. 106.

⁹ Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 73.

вместе с ней приняла участие в сложении глазковской культуры¹⁴. Однако новые материалы и разъяснения А. П. Окладникова не позволяли ему согласиться с попыткой ревизовать периодизацию неолита Прибайкалья¹⁵.

Возможно все же, что часть китойских памятников (в том числе и IX слой поселения Улан-Хада, керамика которого наиболее близка к посуде из поселения Унюк) датируется началом III тыс. до н. э. По-видимому, к доафанасьевскому времени — концу IV и началу III тыс. до н. э. — относится и поселение Унюк.

На левом берегу Енисея и далее на западе аналоги материалам из поселения Унюк отсутствуют. Рассмотренные особенности глиняной посуды и каменного инвентаря позволяют сделать вывод о близости культуры, к которой принадлежит данный памятник, к неолитическим культурам Байкальского ареала. Сходство неолитических памятников Енисея и Прибайкалья позволило А. П. Окладникову прийти к заключению о тесной культурной и этнической общности этих районов¹⁶. В основе такой общности ле-

жит передвижение начиная с конца IV — первой половины III тыс. до н. э. на запад и далее вверх по Енисею на юг представителей отдельных племен, родина которых находилась восточнее, в низовьях Ангары — от Братска до деревни Стрелки¹⁷. Показательны в этом отношении находки на правом берегу Енисея шести каменных рыб-приманок серовского времени¹⁸ (четыре такие рыбы найдены на территории Хакасско-Минусинской котловины, рис. 16), а также «топоров с

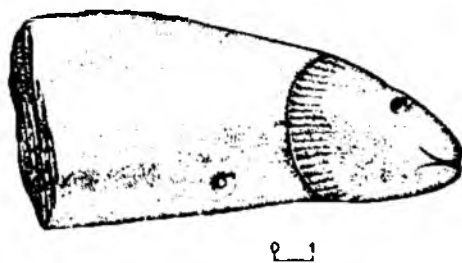

Рис. 16. Половинка каменной рыбки-приманки, найденной на правом берегу Енисея близ д. Кореловой (зеленоватый сланец, хранится в МКМ, № 2212)

ушками», родиной которых является Восточная Сибирь. Материалы из раскопок и сборов на поселении Унюк, равно как и находки, происходящие из погребения близ д. Байкаловой, убедительно свидетельствуют о том, что влияние прибайкальских племен распространялось не только на район Красноярска¹⁹,

турных связей неолитических племен Среднего Енисея. — СА, 1957, № 1.

¹⁷ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея, с. 26.

¹⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, с. 244.

¹⁹ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея, с. 34.

¹⁴ Хлобыстин Л. П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века). АКД. Л., 1964, с. 13; Студзицкая С. В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. — В кн.: Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969, с. 6; Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическому признаку. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири.

¹⁵ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976, с. 151—152; Он же. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974, с. 8—19.

¹⁶ Окладников А. П. Неолитическое погребение на Афонтовой горе, с. 7; Он же. Из истории этнических и куль-

но и дальше на юг по правобережью Среднего Енисея.

Археологические данные, кажется, подтверждаются и данными антропологических исследований. Изучение черепов из погребений в районе Красноярска, из Базаихи и д. Байкаловой (последнее погребение в данном случае приобретает особое значение ввиду его принадлежности, по нашему мнению, к неолитической культуре, к которой относится и поселение Унюк) показало, что в «отношении расовых типов второго порядка» эти погребения «рисуют ту же картину, что и могильники верховьев Ангары и Лены, хотя можно полагать, что на Енисее монголоидный компонент был более брахикранным, чем в Прибайкалье. Но это отличие не столь существенно и носит частный характер». По-видимому, представители племен Прибайкалья, достигшие Среднего Енисея в конце IV — начале III тыс. до н. э., вступили в контакт с местным населением и вместе с ним создали унюкскую неолитическую культуру.

Данные палеоантропологии свидетельствуют о том, что в эпоху неолита население левобережья Среднего Енисея по своему физическому типу отличалось от обитателей правого берега: в строении черепа из погребения у с. Батени обнаруживаются выраженные «экваториальные, негроидные признаки», в то время как погребенный у д. Байкаловой принадлежал к палеомонголоидной расе²⁰.

²⁰ Алексеев В. П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. — В кн.: Вопросы Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Он же. Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии. — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красно-

Некоторое влияние Восточной Сибири, возможно, ощущалось и на левобережье Енисея: здесь найдены отдельные предметы, характерные для неолита Прибайкалья, — фрагменты сосудов с орнаментом, типичным для серовской культуры, китойские составные рыболовные крючки, топоры и тесла из зеленого нефрита (обнаружены близ д. Караульной и улусов Оты и Киндырла)²¹. А. А. Формозов, изучавший петроглифы Оглахтинской писаницы, пришел к выводу о близости их к петроглифам Ангары и Верхней Лены; стиль, объединяющий их изображения, выработался, по-видимому, в неолитическую эпоху²².

Однако преобладающее значение для населения левобережья Енисея имели связи с племенами Урало-Обского ареала. Материалы оглахтинской неолитической культуры дают этому новые убедительные доказательства. На территории стоянок Оглахты II и Оглахты III найдены фрагменты сосудов, украшенных орнаментом «гладкая качалка» (рис. 14). Зона распространения этого типа орнамента велика, но наиболее типичен он для развитого неолита (т. е. для IV—III тысячелетий до н. э.) Западной Сибири, Южного и Среднего Приуралья и

ярского края. Красноярск, 1963 (ср.: Козинцев А. Г. Проникли ли в древности негроиды в Сибирь? — Вопросы антропологии, вып. 47. М., 1974).

²¹ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. с. 31; История Сибири, т. 1. Л., 1968; Зяблин Л. П. Работы Копёнского отряда. — В кн.: АО 1968 г. М., 1969, с. 239.

²² Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. — СЭ, 1967, № 3; Он же. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

Зауралья²³. Посуда, орнаментированная «гладкой качалкой», найдена на многих западноказахстанских стоянках и на территории некоторых памятников кельтеминарской культуры в Хорезме²⁴. Самый восточный пункт, где была обнаружена керамика с таким орнаментом, до открытия оглахтинских стоянок, — стоянка Усть-Собакинская под Красноярском, на левом берегу Енисея. А. П. Окладников расценивал факт бытования подобной керамики в этом районе как одно из достоверных свидетельств контактов приенисейских племен с племенами Западной Сибири²⁵. На правом берегу Енисея и далее на востоке керамика с орнаментом типа «гладкая качалка» не встречается. Несомненные черты сходства с западносибирской керамикой имеют и другие сосуды, найденные на оглахтинских стоянках, в частности два полностью орнаментированных сосуда, поверхность которых покрывают прямые ряды оттисков штампов-палочек (рис. 6, 4).

Посуда с подобным узором обнаружена в погребениях на Большом и Малом мысу в Томском могильнике, на территории Екатеринин-

ской стоянки на р. Таре и на Алтае на поселении у Чудацкой Горы.²⁶ Наиболее близка к оглахтинской (по типу орнамента и по форме сосудов) керамика из района Верхнего Приобья — из поселений близ д. Киприно и д. Верхние Чомы, датированных ранее началом — первой половиной III тыс. до н. э. Однако необходимо отметить, что посуда этих верхнеобских неолитических памятников обладает рядом особенностей, отличающих ее от керамики оглахтинской культуры: венчик сосудов, как правило, украшен пояском из круглых ямок или «уголками»²⁷, а с внутренней стороны во многих случаях покрыт орнаментом. Края сосудов, хотя и отогнуты наружу, как у оглахтинских, часто бывают волнистыми (волнистые края имеют и сосуды из поселения у Чудацкой Горы). Фрагменты сосудов, украшенные накольчатым орнаментом в виде прямых рядов оттисков, найдены в Нижнем Приобье на стоянке Сортынья I. Широкое распространение посуда с подобным орнаментом имела в эпоху развитого неолита (т. е. в IV и в начале III тыс. до н. э.) на территории Южного Урала и Казахстана, входивших в единую южноуральско-казахстанскую культурно-этническую общность²⁸. Из числа неолитических памятников Южного Урала можно

²³ Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. 1. Уфа, 1962, с. 16, 18—20. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, 1953, № 35, с. 56; Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья. — КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 100.

²⁴ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, с. 112, 122, 141; Передатировку неолитических памятников Средней Азии и Казахстана см. в кн.: Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981; Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана. — АКД. М., 1979.

²⁵ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея, с. 41; рис. 10(2).

²⁶ Комарова М. Н. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, 1952, № 24, рис. 5; Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 32, рис. 11; Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. — В кн.: Материалы по изучению Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1930, рис. 11, 12, 14.

²⁷ Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья, с. 96, рис. 40.

²⁸ Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 19, рис. 7, 10; с. 36; Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 116; Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья, с. 93.

назвать стоянки Чебаркуль I, Чебаркуль II, Сабакты III²⁹, а среди поселений Казахстана — Агиспе (Западный Казахстан), Кара-Тургай IV (Центральный Казахстан), Усть-Нарым и Пеньки I (Северо-Восточный Казахстан)³⁰.

В составе коллекции со стоянки Оглахты III имеются фрагменты сосуда, украшенного оттисками палочки с овальным концом с нажимом на одну сторону (рис. 6, 2). Керамика с подобным узором типична для Южного Урала первой половины III тыс. до н. э. (поселения Усть-Айское и Усть-Юрюзанское), встречается в Нижнем Приобье (например, в Честый-яге и датируется этим же временем)³¹. В состав керамических коллекций, собранных на территории этих памятников, входит значительное число сосудов с гребенчатым орнаментом в виде елок. Фрагменты сосуда с подобными узорами найдены на стоянке Оглахты III (рис. 13, 4). Елочный орнамент в эпоху неолита был широко

ко распространен не только на Южном Урале, Верхнем и Нижнем Приобье³², но и в Западном, Центральном и Северо-Восточном Казахстане³³.

О близости оглахтинской культуры к неолитическим культурам Урало-Обского ареала свидетельствуют и характерные особенности каменного инвентаря. Для Оглахты II и Оглахты III типичны небольшие треугольные наконечники стрел с неглубокой выемкой в основании и неострыми шипами. Треугольные наконечники распространены широко, однако на различных территориях они отличаются целым рядом вторичных признаков, к числу которых относятся пропорции, форма шипов, размеры, глубина выемки в основании, оформление боковых сторон. Наконечники стрел, подобные оглахтинским (рис. 7), характерны для района Верхнего Приобья (поселение Киприно и Верхние Чомы)³⁴, для неолитических памятников Урала, относящихся к боровоозерскому и полуденскому этапам³⁵; для Западного и Северо-Восточного Казахстана конца IV тыс. до н. э. — первой половины III тыс. до н. э.³⁶ Единичные экземпляры наконечников стрел, аналогичных

²⁹ Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 165, табл. XXIX (8); табл. XXXII (4, 8—11), табл. XXXVII (3, 4, 7, 16, 19); Матюшин Г. Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье. — В кн.: Древности Башкирии. М., 1970, с. 26, рис. 10 (8, 12); Бадер О. Н. Уральский неолит. — МИА, 1970, № 166, с. 163.

³⁰ Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 54, рис. 17 (4); Чалая Л. А. Новые материалы по неолиту Казахстана. — ВМУ, серия история, 1970, № 6, с. 83, рис. 3; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 88, с. 109, рис. 19 (3, 4); Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алмата, 1972 (ср.: Виноградов А. В. Указ. соч., с. 125; Зайберт В. Ф. Указ. соч.).

³¹ Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 117, табл. XLII, табл. XLV; Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 16, рис. 15, 16.

³² Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 164, табл. XXIX (11, 14, 16); табл. XLII (5, 6, 8); Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 16, рис. 11, 13; Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья, с. 97.

³³ Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, с. 54, рис. 17 (3); Чалая Л. А. Новые материалы по неолиту Казахстана, с. 86; Она же. Озерные стоянки..., с. 172.

³⁴ Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья, с. 95, рис. 40—46, с. 96.

³⁵ Бадер О. Н. Указ. соч., рис. 2.

³⁶ Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, с. 50, рис. 15; с. 53, рис. 16; Чалая Л. А. Озерные стоянки..., с. 166, 170.

найденным на стоянках Оглахты II и Оглахты III, обнаружены на поселениях Унюк и в Центральной Туве³⁷.

Одной из типичных черт каменного инвентаря неолитических культур Центральной Тувы является наличие большого количества трехугольных наконечников широких пропорций с выпуклыми боковыми сторонами³⁸. Это довольно редкая разновидность наконечников, известная в неолитическое время только на территории Тувы, Монголии и в бассейне Амура³⁹. Один из таких наконечников стрел найден на стоянке Оглахты III (рис. 7, 6). Близки к тувинским⁴⁰ и нуклеусы из оглахтинских стоянок — призматический и клиновидный (рис. 11, 6, 7). Однако этим и ограничивается сходство материалов оглахтинской культуры и памятников каменного века Тувы. Тува относится к микролитической культурной зоне; инвентарь тувинских неолитических памятников отличается своеобразием форм каменных орудий и орнаментов глиняной посуды⁴¹.

Итак, результаты изучения особенностей каменного и керамического инвентаря стоянок Оглахты II и Оглахты III показывают, что для формирования оглахтинской культуры преобладающее значение имели связи местного населения с представителями неолитических культур, входивших в Урало-Сибирский

ареал, а также с племенами Южного Урала и Казахстана. Время существования стоянок Оглахты II и Оглахты III — конец IV — начало III тыс. до н. э., если не ранее.

Что касается среднеенисейской неолитической культуры, памятники которой известны в настоящее время на правобережье Енисея, то в ее каменном инвентаре и в керамике прослеживается влияние прежде всего районов Южного Урала, Казахстана и Приаралья. Близд. Ильинки обнаружен наконечник стрелы «кельтеминарского» типа. Находки подобных наконечников в Прибайкалье (в погребениях в падьях Хиньской и Частой) и у Базанхи под Красноярском квалифицировались в археологической литературе как факт, свидетельствующий о влиянии кельтеминарской культуры на эти территории⁴². Но А. А. Формозов подвергает сомнению тезис о значении кельтеминарской культуры в истории Азии вообще и Восточной Сибири в частности⁴³. Данных, указывающих на контакты населения районов Енисея и Прибайкалья с Приаральем, в настоящее время известно действительно мало, однако не учитывать их при восстановлении карти-

³⁷ Сидоров В. В. Стоянки каменного века в Центральной Туве. — СА, 1969, № 4, с. 137, рис. 6; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979, рис. 3, 7, 8.

³⁸ Кызласов Л. Р. Указ. соч., рис. 3 (6—9), рис. 8 (5).

³⁹ Сидоров В. В. Указ. соч., с. 138.

⁴⁰ Там же, с. 130, рис. 2.

⁴¹ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — ВМУ, серия история, 1958, № 4, табл. 1; Он же. Древняя Тува, табл. I, с. 12—19.

⁴² Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 25, 30, 54, 57; Он же. К вопросу о сложении уральского неолита. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 41—53; Он же. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с. 111—119; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, с. 160, 162.

⁴³ Формозов А. А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии. — СА, 1972, № 1, с. 30—31 (ср.: Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья, с. 129—130).

ны взаимоотношений древнего населения Енисея и племен, обитавших на территории других районов, вряд ли следует.

Что касается остальных типов наконечников стрел среднеенисейской культуры, прежде всего треугольных, то к ним полностью применима характеристика, данная нами наконечникам из стоянок Оглахты II и Оглахты III. Остается добавить, что наконечники миндалевидной формы, аналогичные найденным на поселении Кызыкуль и Ильинка, были распространены в эпоху неолита (прежде всего в первой половине III тыс. до н. э.) весьма широко, но особенно они характерны для Средней Азии и Казахстана. На неолитических поселениях Западной Сибири они встречаются как случайная вариация узких листовидных наконечников стрел с острым насадом. Типы нуклеусов, к которым принадлежат экземпляры среднеенисейских поселений, призматические и клиновидные, в неолите были распространены от Приаралья до Забайкалья. Чаще всего они встречаются на Урале, в Северо-Восточном Казахстане⁴⁴ и Восточной Сибири⁴⁵. На Енисее подобные нуклеусы бытуют со времен верхнего палеолита.

Нуклеусы-скребки, характерные для среднеенисейской культуры, также появляются на Енисее в палеолитическую эпоху: самой ранней находкой являются нуклеусы из позднепалеолитической стоянки Ко-

⁴⁴ Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 136, табл. I; с. 161, табл. XXVI.

⁴⁵ Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968, с. 69; Ларичев В. Е., Рижский М. И. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья (стоянки в районе озера Иргень и Кенон). — В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 115, рис. 4.

корево III, обнаруженные З. А. Абрамовой⁴⁶. В каменной индустрии среднеенисейской культуры, так же как и в каменном инвентаре оглахтинской и унюкской культур, можно отметить одну особенность, уходящую корнями в эпоху палеолита: широкое применение неретушированных вкладышей. Как уже было сказано, костяное орудие с неретушированными вкладышами было найдено при раскопках позднепалеолитического поселения Кокорево I. Эти данные можно рассматривать как первые свидетельства генетической связи неолита и палеолита Среднего Енисея.

В керамике среднеенисейской культуры — в способах нанесения орнамента и в характере узоров — наиболее сильно проявляется влияние таких районов, как Южное Предуралье, Зауралье и Казахстан. На поселении Кызыкуль найдены фрагменты двух глиняных сосудов, поверхность которых украшена узорами в виде так называемой «лесенки». Подобный орнамент является одним из самых распространенных в керамической коллекции со стоянки Пеньки I (Северо-Восточный Казахстан)⁴⁷, датированной ныне V—IV тыс. до н. э. Узор «лесенка» встречается и на глиняной посуде из района Андреевского озера на юге Зауралья⁴⁸. Л. А. Чалая, исследовавшая неолитическую стоянку Пеньки I, отметила близость орнаментов в виде «лесенки» из этой стоянки, а также из стоянки на берегу Андреевского

⁴⁶ Абрамова З. А. Микронуклеусы в палеолите Енисея. — КСИА, 1971, вып. 126, с. 14—21.

⁴⁷ Чалая Л. А. Озерные стоянки..., с. 175, рис. 7.

⁴⁸ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита, с. 49, рис. 3, 5—8.

озера с узорами кельтеминарской посуды. Однако узоры на посуде кельтеминарской культуры выполнены методом прочерчивания, в то время как посуда из Пеньков I, Андреевского озера и поселения Кызыкуль орнаментирована оттисками гребенки и палочки в сочетании с ямочными вдавлениями⁴⁹.

В коллекции поселения Кызыкуль имеются обломки трех сосудов, поверхность которых украшена гусеничным орнаментом. Этот тип узора, появившись в неолитическое время, бытовал в эпоху энеолита и бронзы и был распространен на огромной территории — от Восточной Европы до берегов Ангары. Керамика с подобным орнаментом найдена на неолитических поселениях Южного Урала — Усть-Айское и Чебаркуль II в слоях, относящихся к периоду развитого неолита (конец IV — начало III тыс. до н. э.), на неолитической стоянке Иман-Бурлук в Центральном Казахстане, на поселениях Нижнего Приобья (Хулюм-Сунт, Екатерининская стоянка), относящихся к началу III тыс. до н. э.⁵⁰ Известен гусеничный орнамент и на Енисее, где в нижнем течении он встречается преимущественно на левом берегу, а в среднем течении — на обоих берегах.

В орнаментации посуды из поселения Кызыкуль можно отметить и некоторые элементы сходства с керамикой афанасьевской культуры. В частности, найдены обломки вен-

⁴⁹ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 38, рис. 7, 6—8; Он же. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья, с. 125.

⁵⁰ Крижевская Л. Я. Указ. соч., с. 175, табл. XI-3, 8; Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья, с. 22, табл. VII-3, 12; с. 47, табл. XVII (ср.: Зайберт В. Ф. Указ. соч., с. 13—14).

чика, украшенные елочным узором, аналогичным узорам афанасьевской посуды, а также обломок стенки сосуда, который покрыт косыми насечками, часто встречающимися в орнаментации афанасьевской посуды⁵¹.

На основании результатов изучения каменного инвентаря и глиняной посуды поселения среднеенисейской культуры можно датировать предварительно концом IV — первой половиной III тыс. до н. э.

Таким образом, по всем данным в настоящее время в Хакасско-Минусинской котловине выявились преимущественно лишь памятники позднего этапа неолитического периода, относящиеся к концу IV — началу III тысячелетия до н. э. Бесспорно, в дальнейшем выявятся также памятники раннего и среднего (V—IV тыс. до н. э.) этапов, но для этого необходимы целеустремленные поиски и дальнейшие раскопки.

5. Занятия неолитического населения древнейшей Хакасии

Сведения об экономике и социальном строе неолитических коллективов можно получить только из материальных источников. О видах хозяйства говорят наборы орудий и остатки фауны и флоры; о численности коллективов — размеры и количество поселений и жилищ. Размеры и мощность культур-

⁵¹ Деоник Д. В., Митяев П. Е. Методика анализа керамического декора. — В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

ного слоя, устройство жилищ позволяют выяснить вопрос о долговременности поселения и подвижности коллективов. Материализованным отражением идеологии и общественной жизни являются предметы искусства. Совокупность всех этих данных позволяет воссоздать примерную модель общественных отношений, существовавших в эпоху неолита⁵². Набор каменного инвентаря со стоянок Хакасско-Минусинской котловины свидетельствует о развитии здесь преимущественно охотническо-рыболовческого хозяйства. Охота на крупного зверя производилась с помощью копий и дротиков, а также лука и стрел с каменными наконечниками. Охота на мелких животных — с использованием лука и наконечников стрел меньших размеров. Наконечников стрел неолитического времени из другого материала, например из кости, на стоянках пока не найдено. Не исключено, что охотничьи наконечники стрел изготавливались из дерева, как у многих северных народностей. Так, в частности, долганы изготавливали наконечники из тердой и тяжелой сердцевины лиственницы. Передний конец стрелы заострялся; задний имел вид лопаточки с зарубкой сбоку⁵³. Такие наконечники использовались долганами для охоты на дикого оленя, а также на мелких пушных зверей.

В инвентаре неолитических памятников Хакасии имеется большое количество орудий для обработки шкур и изготовления из них одежды: скребки, каменные (поселение

Унюк) и костяные (погребение у д. Байкаловой) проколки, костяные иглы. В погребении у д. Байкаловой обнаружен костяной нож, выпуклое полированное лезвие которого имеет линейные следы, свидетельствующие, что орудие служило для снятия шкур с животных⁵⁴. Никаких материалов о ткачестве у неолитического населения Хакасско-Минусинской котловины пока не обнаружено.

В неолите Южной Сибири преобладала охота на лесных животных. Следует учесть, что к этому времени в степной зоне исчезли такие стадные животные, как северный олень, дикая лошадь, зубр и др. Поэтому в степи поселения неолитических охотников относительно малочисленны. Основными объектами охоты стали обитатели леса и лесостепи: лось, благородный олень, косуля и дикий баран. Кости именно этих животных найдены в погребениях у д. Батени и д. Байкаловой, а также на стоянке Оглахты II. Охота доставляла человеку не только мясо и шкуры зверей, но и материал для изготовления орудий⁵⁵. В погребении у д. Байкаловой обнаружены нож, сделанный из лопатки оленя, проколка и обломки двух иголок из кости, а также остов вкладышевого ножа, изготовленный из предплюневой кости благородного оленя. А в погребении у с. Батени были найдены два кинжаловидных орудия из локтевой кости лося; орудие из предплюневой кости лося в виде тонкого стержня; роговой фигур-

⁵² Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 27.

⁵³ Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, 144, с. 156.

⁵⁴ Хлобыстин Л. П., Шер Я. А. Неолитическое погребение близ дер. Байкаловой на Енисее. — КСИА, вып. 106. М., 1966, с. 51.

⁵⁵ Много костей диких животных обнаружено на поселении Унюк, но результаты их исследования не опубликованы.

ный стерженек; костяная пластинка, линзовидная в сечении, и грубо обработанная пластина из рога. По мнению М. П. Грязнова, «это с полной определенностью указывает на то, что охота была одной из главнейших отраслей хозяйства, так как в земледельческо-скотоводческом обществе... основным материалом для костяных изделий служат кости домашних животных, от диких же животных используется в значительном количестве только рога»⁵⁸.

Распространена была и охота на птиц. Среди наконечников стрел, найденных на поселениях Среднего Енисея, многие экземпляры имеют столь незначительные размеры, что они могли быть использованы только для охоты на пернатых. Помимо охоты на птиц с помощью лука и стрел, была, по всей вероятности, распространена поимка их всевозможными силками и массовая охота в момент линьки, в июне, когда птица, теряя перья, лишается способности летать. Возможно, массовое истребление птицы имело место и во время осенних перелетов, когда многочисленные стаи, летящие с севера на юг, приземлялись на отдых в водоемы. Охота на птиц велась с целью добычи не только продуктов питания, но и перьев. Так, обитателями временных стоянок Оглахты II и Оглахты III, расположенных в горах на расстоянии 9 км от ближайших источников воды, могли быть охотники на орлов и ястребов. Оперение этих птиц широко применялось при изготовлении стрел, без которых охота была в ту пору невозможна.

⁵⁸ Хлобыстин Л. П., Шер Я. И. Указ. соч., с. 51—52; Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее. — МИА, 1953, № 39, с. 332—335.

Орудия охоты (наконечники стрел) на стоянках Оглахты II и Оглахты III численно преобладают над другими орудиями, а сами наконечники невелики по размерам и могли с успехом применяться для охоты на птиц, как, впрочем, и для отстрела зайцев, лисиц и косуль.

Находка на территории поселения Унюк костей собаки, которая была приручена на Енисее еще в палеолите, свидетельствует о разведении собак, в первую очередь в качестве помощников на охоте. В голодный период времени, возможно, собачье мясо употреблялось и в пищу.

Большую роль в жизни неолитических племен Хакасско-Минусинской котловины играло рыболовство. Об этом свидетельствует прежде всего расположение рассмотренных в данной работе поселений на местности. Все они находились на берегах небольших рек и водоемов (например, поселение на берегу оз. Кызыкуль). Для рыбной ловли использовались сети, о чем свидетельствует находка на поселении Унюк серии обкатанных галек одинаковых размеров, употребляющихся, по-видимому, в качестве грузил. Применялись также и рыболовные крючки (среди подъемных материалов имеются стерженьки от составных крючков, аналогичных рыболовным крючкам прибайкальского неолита). Косвенным свидетельством занятий рыбной ловлей в зимнее время являются случайно найденные каменные скульптуры рыб серовского типа, применяющиеся в качестве рыбкоприманок при подледном лове рыбы. Они найдены на правобережье Енисея на реках Сисим и Биря, а также вблизи деревень Быстрой, Лепешкиной и Кореловой (рис. 1, 16).

На некоторых поселениях (Бутрахты, Кызыкуль, Малая Минуса) найдены обломки больших асимметричных ножей из галечных сколов и крупных отщепов, использовавшихся для разделки рыбы. Рыболовство предполагает использование лодок, прежде всего долбленок⁵⁷. Указанием на возможность их сооружения обитателями неолитических поселений бассейна Среднего Енисея могут служить топоры и тесла, обычно применявшиеся для обработки дерева.

Кроме охоты и рыболовства способом добывания пищи являлось собирательство, приобретавшее немаловажное значение в наиболее трудные периоды года, когда продуктов питания не хватало. Каменные мотыги и орудия — «корнепалки» из поселений Унюк и Саянского — могли использоваться для выкапывания съедобных растений, а каменный пест из погребения у д. Байкаловой, по-видимому, предназначался для растирания продуктов собирательства. Среди домашних производств кроме изготовления каменных орудий, глиняной посуды и одежды из шкур животных была развита обработка кости и дерева.

Обитателями неолитических поселений Верхнего Енисея были сравнительно небольшие группы охотников и рыболовов, ведущих подвижный, полусоседный образ жизни, передвигавшихся с места на место в зависимости от сезона и наличия рыбы и дичи. Ни на одном из поселений (за исключением поселения Унюк) не обнаружено остатков культурного слоя. Этот факт, вероятно, свидетельствует о том, что пребывание людей на поселениях носило временный харак-

тер. Из известных в Хакасско-Минусинской котловине неолитических поселений значительные размеры имело только поселение Унюк (его протяженность вдоль берега Енисея превышает 500 м)⁵⁸, все же остальные представляют собой небольшие стоянки. А. П. Окладников, характеризуя быт ближайших соседей неолитических племен Хакасско-Минусинской котловины, древних жителей Прибайкалья, указывал, что начиная от района Красноярска и далее на Восток, на Ангаре и Лене не обнаружено до сих пор ни одного бесспорного жилища полуподземного типа, а встречаются лишь остатки наземных жилищ (в виде очагов, сложенных из речных булыжников в форме кольца). Этот факт свидетельствует о подвижном образе жизни людей, которым принадлежали такие жилища⁵⁹. Остатки аналогичного наземного жилища обнаружены при раскопках поселения Унюк: «Оно обозначалось двумя очагами и утоптаным глинистым полом, имевшим толщину от 1 до 3 см»⁶⁰. К сожалению, часть жилища была смыта рекой, поэтому площадь установить не удалось. Неолитические поселения Среднего Енисея не сохранили указаний на характер общественной организации их жителей. Можно констатировать лишь, что это не были укрепленные поселки, наоборот, они располагались на наиболее доступ-

⁵⁸ Точные размеры поселения Унюк не установлены. См. об этом: Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 68.

⁵⁹ Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 176.

⁶⁰ Зяблин Л. П., Кривонос А. А. Копёнский отряд. — В кн.: АО 1967 г. М., 1968, с. 147.

⁵⁷ Гурина Н. Н. Указ. соч., с. 157.

ных, открытых со всех сторон участках. Население их, по-видимому, мирно уживалось со своими соседями.

Хозяйственная деятельность ранне-неолитических племен бассейнов рек Абакана, Среднего Енисея и верховий Чулыма имела ярко выраженный присваивающий характер, однако существуют данные, свидетельствующие о зарождении у населения степной полосы Хакасско-Минусинской котловины в эту пору элементов производящего хозяйства⁶¹. В батеневском неолитическом погребении обнаружены астрагалы барана, более мелкие по размерам, чем астрагалы современного дикого барана. Они могли принадлежать домашнему животному. На стоянке Оглахты II оказались I-я и 2-я фаланги не крупной лошади и лопатка парнокопытного — овцы (или дикого барана?). В неолитических слоях стоянок, раскопанных в Саянском ущелье Енисея, также обнаружены кости домашних животных — козы или овцы⁶². Эти материалы позволяют заключить, что скотоводство в степной зоне Южной Сибири зародилось не в афанасьевскую эпоху, как полагали ранее, а еще в неолитический период. В свете новейших данных можно полагать, что скотоводство было занесено в Хакасско-Минусинскую котловину извне. Как это установлено ныне зоологами и

археологами, бараны были одомашнены в Передней Азии в IX—VIII тыс. до н. э. Лошадь была одомашнена в причерноморских степях в IV тыс. до н. э.

В Средней Азии, на прикаспийских землях Туркмении, домашние овцы и козы появились еще в мезолите (VIII—VII тыс. до н. э.), а в неолите (VII—V тыс. до н. э.) к ним добавляется и крупный рогатый скот.

Во второй половине V — первой половине IV тыс. до н. э. домашние животные (крупный рогатый скот, овца, коза, свинья и, вероятно, лошадь) впервые появились в Юго-Восточной Европе в Приднестровье⁶³. Уже в VI—V тыс. до н. э. домашний скот был заимствован неолитическими племенами Казахстана и Южного Урала (Башкирия)⁶⁴.

Можно, следовательно, полагать, что откуда-то с запада или юго-запада вместе с продвигавшимися на северо-восток небольшими группами людей домашние животные появляются в Туве, в бассейне Абакана и в степях енисейского левобережья около середины IV тыс. до

⁶³ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970; Воронцов В. Н., Коробицына К. В., Надлер Ч. Ф. и др. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — Природа, 1972, № 3; Марков Г. Е. Грот Дам-дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. — СА, 1966, № 2; Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180.

⁶⁴ Матюшин Г. Н. У колыбели истории. М., 1972, с. 229—230; Он же. Мезолит Южного Урала. М., 1976, с. 266—267; Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1974, с. 197; Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана. — АКД. М., 1979, с. 16; Матюшин Г. Н. О времени становления производящего хозяйства на Урале. — КСИА, 1981, вып. 165.

⁶¹ Грязнов М. П. Указ. соч., с. 335; История Сибири, т. I, с. 117.

⁶² Определение костей произведено В. П. Данильченко и Е. Г. Андреевой (Оглахты II). Ср.: Семенов В. А. Керамика стоянки Хадыхных I в Западном Саяне. — КСИА, 1982, вып. 169; Он же. Охотники и скотоводы в III—II тыс. до н. э. северо-западной периферии Тувы. — В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири. Томск, 1981.

н. э., а может быть, и несколько ранее. Очевидно, к тому времени созрела внутренняя потребность местных степных племен к созданию производящей экономики.

Если древнее неолитическое население Енисея получило некоторых домашних животных извне, то все же развитие форм скотоводства в условиях сурового сибирского климата и ландшафта шло по линии накопления собственного опыта и этот процесс не может быть объяснен только заимствованием. В настоящее время еще нет данных о проникновении на Енисей в то же время и земледелия. Скорее всего в позднем неолите здесь складывается охотническо-скотоводческий тип производящего хозяйства.

Таким образом, приенисейские степные племена в материальной культуре и в организации хозяйства сильно отличались от неолитических охотников таежной зоны. Но это, может быть, в большей степени относится к левобережному населению, среди которого, как полагают некоторые антропологи, появляются пришельцы с запада или с далекого юга, отмеченные европеоидными или, изредка, даже негроидными особенностями в их физическом облике. Антропологи констатируют «культурные связи с территориями, откуда могли проникать отдельные представители негроавстралоидных групп», представители «тропического расового ствола». Они проникли на север до района современного Красноярска⁶⁵.

⁶⁵ Алексеев В. П. Энеолитический череп из Красноярска (к вопросу о южной примеси в населении Алтае-Саянского нагорья). — КСИА, 1960, вып. 34; Он же. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск,

На правом берегу, судя по байкаловскому погребению, продолжали обитать местные монголоидные племена, возможно, прямые потомки енисейских монголоидов эпохи верхнего палеолита. Если принять во внимание древнейшую топонимику, в особенности топонимику правого берега Енисея, то можно предположить, что плосколицые монголоиды, бывшие основным населением Хакасско-Минусинской котловины в эпоху палеолита и неолита, были самодийцами по языку.

Самодийцы являлись, вероятно, наиболее древним населением Саяно-Алтайского нагорья⁶⁶, но в неолитический период на Среднем Енисее появились и другие племена, говорившие на других языках и наречиях. Установить языковую принадлежность некоторых из них едва ли возможно, ибо они могли быть представителями вымерших ныне языковых семейств. Что касается антропологов, то они по материям из поздненеолитических погребений Красноярского района выявили большую смешанность населения. Там наряду с местными монголоидными и редкими южными «негроидами» появились люди европеоидного облика, очевидно, пришедшие с юга или запада. Эти европеоиды смешались с монголоидами, что доказывается обнаруже-

1961; Он же. Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. Критику взглядов В. П. Алексеева см.: Козинцев А. Г. Проникли ли в древности негроиды в Сибирь? — Вопросы антропологии, 1974, вып. 47.

⁶⁶ Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов. — Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ. Вып. 7. Абакан, 1959; Дульзон А. П. Дорусские топонимы Средней Сибири. — В кн.: Вопросы географии, сб. 70. М., 1966.

нием черепов смешанного типа. Точная дата появления европеоидов еще не установлена, но, безусловно, они были уже в неолите. Нет сомнения, что бассейны рек Абакана, Чулыма и Среднего Енисея в эпоху неолита являлись контактной зоной, где взаимодействовали разнотничные группы местного и пришлого населения. Особенно сложные процессы происходили, очевидно, на левобережном степном берегу Енисея и в зоне лесостепного коридора, по которому в настоящее время проходит транссибирская магистраль (Марининск — Красноярск).

«Всеопределяющее значение охоты и отчасти рыболовства как основы существования неолитических племен... сказывается не только в оставленных ими каменных или костяных изделиях. Еще полнее и ярче оно обнаруживается в произведениях искусства того времени, анималистического в основе. Искусство всеми своими корнями уходит в психологию и трудовую жизнь охотника. Оно в полной мере соответствует образу жизни и основному направлению хозяйственной деятельности»⁶⁷. Такими произведениями искусства являются Суханинская, Оглахтинская и Шалоболинская писаницы. Среди петроглифов Шалоболлина представлены гравированные контурные изображения лосей и рыб, обособленные изображения лосиных голов, фигуры лосей, выгравированные, а затем покрашенные. Имеются и такие рисунки: пара лосей с повернутыми назад головами, у некоторых лосей голова как бы отсечена поперечной чертой, у отдельных фигур обозначено сердце. Таковы же сюжеты и Оглахтинской писаницы. Наскаль-

ные изображения Хакасско-Минусинской котловины имеют аналоги среди петроглифов Ангары (Каменные острова) и Верхней Лены (Шишкино). Писаницы в междуречье Енисея и Ангары — на реках Ие и Оке, в районе Кадинского порога и у с. Завалье содержат в основном изображения лосей, сходные с рисунками Шалоболлина и Каменных островов. К той же группе принадлежит и Томская писаница в Западной Сибири. А. А. Формозовым было отмечено, что ареал распространения писаниц, о которых идет речь, совпадает с ареалом каменных рыб-приманок, характерных для серовского этапа неолита Прибайкалья, отдельные находки которых известны на правобережье Енисея и в Барабинской степи; на основании этого сделан вывод, что стиль, объединяющий писаницы Ангары, Верхней Лены, Хакасии и Томи, выработался в неолитическое время, не ранее серовского этапа⁶⁸.

Важен факт, отмечаемый целым рядом исследователей енисейских писаниц: среди самых ранних наскальных рисунков, относящихся к неолиту, имеются изображения не только лесных животных (лось, марал, кабан, медведь), но и рисунки коров, быков, и лошадей⁶⁹. Это подтверждает возникновение на Енисее охотническо-скотоводческого хозяйства еще в неолите.

⁶⁸ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 85, 113.

⁶⁹ Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений. — СА, 1973, № 3; Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 182—193; Дэвлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханихи на Среднем Енисее. — КСИА, 1982, вып. 169; Пяткин Б. Н. Шалоболинские петроглифы. — АКД. Л., 1982, с. 8.

⁶⁷ Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока, т. 175.

Об эстетических потребностях и возможностях неолитических племен Хакасско-Минусинской котловины некоторое представление дают находки в погребении у д. Байкаловой костяного остова вкладышевого ножа, орнаментированного горизонтальными и косыми нарезками, и бусины, вырезанные из раковины, с отверстием биконической формы. Подобные бусины часто встречаются в прибайкальских погребениях серовского и глазковского времени. Что же касается первой находки, то орнамент на костяном орудии из погребения у д. Байкаловой идентичен орнаментальной резьбе игольника из неолитического погребения у ручья Гремячего под Красноярском⁷⁰.

Нами рассмотрены материалы 14 неолитических поселений, расположенных на территории Хакасии. Сейчас их известно больше, но материалы их не опубликованы.

Как показал технический и типологический анализ каменного инвентаря и посуды известных памятников, на территории Хакасско-Минусинской котловины существовали три неолитические культуры: оглаختинская, унукская и среднеенисейская. В складывании оглаختинской и среднеенисейской культур решающую роль сыграли контакты местного населения с племенами Западной Сибири и Южного Урала. Некоторое влияние древнее население Среднего Енисея испытывало и со

⁷⁰ Глузская З. Г. Новое в искусстве неолита на Енисее. — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, с. 44, табл. 5(2); Хлобыстин Л. П., Шер Я. А. Указ. соч., с. 51—52.

стороны Казахстана и Приаралья. С другой стороны, для процесса становления унукской культуры важное значение имели и связи с Прибайкальем.

Как видим, даже сравнительно скромные пока материалы убедительно свидетельствуют, что огражденная со всех сторон горными хребтами Хакасско-Минусинская котловина тем не менее являлась областью прогрессивного развития культуры древних человеческих общин в конце каменного века.

В связи с изучением неолитических памятников Хакасско-Минусинской котловины встает вопрос о соотношении неолита Среднего Енисея и самой ранней из известных на этой территории культур энеолита и бронзового века — афанасьевской. Л. П. Зяблиным отмечалось, что «в афанасьевской культуре можно обнаружить элементы, генетически связанные с неолитическим Унюком». Некоторое сходство имеется и между афанасьевской керамикой и глиняной посудой поселения Кызыкуль. Однако «различий значительно больше, и эти различия крупнее, в то время как элементы сходства — лишь мелкие детали. Трудности сравнений идут с двух сторон: еще мало неолитического материала, но мы также плохо знаем и ранний этап афанасьевской культуры»⁷¹. Этот вопрос также не может быть решен без получения новых материалов, что составляет одну из важных задач изучения древней истории Хакасско-Минусинской котловины.

⁷¹ Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унук на верхнем Енисее, с. 72.

ЧАСТЬ 2

ЭПОХА ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И ПЕРЕХОД К ЭНЕОЛИТУ

Тазминская культура — культура древнейших святилищ и каменных изваяний Сибири

Будущие раскопки и открытия новых археологических памятников помогут разрешить многие загадки, связанные с культурой и бытом неолитических племен Хакасско-Минусинской котловины. В настоящее время можно предполагать значительную сложность идеологии и верований этих племен. Многое зависит от определения времени сооружения древнейших каменных изваяний Хакасских степей, которые известны ученым с XVIII в. Однако они остаются до сих пор неразгаданными полностью. Их датировка долгое время составляет предмет дискуссии. Имеются основания считать, что большинство величественных культовых монументов, созданных с помощью каменных орудий, воздвигнуто в период

позднего неолита. Тогда же были выбиты многие рисунки на отвесных утесах по Енисею и Абакану.

Раскопки Хакасской археологической экспедиции Московского университета вскрыли весьма важные обстоятельства, заставляющие по-новому взглянуть на всю совокупность известных и вновь обнаруженных памятников. Пришло время поставить вопрос о выделении особой культуры, представленной пока в основном вновь открытыми святилищами и древнейшими каменными изваяниями, менгирами и личинами на скалах. Назвать ее можно тазминской по улусу хакасов Тазминных (Тазмин-аалы) на р. Пююр-сух (рус. Бюрь), где в 1911 г. И. Т. Савенковым были произведены первые безрезультат-

Рис. 17. Изваяние Чалгыс оба на левом берегу р. Нини (1968 г.). Серый песчаник

ные и потому малоизвестные раскопки вокруг каменных изваяний¹.

В настоящей книге предлагается новый опыт комплексной оценки всех видов памятников, относящихся к тазминской культуре. Каменные изваяния, стелы и менгиры впервые связаны с раскопанными вокруг них остатками древних святилищ. Появившиеся новые данные положены в основу датировки и

культурно-исторической оценки как самой культуры, так и ее культовых объектов. Подробно исследуется семантика относящихся к этому времени произведений неолитического искусства и восстанавливаются основы мировоззрения и духовной культуры поздненеолитических племен Хакасско-Минусинской котловины. Это они были творцами-создателями и почитателями своеобразных и ярких священных образов, запечатленных в камне и сохранившихся в течение почти пяти тысячелетий. Дальнейшие исследования дополняют или даже, возможно, изменяют наши современные представления об этой культуре. Но уже сейчас вряд ли следует соглашаться с тем, что некоторые исследователи, не зная святилищ, все эти изваяния связывают с так называемой окуневской культурой.

¹ Савенков И. Т. Бирская стела или Тазминский камень (рукопись). Архив Минусинского краеведческого музея, № 86; В 1947 г. Э. Р. Рыгдылон пробовал шурфовкой исследовать менгир близ озера Шира (см.: Рыгдылон Э. Р. Краткий отчет о работе археологической экспедиции. Лето 1947 г. — Архив ИА АН СССР. р-1, д. 112, с. 11). Небольшие закопашки закладывала Э. Б. Вадецкая. См.: Кызласов И. Л. Древние изваяния и менгиры Хакасии. — В кн.: Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан., 1984.

1. Раскопки древних святилищ

К тазминской культуре относятся не только каменные изваяния и менгиры, нередко имеющие форму звериного фаллуса, но и святилища, обнаруженные впервые нашей экспедицией в долине р. Нини, в котловинах Салбык (близ ручья Кутен-Бурук) и Сорга (у Тазминского улуса и станции Ербинской, при впадении р. Сорых-сух в р. Пююр-сух) в 1970—1972 гг. Приводим подробные данные об этих памятниках.

Изваяние Чалгыс оба (рус. Одинокостоящий менгир) находится на левом берегу р. Нини, в 5—6 км к востоку-северо-востоку от скалы Тарбах Хая, возле которой до 1941 г. стояла д. Синявино. Изваяние лежит на краю надпойменной террасы возле грунтовой дороги из улуса Чаркова на р. Немир, в 150 м к северу-северо-востоку от брода через р. Ниню и в 60 м от берега.

Изваяние, выбитое из глыбы серого гранита, лежит вытянуто с северо-северо-запада на юг-юго-восток, на боку, на широкой стороне (рис. 17)². Узкая лицевая сторона его повернута на восток-северо-восток. У северо-северо-западного конца изваяния (этот конец был первоначально вкопан в землю) находится небольшое углубление (яма 3). Размеры его: 1,2 м (запад —

Рис. 18. Изваяние Чалгыс оба (1955 г.)

восток) $\times$ 1,05 (север — юг); глубина от современного уровня почвы — 15—20 см. Судя по всему, изваяние прежде стояло в этой яме (рис. 18). Вблизи монолита следов древних погребальных сооружений нет. Длина изваяния — 2,8 м; ширина по низу — 0,7 м; ширина по «животу» — 0,8 м. Ширина верхнего края — 0,54 м. Верхний край заострен к лицевой стороне. В целом изваяние имело «саблевидную» форму. Толщина верхней части — 0,27 м; у верхней трети — 0,46 м и на уровне живота — 0,7 м. Тол-

² Изваяния Чалгыс оба и Ах оба осмотрены нами еще в 1968 г. См.: Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция 1968 г. — В кн.: Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, вып. XV. Абакан, 1970, с. 85. Он же. Двадцатый год работы Хакасской экспедиции. — В кн.: АО 1970 г. М., 1971; Он же. Каменные «старушки» Хакасии. — В кн.: АО 1971 г. М., 1972.

шина нижней части — 0,58 м. Лицевая сторона забрызгана птичьим пометом и просматривается плохо, однако отчетливо видна стесанность нижнего конца изваяния. Выше «живота» расположена большая двуглазая личина с поперечной чертой посередине лица и с углубленным ртом. Глаза выполнены круглыми ямками. Над лбом личины — два заостренных углубления по бокам. Вероятно, так изображены уши (рис. 19). Выше отчетливо

две оси: одну ось с запада на восток, а другую — с севера на юг, но с отклонением до 20° к западу. Эта ось прошла через каменное изваяние и яму около северо-северо-западного конца его (рис. 20). Раскопки велись по четырем секторам. В 0,34 м к северу-северо-западу от ямки 3 расположен камень, вертикально врытый в землю. Длина его — 0,46, ширина — 0,2 м. Выступает он над современной поверхностью на 0,12 м. В дерновом слое

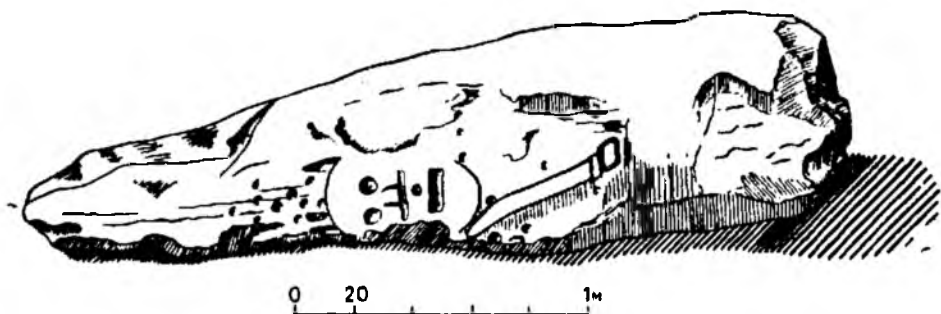

Рис. 19. Рисунок монумента Чалгыс оба. Серый песчаник

просматриваются десять выдолбленных круглых ямок. Все это замыкается обращенным кверху углубленным овалом. У личины четко обозначены подбородок, две ямки под носом и три слева от подбородка. Шесть ямок расположено под личиной на выпуклом животе изваяния. На нем также отчетливо изображен репс быка, идущий от низа живота до подбородка личины с правой ее стороны (рис. 19)³.

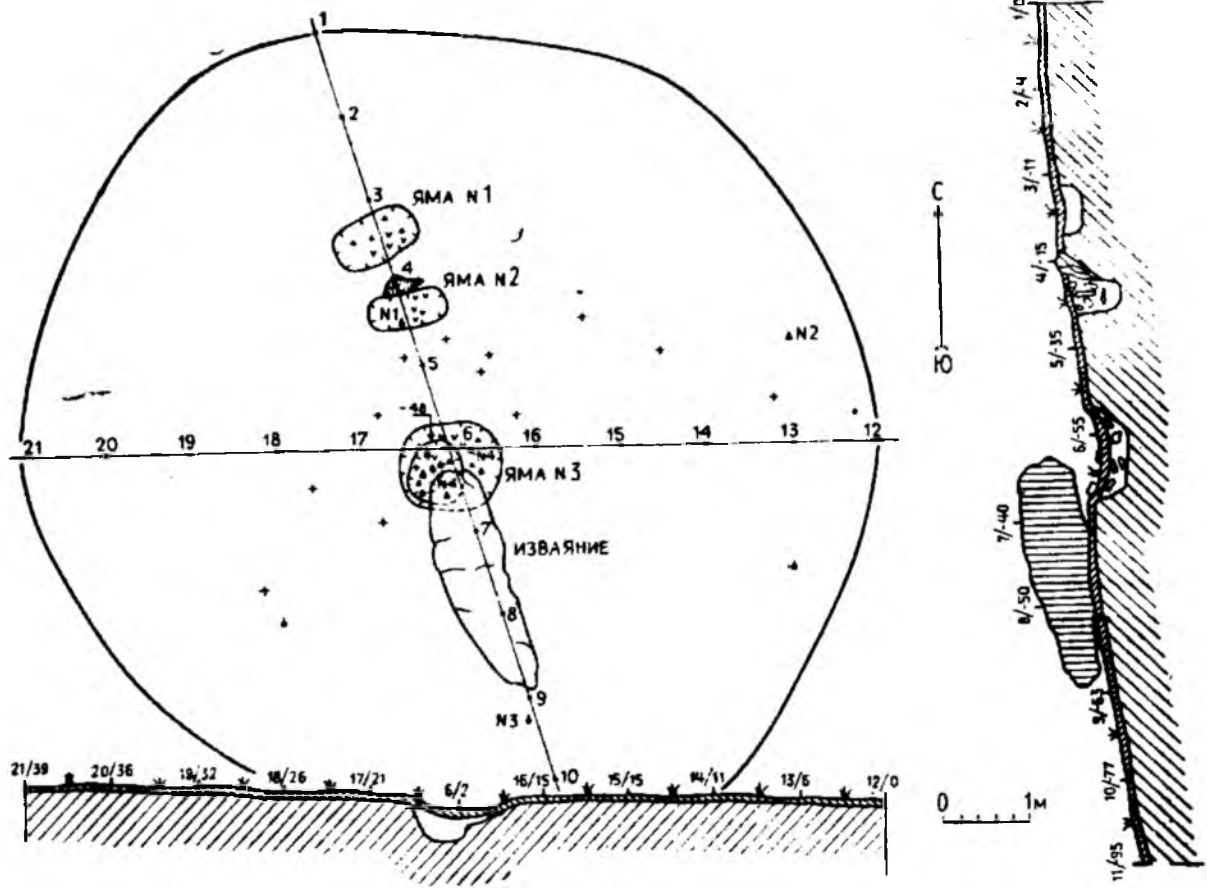
Заложили раскоп вокруг изваяния диаметром 10 м. Проложили

при расчистке северо-западного сектора обнаружены мелкие осколки синеватого бутылочного стекла, зубы и обломки челюстей лошади⁴, а также обломки тонкостенной полевой тарелочки или блюда русской работы с линейно-волнистым орнаментом (нах. № 1).

В северо-западном секторе найден современный перочинный ножик со следами долгого пребывания в земле и венчик белого фарфорового бокала. В северо-восточном секторе в дерновом слое возле изваяния найдены обломки трубчатых костей и ног двух лошадей, обломок красного венчика сосуда

³ Это изваяние хакасы называли Алчах (Старик). В 80-х годах XIX в. оно еще стояло (Каратанов И., Попов Н. Качинские татары Минусинского округа. — Известия РГО, т. XX, вып. 6. Спб., 1884, с. 644).

⁴ Кости животных определены Е. Г. Андреевой.

▲ угли   ▼ кость животных   * находки   ▲ керамика красноватого цвета
 ♦ обломки фарфоровых сосудов   ○ камни   ▨ дерн   ▩ материк   / граница раскола

Рис. 20. План раскопа вокруг изваяния Чалгыс оба

(нах. № 2), аналогичного находке № 1. В том же секторе обнаружена головка второй фаланги лошади и обломок фарфорового сосуда с голубой полоской.

В юго-западном секторе при снятии дерна археологи увидели осколки бутылочного стекла, железный гвоздь и обломок чугунного котла, а также обломок красной керамики (нах. № 3), аналогичный находкам 1 и 2.

После снятия дерна в северо-западном секторе расчищена яма № 1 (1,05 × 0,6 м и глубиной 0,35 м; рис. 20). В яме обнаружены угольки, около 50 костей от четырех лошадей (трех взрослых и одной молодой), 8 костей от двух особей крупного рогатого скота, 15 костей овцы от трех особей (одна молодая и две взрослые).

Около врытого камня — яма № 2 (0,94 × 0,41 м и глубиной 0,52 м). Яма была забутована камнями размерами 0,42 × 0,2 × 0,08 м и менее; (рис. 20). В северной стенке ямы врыта плита (0,57 × 0,5 × 0,16 м). В яме под камнями (на глубине 0,24 м) найдены обломки трубчатых костей. Верхняя часть вертикально врытого камня была некогда отколота. Первоначально он представлял собою стелу, к которой примыкала каменная забутовка ямы. Это и был древний жертвенник при изваянии.

Под изваянием лежало донце от жестяной баночки из-под вазелина. Следовательно, изваяние люди перерабатывали недавно. Под изваянием в яме 3 найден обломок древнего лепного сосуда, закопченного с внешней стороны.

Правая сторона монумента повреждена под действием природных сил. Поверхностный слой гранита отслоился, особенно сильно сверху и до основания живота (ни-

же этой линии изваяние было первоначально на 0,5 м вкопано в землю). Отслаивание произошло и на задней грани. Левая сторона явных повреждений не имеет. При учете преобладающих западных и северо-западных ветров и дождей возможно предположить, что изваяние длительное время стояло обращенным личиной на юг, в сторону р. Нины, что объясняет и установку его на самом краю надпойменной террасы.

В юго-восточном секторе при снятии дерна также обнаружены обломки керамики красноватого цвета. Среди них донце того же сосуда русской работы, что и находки № 1—3. Второй обломок также от сосуда аналогичного типа, но стенки его более толстые.

Яма № 3 у северо-северо-западного конца изваяния засыпана обломками камней (размером 15 × 10 см и менее), среди которых — обломки древнего сосуда лепной работы (нах. № 4). В этой яме обнаружены 24 кости от двух лошадей (взрослой и молодой), угольки и обломки тонкостенной глазурованной посуды, а также осколки толстого бутылочного стекла темно-зеленого цвета, которое не попадалось в других секторах. В верхних слоях ямы № 3 расчищены обломки фаянсовой чашечки и чугунного котла, тлен от дерева, гильза от малокалиберной винтовки ТОЗ. Все современные предметы — это остатки пожертвованных, оставленные местными жителями в 20—40-х годах нашего столетия.

Что касается раздавленного сосуда № 4 из ямы 3, то после склеивания его оказалось, что это узкогорлый, выпуклообразный сосуд с уплотненным дном и отогнутым венчиком (рис. 21). Сформован он от руки, имеет закопченную, серую, заглаженную поверхность, но

хороший обжиг (тесто красного цвета с примесью песка). Судя по всем особенностям, это тагарский сосуд. Как он попал в яму из-под изваяния, наполненную остатками хакасских жертвоприношений, сказать трудно. Не исключено, что он происходит из подмытой рекой древней могилы и переиспользован хакасами в конце XIX в.

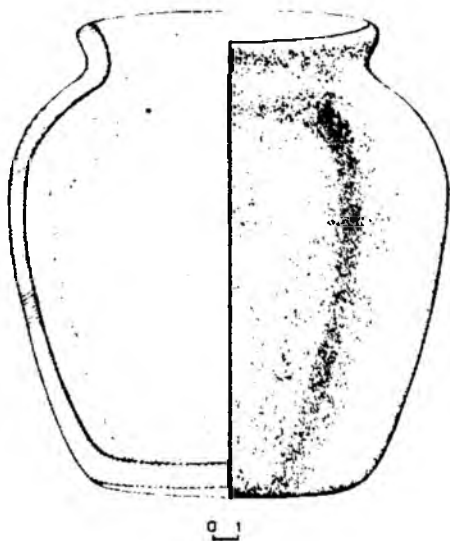

Рис. 21. Древний сосуд (№ 4) из ямы 3 под изваянием Чалгыс оба

Возможно, однако, что мы здесь впервые встретились с подтверждением того, что тагарцы приносили жертвенную пищу какой-то категории древних изваяний?

После того как изваяние было нами повернуто, на правой стороне его выявлены 22 выдолбленные округлые ямки. В их расположении никакой системы не наблюдается. Ямки небольшие, диаметром до 2—3 см.

После расчистки выяснились истинные размеры ямы № 3: 1,2 × 1,1 м, глубина — 0,48 м. Книзу яма сужалась и уменьшалась до

размеров 0,72 × 0,64 м (рис. 20). Торцевая часть изваяния имеет приблизительно те же размеры. Нижняя часть ямы № 3 является своеобразным отпечатком торцевой части изваяния. Судя по «отпечатку», изваяние в последнее время стояло в яме № 3 личиной на север-северо-восток, так как более широкая часть «отпечатка» находится у южной стенки ямы № 3. Вероятно, изваяние было не раз перевернуто еще в древние времена. В разных секторах вне ям под дерном обнаружены 12 костей от двух лошадей. Это, вероятно, также остатки современных жертвоприношений.

Изваяние Ах оба (рис. Белый менгир) стояло на левом берегу р. Нини при слиянии с Камыштой, в 7 км ниже Чалгыс оба (рис. 22) и в 2,5—3 км от поселка Камышта, расположенного на правом берегу реки. Оно находилось в 300—400 м от берега реки на ровной пойменной низине. На 300 м в радиусе от него могильных сооружений нет.

В 5 м к западу-юго-западу от монумента находится земляной бугор, вытянутый с севера-северо-востока на юг-юго-запад, размерами 18,5 × 9,5 и высотой около 0,9 м. Это естественная грива, намытая в пойме реки. Изваяние представляет собой обработанный в виде бычьего фаллоса обелиск черного гранита (высотой 2,6 м, шириной 0,56 м, наибольшей толщиной 0,7 м). Широкими гранями обелиск обращен на северо-восток и юго-запад. Видимых следов каких-либо изображений нет. С северо-восточной стороны вершина обелиска покрыта натеками птичьего помета, который, возможно, полностью скрыл черты, нанесенные в древности. В нижней половине монолита с северо-восточной стороны имеется выпуклость,

Рис. 22. Изваяние Ах оба. Вид с юго-востока. Серый песчаник

напоминающая выпуклые «животы» древних изваяний Хакасии (рис. 23).

Внизу под «животом» имеется слабое углубление, расширяющееся книзу, а еще ниже выступает рельефный фигурный выступ, то ли вы-

битый человеком, то ли имеющий естественное происхождение. Выступ концом своим обращен к углублению. Раскоп диаметром 10 м копался «крестом» с осями север — юг и запад — восток (рис. 24).

В дерновом слое северо-восточного сектора найдены плюсна лошади, обломки фарфоровых блюдец, железная наременная накладка и венчик современной глазурованной керамики (нах. 2). В юго-восточном секторе при снятии дерна попался диск, выбитый из известнякового камня (нах. 7; рис. 25, 2).

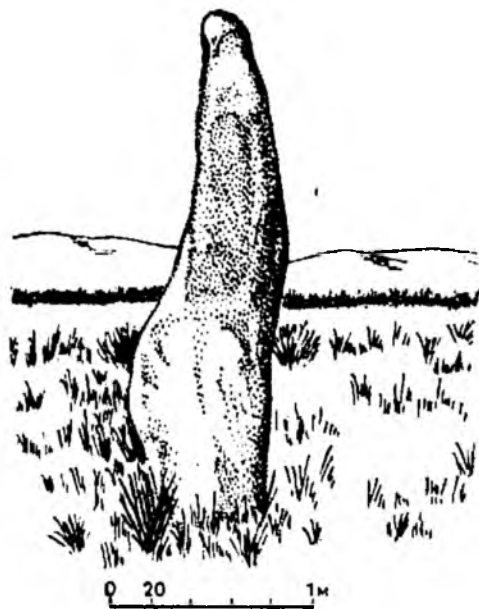

Рис. 23. Изваяние Ах оба. Вид с северо-запада

В северо-восточном секторе найден гвоздь кузнечного производства с округлой шляпкой. Расчищены два зольных пятна. Одно размером $0,6 \times 0,25$ м, другое — $0,35 \times 0,25$ м. Неподалеку — деревянный кол, вбитый в землю. В юго-западном секторе обнаружены фрагменты фарфоровой посуды и глазурованной керамики, изготовленной на гончарном круге, железный замок дореволюционного производства и осколок фаянсовой чашечки.

В юго-восточном секторе расчищены кость овцы и древесные угольки.

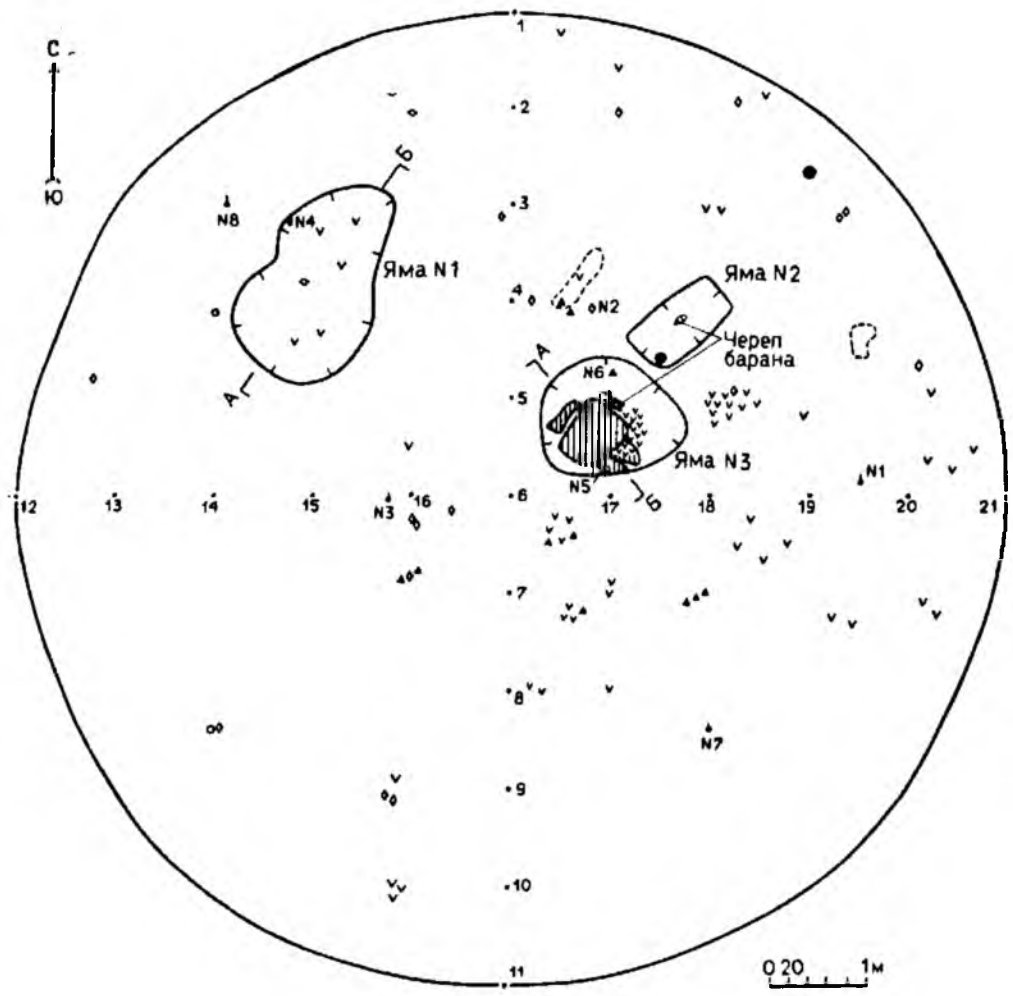
В северо-западном секторе в дерне обнаружены остатки современных железных стремян, обломки глиняных и глазурованных сосудов (нах. 3) и диски, выбитые из камня (рис. 25, 3, 4; нах. 8). Под дерном, в 0,2 м от кола 3 к югу, найдено кремневое орудие со вторичной ретушью, образующей скребло-видный край (нах. 4). Орудие изготовлено из отщепа, хранящего следы трех сколов: двух продольных верхних и вогнутого (с брюшком) нижнего (рис. 3, 2). Есть еще поперечный скол ударной площадки, для получения которой удар был нанесен снизу. По правому боку снизу идет грубая крутая ретушь, которая сверху образует скребковое лезвие. На левом боку сверху, двумя ударами сбоку (внутри от лезвия), выбита скоблеобразная выемка. Позднее и она и низ левого бока подработаны мелкой ретушью, а низ, кроме того (если перевернуть), имеет острый резовый конец (рис. 3, 2). Очевидно, что это универсальное орудие соединяло в себе функции скребка, скребла и резца.

Вокруг изваяния выявлена выкладка из булыжников. При ее расчистке найдены лопатка овцы, лопатки и трубчатые кости ног лошади. Судя по многочисленности костей ног лошадей, на изваяние могли вешать шкуры жертвенных коней. Верхняя лицевая сторона, обращенная на северо-восток, возможно, первоначально имела личину, нанесенную минеральными красками (охрой), но в настоящее время от нее ничего не осталось.

Напротив кола 19, на расстоянии 3,25 м к северу, на глубине 0,25 м обнаружен деревянный столб,

врытый в землю (диаметр 0,12 м). Таким образом, два столба стояли на одной линии с северо-востока на юго-запад перед лицевой частью изваяния, и, по-видимому, на них вешали шкуры жертвенных лошадей (рис. 24). Вокруг изваяния встречаются обожженные камни, возможно оставшиеся от кольцевидных очагов.

- ▲ древесный уголь   ○ современная керамика   ○ железные изделия   ▲ находки
- зольное пятно   ● столбик   v кости животных   — граница раскопа   ⊕ камень

Рис. 24. План раскопа вокруг изваяния Лх оба

В северо-западном секторе после снятия дерна обнаружена яма № 1 (2,15 × 1,3 м). Глубина ямы — 1,05 м от уровня современной поч-

вы. В плане яма имеет грушевидную форму (рис. 24). Вытянута она с северо-востока на юго-запад. В яме находились остатки перепре-

самого дна, встречаются мелкие обломки фарфоровых чашек, тарелок, блюдца, пиал (рис. 24). Очевидно, яму вырыли и использовали хакасы

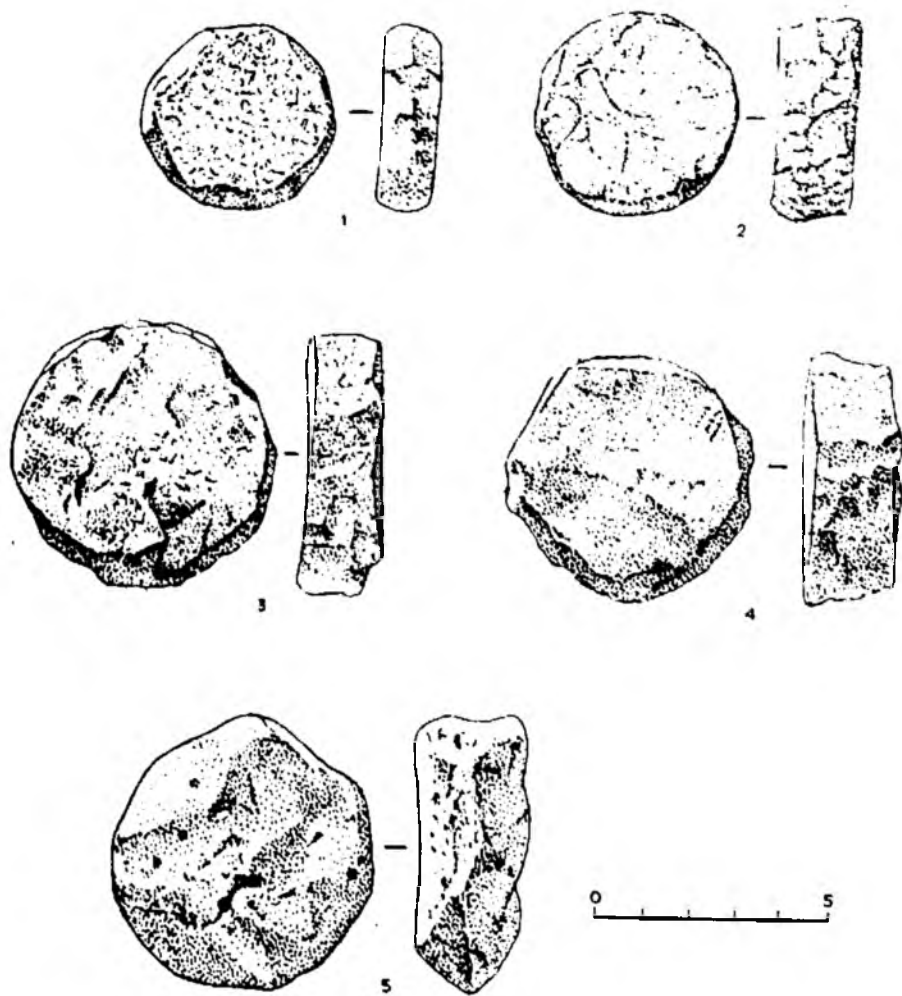

Рис. 25. Каменные диски, найденные вокруг изваяния Ах оба (1 — нах. № 5; 2 — нах. № 7; 3, 4 — нах. № 8) и у менгира на р. Суглух—юрь (5).
1, 2 — известняк; 3, 4, 5 — песчаник

лого навоза и дерна с большим количеством костей домашних животных (кости крупной взрослой лошади, двух коров и двух баранов). На протяжении всей глубины ямы, до

для своих жертвоприношений в XIX в.

Древнейший жертвенник — яма № 2 (в северо-восточном секторе) имеет размеры: $1 \times 0,55$ и глубину

0,6 м. В нее позже был врыт столб. Яма находится к северо-востоку от изваяния. Вытянута она с северо-востока на юго-запад (рис. 26).

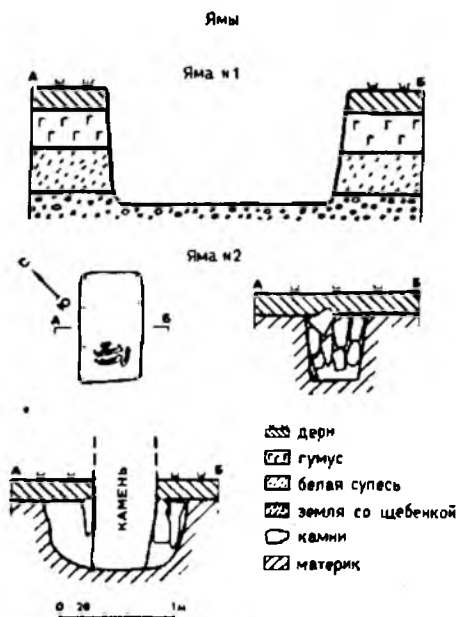

Рис. 26. План и разрезы ям у изваяния Ах оба

Юго-западный край ее находится на расстоянии 0,75 м от изваяния (рис. 24). Яма аккуратно заложена плотную подогнанными большими обломками скалы, специально привезенными со стороны (размерами от $0,57 \times 0,3$ до $0,24 \times 0,19$ м; см. рис. 26). На дне ямы лежал (зубами на юго-запад, см. рис. 26) целый череп молодого барашка (около трех месяцев от роду) с молочными роговыми стерженьками на лбу.

В яме № 3 стояло само изваяние. С северо-восточной его стороны (на глубине 0,6 м от горизонта и в 5 см от изваяния) находился череп жертвенной молодой овцы с сохранившимися основаниями рожек.

У самого основания изваяния обнаружен каменный диск на глубине 0,15 м (нах. № 5; рис. 25, 1). Изваяние с двух сторон укреплено каменными контрфорсами, размерами $0,4 \times 0,38$ м и $0,2 \times 0,3$ м (рис. 26, 27). После извлечения изваяния из ямы под ним выявились древесные угольки и трубчатые кости ног барашка (пястье, плюсны, фаланги).

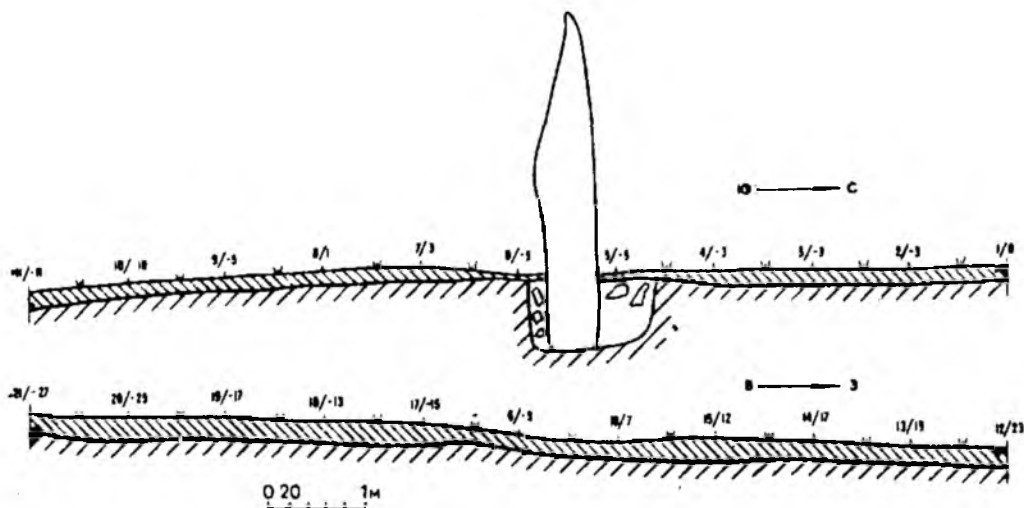

Рис. 27. Разрезы раскопа вокруг изваяния Ах оба

Здесь же обломок лепного сосуда (нах. 6). Изваяние было врыто на глубину 0,79 м (размеры основания камня: 0,78×0,47 м). Общая длина его — 3,4 м.

Изваяние Игыр оба находилось в известной Салбыкской котловине, среди громадных поздне-тагарских курганов. Этот своеобразный памятник известен в литературе под именем Салбыкский камень-старик⁵, а местные хакасы-

⁵ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей.— В кн.: Материалы по этнографии. т. 4, вып. 2. Л., 1929, табл. VIII, рис. 70; ныне хранится в ХОКМ в г. Абакане; см.: Кызласов Л. Р. Каменные «старушки» Хакасии.

качинцы называли его Игыр оба (Кривой камень, т. е. косостоящий менгир), или же Чалгыс оба (однокостящий камень).

Изваяние, представляющее собой высокий четырехгранный обелиск, стояло одиноко в плоской голой степи. Оно было наклонено под углом 45° в южную сторону (рис. 28). На вершине его западной плоскости отчетливо выбито стилизованное лицо человека с бородой (рис. 28). В 1956 г. изваяние перевезено в Хакасский областной музей. В 1971 г. нашей экспедицией были предприняты раскопки на этом месте⁶.

⁶ Кызласов Л. Р. Каменные «старушки» Хакасии, с. 295.

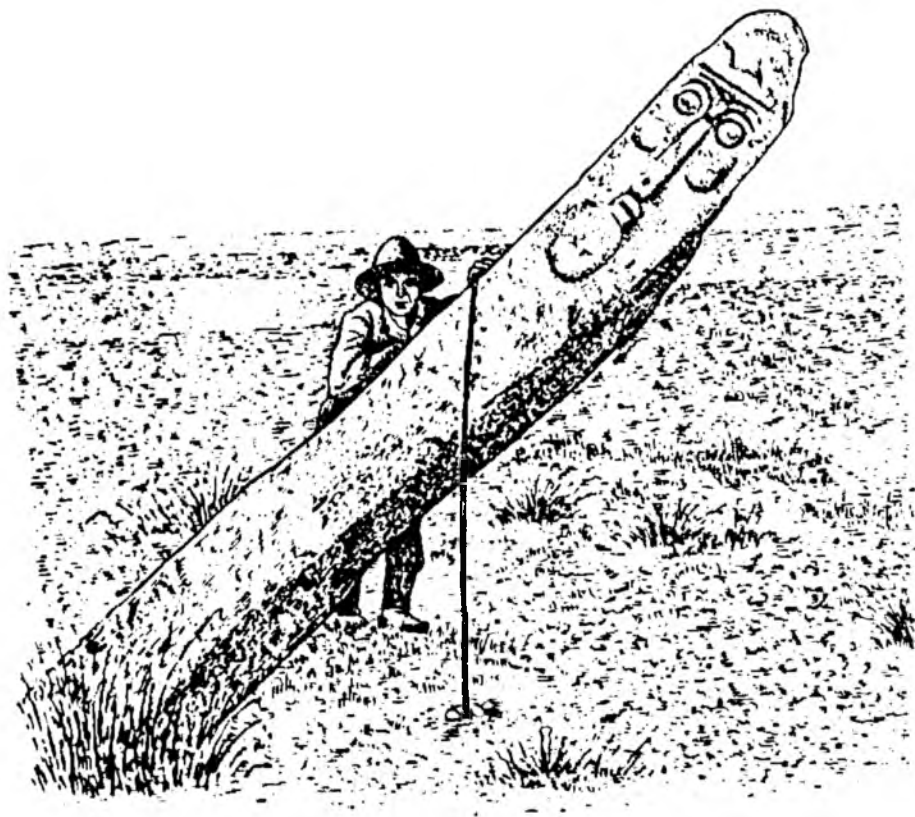

Рис. 28. Изваяние Игыр оба в Салбыкской котловине (по фотографии 1915 г.)
Серый гранит

Местоположение изваяния: 900 м к северу от раскопанного в 1954—1956 гг. С. В. Киселевым Большого Салбыкского кургана и в 800 м к востоку-северо-востоку (75°) от второго большого кургана, являющегося крайним к горной цепи Батеневского кряжа, протянувшегося с юго-запада на северо-восток. В 30 м к северо-востоку от этого места находится сооруженная в 1970 г. кирпичная кошара Октябрьского совхоза.

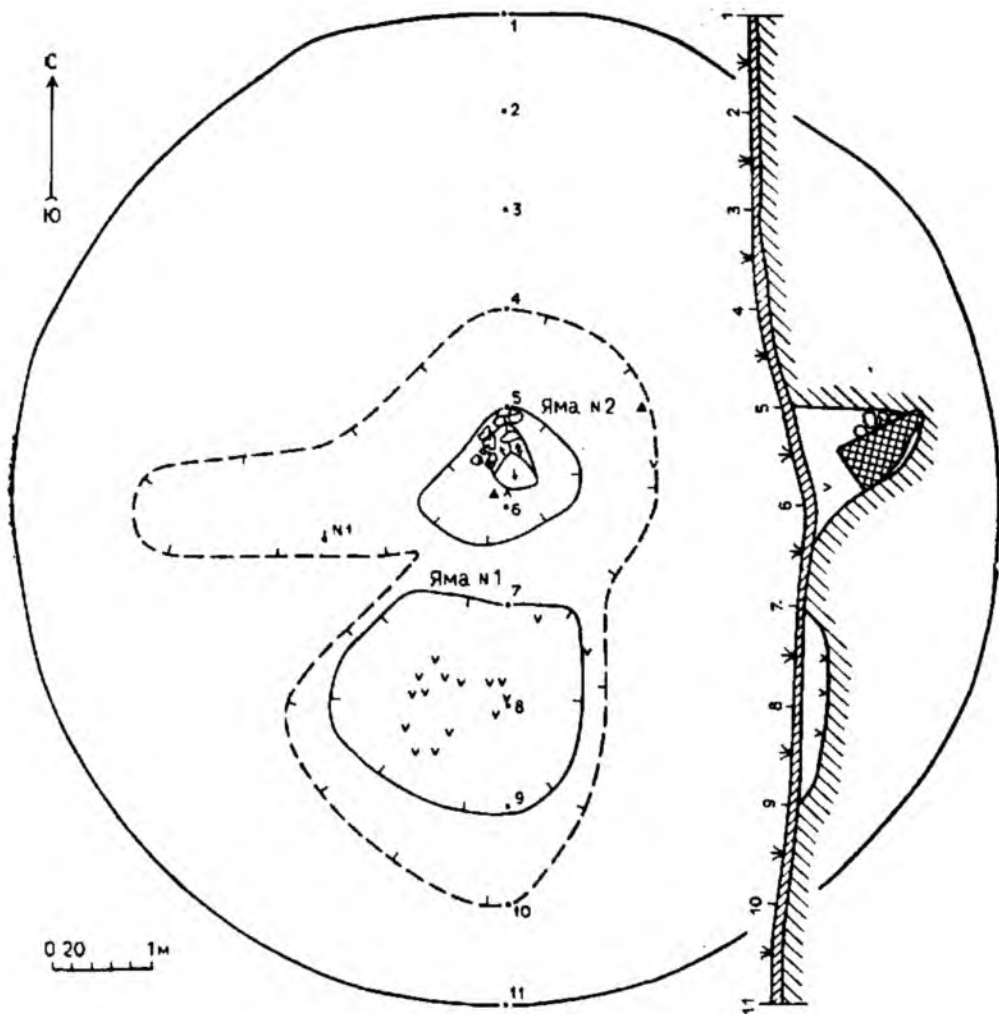
По свидетельству местных хакасов-чабанов, у Игыр оба не производилось никаких молений, а общественные мольбища хакасов (тигр таих — жертвоприношения небу) совершались на самых высоких горах Батеневского хребта, в 8—10 км к северо-западу. Это обстоятельство подтвердилось при раскопках. На месте изваяния до нас сохранились две соединяющиеся впадины. Южная была вытянута с северо-востока на юго-запад на 3,4 м и с северо-запада на юго-восток на 3 м. Северная впадина (диаметром 2,8 м) имеет «канавку», отходящую на запад, длиной 2,8 м и шириной до 1 м (рис. 29).

Круглый раскоп составлял 10 м в диаметре. При снятии дерна встречены угольки и обломки трубчатых неопределимых костей животных. В западной канавке на горизонте обнаружен нижний правый клык бурого медведя (*Ursus arctos* L.; рис. 3, 1). На месте южной впадины выявлены очертания ямы № 1 с темно-бурой засыпкой (размеры: 2,1×2,5 м). Яма вытянута с востока на запад (рис. 29). В засыпке ямы найдены кусок лопатки, фаланга и обломки костей крупного рогатого скота и ребра мелкого рогатого скота. Яма имеет глубину 0,3 м. Дно ее слегка покато с юга на север.

В северной впадине выявились границы небольшой ямы № 2, вытянутой с юго-запада на северо-восток (размеры: 1,5×1,2 м; рис. 29). Сверху в этой яме находились мелкие обломки плит и крупная галька (размерами от 0,17×0,12×0,05 до 0,11×0,07×0,03 м) — остаток забутовки, укреплявшей прежде изваяние. Ниже обнажился кусок девонского песчаника размером 0,22×0,2×0,1 м, еще ниже — верхний угол большого обломанного косозалегающего серого гранитного основания изваяния. Камень заострен в глубину и наклонен с севера на юг (рис. 29). Верхняя точка его сколотой плоскости находилась на глубине 0,32 м, нижняя — 0,6 м. С севера и северо-запада камень укреплен плотно забитыми некрупными обломками скалы и плитняка (размерами от 0,17×0,16×0,1 м до 0,07×0,06×0,09 м). С северо-восточной и юго-восточной сторон близ камня выявлены древесный глени и уголек. Общая глубина ямы № 2 — 1,35 м. Обломок низа изваяния имел следующие размеры: верхняя плоскость — 0,4×0,47 м; общая высота — 0,9 м; к низу камень сужается до 0,3×0,22 м (рис. 29).

С северной и западной сторон камень окружало большое количество обломков скалы — забутовка щелей между изваянием и стенкой ямы. В южной части ямы этого не наблюдалось. Очевидно, поэтому камень издавна был наклонен на юг. Наклонившись и осев, изваяние вдавилось основанием в северную стенку ямы (рис. 29, разрез).

Изваяния в котловине Сорга. Тазмин улус и современная железнодорожная станция Ербинская находятся в котловине Сорга на южном склоне Батеневского

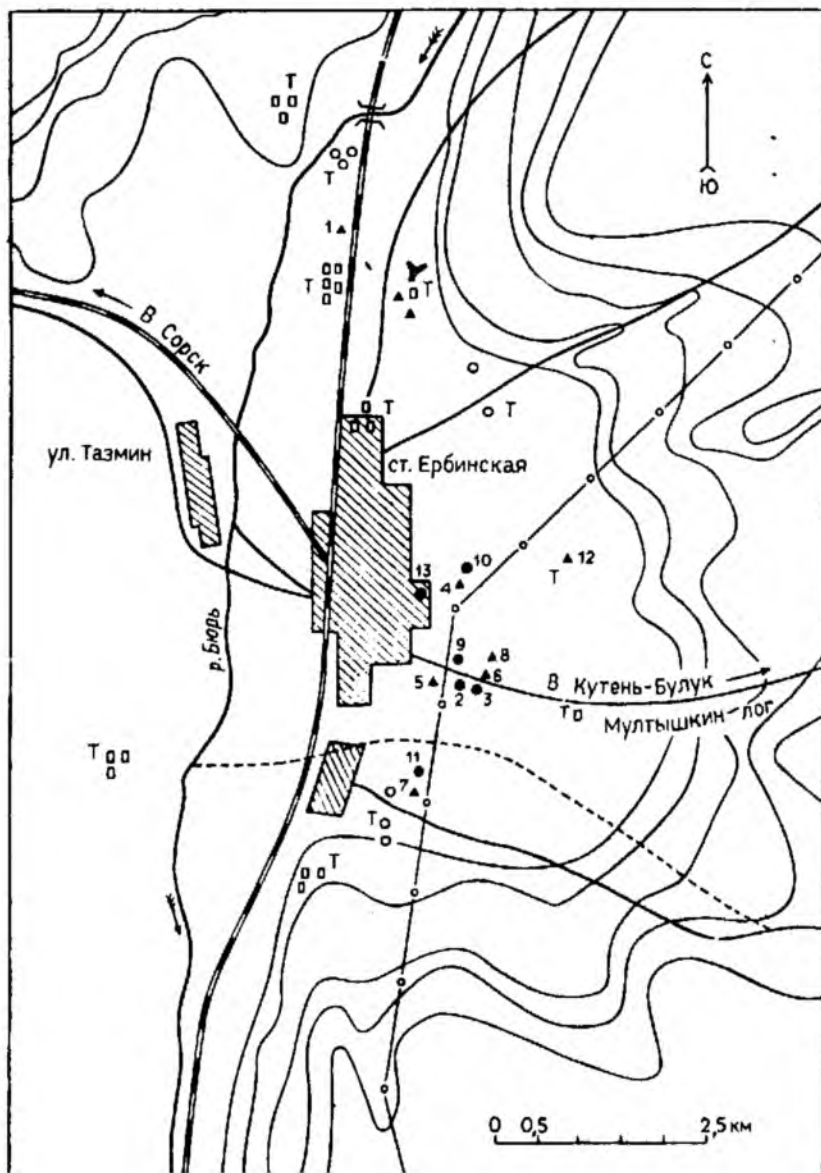

▲ древесный уголь   ♣ клык медведя   v кости животных   — граница раскопа
 ○ яма   ○ впадина на поверхности до раскопа   дерн   □ серая сусль
 ▨ материк   ▨ нижняя часть изваяния

Рис. 29. План раскопа вокруг Игры оба

кряжа, с которого стекают р. Пююр и впадающая в нее справа речка Сорых-сух. Межгорная впадина Сорга представляет собой давно известный археологам центр особенно большого сосредоточения древних каменных изваяний и менги-

ров. Эта своеобразная священная котловина нуждается в особо внимательном изучении, тем более что изваяния и менгиры сохранились в ней (за редким исключением) на местах своего первоначального установления (рис. 30).

▲ каменный курган   ▲ изваяние   ● менгир   □ тагарские курганы

Рис. 30. Схема расположения памятников в котловине Сорга вокруг улуса Тазмина и станции Ербинской

Следует сказать, что к 1971 г., когда в котловине начала свои работы экспедиция МГУ, многих изваяний уже не было на своих местах. Некоторая часть наиболее замечательных из них была увезена еще в древности. В сравнительно недавнее время — перевезена

археологами в музее. Два изваяния увез в 1911 г. в Минусинский музей И. Т. Савенков. В 1921 г. С. А. Теплоухов вывез в Ленинград классическое по форме «саблеобразное» изваяние Апсах оба (рис. 31), которое ныне находится в Музее этно-

графии народов СССР. По данным сотрудников экспедиции Теплоухова, на 1926 г. в окрестностях улуса Тазмина сохранилось 9 изваяний⁷.

⁷ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., с. 64.

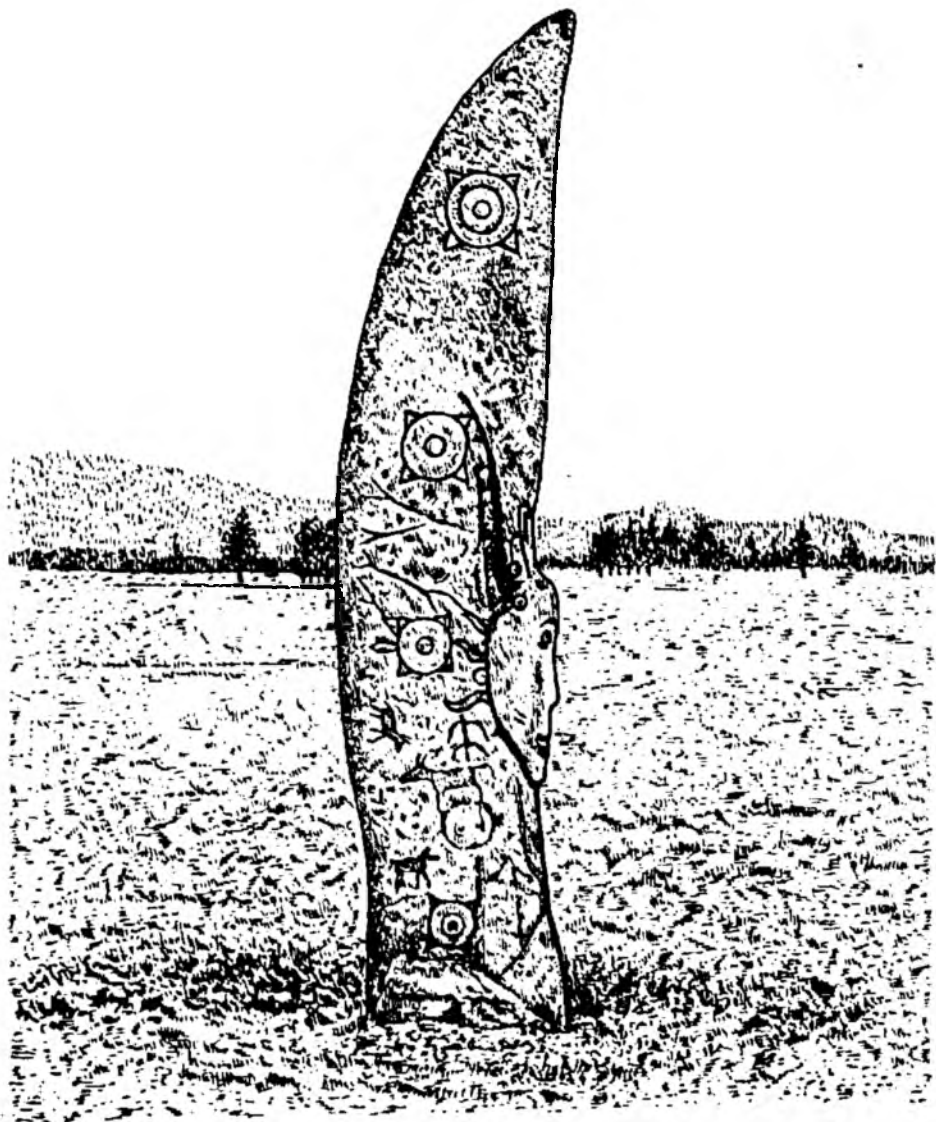

Рис. 31. Изваяние Апсах оба в котловине Сорга. Хранится в Музее этнографии народов СССР (Ленинград). Красный песчаник

В 1921 г. студент М. П. Грязнов зарисовал 7 изваяний. Эти схематичные рисунки опубликованы в сводной работе М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера «Древние изваяния Минусинских степей». Спустя 50 лет мы отчетливо увидели и зафиксировали голову лося (рис. 32), за-

погребальными сооружениями, за исключением изваяния № 12 с головой лося (по М. П. Грязнову № 25), которое было перенесено как менгир в оградке тагарского кургана II стадии и поэтому было нами только подкопано (рис. 33).

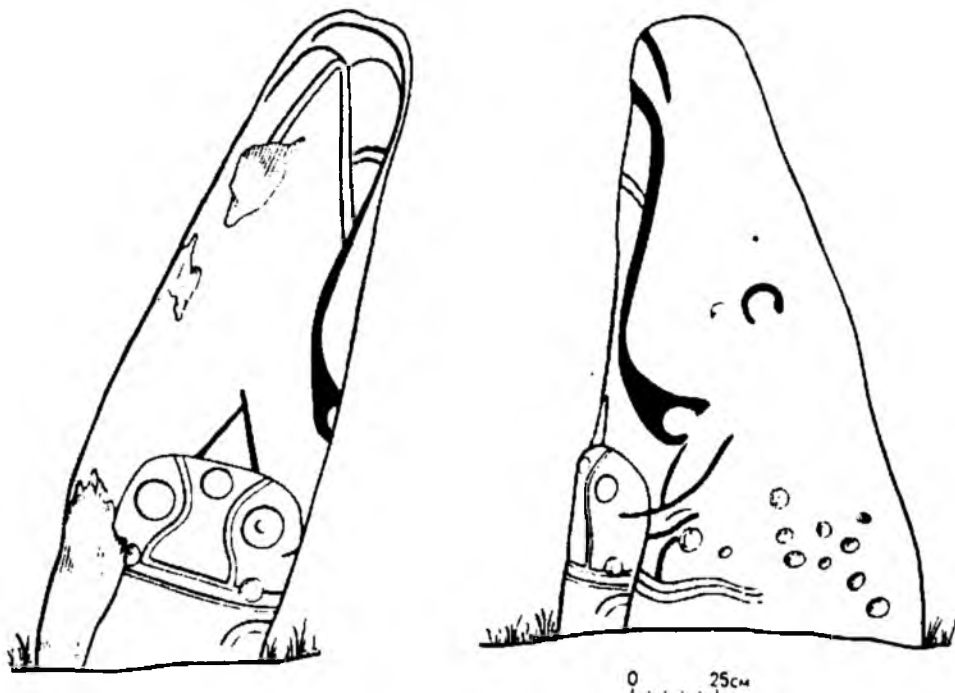

Рис. 32. Изваяние с головой лося в котловине Сорга. Переиспользовано для тагарской ограды. Красный песчаник

вершающую изваяние, которую М. П. Грязнов тогда на нем не разглядел⁸.

В 1971 г. мы зафиксировали в котловине Сорга 8 изваяний (1, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13), причем одно из них (№ 8) было открыто нами при раскопках. Все они не связаны с

⁸ Ср.: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. III, рис. 25 и Кызласов Л. Р. Каменные «старушки» Хакасии, рис. на с. 295.

Кроме того, зафиксировано еще около 15 менгиров, не имеющих внешних следов личин. 5 менгиров раскопано нами (рис. 30).

Изваяние № 1 стояло одиноко, в 2 км к северу от ст. Ербинская (на 342-м км ж. д. у столбика № 6/7) в полосе отчуждения, в 30 м к западу от ж. д. полотна⁹.

⁹ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., рис. 14. После наших раскопок было вывезено Н. В. Леонтьевым в

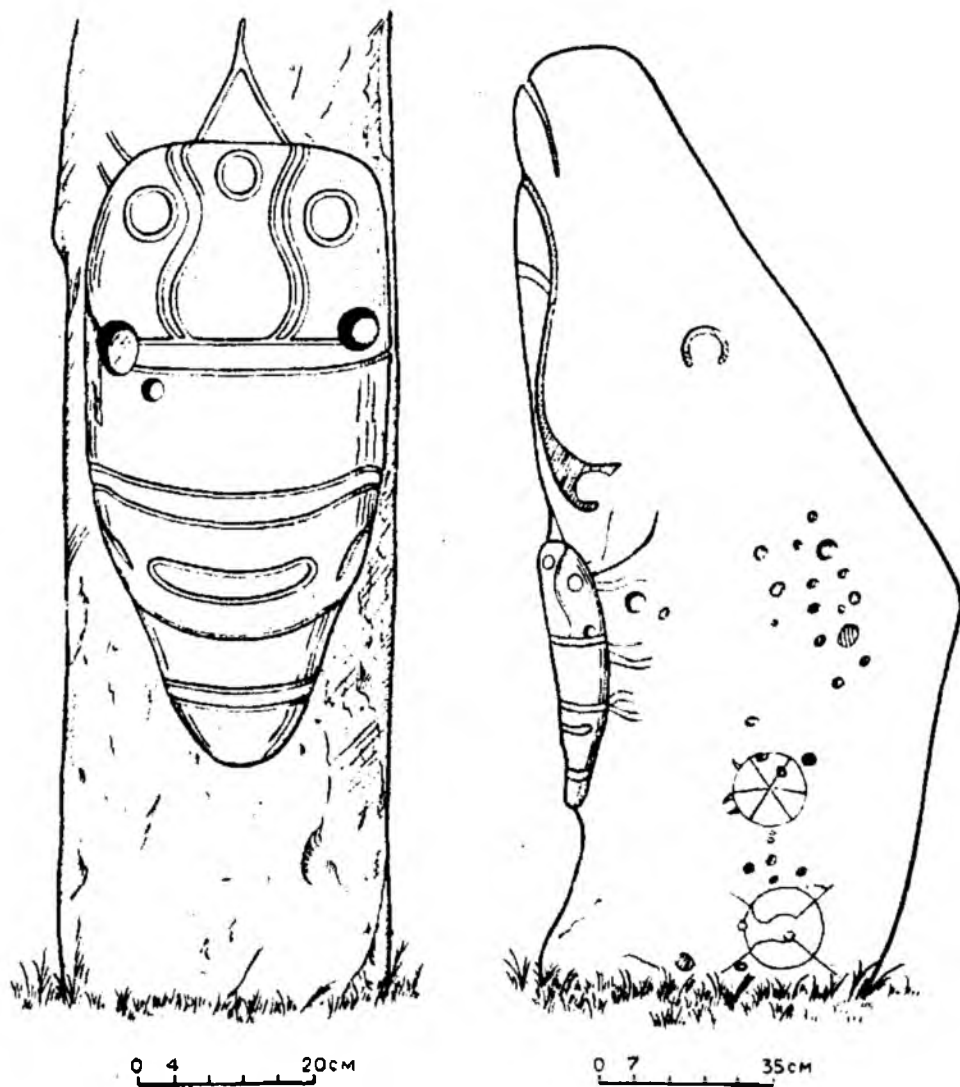

Рис. 33. Изваяние с головой лося в котловине Сорга после очистки нижней части

Стояло оно на ровном месте и личиной было обращено на восток-юго-восток (рис. 34). В 300—400 м к западу от него — левый берег р. Пююр (рус. Бюрь), текущей

здесь с севера на юг. Высота изваяния — 1,9 м, ширина — 0,33 м, толщина по низу — 0,4—0,53 м; верх — 0,38×0,18 м. Монолит выбит из серого, ноздреватого песчаника-конгломерата, мало приспособленного по фактуре для изготовления изваяний подобного рода.

Мирусинский краеведческий музей в конце августа 1971 г.

Имеет треугольное сечение и четко выделенную рельефную личину размерами $0,35 \times 0,23$ м. Под личиной двумя выпуклостями обозначены груди овальной формы ($0,11 \times 0,1$ м и $0,12 \times 0,09$ м). На личине отчетливо видны: рот, поперечная полоса

Рис. 34. Изваяние № 1 в котловине Сорга. Песчаник-конгломерат

под носом и полоса на лбу; две вертикальные дуги и в них — два глаза. Слабо видны коровьи рога с обеих сторон личины. Третьего глаза нет. Вверху лба проходит вертикальная выкрошившаяся трещина. Еще видна черточка носа. Задняя сторона стелы плоская, а личина находится «на ребре» подтреугольного в сечении каменного столба (рис. 35), чуть «отвалившегося» вершиной назад (рис. 34). Перед стелой был вырезан дерн прямоугольником 1×1 м. Нами за-

ложен круглый раскоп диаметром 10 м. Под дерном выявлены обломки трубчатых костей молодой лошади. При зачистке материка поздних хакасских жертвоприношений не обнаружено, так же как не было их и в Салбыке. Очевидно, подобные жертвы совершались хакасами не у всех изваяний. Более почитались стоявшие на берегах рек, возможно, как воплощение сух-ээзи (водяного хозяина), который обычно имел бычьи рога или даже вид быка. На древней поверхности почвы лежали камни, размерами $0,24 \times 0,2 \times 0,18$ м; $0,34 \times 0,2 \times 0,18$ м (рис. 35). Найдены также кости молодой лошади (позвонок, сустав, челюстная) и обломок берцовой кости крупной дикой птицы.

В восточном секторе, к югу от изваяния, на расстоянии 0,8 м, обнаружена каменная выкладка-жертвенник из обломков скалы (размерами от $0,35 \times 0,5$ м до $0,15 \times 0,2$ м). Выкладка в плане имеет овальную форму; общие ее размеры — $1,6 \times 1,1$ м. Выгнута она с севера на юг (рис. 36). Под выкладкой находилась яма № 1. В ней обнаружены 35 костей стегна и задних ног молодой и взрослой особей овцы. По северной стенке в яме стояли две вертикально врытые в землю плиты (рис. 35). Их размеры: $0,33 \times 0,48$ и $0,28 \times 0,4$ м. На дне ямы обнаружены кости ног молодой овцы. Яма № 1 оказалась овальной, вытянутой с севера на юг. Ее размеры: $1,44 \times 1,28$, глубина — 1,16 м.

В яме № 2 стояло само изваяние. Его удерживали контрфорсы из обломков скалы (от $0,2 \times 0,22$ м до $0,34 \times 0,26$ м). С северо-восточной стороны в яме, близ изваяния (на глубине 0,8 м), обнаружен плохо сохранившийся череп молодого шестимесячного барашка. После извлечения изваяния в заполнении ямы

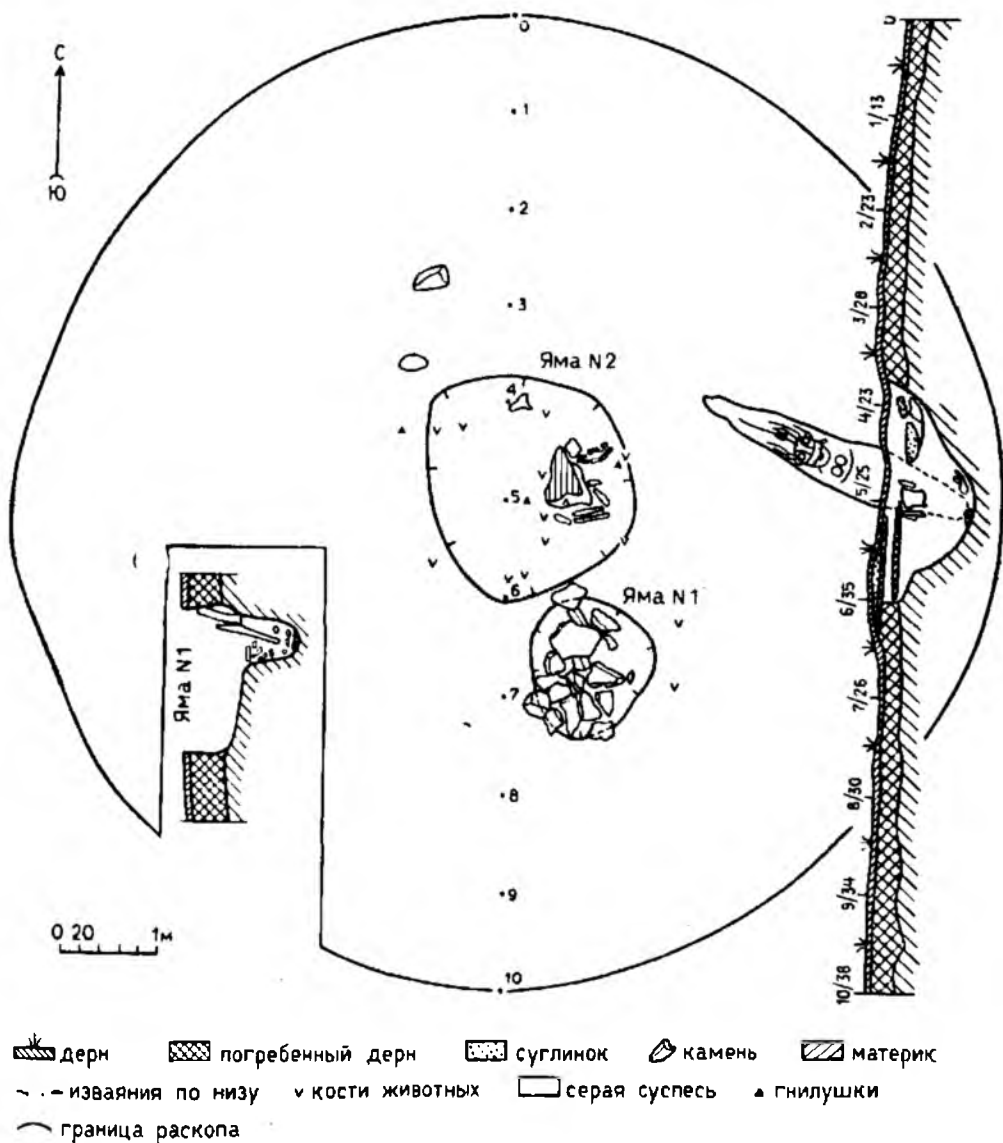

Рис. 35. План и разрез раскопа вокруг изваяния № 1

также обнаружены кости ног взрослой овцы и барашка. Общая длина изваяния — 2,85 м. Вкопано оно было на глубину 1,1 м. Основание изваяния имеет размеры 0,26 × 0,36 м. Яма под ним округлая, вытянутая с северо-запада на юго-

восток (рис. 35). Размеры ее: 2,3 × 2,08 м.

Менгир № 2 стоял на пашне, в 450 м к востоку от поселка станции, с правой стороны тракта Ербинская — Кутен-Булак, который здесь уходит в Темный лог

Рис. 36. Жертвенник из камней к югу от изваяния № 1 (с юго-востока).
Яма № 1

(рис. 30). Менгир расположен в створе изваяния № 5 и менгира № 3. Изваяние № 5 располагалось в 200 м от менгира № 2 (к западу-юго-западу 240°). Менгир № 3 находился в 43,5 м от менгира № 2 на северо-восток 57° .

Менгир № 2 стоял вертикально и имел высоту 1,42 м (рис. 37). Размеры его граней по основанию: $1,15 \times 0,3 \times 0,68 \times 0,75$ м. Основание имеет трапециевидную форму со скругленными углами (рис. 38). Вершина менгира скруглена. Ее длинная ось — 0,62 м, короткая — 0,35 м. Менгир представляет собой монолит серого крупнозернистого гранита, привезенный издалека, ибо окружающие котловину Сорга горы сложены из известняков.

Заложили раскоп диаметром 10 м (рис. 38). Под слоем дерна найден обломок лопатки молодой лошади. В 2,5 м на юг-юго-восток от менгира под дерном выявлена каменная округлая выкладка-жертвенник диаметром 1 м (№ 1, рис. 38). Камни выкладки (известняк) имеют размеры от $0,41 \times 0,34 \times 0,34$ и до $0,21 \times 0,13 \times 0,11$ м. При разборке выкладки встречаются фрагменты таза той же лошади. Середина между обломками скалы заполнена гусом с мелкими камнями и осколками девонского песчаника. Выкладка представляет собой верх заполненной камнями ямы. Размеры ямы — $1 \times 0,86$ м. Она овальна и вытянута с запада на восток (рис. 38). Дно ямы выявилось на

Рис. 37. Менгир № 2 (с северо-запада). Гранит

глубине 0,9 м. При дальнейшем углублении в раскопе встречаются обломки ребер лошади, которые лежали у камней забутовки основной ямы менгира.

С северо-западной стороны менгира выявились контрфорсы и каменная забутовка ямы, в которую он поставлен, контрфорсы имеют размеры: $0,6 \times 0,3 \times 0,15$ м; $0,4 \times 0,2 \times 0,1$ м; $0,36 \times 0,15 \times 0,08$ м. Камень был зарыт в землю на 1,05 м. Толщина основания — 0,22 м. Нижний конец камня полукруглый. Общая длина — 2,47 м (рис. 38). Дно ямы выявилось на глубине 1,1 м. Яма до самого дна заполнена обломками скалы (размером в среднем $0,22 \times 0,3 \times 0,17$ м). Размеры ямы: $0,8 \times 0,5$ м. Вытянута она с северо-востока на юго-запад.

Менгир № 3 находился на расстоянии 500 м к востоку от пос. Ербинская, справа от дороги Ербинская — Кутен-Булак (рис. 30).

Он стоял на пашне в 43,5 м к северо-востоку от менгира № 2. Высота его — 1,32 м от современной поверхности. Это глыба крупнозернистого гранита (рис. 57). Она имеет скругленный верх и прямоугольное сечение с четырьмя гранями. Размеры граней по низу: $0,25 \times 0,75 \times 0,4 \times 0,7$ м. При зачистке дерна в раскопе диаметром 10 м на горизонте к востоку-юго-востоку от менгира залегали раздробленные остатки зубов и верхней челюсти взрослой особи крупного рогатого скота, а также лопатка и зуб овцы.

Менгир стоял в яме, имеющей в плане форму неправильного овала. Яма вытянута с запада на восток ($1,4 \times 1,1$ м и глубина 1 м). С южной стороны менгира в ней забутованы в качестве контрфорса три камня ($0,2 \times 0,1$ м; $0,15 \times 0,1$ м и $0,13 \times 0,9$ м; рис. 57). Общая длина менгира — 2,32 м (рис. 57). Раз-

меры основания: $0,32 \times 0,2$ м. Размеры дна ямы: $0,7 \times 0,58$ м.

Изваяние-менгир № 4 и менгир № 10 расположены в

передачи) на пашне (рис. 30, 40). Здесь по линии север — юг (в 14,65 м друг от друга) сохранились два вертикальных каменных стол-

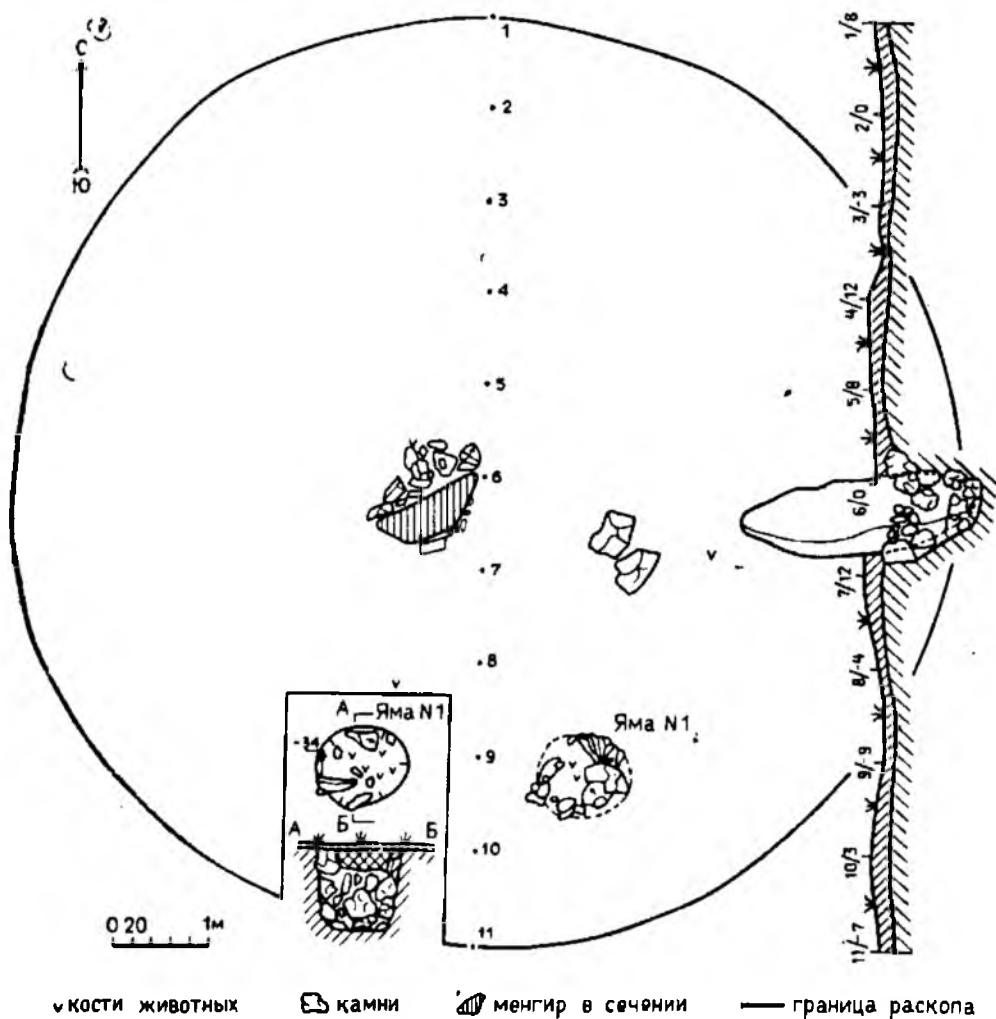

Рис. 38. План и разрез раскопа вокруг менгира № 2

800 м к северо-востоку от поселка ст. Ербинская и в 400 м к востоку от обособленных сооружений высоковольтной подстанции (в 150 м к западу от линии высоковольтной

ба № 4 и № 10, высеченных из крупнозернистого серого гранита (рис. 40). Между ними расположены две впадины (№ 1 и № 2), задернованные и окруженные облом-

камень скалы. К северу от южного столба в 3,3 м расположена каменная выкладка № 4 (рис. 40, 41).

Северный менгир № 10 четырех-

гранный: $0,5 \times 0,85 \times 0,47 \times 0,6$ м. Вершина столба подквадратная ($0,65 \times 0,62$ м).

Южный столб № 4 достигает

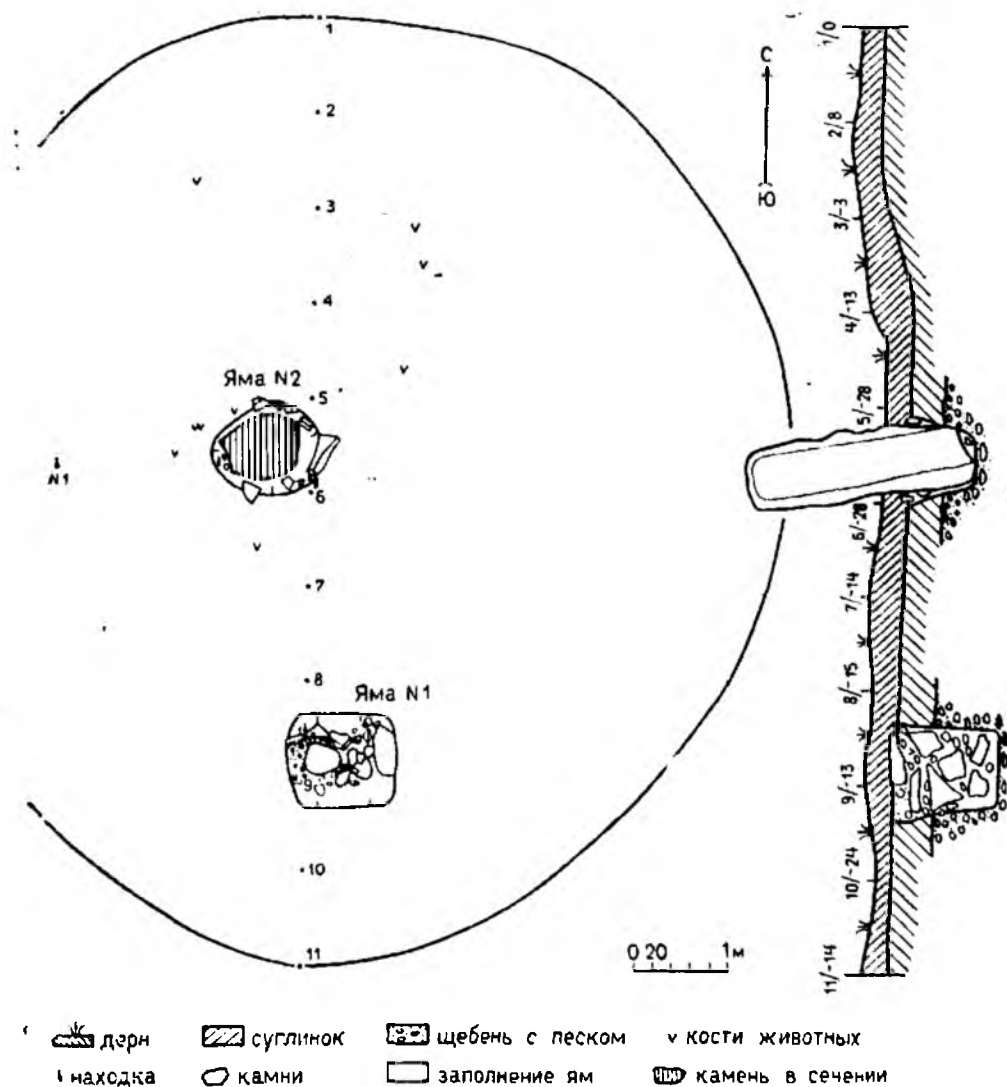

Рис. 39. План и разрез раскопа вокруг менгира № 3. Гранит

гранный, возвышается на 1,6 м. Узкие грани его направлены на восток-юго-восток и запад-северо-запад (рис. 42). Обмеры по основа-

1,52 м в высоту. Возле него с западной стороны перед личиной снят дерн. Столб четырехгранный; ориентирован узкими гранями на восток

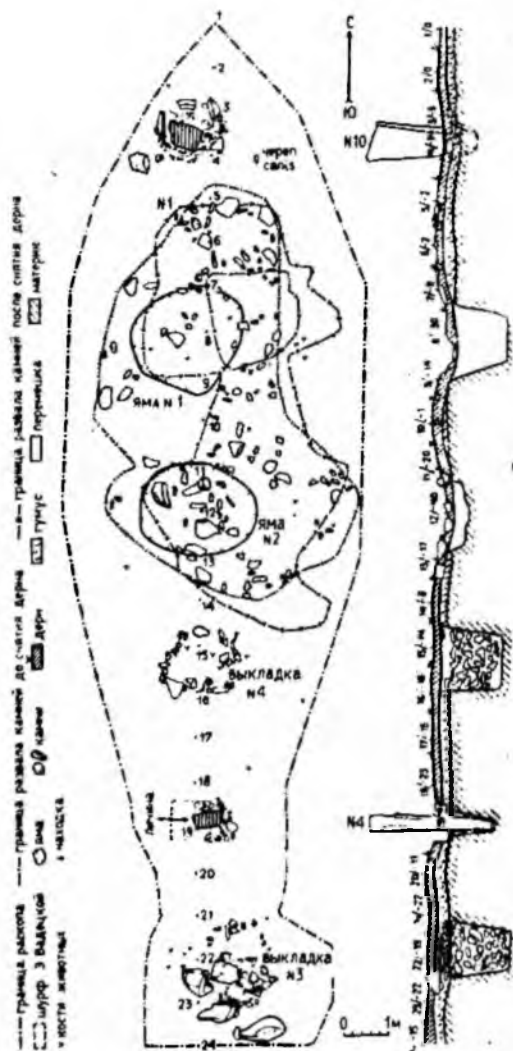

Рис. 40. План и разрез раскопа 4 вокруг изваяния № 4 и менгира № 10

и запад (рис. 43). Обмеры по основанию: $0,66 \times 0,3 \times 0,61 \times 0,3$ м. Столб № 4 представляет собой древнее изваяние, вкопанное вниз «головой», т. е. с перевернутой личиной, выбитой на узкой западной его грани (рис. 43)¹⁰. Личина имеет три глаза, рот, черту вместо носа, сла-

¹⁰ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. I, рис. 2.

Рис. 41. Жертвенник № 4 в раскопе 4 (с запада)

бо намеченные «рожки» и «ушки» (рис. 44). Заложен раскоп, вытянутый с севера на юг на 25 м, охватывающий все сооружения (рис. 40). Выкладка № 3, находящаяся к югу от изваяния № 4, имеет размеры: $2,4 \times 2,1$ м. Она вытянута с севера на юг и на поверхности обозначена обломками скалы (рис. 40, 45).

Яма № 1 расположена к югу от менгира № 10. Это округлое углубление (диаметром 2,4 м), окруженное задернованным развалом камней. Центр ямы удален от менгира № 10 на 4 м (рис. 40, 46).

Яма № 2 находится в 1,6 м к югу от ямы № 1. Внешне она выглядит так же, как и яма № 1. Размеры общего развала камней с запада на восток около 5 м, с севера на юг — 3,6 м. С восточной стороны ямы заметно повышение уровня почвы в виде «вала». Возможно, это древ-

Рис. 42. Менгир № 10 с контрфорсами в раскопе 4 (с юго-запада). Серый гранит

Рис. 43. Изваяние № 4 в раскопе 4 (с юго-запада). Врыто в перевернутом состоянии. Серый гранит

ний выброс. По оси запад — восток «вал» имеет ширину около 2 м (рис. 40 и 46).

При снятии дерна к востоку-юго-востоку от менгира № 10 на глубине 0,3 м обнаружены череп собаки без нижней челюсти, повернутый мордой на юг (рис. 40), а также обломки трубчатых костей какого-то животного. Вокруг менгира выявлены закрепляющие его контрфорсы и забутовка ямы. Камни эти — обломки розового гранита размером от $0,4 \times 0,2 \times 0,1$ м до $0,14 \times 0,12 \times 0,4$ м.

Менгир № 10 был врыт на глубину до 0,8 м. Общая его длина —

2,43 м. К основанию камень сужается до 0,38 м и округляется. На вершине менгира плоскость $0,58 \times 0,7$ м; (рис. 42). Дно ямы под менгиром выявилось на глубине 1,03 м.

Выявлены контрфорсы и забутовка ямы под изваянием № 4. Средние размеры камней: $0,24 \times 0,8$ м.

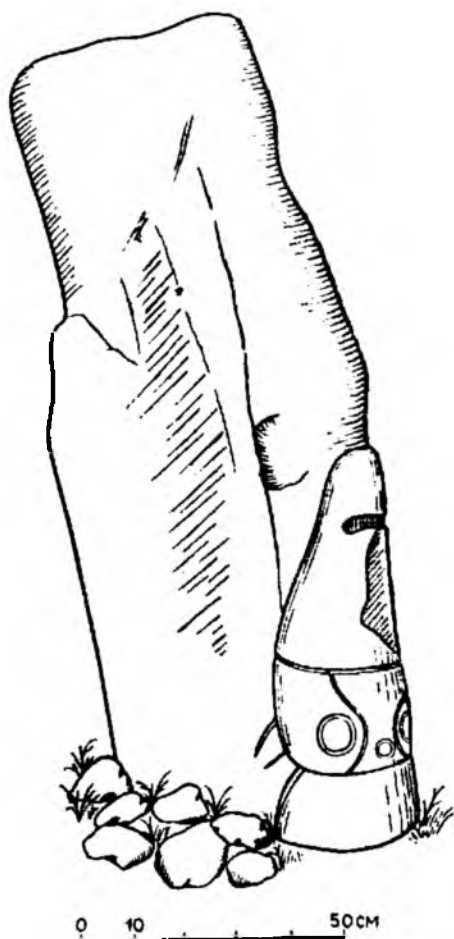

Рис. 44. Изваяние № 4 в раскопе 4 (с северо-запада). Серый гранит

При расчистке выкладки № 3 среди камней найдены обломок нижней челюсти и шесть зубов крупной лошади, ее берцовая кость и мелкие обломки других костей. Под выкладкой-жертвенником оказалась сужающаяся книзу яма (1,37×1,45 м и глубиной 1,65 м), плотно заполненная обломками скалы. Среди камней найдены: позвонки и фаланга от одной особи крупного рогатого скота; зуб и фаланга

особи мелкого рогатого скота и кости диких — нижняя челюсть и лучевая косули, а также верхняя челюсть сурка (*Marmotta bobac* L.). Другие обломки костей (27) неопределимы. На дне жертвенной ямы оказались остатки гнилого деревянного бревнышка (рис. 40, 45).

Выкладка № 4 вытянута с запада на восток (рис. 40, 45). Ее размеры: 1,8×1,4 м. При расчистке среди камней в верхней части обнаружены обломки 29 неопределимых костей, а также пястная и грифельная кости лошади. Ниже обнаружена жертвенная яма (около 1,5 м диаметром и глубиной до 1,5 м), заполненная обломками скалы. Среди камней обнаружены: куски сгнившего бревнышка; обломки трубчатой, черепа с нижней челюстью, кости ноги особи мелкого рогатого скота. Из костей диких животных в яме оказались зуб косули и зуб медведя.

Яма № 1, расчищенная под каменной выкладкой южнее менгира 10, имела округлую форму (диаметром около 1,8 м), но с «притупленным» восточным краем (рис. 40, 46). Ее глубина — 1,45 м. Камни заполняли лишь верхнюю половину ямы. Книзу яма сузилась, стала круглой диаметром 1 м.

Яма № 2, расчищенная к югу от первой под каменной наброской, имела овальную форму 1,5 (север — юг) × 1,75 м (восток — запад). Под слоем гранитных камней (размерами от 0,15×0,1×0,07 м до 0,5×0,52×0,1 м) находились нижняя челюсть косули, нижняя челюсть и бедренная кость сурка (*Marmotta bobac*). Яма оказалась неглубокой (до 0,65 м), блюдцеобразной (рис. 40, 46).

Округлое углубление в центре дна ямы скорее всего отпечаток основания стоявшего здесь перво-

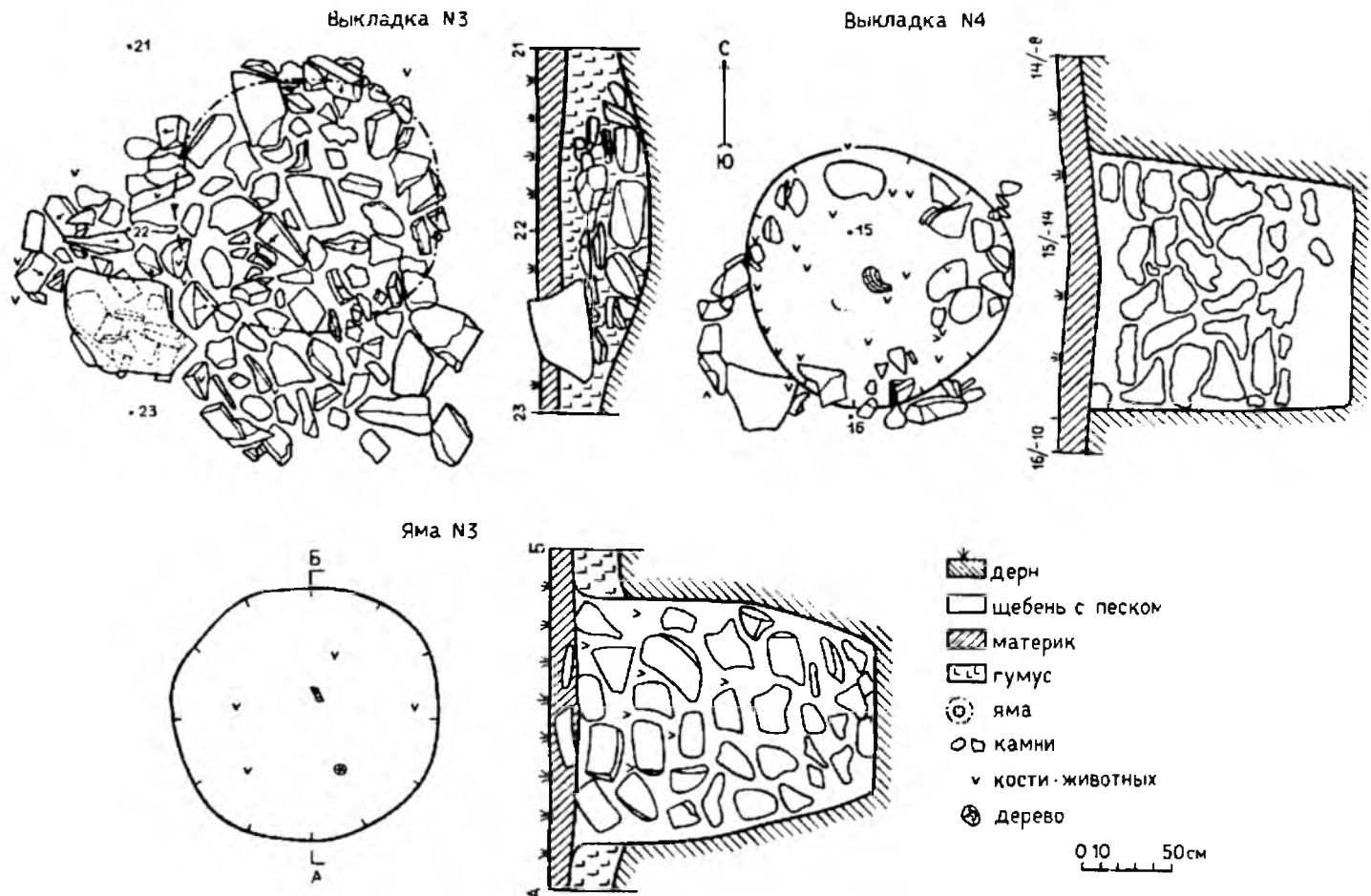

Рис. 45. Планы и разрезы выкладок № 3 и 4 и ямы № 3 в раскопе 4

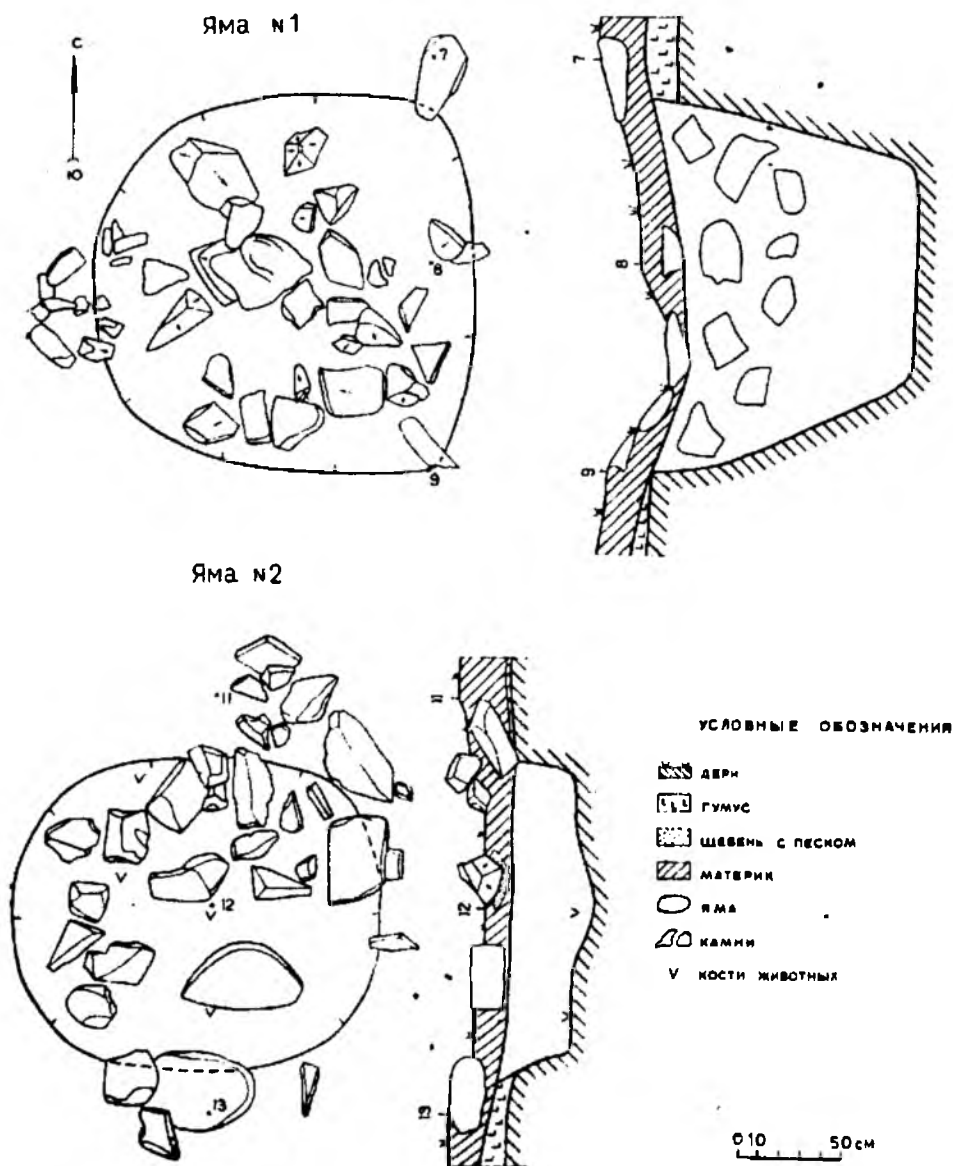

Рис. 46. Планы и разрезы ям № 1 и 2 в расколе 4

начально большого менгира, некогда увезенного. О том, что менгир этот выкопан, говорит наличие отмеченного выше «вала» — выброса с западной стороны, а также малое количество костей животных, оказавшихся в яме. В трех метрах

от ямы № 2 к югу находится жертвенная яма № 4 (рис. 40, 45), соотносящаяся со 2-й. Это еще раз подтверждает, что яма № 2 не жертвенная, ибо жертвенник, как правило, делался глубоким и к тому же сплошь забутовывался камнями.

Некоторые камни в яме № 2 стояли почти вертикально, как полагаются контрфорсам. Менгир в яме № 2 когда-то был центральным в ряду из трех столбов, стоявших по линии север — юг. Вероятно, он был толстым, но не высоким, что способствовало его перевозке на строительство окружающих тагарских курганов, подобно изваянию № 12 с головой лося, обнаруженному на подобном кургане в виде вертикального менгира.

Таким образом, раскопки показали, что два или три каменных менгира иногда стояли в один ряд, вытянутый с севера на юг. В этом случае с южной стороны каждого менгира находилась жертвенная яма с костями животных, забутованная обломками скалы. Возможно, что в данном случае изваяние № 4 с рельефной личиной перенесено в качестве простого менгира в перевернутом виде. Но, может быть, здесь такого положения изваяния требовал сам обряд.

Нельзя не отметить, что все же личина в данном случае повернута на запад, а не на восток, как обычно. Возможно, это свидетельствует, что в конкретном ряду менгиров личина уже не играла своей особой роли, но ее не уничтожили, когда изваяние перенесли в качестве менгира.

Такую трактовку менгира-изваяния № 4 подтверждают известные случаи перенесенных в ту же эпоху изваяний, которые имеют по две личины на обоих концах стел, находящихся по отношению друг к другу в перевернутом виде¹¹ (рис. 47).

¹¹ Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, рис. 36 и 4г.

Рис. 47. Каменное изваяние с низовьев р. Тён с антиподальными личинами. Хранится в ХОКМ. Песчаник

Изваяние № 5 находится в 250 м к юго-востоку от станционного поселка на краю пашни, по правую сторону тракта на Кутен-Булак (рис. 30), в 25 м к юго-востоку от его полотна. Стоит оно одиноко на ровном месте, личиной на восток-юго-восток (рис. 48). У изваяния был кем-то снят дерн в виде раскопа неправильной формы. Изваяние высечено из серого мелкозернистого гранита. Высота его — 1,88 м, ширина и толщина по низу — 0,73×0,39 м; по верху —

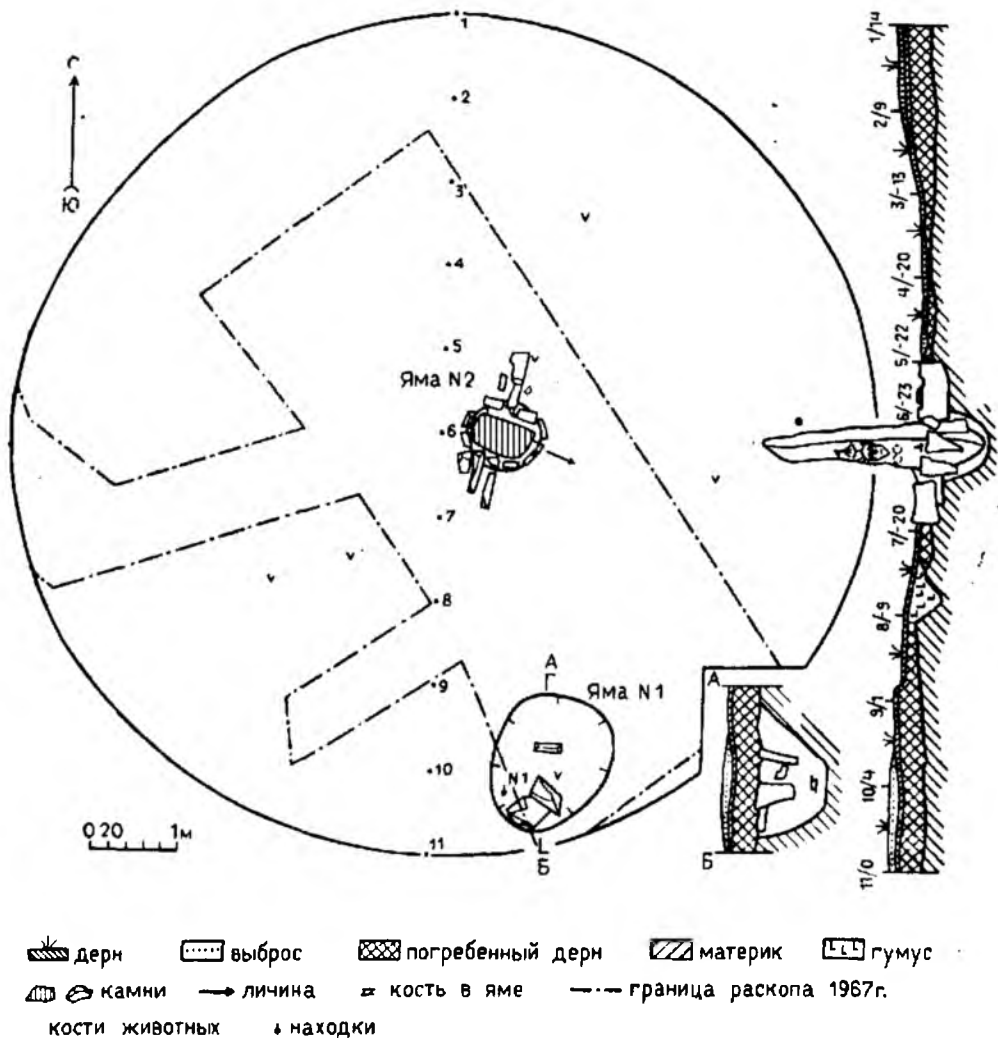

Рис. 48. План и разрез раскопа вокруг изваяния № 5 в котловине Сорга

0,42×0,24 м (рис. 49)¹². Личина антропоморфная, рельефная, хорошо сохранившаяся (длиной 0,48 и шириной 0,3 м). Рельефный нос имеет ноздри в виде округлых ямок. Верх его переходит в брови, очер-

ченные выемками снизу. Глаза — это круглые, объемные валики, с углублением внутри. На рельефных, выпуклых щеках по краям по три поперечных борозды. Личина имеет с обеих сторон изображения рогов и ушей. «Оттянутый» книзу подбородок оббит недавно. Грудь и начало «живота» имеют свежесколотую плоскость (рис. 49).

¹² Ср.: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. IV, рис. 35. Изваяние вывезено в конце августа 1971 г. Н. В. Леонтьевым в Минусинский музей.

Вверху над личиной выбито изображение небесной ладьи с крутоизогнутым носом и кормой, между

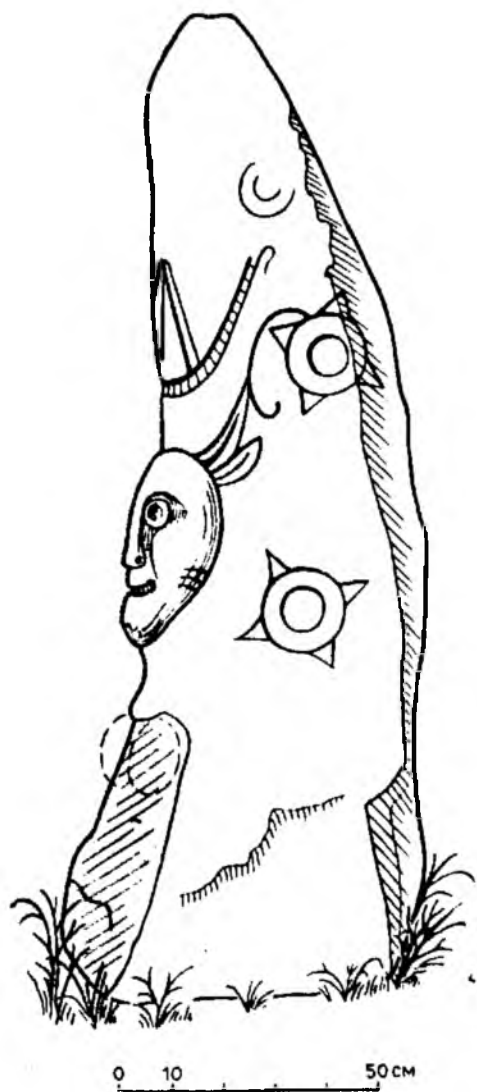

Рис. 49. Изваяние № 5 (с северо-востока). Серый гранит

которыми треугольником (острием вверх) изображены тросы жесткости, поддерживаемые вертикальной подставкой (рис. 49). Подобные су-

да с продольным креплением были известны на Енисее в эпоху тазминской культуры и, вероятно, ранее¹³.

На левой плоскости изваяния № 5 выбиты друг над другом два отчетливых знака в виде вписанных концентрических окружностей с четырьмя углами по сторонам, а над ними видны полустершиеся очертания третьего такого же знака. Два аналогичных знака сохранились и на правой плоскости изваяния. Грудь скололи перед нашим приездом местные мальчишки, по их же признанию. Они же рассказали, что изваяние имело выпуклые груди. На рисунке его 1921 г. еще видны три концентрические окружности, спускающиеся сверху вниз по середине груди¹⁴.

У подножья выявились контрфорсы из краснопесчанниковых плит, врытых на ребро перпендикулярно плоскости изваяния. Они протянулись на 1 м на север-северо-восток и на 0,6 м на юг-юго-запад. Длина плит от 0,25 до 0,8 м (рис. 48).

На горизонте вокруг изваяния выявлены обломки трубчатых костей, пястья, лопатки от двух лошадей — молодой и взрослой. В 2 м к востоку — обломок лопатки овцы. В юго-восточной части круглого раскопа (диаметром 10 м), на глубине 0,24 м найден кусок от боковины гладкого черного лепного сосуда (№ 1; 3,5×3 см). А на глубине 0,43 м расчищена овальная жертвенная яма № 1, вытянутая с севера-северо-востока на юг-юго-за-

¹³ Подобная ладья с солнцем изображена наверху изваяния, находившегося на чаатасе Красный камень (р. Кокса). (Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, abb. 130).

¹⁴ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. IV, рис. 35.

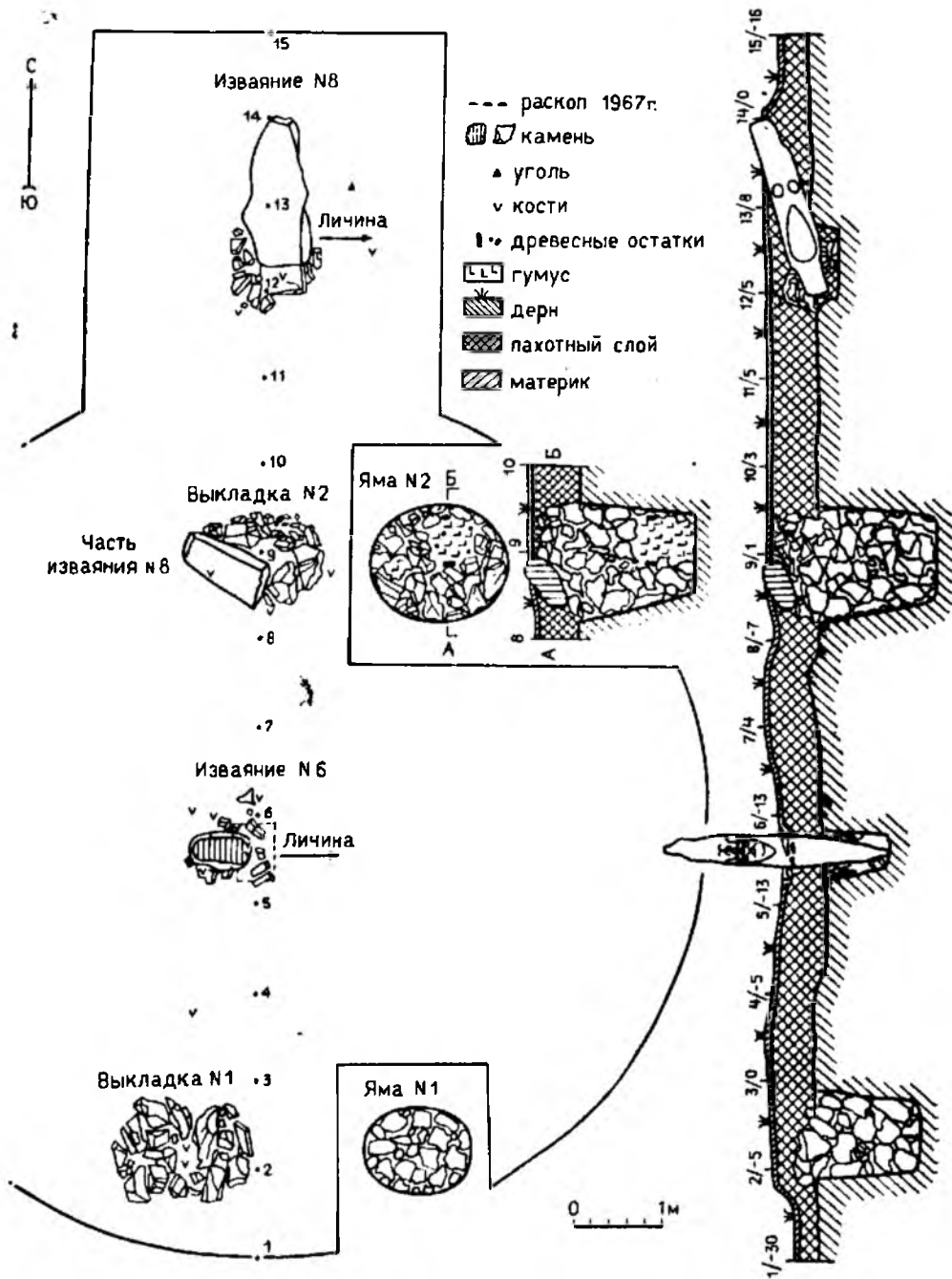

Рис. 50. План и разрезы раскопа вокруг изваяний № 6 и 8

лад (1,36×1,65 м и глубиной 1,17 м). Сверху она перекрыта камнями (0,34×0,22 м; 0,4×0,55 м и 0,48×0,55 м; рис. 48). В заполнении ямы встретилось семь каменных глыб (размерами от 0,28×0,25 м до 0,45×0,3 м). Между ними небольшое число неопределимых обломков костей животных. Дно ямы 0,53×0,56 м (рис. 48).

Само изваяние было врыто в землю на глубину 0,7 м. Размеры его основания: 0,56×0,3 м; длина — 2,58 м. Его яма (№ 2) округлая в плане; диаметр — 0,85 м, глубина — 0,76 м. Размеры дна: 0,66×0,74 м. Обломок боковины толстостенного сосуда (находка № 1), обнаруженный под дерном над ямой № 1, вероятно, случайно попал сюда позднее.

Изваяния № 6 и 8 находятся в 50 м к северу от тракта на Кутей — Булук и в 800 м к востоку-северо-востоку от пос. Ербниского (рис. 30), в 100 м от менгира № 3 на северо-восток (рис. 50). Изваяние № 6 стояло одиноко посреди пашни и было обращено личиной на восток (рис. 51)¹⁵. Высечено оно из серого мелкозернистого гранита в виде четырехгранного обелиска с закругленным верхом. Ширина его у поверхности земли — 0,55 м, толщина — 0,27 м. Личина находится почти над уровнем земли. У нее слегка поврежден подбородок, отбит кончик носа и часть левого глаза. На лбу изображен «прорастающий» треугольник с двумя парами «листьев». По сторонам головы хорошо видны рога, уши с трезубцами и другие дополнительные черты (рис. 51, 52). Глаза у личины рельефные, круглые (в виде кольцевых валиков с углублениями

внутри); нос рельефный, рот углубленный, широкий. Есть слабая поперечная черта, проходящая через скулы и нос. Подбородок остро-

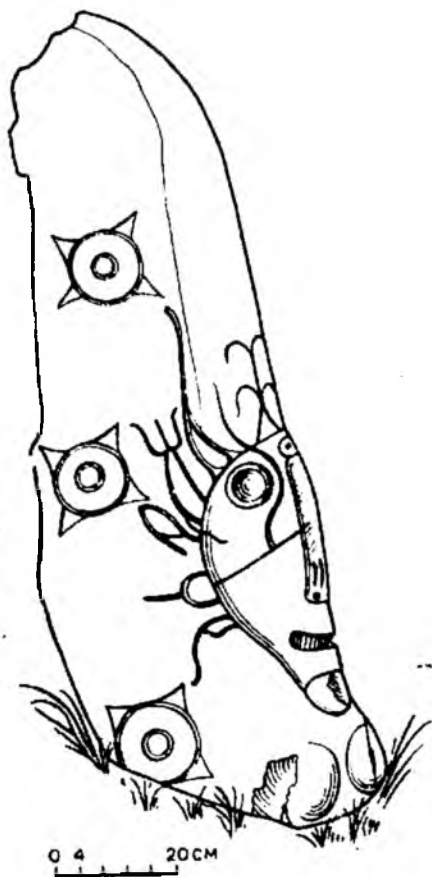

Рис. 51. Изваяние № 6 (с юго-востока). Серый гранит

угольный. Изображены рельефные груди в виде двух выпуклостей (рис. 51, 52).

Высота изваяния — 1,29 м, ширина верхней части — 0,3 м, толщина — 0,15 м. На правой и левой гранях дугой сверху вниз изображены по три «солнечных» знака.

¹⁵ Ср.: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. III, рис. 24.

Все они имеют характерные треугольные выступы (рис. 51, 52). Задняя грань изваяния слегка выпуклая.

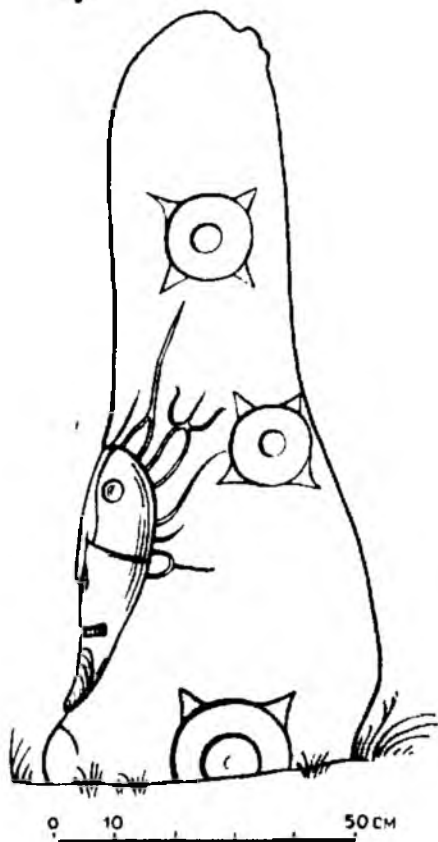

Рис. 52. Изваяние № 6 (с севера).
Серый гранит

В 7 м к северу от изваяния № 6 находится крупный поваленный «менгир» № 8, упавший вершиной на север. Он изваян из крупнозернистого гранита розовато-серого цвета. Длина его — 0,78 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,23 м (рис. 50).

В восточном секторе раскопа найдены обломок эпифиза мелкого

животного, а также обломки трубчатой кости, коренного зуба и ребра лошади. При расчистке скопления камней (выкладка № 2), которое находится в 3 м к северу от изваяния № 6, обнаружен обломок таза лошади. В 3 м к югу от менгира № 8 находится крупный обломок камня серовато-розового цвета (возможно, обломок менгира; длина — 1 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,3 м).

Выкладка № 2 сложена из белых известняковых камней (размерами 0,1×0,4 м) и скорее всего относится к менгиру № 8.

На поверхность первоначально выходила лишь нижняя часть этого изваяния-менгира, а три четверти остальной длины его были скрыты в земле. Очертания его обнаружены лишь при расчистке (рис. 53). Оказалось, что изваяние-менгир — это своеобразный «полуфабрикат». На нем нет следов окончательной обработки: нанесения очертаний, шлифовки и т. д. Однако есть овальная выпуклость, заготовленная для личины, а под нею — рельефные округлые груди (рис. 53). После расчистки выяснилось, что длина изваяния № 8 достигает 2,16 м; толщина «груди» — 0,4 м, ширина у основания — 0,44 м; в районе лица — 0,44 м, у вершины — 0,42 м. Над «личинкой» изваяния суженный его конец имеет высоту 0,32 м и толщину 0,28 м.

Под изваянием № 8 оказалась каменная выкладка из обломков известняка, являвшаяся остатками контрфорсов изваяния. При расчистке найдены обломки двух зубов лошади. Затем оконтурилась неглубокая круглая ямка. Глубина ее — 0,24 м, а диаметр — 0,95 м (рис. 50).

Крупный обломок гранита, лежащий над ямой № 2, составлявший

часть ее верхнего завала, при измерении и сопоставлении с изваянием № 8 оказался верхним концом именно этого изваяния. Очевидно, от обработанного вчерне изваяния

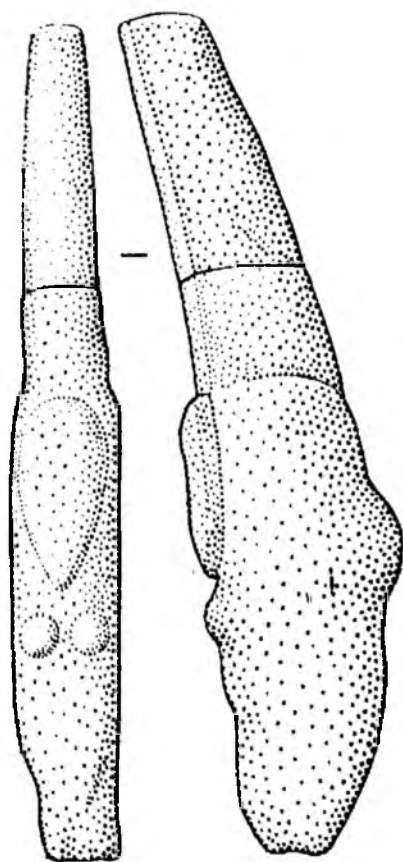

Рис. 53. Менгир № 8 из недоделанного изваяния к северу от изваяния № 6. Розовый гранит

№ 8 (овал лица и груди) по какой-то причине отломилась верхняя часть. Поэтому дальнейшая обработка его была прекращена. Верхний обломок положен поверх жертвенной ямы № 2, а сломанное изваяние было поставлено «вниз го-

ловой» в яму в качестве менгира. Это подтверждается тем, что под самим изваянием и по двум сторонам от него находились остатки контрфорсов. После того как изваяние-менгир упало (вершиной на север), контрфорсы южной части были вывернуты и оказались частью на нем и под ним. Общая длина изваяния (в соединении с обломком) первоначально составляла 3,16 м (рис. 50, 53).

При выемке заполнения жертвенной ямы № 2, находившейся под выкладкой № 2, на глубине 1,48 м обнаружены остатки гнилого дерева (лиственницы). На дне ямы была устроена как бы оградка из деревянных стволиков, очищенных от коры. Яма № 2 имеет овальную форму (1,26×1,52 м), глубина ее — 1,28 м. В заполнении ее оказались многочисленные известняковые обломки и неопределимые кости животных. С глубины 0,75 м и до глубины 1,1 м выявились многочисленные остатки перегнившего дерева. Интересно, что внутри деревянной «оградки» не было камней. Пространство между колышками заполнено черным гумусом, а уже поверх него лежали камни забутовки. С внешней стороны камни лежали вплотную до самого дна ямы (рис. 50). Размеры ямы по дну: 0,86 м (С—Ю)×0,98 м.

В 2,7 м к югу-юго-западу от изваяния № 6 находится каменная выкладка № 1 овальной формы (рис. 50), вытянутая с востока на запад. Как и выкладка № 2, она сложена из бесформенных обломков известняковой породы (1,55×1,1 м). При разборке выкладки найдены позвонок и кости ног лошади и эпистрофей крупного рогатого скота. Основная масса костей находилась в верхнем слое забутовки. Под выкладкой расчистилась

яма № 1 глубиной 1,2 м. Она была заполнена плотно уложенными обломками известняковой породы неопределенных форм. Яма овальная в верхней части — $0,98 \times 1,2$ м, в нижней — $0,78 \times 0,8$ м.

При расчистке контрфорсов возле изваяния № 6 найдены обломки плечевой кости и зуб лошади, а также две мелкие косточки птицы. При зачистке материка вокруг изваяния № 6 выявилось черное пятно ямы, в которой оно стояло ($0,54 \times 0,68$ м). Глубина ямы после извлечения из нее изваяния — 0,75 м. Костей и находок в ней не обнаружено. Размеры ямы: $0,45 \times 0,54$ м. Общая длина изваяния № 6 — 2,51 м. Ширина его — 0,25 м, толщина — 0,16 м (от нижней точки — 0,33 м). У изваяния были отбиты живот и левая грудь (рис. 50).

Раскопки вокруг изваяний № 6 и 8¹⁶ наглядно показали, что изваяние устанавливалось в одном ряду с менгиром и каждое из них имело свою отдельную яму. А наблюдение над изваянием-менгиром № 8 позволило установить, что изваяние доставлялись на место установки в виде «полуфабрикатов» и доделывались окончательно на месте.

Изваяние № 7 и менгир № 11. Изваяние лежит на боку, вытянуто с севера на юг, личиной обращено на восток. По данным М. П. Грязнова, прежде оно стояло, будучи обращено личиной к востоку¹⁷. Изваяние расположено ныне под линией электропередачи вы-

сокого напряжения (в 60 м к северу-северо-западу от мачты ЛЭП Д2/1083) и в 54 м к югу от дороги, ведущей от ст. Ербинская к известняковому карьеру в соседней горе. От изваяния до школы (крайне юго-восточного здания пос. Ербинский) — 1 км (рис. 30).

У основания изваяния сохранился шурф размером $2,7 \times 3 \times 0,3$ м.

Изваяние представляет собой прямой столб из серого, крупнозернистого гранита (рис. 54). Верхушка его скругленная, а основание четырехугольное ($0,55 \times 0,25 \times 0,67 \times 0,37$ м). Длина изваяния — 3,3 м. Вкопано на глубину 1,05 м. Личина слабо видна. Она имеет овальную форму ($0,74 \times 0,36$ м; рис. 55). Лоб отделен от остальной части личины чертой, рот — другой чертой. У личины три глаза, один из которых расположен на лбу, а также уши и рога.

В 2 м к северу-северо-западу от изваяния лежит менгир № 11 из такого же серого гранита. Вытянут он с северо-востока на юго-запад и расколот на две части. Размеры юго-западного обломка: $1,74 \times 0,42 \times 0,6$ м, а северо-восточного — $1,5 \times 0,51 \times 0,48$ м. Поперечное сечение его подтреугольное (рис. 55).

Раскоп был овальным — 13 м с севера на юг и 10 м с запада на восток. В результате расчистки северо-восточного обломка менгира оказалось, что длина его — 1,75 м, ширина — 0,56 м, а основание четырехугольное ($0,56 \times 0,4$ м). Менгир № 11 прежде стоял в яме № 1, узкими гранями на восток и запад (рис. 55). После выборки камней от контрфорсов яма оказалась овальной ($1,15 \times 0,8$ м), глубиной 1,15 м. Дно ямы круглое, диаметром 1 м. В центре среди заполняющих ее камней, встречаются мел-

¹⁶ В 1973 г. оба изваяния были увезены в Академгородок г. Новосибирска, где были установлены возле дома покойного академика А. П. Окладникова (ул. Золотодолинская, д. № 32).

¹⁷ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч. табл., I, рис. 1 (Ориентировка не совсем точна. Нами установлено по бусоли, что изваяние и менгир находились на линии север—юг).

Рис. 54. Изваяние № 7 и менгир № 11, лежавшие в 1 км к юго-востоку от поселка ст. Ербинской. Серый гранит

кие кальцинированные кости. На дне ямы обнаружены череп 3-месячного барашка с рожками, зубы, плюсна и фаланги взрослой овцы, а также плюсна, фаланги и передние ноги годовалого барашка. Всего от трех особей. В западной части ямы находился большой обломок менгира ($0,67 \times 0,51 \times 0,35$ м). При учете всех трех обломков первоначальная длина менгира № 11 составляла 3,82 м. Вкопан он был на глубину 1,2 м.

Под основанием изваяния № 7 обнаружена яма № 2. После выборки камней установлено, что она овальная ($0,71 \times 1,21$ м), глубиной 0,86 м. Яма суживается ко дну. Под плитами, служившими контрфорсами, обнаружены обломки черепа ягненка, лопатка, его передние ноги, таз и позвонки другого молодого барашка. Возраст обеих особей

приблизительно около 4 месяцев.

Со всей остальной площадки раскопа собраны 3 кости от двух молодых лошадей (нижняя челюсть, кусок бедра и лучевая), а также пястье молодой овцы. Интересно, что здесь же найдена берцовая кость козерога.

Менгир № 9 представляет собой монолит из серого гранита, подпрямоугольного сечения ($0,85 \times 0,7$ м). Длина его — 2,35 м. Широкими гранями столб ориентирован на север и юг, узкими — на запад и восток. Восточная грань имеет ширину 0,4 м, она отделена от соседних граней четко выраженными прямыми ребрами. На западной грани есть большой горбообразный выступ. Он начинается снизу и на высоте 0,7 м от грунта имеет самую выдающуюся точку. К вершине он резко сужается (рис. 56).

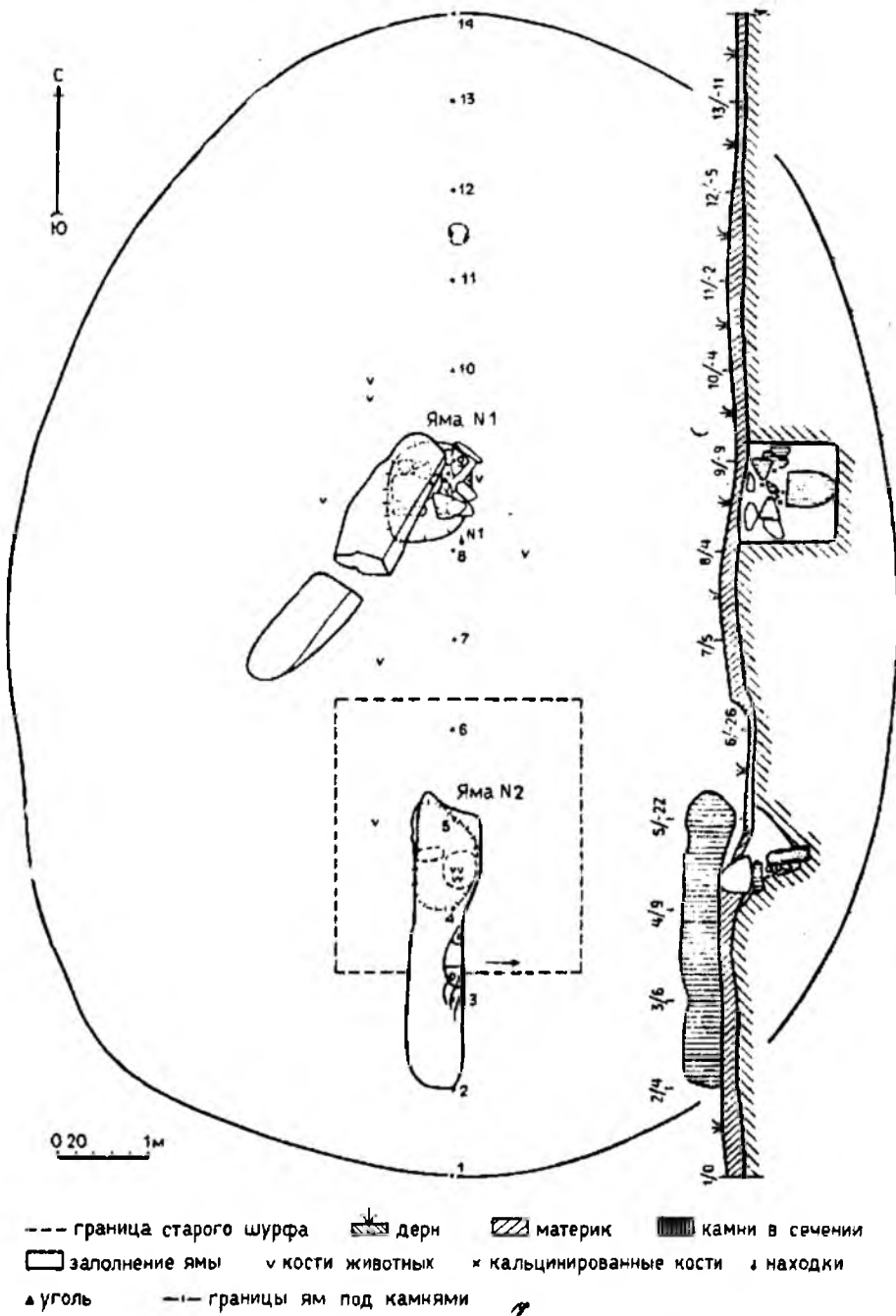

Рис. 55. План и разрез раскопа вокруг изваяния № 7 и менгира № 11

Рис. 56. Менгир № 9 в котловине Сорга. Вид с юга. Серый гранит

Менгир стоит одиноко на ровной местности посреди пашни (рис. 30), в 300 м от пос. Ербинский. В 100 м к юго-западу от него стоял описанный выше менгир № 2 (рис. 30, 37).

В западном секторе круглого раскопа диаметром 10 м под дерном обнаружены шейные позвонки молодой особи крупного рогатого скота и фрагмент венчика с уступом от черноглиняного баночного сосуда (нах. № 1; рис. 58). Подобные сосуды с валиком-уступчиком под горлом обнаружены среди посуды на неолитической стоянке Хадыных I в Саянах.

В восточном секторе также встречаются неопределимые кости жи-

вотных. Обнаружена также подпрямоугольная каменная выкладка (0,9×0,75 м; рис. 39). Под выкладкой оказалась яма № 1, забутованная глыбами мраморовидного известняка и гранитными камнями. В забутовке найден обломок лопатки молодой овцы. Глубина ямы — 1,27. Подпрямоугольная яма (1,12×1 м) сужалась книзу до 0,9 м.

Около менгира расчищены контрфорсы. Яма № 2, в которой стоял сам менгир, округлая (1,14×0,97 м). Глубина ее 1,1 м. Книзу яма сужается до 0,6 м. Засыпка ямы имела черный цвет, и в ней встречались остатки истлевшего дерева. Размеры камней контрфорсов: 0,5×0,21×0,1 м; 0,34×0,19×0,13 м; 0,28×0,2×0,13 м и т. д. Обмеры низа менгира: 0,35×0,37×0,45 м. Менгир был вкопан на глубину 0,93 м.

Изваяние Хысоба (Девушка-менгир) также стояло в котловине Сорга и было вывезено в 1911 г. в Минусинский музей И. Т. Савенковым. Это очень редкая по типу и характеру своему стела с изображением на плоскости двух личин¹⁸, причем нижняя личина как бы подвешена на груди верхней (рис. 59). Прежнее местоположение изваяния было уверенно указано нам в 1972 г. старожилом улуса Тазмина П. Е. Тугужековым (сеок паратан хасха, 1892 г. рождения), который неоднократно видел изваяние стоявшим на месте до его отправки в музей.

Яма из-под изваяния сохранилась на пашне в 150 м к северу-северо-западу от тагарского кургана с изваянием лося и в 300 м к северо-востоку от поселка высоковольтной подстанции. Это место расположено в 1,5 км к северо-востоку от во-

¹⁸ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. VI, рис. 54.

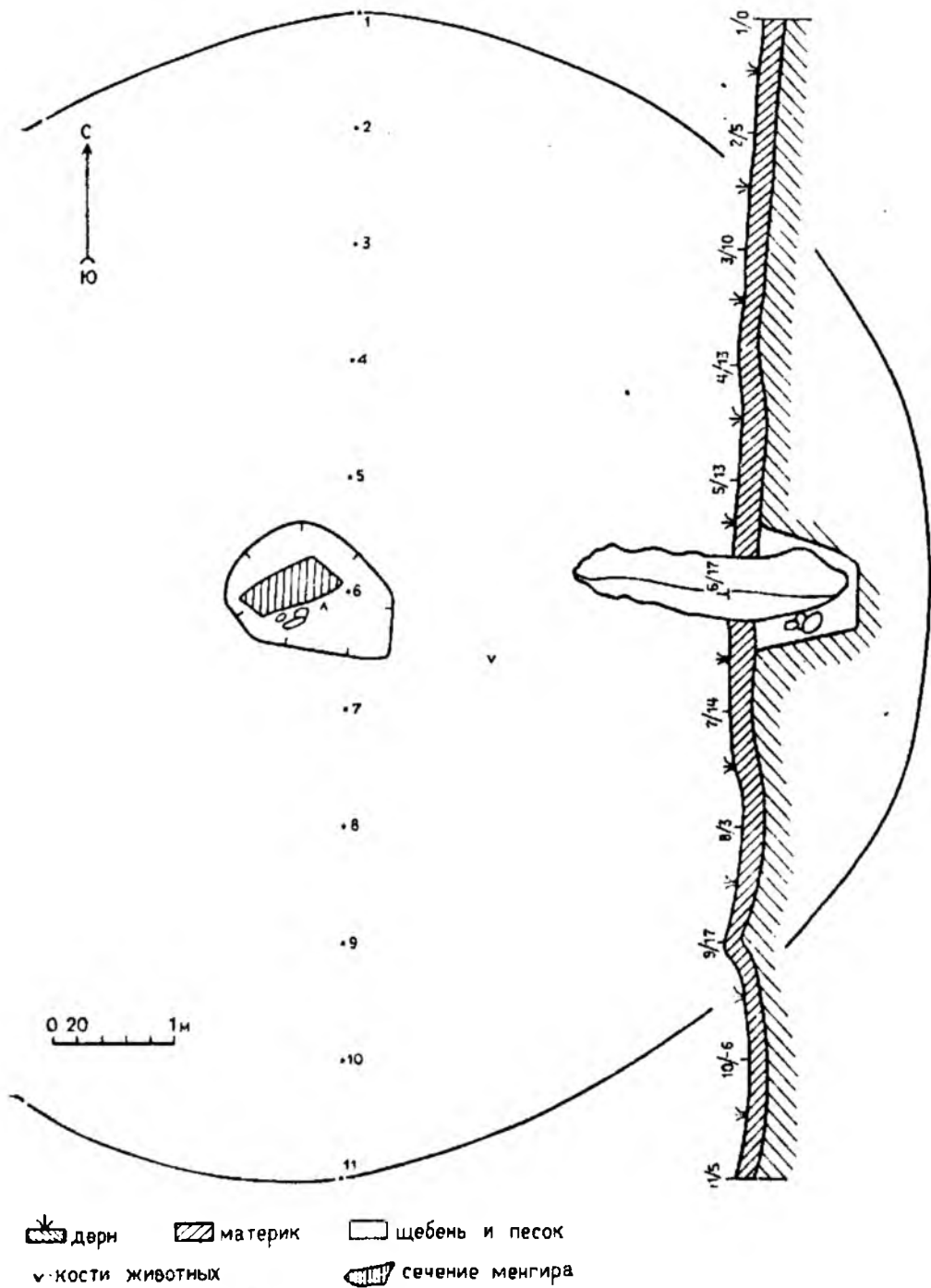
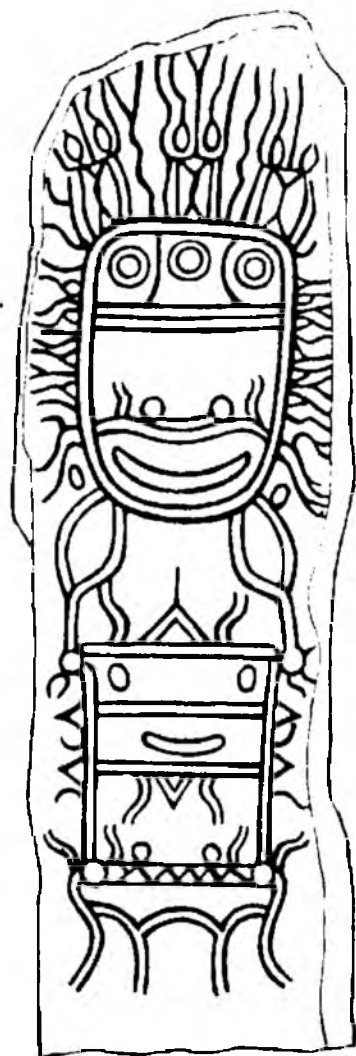

Рис. 57. План и разрез раскопа вокруг менгира № 3 в котловине Сорга

Рис. 58. Обломок неолитического сосуда № 1 у менгира № 9 в котловине Сорга

докачки ст. Ербинская (рис. 30). Глубина ямы — 0,77 м, размеры: 2,8×2,1 м. Заложен раскоп диаметром 10 м. Произведенные раскопки показали, что истинная глубина ямы составляет 2,25 м. При расчистке в яме обнаружены только остатки дерева, довольно свежие, вероятно от использованных И. Т. Савенковым каких-то приспособлений во время извлечения изваяния (рис. 60). Ни предметов, ни костей не оказалось. Вероятно, Савенков после извлечения изваяния глубоко прокопал старую его яму.

Если здесь некогда стояло изваяние Хыс оба, то оно, очевидно, не имело дополнительных сооружений или жертвенных остатков. Не встречалось и камней от выброшенных контрфорсов.

Изваяние Улуг-Хуртуяч тас (Большая старуха) с левого берега р. Абакан стало известным одним из первых. Его зафиксировал еще в 1722 г. Д. Г. Мессершмидт¹⁹. По свидетельству ме-

¹⁹ Ср.: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. V, рис. 43; Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Theil I. Berlin, 1962, s. 300, abb. 7; ср.: Кызласов Я. Р. Каменные «старушки» Хакасии.

Рис. 59. Изваяние Хыс оба (Девушка-менгир) из котловины Сорга. Хранится в МКМ

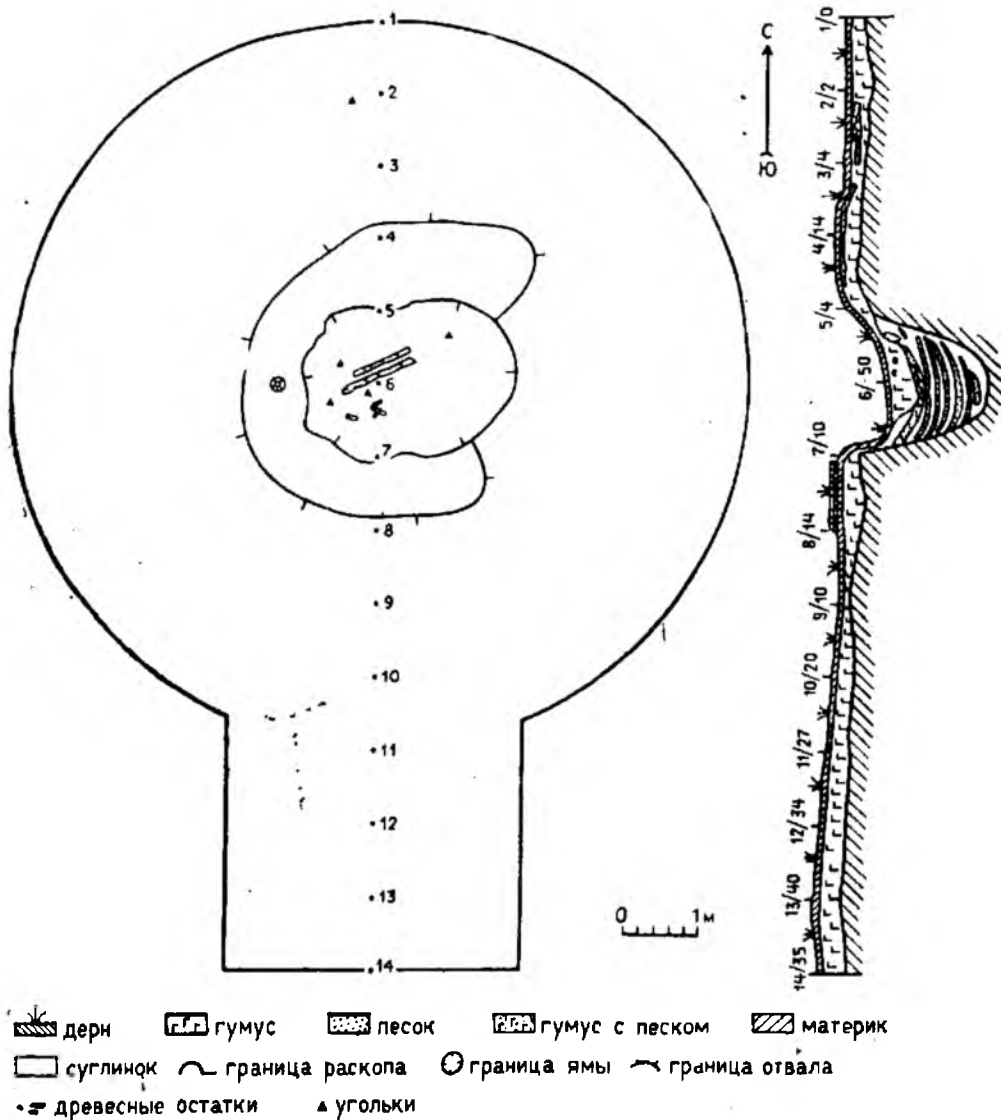

Рис. 60. План и разрез раскопа на месте, где до 1911 г. стояла стела Хыс оба в котловине Сорга

стных жителей, изваяние было перевезено в Хакасский областной краеведческий музей в 1954 г. Оно стояло в 500 м к западу от Онхакова улуса, в 50 м к северо-западу от тракта Абакан — Таштып (у

столба 112/46) и в 1 км к северо-западу от берега реки.

Изваяние было обращено личной на восток (рис. 61). От него осталась оплывшая яма (1,5×1 м). В 9 м от нее к северо-востоку на-

ходится ограда тагарского кургана, раскопанного А. Н. Липским. Нами вокруг ямы раскопана площадь 10 м в диаметре.

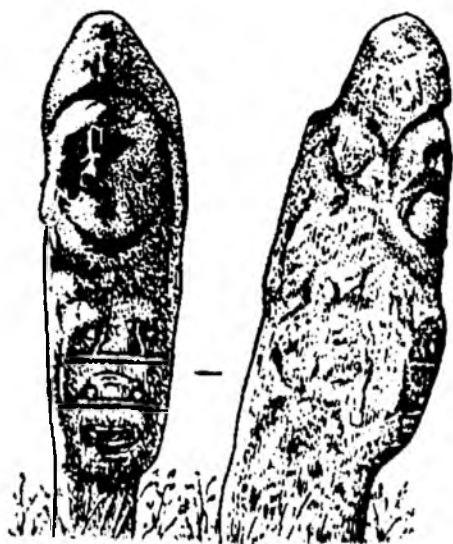

Рис. 61. Изваяние Улуг Хуртуях тас (Большая каменная старуха). Стояло на левом берегу р. Абакан близ Онхакова улуса. Прорисовка фотографий Л. А. Евтоховой 1947 г. Песчаник. Хранится в ХОКМ

К востоку и юго-востоку от ямы под дерном залегала овальная линза наношенной сюда с реки гальки. Слой толщиной до 40 см. Гальки нет на западной половине и в северной части раскопа. Среди гальки попадались песчаниковые плитки. В слое гальки с восточной стороны сосредоточено большинство найденных здесь костей животных. Больше всего собрано костей нижних отделов ног, трубчатых костей и зубов лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Это кости от взрослой и молодой лошади, четырех овец, одной особи крупного рогатого скота и одной косули.

На одной линии (к западу от ямы) расчищены три вбитых деревянных колышка со смятыми верхинками.

Вокруг изваяния на горизонте разбросаны мелкие гладкие обломки древних глиняных сосудов (нах. 2, 4—7). С западной стороны ямы лежал окатанный валун с поперечным желобком, похожий на каменный молот (нах. 1), но естественного происхождения, хотя и принесен сюда человеком. В восточной части раскопа найден обломок плоского диска из песчаника (нах. 3).

В засыпке ямы встречались песчаниковые плитки. Очевидно, это остатки контрфорсов, укреплявших изваяние. Размеры ямы: 1,05 м (север — юг) × 1,6 м и глубина — 0,85 м от верха дернового слоя (рис. 62).

В результате раскопок не выявлено видимых следов древних жертвоприношений, кроме мелких фрагментов сосудов и речной гальки. Чаще всего люди клали к подножию изваяния запасенную заранее речную гальку. Среди голышей довольно много камней явной фаллической формы (около тридцати) или продолговатых. Известно, что Улуг-Хуртуях тас почиталась хакасами прежде всего из-за мнимой ее магической силы избавлять от бесплодия женщин. С хакасскими приношениями, кроме фаллических галек, связаны, вероятно, кости домашних животных и основания некогда высоких деревянных шестов на которых, возможно, вывешивались шкуры коней с остатками нижних конечностей (от них сохранились голени, фаланги, пяточные, плюсны и астрагалы). Все приношения совершались главным образом перед личиной изваяния с восточной и юго-восточной стороны, а

шкуры, очевидно, вывешивались с западной стороны.

Изваяние Апсах оба (Старик-менгир) находилось на конусе

2 км к северо-северо-западу от моста через Черную речку (хак. Харасух), в Ширинском районе. По словам кызыльца Николая Ивано-

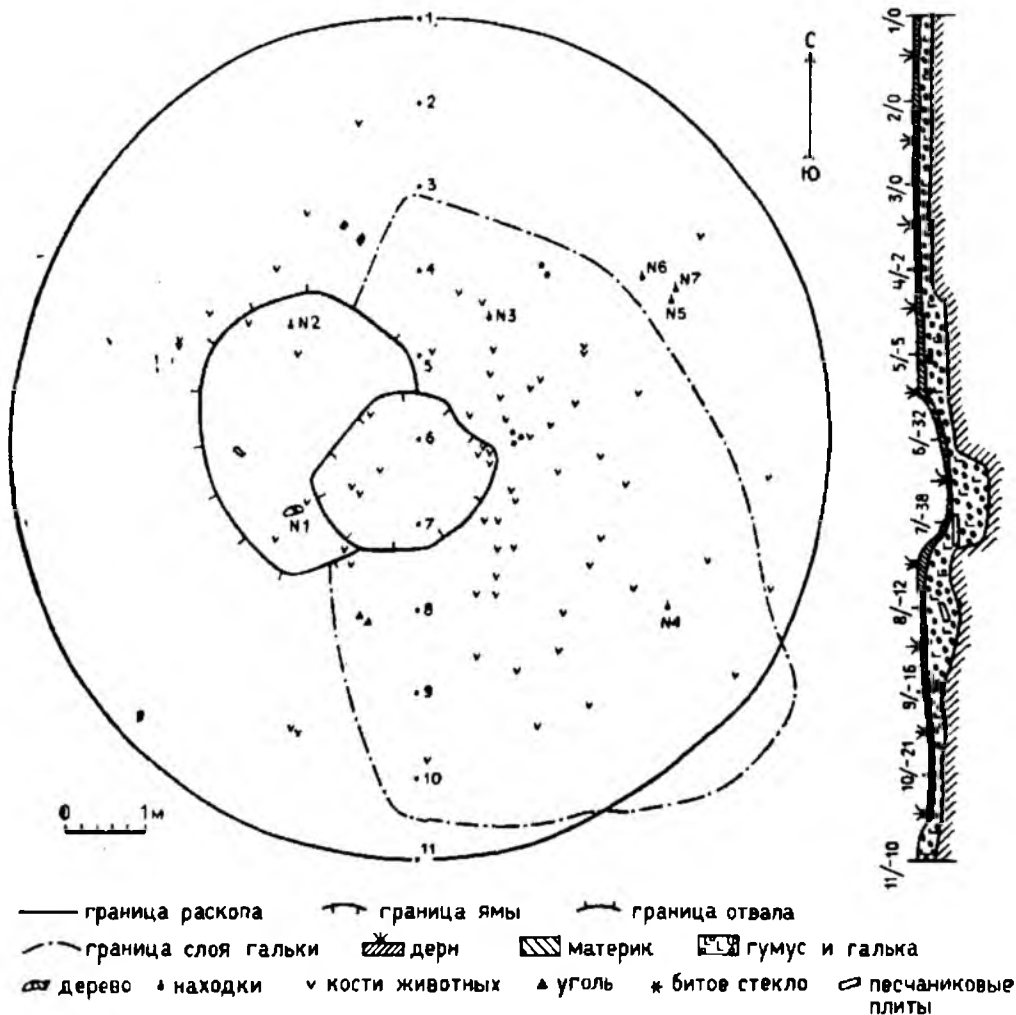

Рис. 62. План и разрез раскопа вокруг места, где до 1954 г. стояла Улуг Хуртуях тас. 1 — каменный «молот»; 2, 4—7 — мелкие обломки древних сосудов; 3 — кружок из песчаника

выноса небольшой сопки, в 300 м к северо-востоку от тракта пос. Черное озеро — ст. Шира (на 20 км) и в 3 км к северо-востоку от оконечности горы Хызыл хас, в

вица Саломачева (1907 г. рождения, жителя Батанакова улуса), Апсах оба — невысокое изваяние с личиной — было указано им А. Н. Липскому, который вывез его

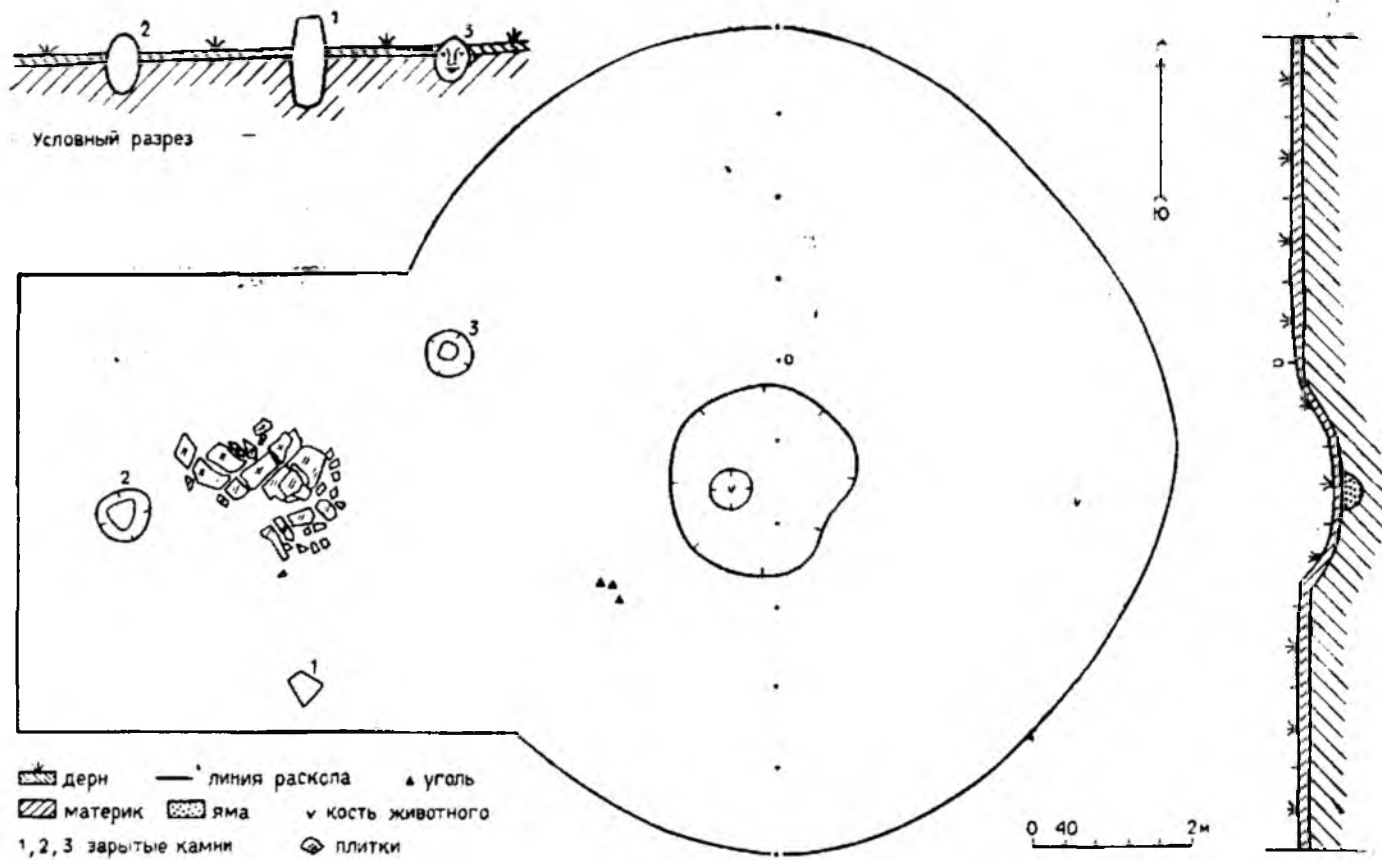

Рис. 63. План и разрез раскопа вокруг ямы, где стояло изваяние Апсах оба на Черной реке. 1—3 — зарытые камни

в Абакан около 1960 г. В указанном месте действительно сохранилась яма, и поэтому решено было провести вокруг нее раскопки²⁰. Яма имела воронкообразную форму (диаметром 2,2 м и глубиной 0,36 м). К западу от нее стоят три невысоких камня (1-й — высотой 0,45 и 2-й — 0,25 м), а третий возвышается на 0,15 м. К круглому раскопу (10 м диаметром) была сделана дополнительная прирезка для включения в пределы раскопа и этих камней (рис. 63). В юго-восточном секторе под слоем дерна найден зуб овцы, а к юго-западу от ямы — угольки, в яме изваяния — лопатка молодой особи мелкого рогатого скота. Глубина ямы изваяния — 0,8 м. На дне ямы обнаружен

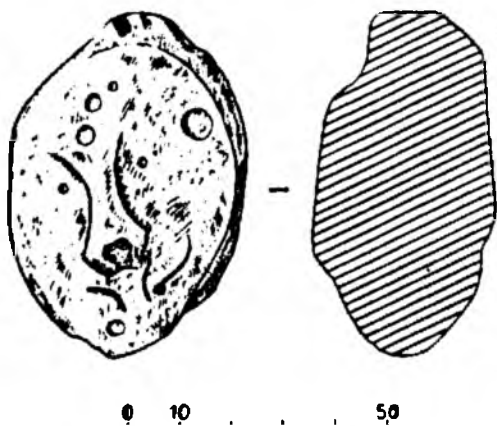

Рис. 64. Яйцевидное изваяние из серого песчаника с выбитой личиной, вкопанное к северо-западу от ямы изваяния Апсах оба (камень 3). Серый песчаник

обломок основания Апсах оба. Камень 3 оказался небольшим изваянием яйцевидной формы с грубо выбитой личиной (длина камня —

²⁰ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Изучение древнехакасских крепостей и замков. — В кн.: АО 1978 г. М., 1979.

0,6 м, ширина — 0,45 м; рис. 64). До раскопок вся личина была скрыта под землей (глубина ямы — 0,52 м, диаметр — 0,52 м). Камень 2 также имел яйцевидную форму (длина — 0,75 м, ширина — 0,4 м), но без изображений (рис. 63). Глубина его ямы — 0,54 м, диаметр — 0,7 м. Камень 1 — удлиненный четырехгранный менгир (длина 0,95 м, ширина 0,28 м; рис. 63), установленный в четырехугольную яму размерами 0,3×0,4 м, глубиной 0,55 м. На пространстве между камнями 1 и 2 расчищена сплошная плоская выкладка из каменных плит (рис. 63), довольно массивных (толщина 0,1—0,15 м). Очевидно, это и есть остатки жертвенника перед изваянием.

Таким образом, нами вскрыт редкий комплекс: изваяние, менгир и два каменных яйца. На одном из последних высечена личина, но она была скрыта в земле. Каменное яйцевидное изваяние имеет предшественника — в 1972 г. возле с. Аскиза случайно найден яйцевидный валун с оригинальной личиной (рис. 65)²¹. Не исключено, что и это яйцевидное изваяние первоначально было где-то зарыто в землю.

Изваяние Абаканского чаатаса. С юго-западной стороны, несколько в стороне от курганов Абаканского чаатаса, у пашни лежит личиной вверх плоская песчаниковая стела с двумя глазьями-ямками с изогнутым ртом (размеры: 1,94×0,54 — 1×0,26 — 0,36 м; рис. 66). Вокруг нее в 1982 г. заложен круговой раскоп (диаметром 10 м), который выявил в восточном секторе нетронутый щебенистый материк. При зачистке в трех местах обнаружены обломки одного нео-

²¹ Сунчугашев Я. И. Археологические работы в Хакасии. — В кн.: АО 1972 г. М., 1973, с. 241.

литического сосуда со слабо отогнутым венчиком и пояском накольчатого орнамента. В западном секторе под дерном выявилась подпрямоугольная яма (1,7×0,64 и глубиной 0,7 м), вытянутая с юго-востока на северо-запад. Яма была заложена плитками, поставленными на ребро, а под ними вдоль ямы на

Кулагашевское изваяние обнаружено в 1,2 км севернее Абаканского чаатаса. Оно стоит на террасе Чиланныг хас, посреди тагарских курганов, возле кладбища бывшего Кулагашева улуса. Это оригинальное изваяние из мелкозернистого серого гранита с двумя плоскими личинами возвышается в уг-

Рис. 65. Яйцевидное изваяние из речного валуна, случайно найденное близ с. Аскиз в 1972 г. Гранитный валун. Хранится в ХОКМ

боку стояла большая плита (1,4×0,5—0,7 м). Возле плиты расчищены почти разложившиеся три ребрышка мелкого рогатого скота (?). Судя по всему, это жертвенная яма (рис. 67).

Нижний конец стелы не обнаружен, а яма, в которой она некогда стояла, была мелкой, хотя и содержала несколько камней, подпиравших в свое время стелу. Очевидно, первоначально монолитный «идол» сделан не здесь, хотя не исключено, что неподалеку от этого места. Но установлен здесь он был в тазминское время (рис. 68).

лублинии (диаметром 2 м) посреди округлой низкой земляной насыпи. Обращено личинами на восток. Интересно, что изваяние «Г»-образно по форме, как и многие менгиры. Общая высота его — 1,24 м. Но это не есть подражание форме изваяний с головой барана, ибо на верхней плоскости воспроизведена трехглазая личина с поперечной чертой и ртом в виде овального углубления. Кроме того, двумя вертикальными скобчатыми желобками обозначен как бы подбородок, ниже которого, к удивлению, выбит и зашлифован второй рот (рис. 69). На

Рис. 66. Изваяние, лежащее на юго-западной окраине Абаканского чаатаса на левом берегу р. Абакан. Песчаник

обоих плоских боках выбиты скобками уши. На нижней плоскости изображена вторая двуглазая личина с поперечной чертой на месте носа и ртом в виде овального углубления. Глаза обеих личин — круглые ямки (рис. 69). Ширина верхней личины — 0,36 м, высота — 0,4 м; ширина нижней личины — 0,36 м и высота плоскости — 0,67 м. Ширина южной грани изваяния — 0,34—0,5 м; северной грани — 0,23—0,5 м; западной грани — 0,1—0,28 м. После раскопок общая высота изваяния составила 2,2 м (рис. 70). В 27,5 м на восток от изваяния в пашне лежит менгир со следами обработки.

Вокруг изваяния был заложен раскоп диаметром 15 м. Расчистка выявила вокруг изваяния 11 каменных выкладок из обломков скалы, имеющих овальную форму и вытянутых с востока на запад. Выяснилось, что курганообразное возвышение образовалось в результате слияния выложенных дерном могильных холмиков, по хакасскому обычаю покрытых обломками скалы. В двух случаях из-под выкладок появились обрывки бересты от покрытия ям. И в двух местах обнаружены сильно коррозированные обломки стеклянных бутылей зеленого цвета. Судя по обломкам горлышка, тип бутылей старинный —

царского времени. Таким образом, вокруг археологического древнего памятника (называемого по-хакасски Тас иней — Каменная старуха) находилось хакасское кладбище.

Выбор места для кладбища первоначальными жителями Кулагалению, опросить старых жителей нет возможности, так как Кулагашев улус к настоящему времени не сохранился.

В 1,45 м к востоку перед изваянием на глубине 0,5 м обнаружена ямка 0,25 м диаметром и глубиной

В 1,45 м к востоку перед изваянием на глубине 0,5 м обнаружена ямка 0,25 м диаметром и глубиной

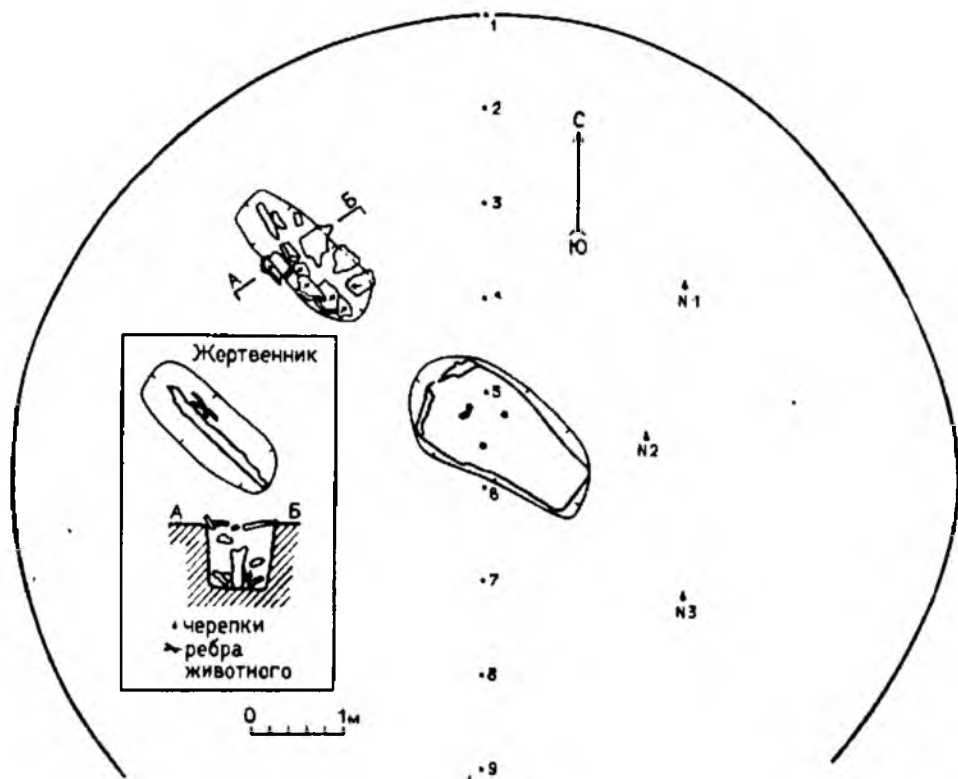

Рис. 67. План раскопа вокруг изваяния на Абаканском чаватасе. 1—3 — обломки сосуда

шева улуса (кладбище тянется далее на северо-запад) не случаен. Он связан с очевидным сакральным значением древнего тазминского изваяния и его почитанием хакасами в XIX в. Захораниваемые умершие как бы поступали под защиту и охрану Каменной старухи. К сожа-

лению, опросить старых жителей нет возможности, так как Кулагашев улус к настоящему времени не сохранился. В 1,45 м к востоку перед изваянием на глубине 0,5 м обнаружена ямка 0,25 м диаметром и глубиной 0,2 м от верха древнего материкового слоя. В ней обнаружены кости целого скелета небольшой кабарги (?). Таким образом, в жертву древнему изваянию принесена охотничья добыча, доставленная сюда с далекого Саянского хребта (около 60 км по прямой линии).

Рис. 68. Изваяние с юго-западной окраины Абаканского чаатаса

2. Данные об изваяниях и менгирах

За годы работы ХАЭ МГУ удалось обнаружить целый ряд неизвестных ранее и осмотреть некоторые известные каменные изваяния, чаще из числа переиспользованных в более поздние эпохи, вплоть до этнографической культуры современных хакасов. Эти данные также представляют научный интерес, особенно для картографирования и статистики, и поэтому нуждаются в опубликовании. Здесь же добав-

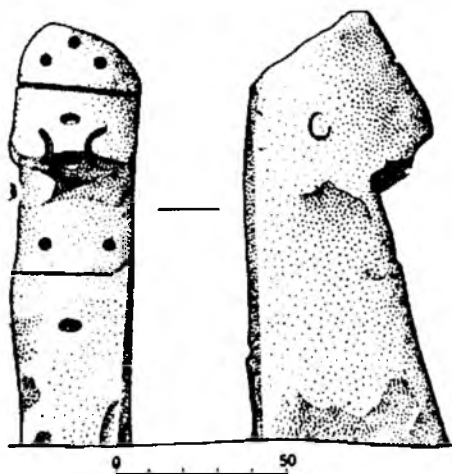

Рис. 69. Кулагашевское изваяние, стоявшее на старом кладбище на левом берегу р. Абакан к северу от Абаканского чаатаса. Серый гранит

ляем сведения о менгирах, которые необходимо раскопать для выяснения вопроса об их возрасте и назначении. Материалы излагаем в хронологической последовательности их обнаружения.

Еще в сентябре 1947 г. С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым (по возвращении из Тувы) были приняты разведочные поездки по Хакасии. Мною изучены также и зарисованы на местах две каменные скульптуры.

1. Первая из них была обнаружена в Изыхских горах на правом берегу Абакана. Проехав из с. Белый Яр по Бейской дороге, мы осмотрели на горе Изыхский чаатас (на котором в 1951 г. автором были произведены раскопки). В 4—5 км к югу-юго-востоку от чаатаса на вершине соседней высокой горы (между бывшим здесь поселком бригады и колхозом «Хызыл Салда») находился большой тагарский курган II стадии с земляной на-

Рис. 70. Кулагашевское изваяние.
Вид с юга после раскопок

сыпью до 3 м высотой, ограда которого обставлена высокими плитами. Хакасы называют его Кюрген тигей (Курган на вершине). Одна из вертикальных плит представляла собой массивное «саблевидное» изваяние из девонского песчаника высотой 2,8 м. Изваяние имело рельефную личину на узкой грани, обращенной на восток-северо-восток (рис. 71). Ниже личины видна слегка обитая концентрическая окружность с точкой в центре. Подобная же окружность выбита и на задней узкой грани (рис. 71).

2—3. Вторая и третья скульптуры (рис. 72) обнаружены на Веохнебиджинском чаатасе, который в 1947 г. находился на расстоянии

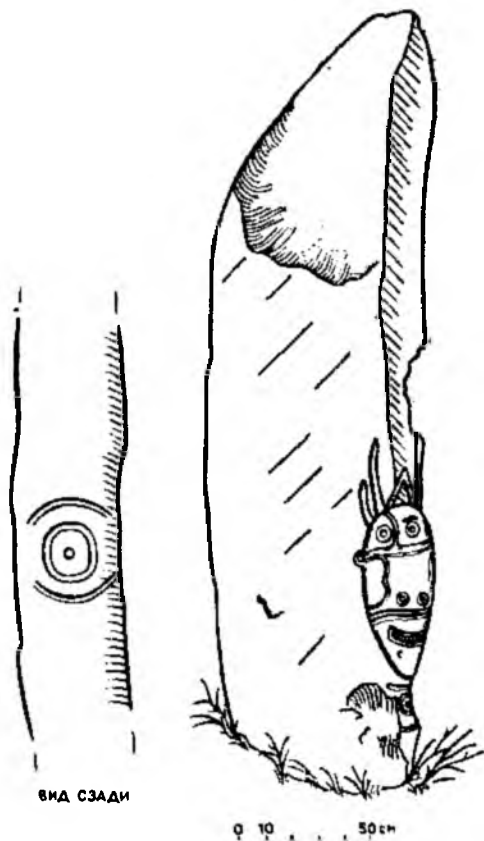

Рис. 71. Изваяние, перенесенное на тагарском кургане Кюрген тигей (Курган на вершине) на горах Изыхтах. Песчаник. Рисунок автора 1947 г.

3 км от д. Вершина Биджа у колхозного стана. Возле большого тагарско-таштыкского кургана по степи разбросаны каменные курганы из обломков скалы. В отличие от плоских курганов Изыхского чаатаса верхбиджинские чаатасовские курганы достигают в высоту 0,5 м. Возле них стоят менгиры высотой 2—3 м. Среди них есть две четырехугольные каменные выкладки — «платформы». У одной из них (8×8 м) на северо-восточном углу стояла известная скульптура с го-

ловой каменного барана — аргали²². При этом мной обнаружены после снятия слоя дерна и земли выпуклые, округлые груди, находящиеся под рельефной личиной, рас-

вместо обычного менгира. Кстати, по трем остальным углам подквадратной каменной платформы (в северо-восточном углу которой была древняя скульптура) стояли вертикальные менгиры. Один из них,

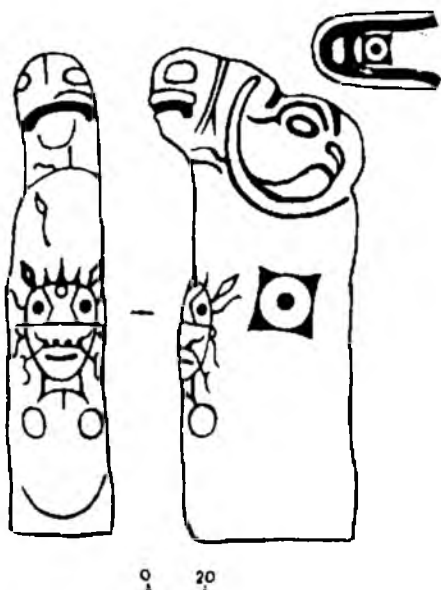

Рис. 72. Изваяние с головой барана и личиной, стоявшее на древнехакасском кургане Верхбиджинского чаатаса. Ныне хранится в ХОКМ (по Э. Б. Вадешкой)

положенной внизу на узкой грани скульптуры (рис. 73).

Изваяние было обмерено и зарисовано (рис. 74). Высота его составляла 1,2 м, ширина — 0,56 м. Морда барана и личина были обращены на запад. Древнее изваяние было переиспользовано средневековыми хакасами, поставившими его «для украшения» бегской могилы

²² Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., рис. 4; табл. V, рис. 45. Необходимо отметить, что на чаатасах нередко встречаются плиты-менгиры, схожие по внешним очертаниям с верхбиджинским бараном.

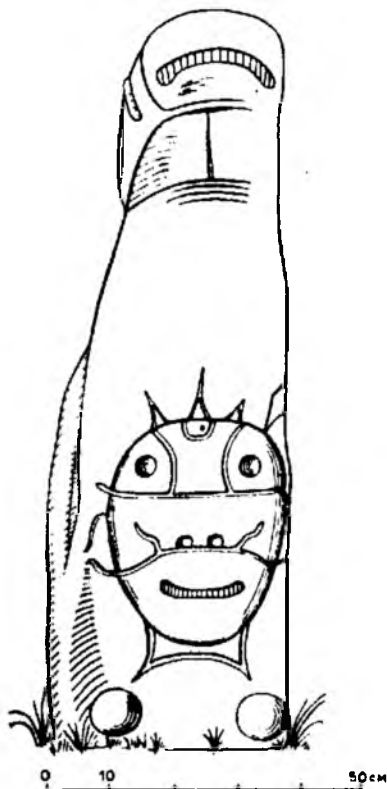

Рис. 73. Деталь Верхбиджинского изваяния по рисунку автора, сделанному на чаатаса в 1947 г.

находящийся в северо-западном углу, упал. Это также была древняя саблевидная стела, плашмя вросшая в землю. Снаружи никаких изображений на ней не было видно.

4. Необходимо упомянуть здесь еще один уникальный памятник, осмотренный автором совместно с С. В. Киселевым в ту же

поездку 1947 г. В 18 км к юго-западу от Верхбиджинского чаатаса в меридиональном направлении проходит невысокая горная гряда, представляющая собой естественный северо-восточный борт извест-

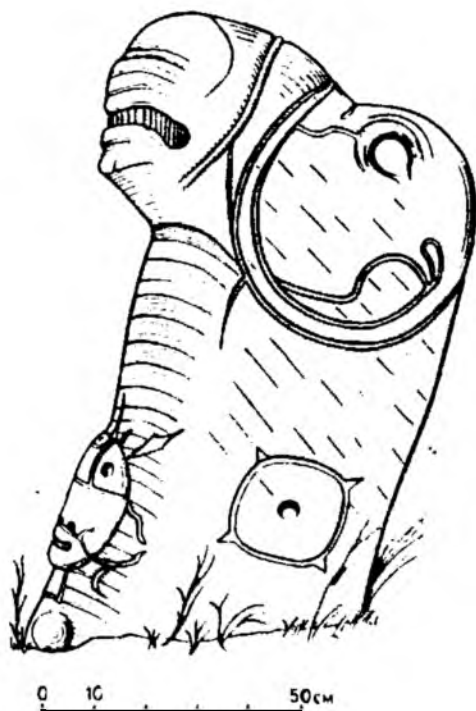

Рис. 74. Верхбиджинское изваяние по рисунку автора, сделанному на чаатасе в 1947 г. Вид с юга

ной своими царскими курганами IV—III вв. до н. э. Салбыкской котловины.

На вершине гряды поперек ее стоят одиноко два менгира. Это вертикально врытые, громадные, вырубленные из скалы девонского песчаника плиты (высотой до 3 м и шириной 1,5 м). Узкими гранями они обращены на восток и запад, а плоскими сторонами — на север и на юг (рис. 75). На одной из них

имеются тамги. Своими мегалитическими формами плиты совпадают с обликом оград известных Салбыкских курганов № 1 и 2 (первый из которых раскопан под руководством С. В. Киселева в 1954—1956 гг.), а также плит-мегалитов, оставшихся на тагарской каменоломне, которая была обнаружена за 20 км от Салбыка в отроге Батеневского кряжа.

По первому впечатлению, эти два мегалита представляют собой величественные «ворота» в Салбыкскую котловину — своеобразный пантеон тагарских царей. Возможно и другое объяснение, если принять в расчет представления многих народов Сибири о смерти и потустороннем мире. Эти ворота, так же как и мнимые входы в ограды курганов, указывали направление для душ умерших древних царей, которых хоронили в Салбыке.

По старинным поверьям, души умерших людей расходились по двум дорогам. Вход в нижний мир находился в стороне солнечного заката — на западе, а в верхний небесный мир дорога уходила в сторону солнечного восхода.

Именно в верхний мир вела ритуальная дорога, устроенная для душ умерших тагарских царей, которые отличались от простого народа своим «небесным» происхождением. Поэтому как «ворота» оград больших Салбыкских курганов, так и «Большие ворота» котловины мертвых были обращены на восток, навстречу восходящему солнцу.

Эту точку зрения, вероятно, подтверждает второй аналогичный памятник, о котором имеются достоверные сведения. Два высоких гранитных менгира стоят на перевале через Байтакский хребет, по дороге из д. Большой Телек в д. Куреж-

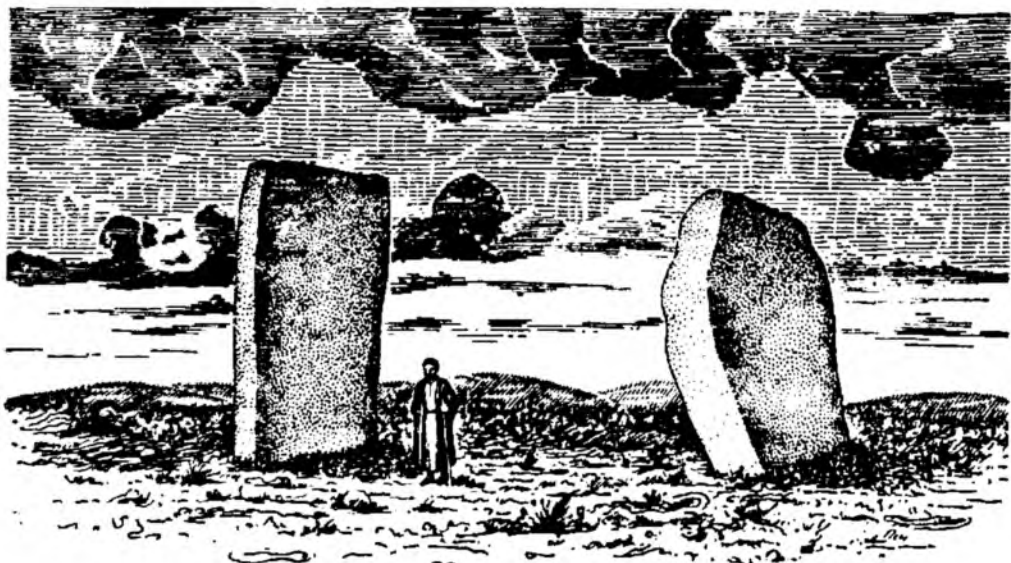

Рис. 75. «Ворота» из двух менгиров, стоящие на гряде холмов с восточной стороны Салбыкской котловины, в которой расположен пантеон тагарских царей. Рисунок по фотографии 1947 г.

ская, на правом берегу Енисея, в северо-восточном направлении от Салбыкской степи²³.

5—7. В 1958 г. нашей экспедицией в долине р. Аскиз открыты несколько до того неизвестных чаатасов. На Читыхысском чаатасе (левый берег реки под горами Читы хыс, в урочище Чагыс тыт) обнаружены две стелы с личинами, высеченными на плоскостях. Малая стояла в качестве каменного столба у одного из каменных курганов чаатаса. Узкими гранями она была повернута на восток и запад. На

западной грани (наверху и внизу) на плоскости высечены небольшие личины, соединенные нисходящей извилистой линией (рис. 76). На восточной грани вырезаны два солнечных знака, а на южной — один.

Вторая широкая плита (2,26 × 0,8 × 0,3 м) стояла, наклонившись, на вершине большого тагарского кургана, расположенного в 150 м к востоку-северо-востоку от чаатаса. Половину плиты занимает плоская трехрогая личина (правый рог ее отбит) с дополнительными изображениями внизу (рис. 77)²⁴.

В 2 км к югу от хребта Читы хыс, в долине между сопок, на ровном месте стоит одинокий менгир (высотой до 3 м), называемый Стреляющий камень; рис. 78).

²³ В 1883 г. их отметил Н. М. Мартынов, а в 1932 г. — А. Г. Вологдин. С тех пор об этом памятнике сведений нет. См.: Мартынов Н. М. Путевые заметки из поездки в северо-восточную часть Минусинского округа. ИВСОРГО, 1883, т. 14, № 3, с. 8; Вологдин А. Г. Тубино-Сисимский район Минусинско-Хакасского края. — Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения НКТП СССР, вып. 198. Л.—М., 1932.

²⁴ Оба изваяния Читыхысского чаатаса, по нашему указанию, перевезены в Хакасский обл. музей в 1958 и 1960 гг.

Рис. 76. Изваяние Читыхысского чаатаса (переползованное на каменном кургане), на левом берегу р. Аскиз. Песчаник. Хранится в ХОКМ (по А. Н. Липскому). Справа воспроизведена перевернутая личина, выбитая на широкой грани внизу столба

8. Изваяние с полустертой рельефной личиной (от которой отходит вверх извилистая линия) на узкой восточной грани обнаружено тоже в 1958 г., в ряду из 36 каменных столбов, на восточной окраине открытого нами Верхаскизского чаатаса, на левом берегу р. Аскиз, напротив улуса Верх-Аскиз.

9—12. В 1959 г. в Ширинском районе, между Черным озером и Черной речкой, вокруг горы Хызыл хас, нами были зафиксированы три изваяния. Одно первоначально стояло посреди пашни у Батанакова

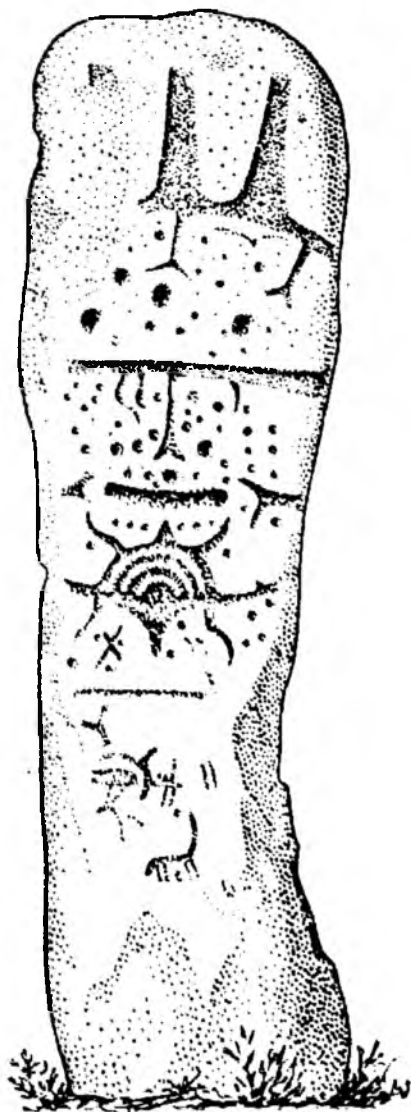

Рис. 77. Изваяние Читыхысского чаатаса, стоявшее на вершине тагарского кургана. Песчаник. Хранится в ХОКМ

улуса, откуда его вытащили трактором. Это изваяние хакасы называли Хыс тас (Каменная девушка), его длина — 2,7 м, ширина — 0,8 м.

Рис. 78. Атчай кёзе (Стреляющий менгир) — менгир в долине Читыхысского чаатаса, в 2 км к югу от одноименных гор

Оно имело «саблевидную» форму и личину хорошей сохранности, с рогами и ушами (рис. 79). Между ушами вверх идут две черты с полустершимися ответвлениями. Есть грудь и слегка поврежденный живот, с «ямкой» под ним. На одной стороне выбиты инициалы тракториста «Я. Р. М.» (Янгулов Роман М.). Скульптура лежала близ доро-

ги улус Янгулов — дер. Подзаплот, в 300 м к северо-востоку от горы Хызыл хас.

В 600 м к северо-западу от отрогов Хызыл хаса, в траве между

Рис. 79. Изваяние Хыс тас. Стояло близ Батанакова улуса у Черного озера. Песчаник. Хранится в ХОКМ

двух дорог в виду Черного озера лежала одиноко огромная «сигарообразная» стела Киме тас (Каменная лодка) длиной 4,68 м и шириной 0,7 м. На узкой грани ее — прекрасная слабо рельефная личи-

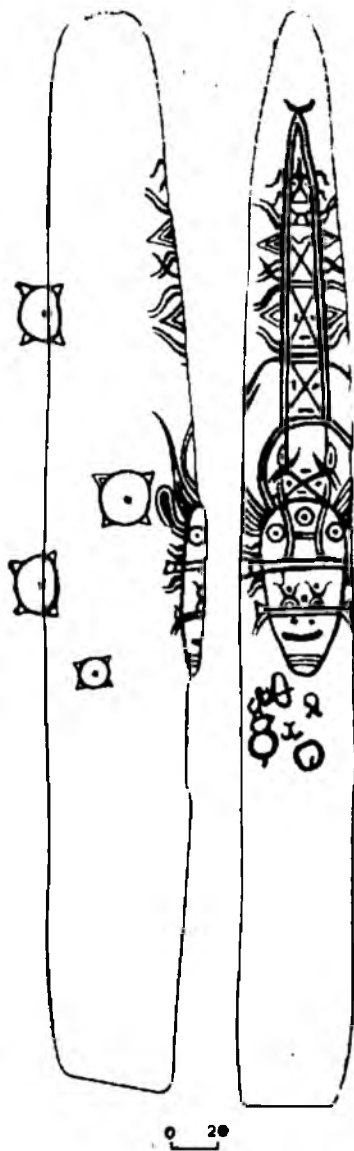

Рис. 80. Изваяние Кяме тас. Лежало у горы Хызыл хас на Черном озере. Песчаник. Хранится в ХОКМ (по Э. Б. Вадецкой)

на с ушами и рогами, с извивающейся змеевидной фигурой, идущей вверх. Живот слабо выпуклый. Сза-

ди — два солнечных знака и скобу — еще два (рис. 80)²⁵.

Третье изваяние стояло в хлебах, в 2 км к юго-западу от отрогов горы Хызыл хас (между горой и сопкой с маяком близ озера). Скульптура имела рельефную личину с рогами и ушами. Вверх поднимается змеевидная фигура, на лбу много мелких ямок. На боковой плоскости выбиты друг над другом три фигуры узких длинных быков (с тонкими ножками и длинными хвостами с кисточками типа «поздних» изображений на Знаменском изваянии), искусно высеченных (рис. 166) «выемчатой» силуэтной техникой. Высота изваяния — 1,73 м, ширина — 0,71, толщина — 0,38 м (рис. 81)²⁶.

В 10 шагах к северо-западу стоял песчаниковый менгир (высотой 1,34 м, на одной плоскости которого выбита фигура козла, а на другой — тамги).

13. На 18-м км по старой дороге от Малого Сютика на ст. Шира, не доезжая участка Сарат, на невысоком перевале, влево от дороги в 1959 г. стояло изваяние, а рядом лежал упавший менгир. Изваяние (высота — 2,87 м, ширина — 0,8 м и толщина — 0,4 м) имеет рельефную личину (с полустертыми чертами), груди и живот на восточной узкой грани. На боковой плоскости надпись черной краской: «Отряд № 20». К востоку от изваяния расположен тагарский могильник.

14. Антропоморфное изображение на левом берегу р. Камышты осмотрено и зафиксировано в 1970 г. на курганном камне близ центрального поселка Аскизского

²⁵ Оба изваяния позже были вывезены в г. Абакан, в Хакасский обл. музей.

²⁶ В 1978 г. изваяния нами на месте не обнаружено, а менгир оказался поваленным.

совхоза «Овцевод» (бывший Доможаков улус).

Тагарский курган II стадии (ограда размером 14×9,3 м) стоит на

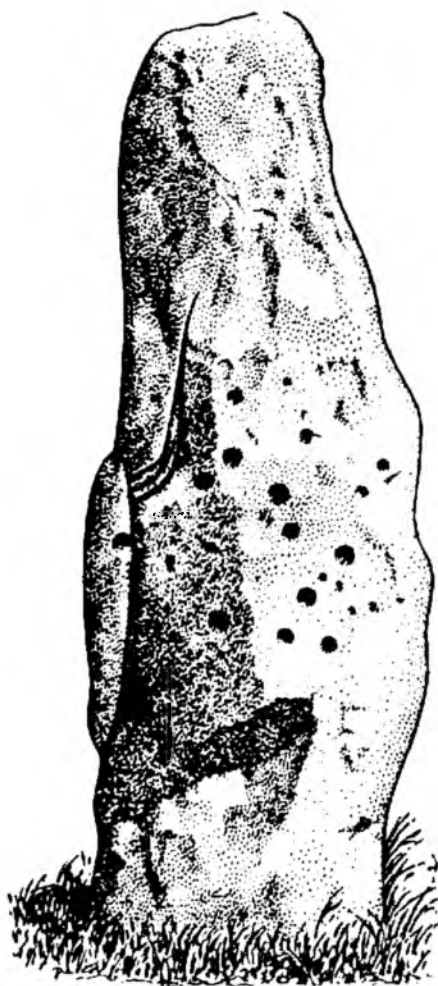

Рис. 81. Изваяние, стоявшее в 2 км к юго-западу от горы Хызыл хас близ Черного озера. Песчаник. Исчезло с места. Прорисовка фотографии 1959 г.

горке, в 250 м к северу-северо-востоку от построек поселка, среди тагарского могильника, отрезанного асфальтированным шоссе, ведущим в Болганов улус.

Посредине юго-восточной стороны ограды этого кургана — большой вертикально врытый песчаный камень (0,75×0,62×0,34 м). На гладкой плоскости камня, обращенной на юго-восток, находится левая часть сцены с редким антропоморфным изображением. Правая часть плиты была отбита и утрачена в древности, до сооружения тагарского кургана. Первоначально изображение находилось в центре камня, который стоял где-то отдельно на берегу Камышты²⁷.

Изображение выбито узкими неглубокими линиями. Это антропоморфное божество с овальной головой, имеющей «рожки» и «ушки», с двумя ямками-глазами, с поперечной чертой вместо носа, ртом и ямкой в центре подбородка. Туловище имеет сужающуюся талию, грудь, охваченную поперечными полукольцами, и бедра. Ног нет. В правой, обращенной в сторону, руке находится, кажется, небольшое животное; левая, вероятно, была поднята вверх (рис. 82). Под правой рукой прослеживаются горизонтальные линии. Справа, выше головы, осталось еще какое-то неясное изображение. Еще имеется отходящая вниз линия под левой рукой и непонятные выступы с обеих сторон бедер (рис. 82).

По-видимому, мы имеем здесь дело с очень редким типом плоскостного изображения божества, относящегося к ранним личинам и каменным изваяниям.

15—16. Менгир на р. Юрь (хак. Суглуг Юрь). Ручей этот впадает слева в р. Ниню, у скалы Тарбах хая. Он течет из особой доли-

²⁷ В 1981 г. лицевая часть камня с изображениями была нами передана на хранение в Хакасский областной краеведческий музей.

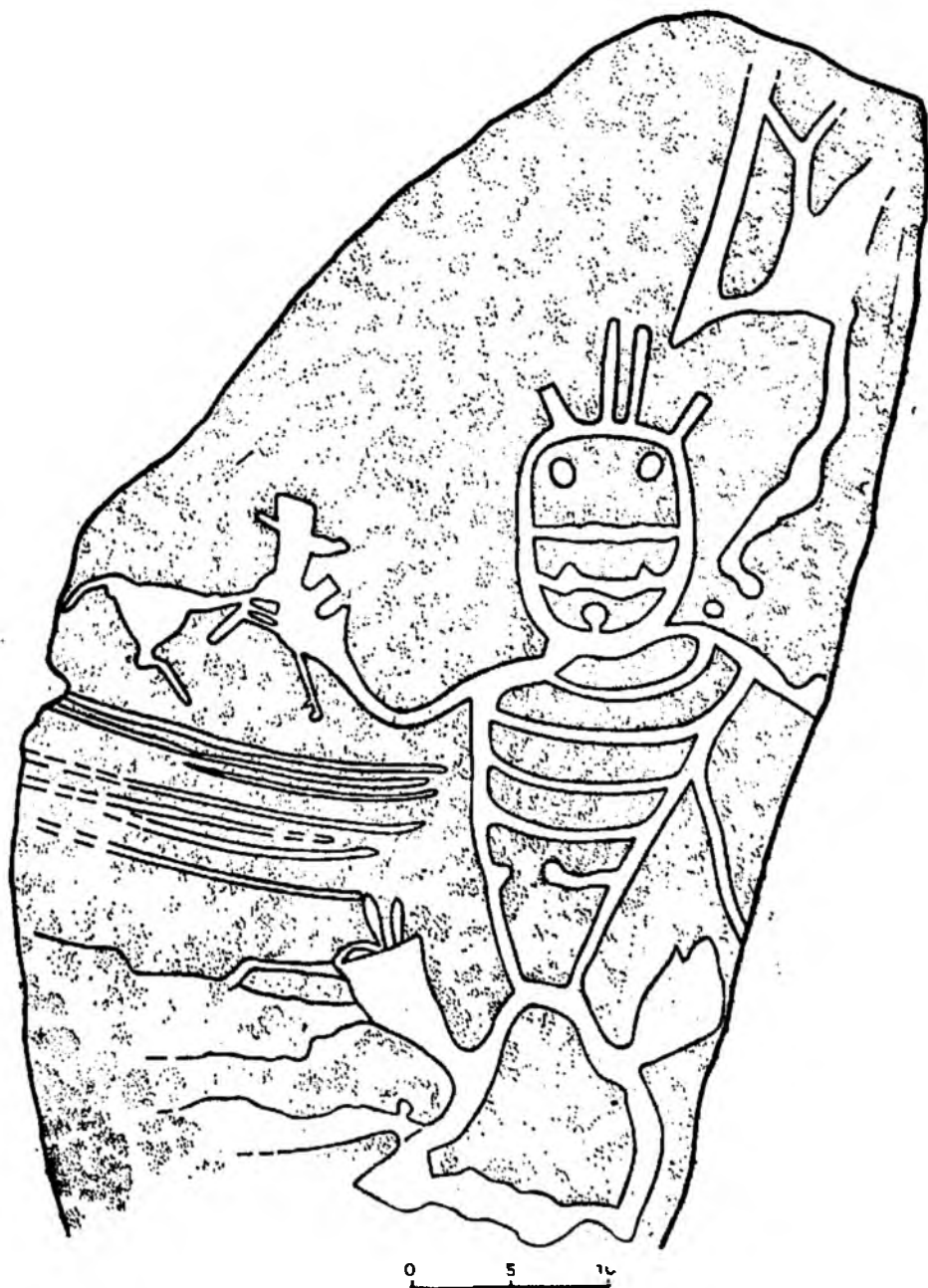

Рис. 82. Изображение духа на глыбе песчаника, переиспользованной на тагарском кургане. Стояла на северо-восточной окраине поселка с/х «Овцевод» на левом берегу р. Камышты. Перевезена нами в ХОКМ

Рис. 83. Менгир из серого гранита в долине Суглуг Юрь близ бывшего с. Синявино

Рис. 84. Обломанное изваяние с личиной на Уйбатском (Бейском) чаатасе

ны, в которой (в 4 км от места бывшего с. Синявино) на правом берегу у дороги обнаружен лежащий менгир из серого гранита. На нем лежал выбитый каменный диск (рис. 25, 5), подобный найденным нами у изваяния Ах оба. Менгир недавно кем-то повален. Осталась свежая яма, с контрфорсами в ней.

В 2 км ниже лежащего менгира, ближе к Синявино, в 200 м от дороги, в той же долине стоит на ровном месте второй менгир из серого гранита (рис. 83).

17—21. В том же 1970 г. осмотрены знаменитый Уйбатский (Бейский) чаатас и сохранившиеся стелы в известном поминальном ряду каменных менгиров, сооруженных,

как теперь выяснилось, после раскопок Койбальского ряда, в таштыкскую эпоху. Среди стел каменных курганов типа чаатас сохранились еще три древних изваяния с побитыми личинами (рис. 84); плита с тамгами и с обрывком енисейской надписи, а также плита с рисунком оленя, врытая в перевернутом положении.

22. Ст. Ербинская, изваяние № 13 в 1971—1972 гг. лежало на последней с восточной стороны улице поселка (ул. Боградская, № 23) (рис. 30).

Это большой монумент из серого гранита, трехгранный в сечении. «Спина» уплощена. По объему видны выпуклости на месте груди и

Рис. 85. Изваяние № 13 из серого гранита в котловине Сорга. Лежит на Богградской улице у дома № 23 в пос. Ербинский

живота. Личина слабо рельефна (с отбитым подбородком), расположена в верхней части камня. Различны большой круглый глаз (в два кружка) и «лучи» над головой. Видны выбитая желобчатая развилка сбоку у верхушки изваяния и углубление естественного происхождения на уровне живота (рис. 85). Длина изваяния — 2,6 м; ширина по низу — 0,68 м и толщина — 0,32 м. Ширина спины и самой стелы — 0,34—0,42 м. Верхний конец — 0,4×0,4 м.

По заявлению хозяйна, изваяние до 1958 г. стояло перед домом, а затем было свалено. Под камнем, на глубине 1 м, якобы были найдены 5—6 глиняных сосудов (округлых, высотой до 15 см) и остатки двух деревянных ложек.

23. Ст. Ербинская, изваяние № 12, изображающее голову лося-самца, с подшейной «серьгой», а также имеющее внизу на узкой грани трехглазую рельефную личину, находится в составе оградки тагарского кургана II стадии (рис. 86). Курган этот расположен в хлебах в 2 км к северо-востоку от поселка станции и в 1,5 км от изваяния № 4 на восток-северо-восток (рис. 30).

Курган — земляной холм с каменной оградой 12×12 м, с четырьмя высокими камнями по каждой стороне. Стороны ограды ориентированы по сторонам света. Второй с востока высокий камень по северной стороне ограды и есть изваяние № 12. Стоит оно личиной на восток, слегка наклонено на север-

(рис. 86)²⁸. Высота его — 1,25 м, ширина по низу — 0,7 м, толщина — 0,35 м. Выпуклая личина нижним концом заглублена в землю и

«ровиками», с двумя горизонтальными чертами, отделяющими лоб, и с двумя извилистыми вертикальными чертами, отделяющими боко-

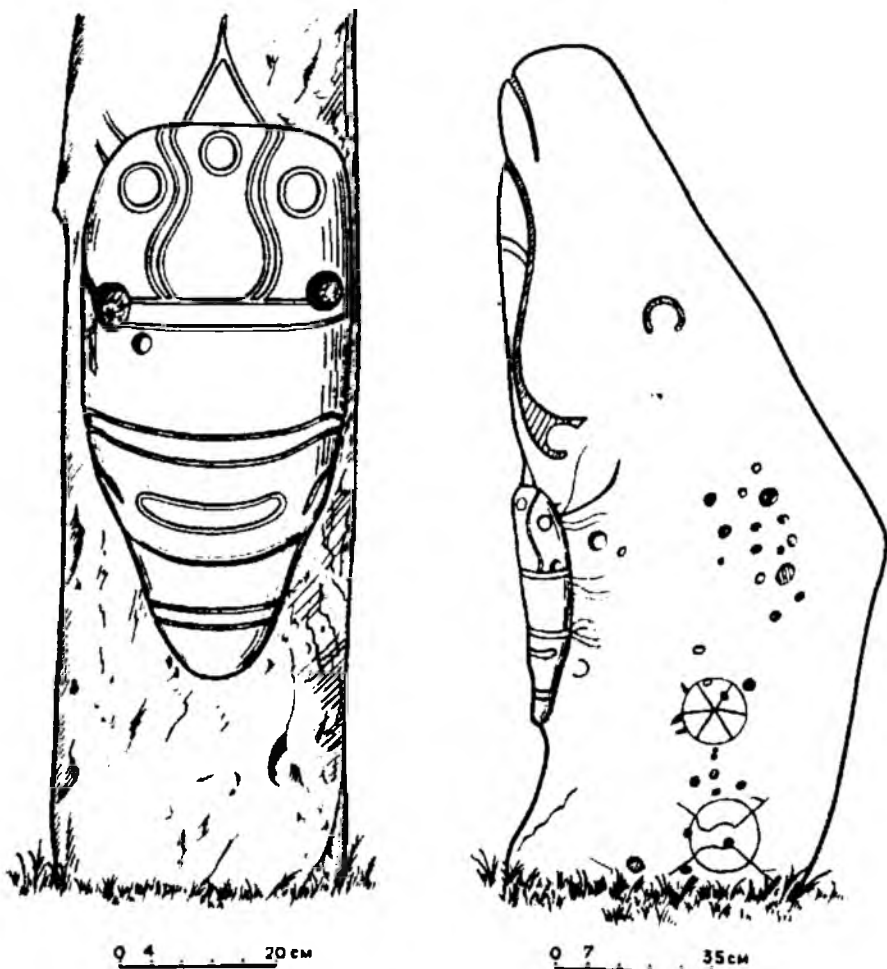

Рис. 86. Изваяние № 12 с головой лося, обращенной вверх, и с личиной на узкой грани. Стоит менгиром в ограде тагарского кургана в 2 км к северо-востоку от пос. Ербинский в котловине Сорга

торчит на 0,43 м (ширина ее 0,3 м). Личина слабо рельефная, с тремя «глазами», выделенными плоскими

вые глаза (рис. 86). Вверх от лба отходит треугольник. По бокам личины, посередине, имеются две ямки, выдолбленные позже.

²⁸ Имеются еще около 15 менгиров, которые стоят на пашнях к востоку и северо-востоку от поселка ст. Ербинская.

Правая сторона личины повреждена большим сколом. С левой стороны на личину выходят две линии

Рис. 87. Менгир из серого гранита на левом берегу р. Сайгачи, правого притока р. Пююр-сух

снизу и одна сверху на «лоб», а от личины отходят три извилистые черты снизу, затем еще две выше, а от них поднимаются линии, образующие ухо головы лося (рис. 86).

По северной плоскости ясно видно, что изваяние передает своими очертаниями голову и загорбок лося-самца. Конец морды обращен вверх. Углубленными выдолбленны-

ми желобами показан рот и четко обрисована нижняя челюсть с округлой «серьгой», присущей лосю-самцу, висящей между скулой и ухом. Полукружьем обозначен большой глаз зверя (рис. 86). Правее уха, на плече и ниже, «разбросаны» округлые ямки — всего 31 углубление²⁹.

²⁹ Кызласов Л. Р. Каменные «ста-

Рис. 88. Менгир «с головой животного» на правом берегу р. Пююр-сух близ пос. Усть-Бюрь. Серый гранит

рушки» Хакасии, рис. с. 295. В 1921 г. археологи не различили голову лося (см: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Указ. соч., табл. III, рис. 25; на табл. VIII, рис. 71 — второе изваяние с левобережья Абакана, имеющее очертания в виде головы лося).

Нижняя челюсть воспроизведена также наверху восточной грани изваяния. Ниже рта очерчена губа, а еще ниже — раздвоенные челюсти. Южная плоскость изваяния настолько повреждена трещинами, что черты головы зверя на ней еле

заметны. Подкоп обнажил низ личины и выбитые внизу изваяния круги (рис. 86).

24. В 1971 г. в долине р. Теи, к северу от подножия горы Кõк хая и в 300 м к западу от тракта Абакан — Таштып, нами осмотрен

Высота его 2,35 м, ширина до 1,5 м. Широкими гранями он обращен на северо-восток и юго-запад. Монумент прочно укреплен контрфорсами. В 3 м от него виднеются тонкие плитки, образующие малую оградку.

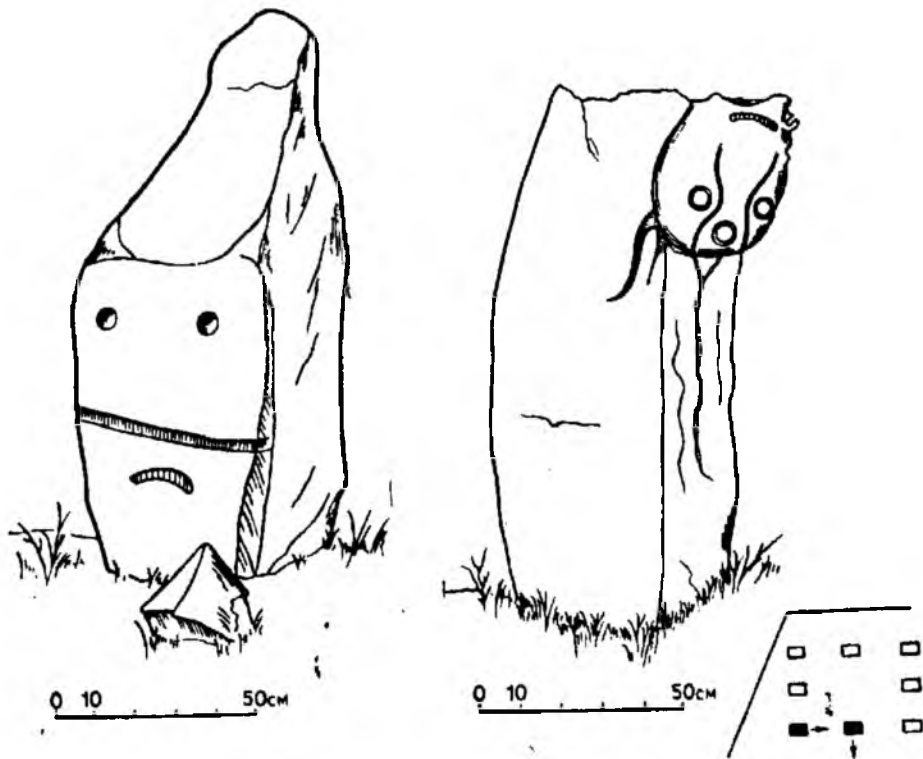

Рис. 89. Изваяния, переиспользованные в ограде тагарского кургана на левом берегу р. Уйбат близ урочища Уйбат-Хулган. Серый гранит

большой менгир (высотой 2,3 м, шириной 0,87 м), вырубленный из песчаника. На его южной грани обнаружены древнехакасские тамги и современные надписи.

25. В том же году в 500 м от левого берега р. Сайгачи (правого притока р. Пююр-сух), рядом с грунтовой дорогой, ведущей в ее верховья, обнаружен менгир-монумент из серого гранита (рис. 87).

26. В 3 км выше пос. Усть-Бюрь, на правом берегу р. Пююр-сух (в 1 км к северо-западу от кошары), посреди пашни стоит менгир (хак. Оба) из серого гранита. Это камень естественных очертаний, но он как бы воспроизводит голову животного — типа изваяний с головами баранов (рис. 88). Высота его — 1,6 м, ширина внизу — 1 м, толщина — 0,8 м. Понизу менгир

имеет пятигранное сечение. «Мордой» обращен на восток.

27—28. В 400 м к северо-востоку от могильника Уйбат-Хулган (на ж. д. Ачинск — Абакан) находится группа из шести тагарских курганов II стадии. На центральном восьмикаменном кургане два столба, стоящие по южной стороне ограды, являются переиспользованными древними изваяниями (рис. 89). Угловой юго-западный столб из гранита представляет собой сломанное пополам (через личину) изваяние, закопанное в землю «вниз рогами» (рис. 89, справа). Рельефная личина его была трехглазой, со ртом, имела рога и «ушки», треугольник с отростком над личиной. Поперечных черт нет (рис. 89). Высота обломка — 1,3 м, ширина — 0,62 м и толщина — 0,25 м. Обращена личиной на восток.

Второе изваяние — средний столб южной стороны ограды. Это четырехгранная глыба серого гранита, заостренная вверх. На широкой ее грани, обращенной к югу, выбиты два глаза (круглые ямки), поперечная черта и рот, обращенный выпуклостью вверх. Высота — 1,33 м, ширина — 0,63 м и толщина — 0,52 м (рис. 89, слева).

29—30. На левом берегу Уйбата, в 50 м к востоку от горы Хулган, в 25 м от ж. д. полотна (на 370/371 км ж. д. Ачинск — Абакан), возле тракта Усть-Бюрь — Чарков, стоит тагарский восьмикаменный курган II стадии. Курган ориентирован сторонами ограды по сторонам света. На северо-восточном углу стоит высокий гранитный столб (высота 2,41 м, ширина 0,83 м, толщина 0,5 м). На его южной плоской грани имеются древние изображения. Это прежде всего три дуги (из заполированных желобков), обращенных вершинами

Рис. 90. Гранитный менгир с рисунками, переиспользованный в ограде кургана тагарской культуры в Уйбат-Хулгане на левом берегу р. Уйбата. Северо-восточной угловой столб

вниз, и выше их — изображение афанасьевской курильницы на поддоне с «рифленой поверхностью» из девяти поперечных желобков (рис. 90). Ниже сосуда, повернутого дуг, выбита точечной техникой фигура быка или вола, идущая влево, с многочисленными округлыми «подвесками» на шее (рис. 90)³⁰.

³⁰ Описанный менгир до нас видел И. Р. Аспелин, но не разобрался в его рисунках — Appelgren-Kivalo H. *Op. cit.*, abb. 186.

В юго-западном углу ограды того же кургана, в качестве углового каменного столба, оказалось переиспользованное тазминское изваяние (размеры: $2,3 \times 0,68 \times 0,54$ м). На восточно-северо-восточной грани его

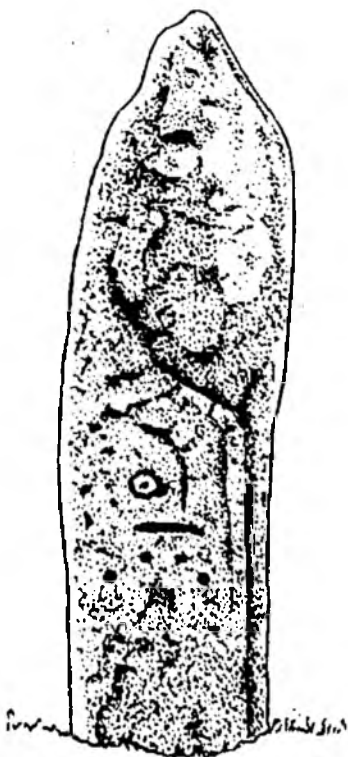

Рис. 91. Гранитное изваяние, переиспользованное в качестве юго-западного углового столба в ограде того же тагарского кургана в Уйбат-Хулгане (ср. рис. 90)

(в повернутом виде) высечена примитивная личина. Четко выбиты углублениями два глаза, две ноздри и рот (рис. 91). В современном положении выше рта слева выбит кружок с точкой посередине.

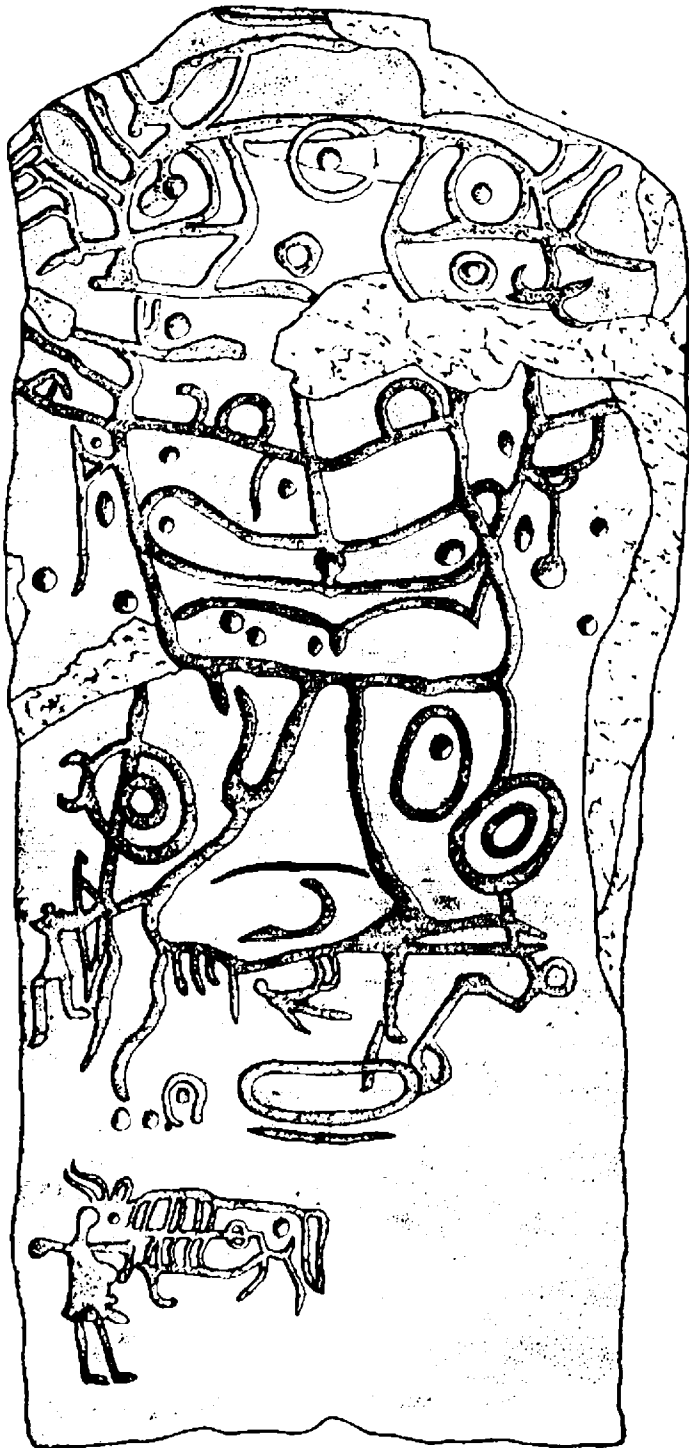
31—33. В 3,5 км к юго-востоку от д. Койбалы-ближние (на правом

берегу Абакана, близ г. Абакана) на вершине степной гривы, среди пашен находится тагарский могильник. Среди уцелевших плит в 1974 г. стояли три использованные тагарцами каменные «старушки»: две с рельефными личинами и одна с выбитой малой личиной.

34—37. В 1974 г. нами открыт Абаканский чаатас, расположенный на высокой террасе левого берега р. Абакан, в 7 км к юго-западу от Доможакова улуса. На нем обнаружены четыре переиспользованных древних изваяния. На одном из курганов наклонно стоит плоская стела с двумя не очень четкими по очертаниям личинами (друг над другом) на северной плоскости. Личины выветрены; слева от них изображен человек с луком, а еще ниже — идущий влево бык, все туловище которого расчерчено «перегородками» (рис. 92). На восточной узкой грани той же стелы выбиты скобчатые фигуры вершинами вниз (около 29 штук; рис. 93).

На другом кургане в качестве менгира стоит плохо сохранившееся второе изваяние с полустертой личиной и ямками вместо глаз. Третье изваяние — подпрямоугольная глыба из конгломерата: девонский песчаник с мелкой белокварцевой галечкой. Стоит в 25 м к востоку от западной цепочки курганов на ровном месте и, вероятно, входит в число стел таштыкского поминального ряда. Повернуто плохо сохранившейся личиной на северо-запад, и потому личина всегда в тени (рис. 94). На плоскости нанесены две круглые ямки — глаза, нос оббит. Выше — лоб и еле заметные, отходящие вверх лучи, ниже — рот и подбородок.

Четвертое изваяние — вросшая в землю плита в северо-западной части чаатаса. Это менгир одного из

0 5 10

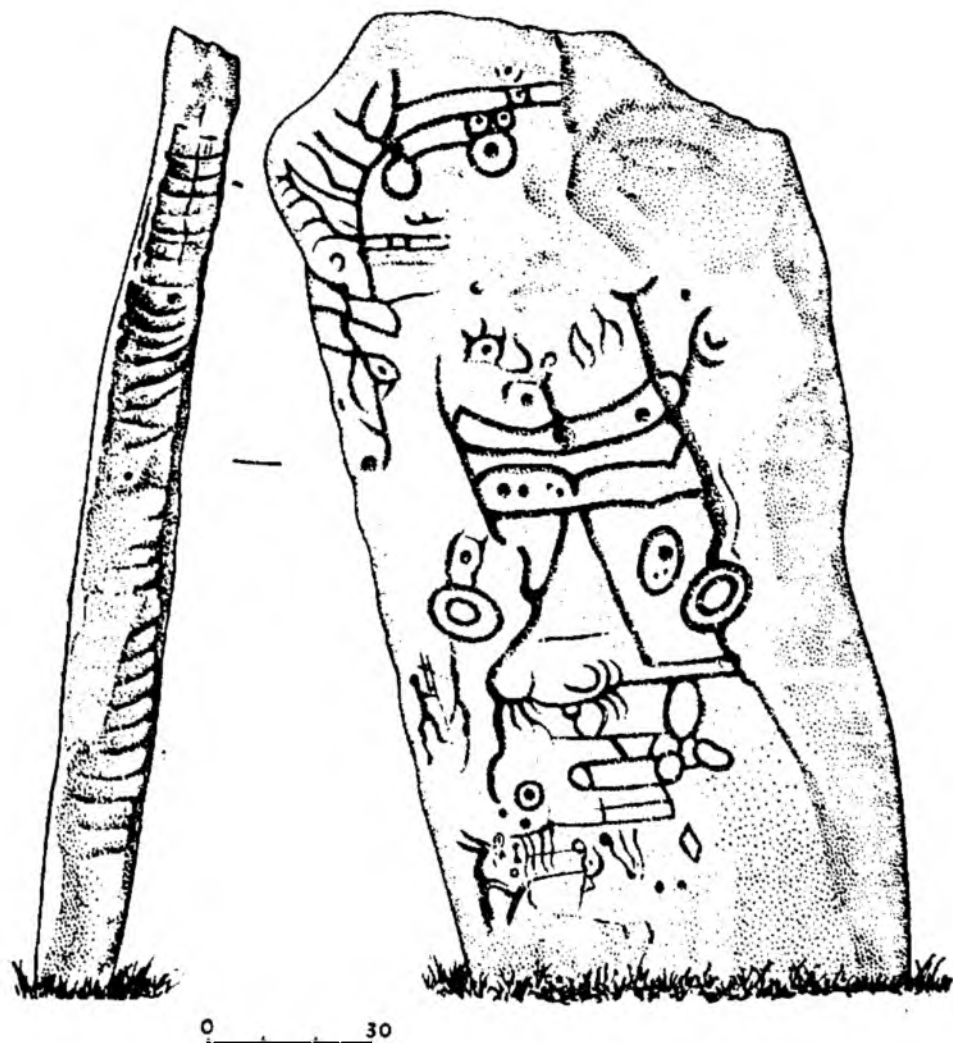

Рис. 93. Изваяние Абаканского чаатаса со скобчатыми фигурами на боковой грани (ср. рис. 92)

курганов. Видны рот и впадины, круглые и вытянутые. Следует раскопать.

38. В 3—4 км к северу от деревни Соленоозерной в Ширинском

Рис. 92. Изваяние с двумя личинами на песчаниковой плите, перенесенное для ментра на одном из каменных курганов Абаканского чаатаса

районе на выдувах видны обнаженные цисты и каменные ящики, оставшиеся после раскопок андроновского могильника Н. В. Нашекиным в 1968—1970 гг. В одной из ям лежали две песчаниковые плиты, явно служившие крышками ящиков или цист. Одна из плит, имевшая аккуратные очертания скругленного конца, была нами

Рис. 94. Изваяние Абаканского чаатаса из конгломерата

перевернута, и на ее плоскости оказалась вырезанная личина. Эта переиспользованная стела (размером $1,65 \times 0,66 \times 0,15$ м) не была замечена Н. В. Нащекиным.

Вверху ее выбита овальная личина божества с тремя глазами, двумя ноздрями, ртом и семью острыми копьевидными выступами на голове (рис. 95).

39—43. В 1976 г. нами подробно осмотрен известный Ташебинский чаатас, ныне находящийся в 1 км к юго-западу от здания Абаканской теплоцентрали.

На одном из курганов (в 200 м к востоку от ж. д. Ташеба—Черногорск возле грунтовой дороги) с северной стороны насыпи стоит «саблевидное» изваяние с личиной «быка» внизу (видны рог и ухо). На крайнем к востоку большом

чаатасовском кургане с высоким столбом сохранились еще две «старушки» с наполовину вкопанными личинами и оббитыми верхушками. К западу на соседнем кургане лежит стела с четырьмя схематическими «человечками», выбитыми на одной ее грани. На следующем к западу кургане (в 25 м от ж. д. полотна) с северной стороны лежит четвертое изваяние, сломанное под корень. Личина его полустерта.

44—45. В 1,5 км к северу от левого берега р. Таштып в Сарыглар чаазы (Сарыгларской степи), к северо-востоку от улуса Пичонаалы (рус. Печень), на надпойменной террасе расположены кладбище и Сарыгларский чаатас. На одном из средневековых курганов, покосившись, стоит фаллообразное изваяние с полустершейся личиной (размеры: $2,4 \times 0,95 \times 0,1—0,17$ м; высота личины—0,45 м), рот которой отмечен глубокой впадиной. В 20 м к юго-западу от чаатаса стоит менгир.

46—47. На правом берегу р. Тёя, в 4 км к юго-востоку от улуса Нижняя Тёя, на сопке стоит менгир (высотой около 2 м), на северо-западной грани которого выбито вертикальное изображение в виде углов, креста и линий. На том же берегу реки, ниже, против Полтакова улуса, на пашне стоит менгир (высотой 3,2 м), обращенный узкими гранями на запад и восток. На восточной грани сверху вниз выбиты 20 ямок, которые ограничены двумя поперечными чертами. Ниже—выбиты еще 38 ямок. Диаметры углублений от 1—1,5 до 3 см.

48—51. В Салбыкской степи нами в 1978 г. был вновь обнаружен известный по раскопкам А. В. Адрианова 1895—1897 гг.

Рис. 96. Личина божества на стеле из песчаника. Переиспользована в качестве крышки для андроновской могилы. Д. Соленоозерная (раскопки Н. В. Нашекина, 1968—1970 гг.), в 2 км к западу от горы Оспа

Кызылкульский чаатас. На его курганах стоят переиспользованные три целых и одно обломанное изваяние. Уникально янусовидное изваяние в виде каменного столба, на котором сверху выбиты с восточной и западной сторон два длинноносых лица, одно с окладистой бородой (типа Салбыкского старца). Под восточным безборо-

дым ликом («на животе») есть объемный рельефный овал, похожий на заготовку обычной личины, но только повернутой острым «подбородком» вверх (рис. 96). Высота изваяния — 2,15 м.

52. Чаатас Красный камень на правом берегу реки Коксы мы также открыли вторично (после участников Финляндской экспеди-

днии конца 80-х гг. XIX в.) в 1978 г. Сохранился нижний кусок объемной личины одного древнего изваяния — хорошо моделированные углубленные ноздри личины.

53. Солнечное божество найдено нами на Черном озере в 1978 г.³¹

общий диаметр — 23,5 м). Северным угловым камнем ограды и было песчаниковое уплощенное изваяние, повернутое личиной на северо-северо-запад, в сторону от ограды. На юго-юго-восточной плоскости и боках стелы выбиты

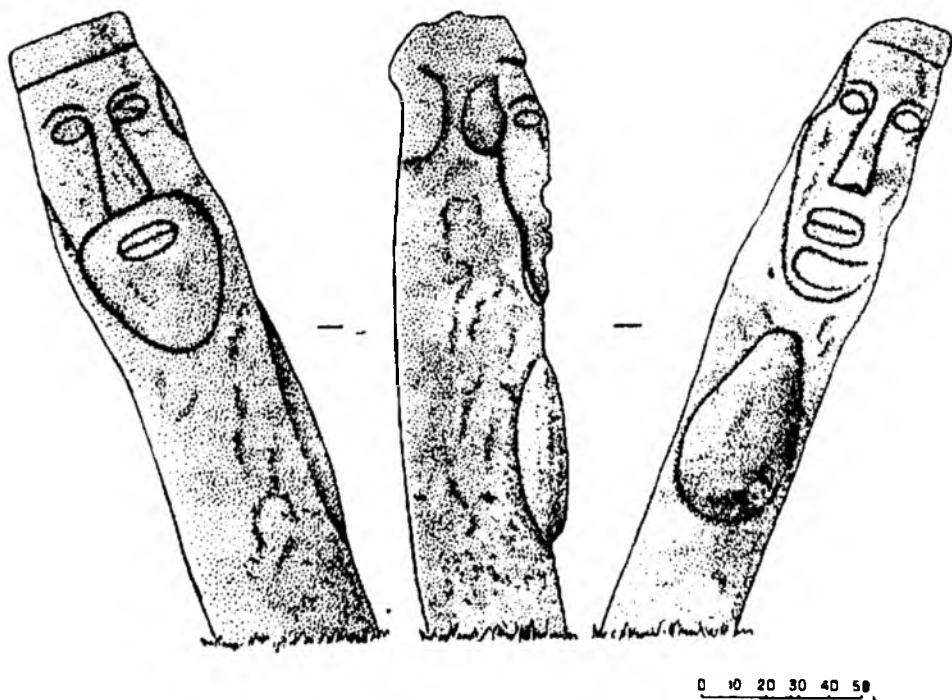

Рис. 96. Янусовидное изваяние из песчаника, переиспользованное на каменном кургане Кызылкульского чаатаса

на возвышенности, по дороге от Батанакова улуса в пос. Черное озеро. В 2,5—3 км от горы Хызыл хас, возле лесопосадок расположено около 25 тагарских курганов. В северной цепочке находится десятикаменная ограда (13,7 × 14,6 м; высота насыпи — 1,5 м;

ямки. Перед личиной нами снят дерн и зачищен материк. Под дерном обнаружены обломки старинных стеклянных бутылок, очевидно, следы хакасских возлияний. Изваяние сломлено под корень и стояло, благодаря собственному весу, чуть вдавшись в почвенный слой (рис. 97).

54. В 1 км к юго-юго-востоку от оз. Ошколь в Ширинском районе, на конусе выноса горы стоит песчаниковый менгир, имеющий «саб-

³¹ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Указ. соч., с. 240. Изваяние хранится в музее исторического факультета МГУ.

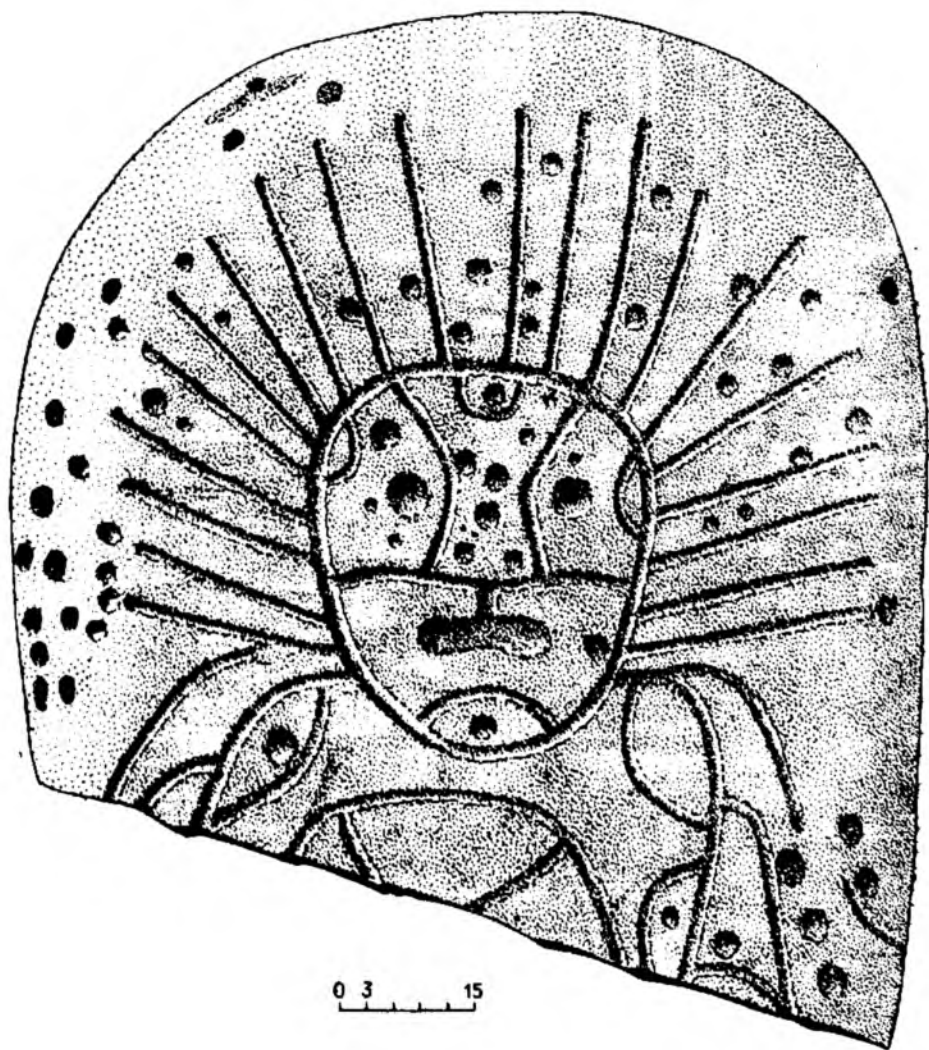

Рис. 97. Песчаниковая стела с изображением солнечного божества. Была переиспользована в качестве северного углового камня тагарской ограды в могильнике на Черном озере. Хранится в МГУ

леводные» очертания и ориентированный узкими гранями на юг и север.

55. На II Чаптыковском чаатасе (правый берег Абакана) осмотрено переиспользованное песчаниковое изваяние (размеры: 1,55×0,6×0,23 м). На его западной плоской грани в 1982 г. замечены

полусглаженные очертания оригинальной двуглазой личины, из-под подбородка которой уходит сужающаяся книзу «фигура» из четырех линий (рис. 98)³². Выше

³² Изваяние отметила финляндская экспедиция (Appelgren-Kivalo Н. Ор. cit., abb. 288).

личины выбиты позже два геральдических орла.

56—57. Уникальный памятник древней скульптуры найден нами в 1982 г. близ улуса Бельтиры (в 0,6 км к северо-северо-западу

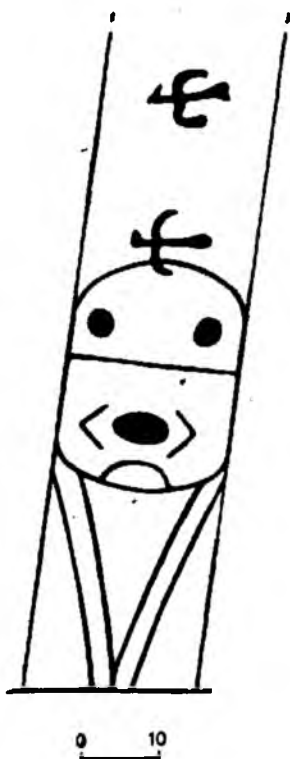

Рис. 98. Личина и птицы на грани песчаниковой стелы, переиспользованной на каменном кургане II Чаптыковского чаатаса

от стоящей на тракте автобусной остановки, за арыком). Здесь в группе тагарских курганов, на юго-западном из них, посредине юг-юго-восточной стороны ограды стоит прямоугольная песчаниковая плита (1,82×1×0,19 м). На восток-северо-восточной грани ее

(шириной 0,18 м) на восточном ребре, сохранились объемно высеченные друг над другом три реальных лица с узкими подбородками, выступающими скулами и округлыми, выпуклыми глазами. Носы приходится на грань плиты. Очертания лиц пробиты желобками по узкому овалу (рис. 99). Общая длина, занимаемая лицами, равна 0,76 м. Длина верхнего лица — 19 см (ширина 8 см), среднего — 21,5 см (ширина 6 см), нижнего — 22 см (ширина 12 см). Верхние лица выбиты «точками», а нижнее, лучше всего сохранившееся, еще и зашлифовано. Возможно, подпрямоугольная песчаниковая плита была вырублена не для изваяния, а лица выбиты позднее. Такой скульптурный памятник не имеет себе равных среди всех известных ныне на Среднем Енисее.

В южном углу ограды того же кургана стоит второе изваяние (1,75×1,45×0,23 см). Его рельефная личина и бывшие некогда груди сильно сглажены временем.

*
* * *

Говорить о погребальных памятниках тазминской культуры, единовременных древним каменным изваяниям, менгирам и святилищам, еще преждевременно. Несмотря на более чем 260-летний период археологической работы на Енисее, неолитические могилы продолжают оставаться «неуловимыми». Как показано выше, в Хакасско-Минусинской котловине они пока исчисляются единицами. Их розыски и исследования — важная задача археологов-сибиреведов на будущее.

Тем не менее следует обратить внимание исследователей на некоторые, пока плохо датированные погребальные памятники, которые, как кажется (в предварительном плане), относятся к доафанасьев-

Один курган неясной культурной принадлежности был раскопан в 1975 г. нашей экспедицией на Чульском чаатасе. Его устройство и погребальный обряд не схожи с опубликованными М. Н. Ко-

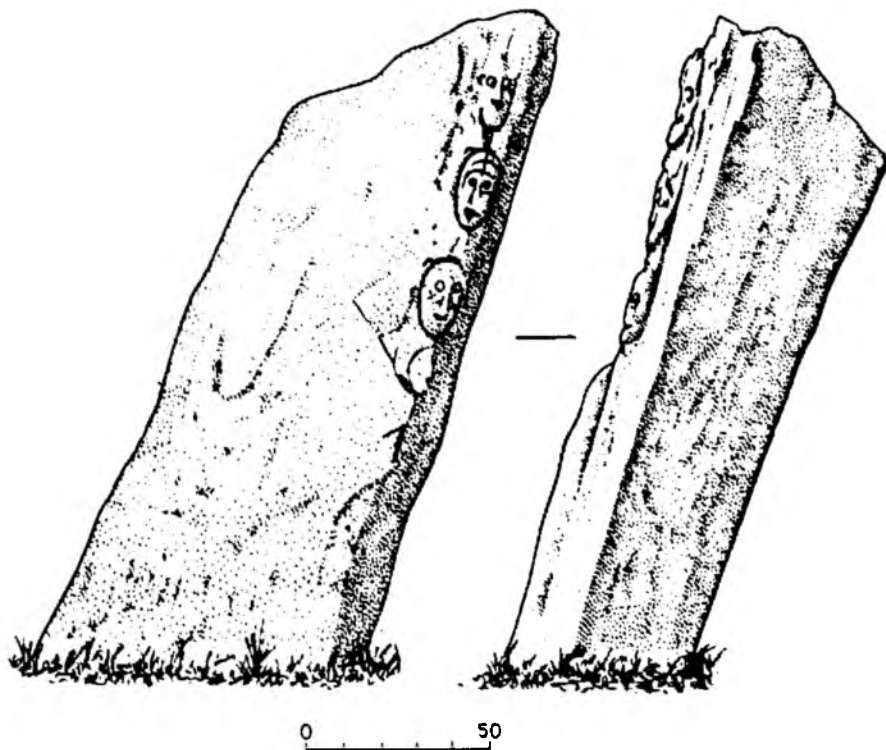

Рис. 99. Изваяние с тремя ликами божеств на ребре узкой грани песчанниковой плиты, переползованное в тагарской ограде близ улуса Бельтиры на левом берегу р. Абакан

скому времени. Три таких погребальных сооружения, например, выделила М. Н. Комарова³³.

³³ Комарова М. Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее. — В кн.: Проблемы Западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. Подобный же курган, но находившийся внутри огромного кольца из менгиров, раскопан нами на правом берегу р. Туим в 1984.

маровой памятниками типа Карасук II, да и территориальное расположение этих объектов различно. Мы публикуем здесь данные о раскопках уникального по своей культурной характеристике курганного сооружения, может быть, более раннего, чем содержащие металл могилы типа Карасук II.

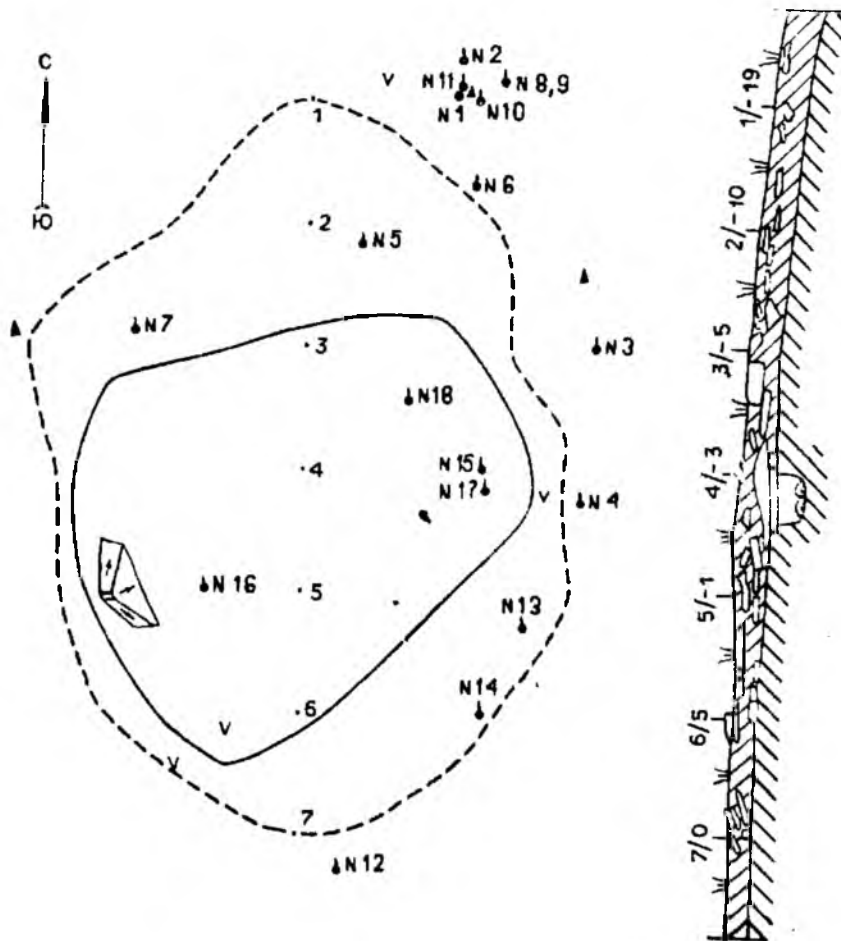
Чульский чаатас расположен в междуречье Черного и Белого

Рис. 100. Раскопки кургана I на Чульском чаатасе. Вид с юго-запада

Июсов возле южной оконечности горной гряды Арга (хак. Аргатах), при выходе проселочной дороги д. Подзаплот — д. Кожухова (хак. Хочых-аалы у ж. д. Абакан—Ачинск в районе 210 км) из гор в степную долину. Дорога опускается в долину по логу (русское название — Малиновый), в восточной части которого протекает ручей Чул (по-русски Ключик). Ключик отделяет от лога небольшую террасу, на которой и расположен чаатас. Небольшая сопка, в свою очередь, с северо-востока отделяет террасу с чаатасом от степной долины (рис. 100). В северо-восточной части могильника нами раскопан каменный курганчик № 1, не имеющий отношения к курганам собственно чаатаса.

Курган I представлял собой овальную в плане каменную насыпь, вытянутую с юго-запада на северо-восток. В юго-западной части насыпи находилась вертикально вкопанная плита треугольной формы (рис. 101). Толщина этой плиты 8—15 см, широкие грани ее ориентированы на юго-запад и северо-восток. Высота плиты над современной почвой — 60 см (ширина по низу — 78 см, а по верху — 2 см). Размеры кургана до раскопок: 3,5×2,3 м. Насыпь сложена из обломков рваного камня (девонский песчаник). После нивелировочных работ начаты с определения истинных размеров насыпи, полы которой задернованы. Вокруг кургана снят дерн толщиной 20 см и расчищены камни выкладки. При

- 0 40 2м
- ГРАНИЦА НАСЫПИ
  - ГРАНИЦА ВЫКЛАДКИ
  - КАМЕННАЯ ПЛИТА С НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТЬЮ:
  - НАХОДКИ
  - V КОСТИ ЖИВОТНЫХ
  - ДРЕВЕСНЫЙ УГОЛЬ
  - ЗАПОЛНЕНИЕ ЯМЫ

Рис. 101. План и разрез насыпи кургана 1 Чульского чаатаса. 1—18 — обломки сосудов

этом на материке найдены кусочки древесного угля, обломок трубчатой кости мелкого рогатого скота на плитах под дерном.

На материке (глубина 30—32 см) найдены обломки лепных сосудов (рис. 102): часть венчика

югу от 2-го кола и в 45 см к востоку; в 55 см к северу от 7-го кола и в 108 см на запад — первая фаланга молодого коня. В 30 см к северу от 2-го кола и в 135 см к востоку найден обломок сосуда (нах. 6); два других подобных об-

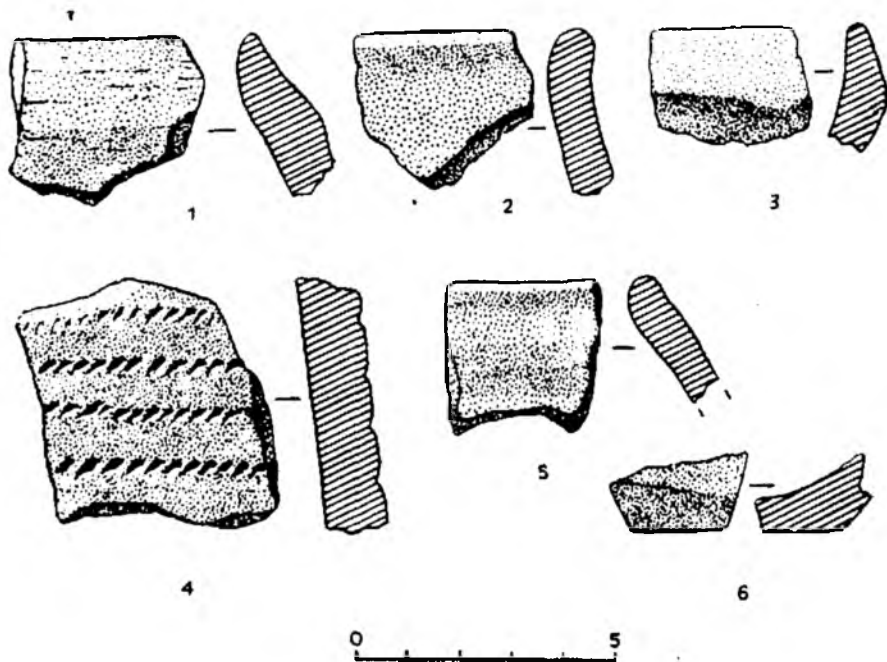

Рис. 102. Обломки сосудов из кургана 1 Чульского чаатаса, разбитых во время поминок: 1 — № 11; 2, 3 — № 3; 4 — № 8; 5 — № 1; 6 — № 13

(скошен внутрь, нах. 1) гладкого сосуда, часть гладкой стенки другого сосуда (нах. 2) и мелкий кусочек сосуда (нах. 3). Там же обнаружены кусок венчика гладкой баночки и обломок стенки (нах. 3). В 26 см к югу от 4-го кола и в 2 м к востоку найден зуб животного, а еще в 30 см к востоку — кусочек сосуда (нах. 4). Трубчатая кость овцы лежала на расстоянии 160 см от 6-го кола к востоку; мелкий кусочек керамики (нах. 5) — у материка, в 15 см к

ломка (нах. 7) — в 10 см к северу от 3-го кола и в 145 см к западу. Кроме того, в 15 см к северу от 1-го кола и 158 см к востоку на материке обнаружен обломок боковины неолитического сосуда с четырьмя поясками гребенчатого штампа (нах. 8); здесь же — гладкий черепок (нах. 9) и угольки; еще один черепок — в 138 см к востоку от 1-го кола (нах. 10). В 124 см к востоку от 1-го кола найдена часть венчика сосуда с выпуклым пояском (нах. 11).

Рис. 103. Вертикальная «головная» плита и плиты покрытия могилы № 1 на Чувльском чаатасе. Вид с юго-востока

В 30 см к югу от 7-го кола и в 35 см на восток — еще один обломок сосуда (нах. 12); другой черепок — переход к уплощенному доньшку — в 28 см к югу от 5-го кола и 182 см на восток (нах. 13). Скопление древесного угля залегало в 8 см к северу от 3-го кола и 238 см к западу. В 5 см к югу от 6-го кола и в 150 см на восток найден фрагмент сосуда (нах. 14, рис. 101, 102).

После уборки завала плит выяснилось, что грушевидная в плане выкладка вытянута с юго-запада на северо-восток. Ее размеры: $3,8 \times 1,4$ — $3,2$ м. Внешние края выкладки наклонены наружу («панцирная» кладка). Разбор панциря показал, что он состоял из 3—4 слоев, а внутренняя часть вы-

кладки образована горизонтально лежащими плитками (5—6 рядов в центральной части). При разборе плит между ними найден фрагмент стенки гладкого сосуда (нах. 15) — в 145 см к востоку от 4-го кола; в 80 см к западу от 5-го кола кусочек керамики (нах. 16); аналогичный кусочек — в 15 см к югу от 4-го кола и 150 на восток (нах. 17); еще один черепок (нах. 18) — в 45 см к югу от 3-го кола и в 85 см на восток; в 20 см к югу от 6-го кола и в 60 см на запад — пятка молодого коня (рис. 101).

Под вымосткой оказалось покрытие, состоящее из трех крупных плит ($90 \times 60 \times 10$ — 16 см; $110 \times 60 \times 9$ — 19 см; $100 \times 60 \times 5$ — 10 см), длинными осями ориенти-

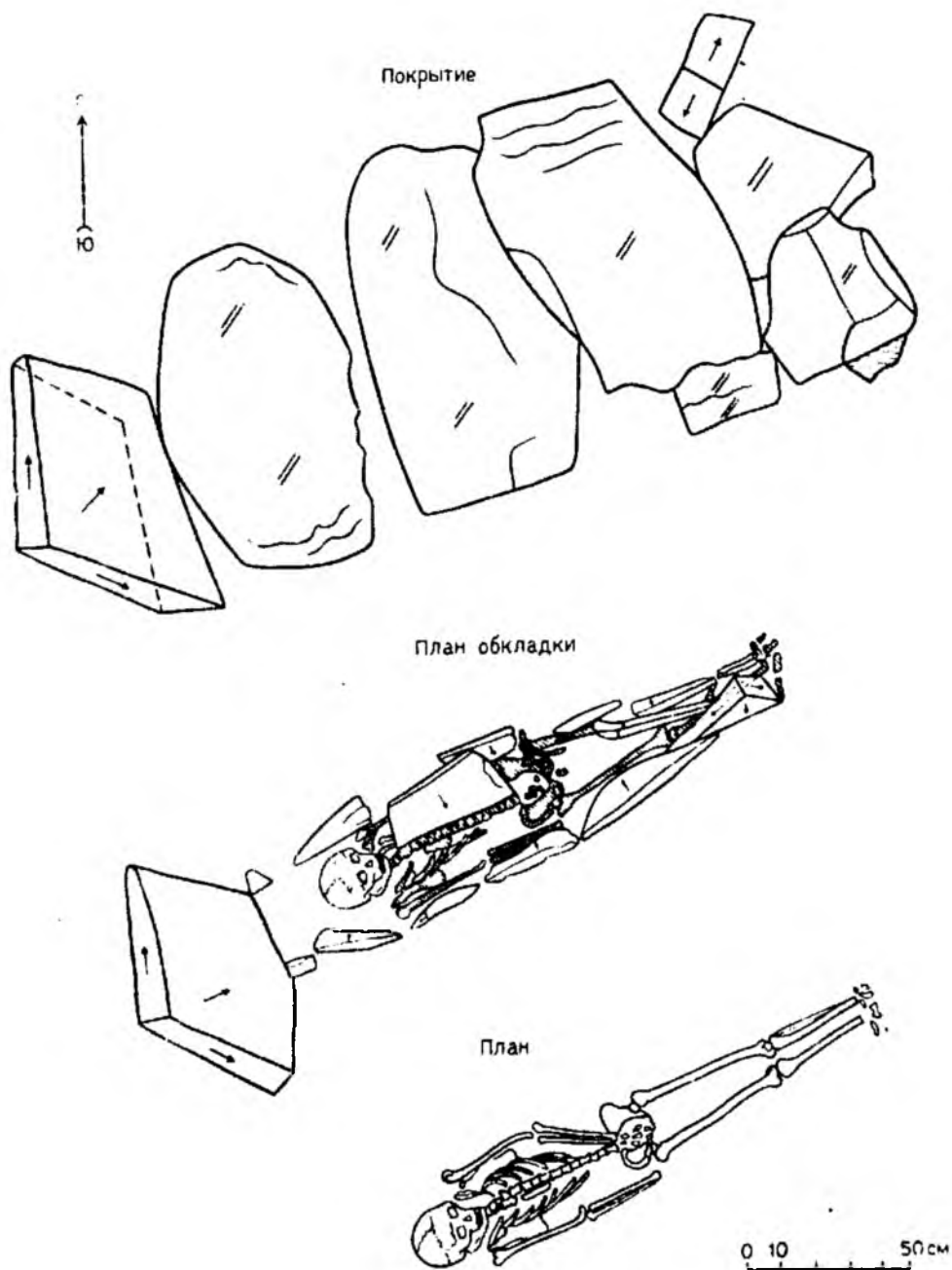

Рис. 104. Планы покрытия и погребения в кургане I на Чульском чаатасе

рованных с северо-запада на юго-восток (рис. 103). С северо-востока покрытие завершалось четырьмя более мелкими плитами (рис. 104). Юго-западную часть покрытия завершает вертикальная

плиты, прикрывавшей ноги скелета. Размеры этой плиты: $90 \times 60 \times 10-16$ см. Под плитами покрытия обнаружен ящичек из врытых на ребро плиток. По форме он напоминает узкую лодочку (длина —

Рис. 105. Плита с выбитой арханчой личиной с покрытия могилы (третья с юго-запада) в кургане I Чульского чаатаса

плита, которая была видна уже на поверхности. После снятия покрытия выяснилось, что крайняя северо-восточная плита его имела снизу выбитое изображение солнечно-го божества с личиной. Очертания его заполнены желтой охрой (рис. 105). Сохранились остатки желтой охры и выбитые расходящиеся лучи на нижней плоскости

Рис. 106. Погребение в каменной «лодочке» в кургане I Чульского чаатаса. Вид с северо-востока

175 см, ширина — 44 см), ориентированную с юго-запада на северо-восток (рис. 106). Расчистка показала, что «лодочка» была устроена несколько выше погребенного. Скелет лежит в ямке вытянуто на спине головой на юго-запад. Череп приподнят и подбородок лежит на груди (лицо обращено на северо-

восток). Ноги ниже колен выходят за пределы «лодочки» (рис. 104). Плитки лодочки невелики: 40×18×4; 30×10×4 см. Стоящая в головах плита имеет размеры 84×62—50—67×14—10 см. Верх ее наклонен на юго-запад—скос 46 см на 72 см высоты. Судя по тазу и черепу, погребена женщина 20—25 лет. Правая рука ее вытянута вдоль тела, левая лежит кистью на тазу. Череп брахикраний, плосколицый, европеоидный с монголоидной примесью в пределах уральского типа. Имеет низкое лицо. Схож с неолитическими черепами из Прибайкалья и очень далек от окуневских. Длина скелета от пяток до плеча—146 см, общая (с подогнутой головой)—162 см. Глубина ямы, в которой лежал скелет,—28 см от древнего горизонта. Таков новый тип погребений, впервые зафиксированный нашей экспедицией в Хакасско-Минусинской котловине.

Судя по находкам (вокруг и поверх каменной выкладки) черепков от ранних сосудов, вероятно, разбитых на поминках, не схожих с афанасьевскими (гладкие венчики характерного профиля, обломок уплощенного дна и боковинка с поясками оттисков гребенчатого штампа—рис. 102), и учитывая очень ранний, очевидно, еще не установившийся тип личины, чульское погребение возможно отнести к позднему неолиту или раннему энеолиту. Важно присутствие в нем обломанного архаичного изваяния, использованного уже в качестве строительного материала.

Устройство могилы в виде каменной лодочки, аккуратно покрытой плитами, вытянутое на спине положение скелета—все это напоминает подобные же узкие, ящи-

ко- или лодкообразные могилы таежной зоны (с их вытянутыми труположениями), относящиеся к неолиту или раннему энеолиту³⁴.

3. Культурная принадлежность святилищ с каменными изваяниями или менгирами и их датировка

К тазминской культуре относятся каменные изваяния и менгиры, объединенные наличием святилищ и единством ритуала. К той же культуре принадлежат личины, выбитые на скалах в степной части Хакасско-Минусинской котловины (Изрых-таг, Тюр и Тепсей) или же нарисованные минеральными красками на утесах по Июсам, Абакану, Тубе и Енисею, особенно в горно-таежных ущельях (Кундусук, Сосновка джойская, Джойский порог, Хантегир, Кабачок, Большой порог, грот в Ефремкино, Малый Арбайт и др.)³⁵. Дати-

³⁴ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. — МИА, 1950; № 18, с. 83, 336; ч. III. — МИА, 1955, № 43, с. 307, 319—329; АО 1977 г. М., 1978, с. 266; Антропологическое заключение И. В. Перевозчикова и Н. М. Мамоновой.

³⁵ Булгаков А. И. Верховья Енися в Урянхее и Саянских горах. — ИРГО, т. 44, вып. 6. Спб., 1908, с. 392—394; Лентьев Н. В. Писаницы правобережья р. Абакана. — В кн.: АО 1969 г. М., 1970; Он же. Кундусукские росписи. — СА, 1969, № 4; Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

ровка последних облегчается наличием сопутствующих изображений лосей и других животных, воспроизведенных в стиле неолитических петроглифов Южной и Восточной Сибири (рис. 107)³⁶.

носятся к «архаическому стилю» изображений и датируются временем «местной культуры мезолита»³⁷. Более важна, на наш взгляд, не учтенная этим исследователем аналогия, которую представляют

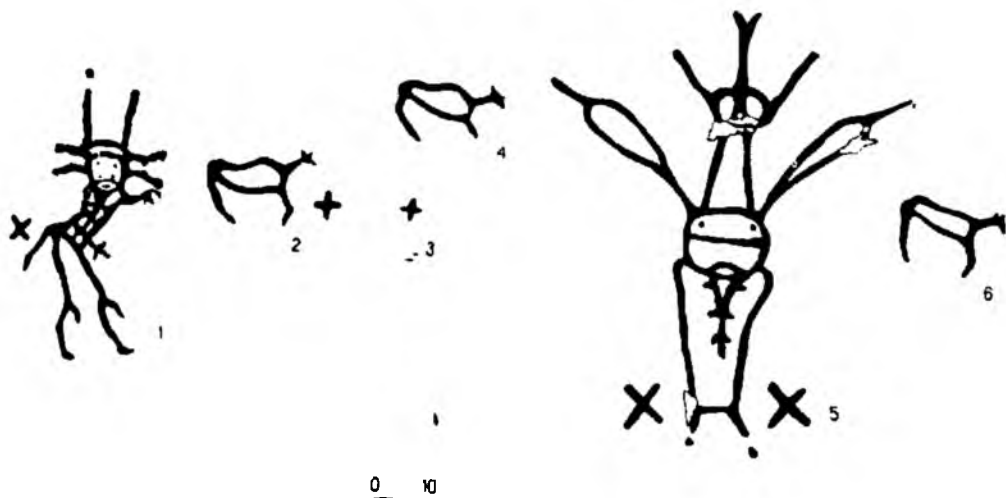

Рис. 107. Наскальные рисунки, нанесенные охрой у дер. Быстрой на правом берегу Енисея (по Н. В. Леонтьеву)

Среди них особенно выделяются «незамкнутые», нарисованные охрой личины, не имеющие общих очертаний, как бы «размытые» и «зыбкие», проглядывающие сквозь струящуюся воду (рис. 108). Подобные «незамкнутые» личины встречаются и на каменных изваяниях из Хакасско-Минусинской котловины (рис. 91 и 92, нижняя).

По данным А. П. Окладникова, аналогичные «личины без внешнего контура» (или, как он их называет «парциальные»), изученные на берегах Амура и представляющие собой иногда лишь один глаза, от-

нам расписные изображения личин или только одних глаз на сосудах неолитической культуры Яншао (V—IV тысячелетия до н. э.)³⁸.

Раскопки вокруг каменных изваяний и менгиров, стоящих на местах своего первоначального установления, выявили взаимосвязанные с ними жертвенники — своеобразные первобытные алтари. Открыты целые духовные комплексы, своего рода древнейшие святилища Сибири, в которых, вероятно,

³⁷ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971, с. 78, 88; табл. 31, 33—35, 47, 59, 66, 67, 75-4, 78-3, 83, 84, 114-2, 6, 7.

³⁸ Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977, с. 112—113, рис. 51-9, 11; ср.: Кучера С. Китайская археология. М., 1977, с. 151.

³⁶ Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога. — Известия СО АН СССР, серия общ. наук, вып. 3, № 11. Новосибирск, 1976; Липский А. Н. Указ. соч.

под открытым небом (ни стен, ни следов планировки нет) совершались языческие мольбища, сопровождавшиеся кровавыми жертвоприношениями животных.

Алтари имели вид низких округлых каменных выкладок, под кото-

ровь жертвенного оленя на весеннем празднике, чтобы «накормить Землю-мать». При этом мясо поедалось присутствующими, а кожу, голову и внутренности подвешивали на дереве со словами: «Солнце-мать, твоя доля (пай)!»

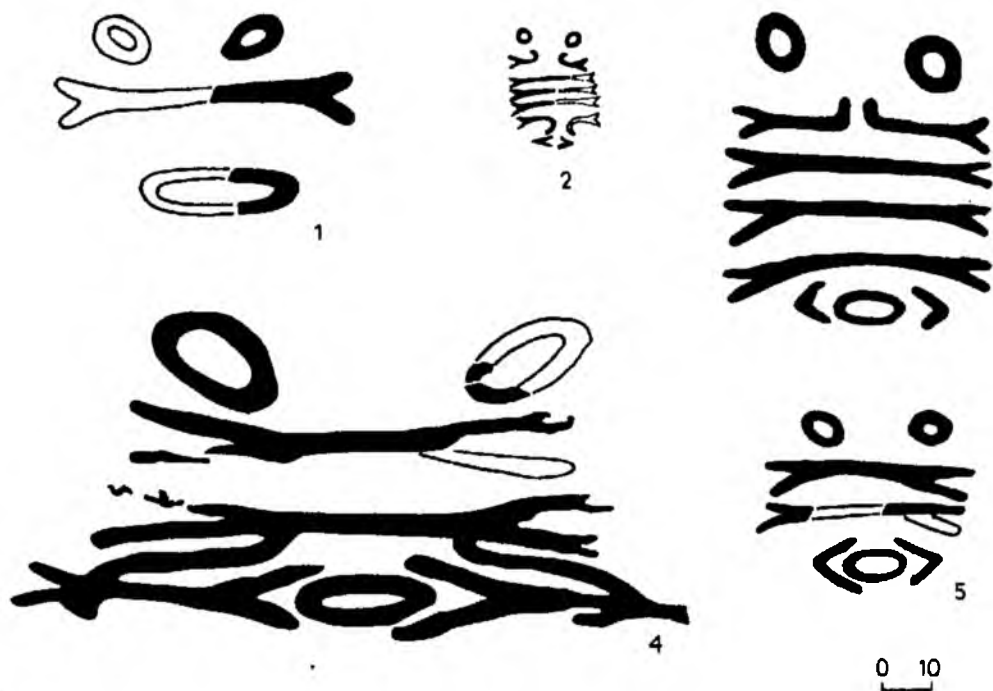

Рис. 108. Наскальные рисунки, нанесенные охрой, обнаруженные на реках Хакасско-Минусинской котловины (по Н. В. Леонтьеву). 1 — П Коровий лог; 2 — Джой, 3 — Кундусук, 4 — устье Тубы, 5 — Малый Арбайт

рыми располагались большие, чаще также округлые ямы, плотно забутованные обломками скалы. Между камнями всегда оставались промежутки, по которым стекала кровь заколотых животных. Подобные жертвенные возлияния крови широко практиковались издревле многими народами мира. В Сибири еще недавно нганасаны-язычники, например, сливали на землю

У мордвы при заклании крупного рогатого скота жертвенником служил камень, покрывавший яму для стока крови³⁹.

³⁹ Грачева Г. И. Традиционные культы нганасан. — В кн.: Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ, XXXIII. Л., 1977, с. 218; Nagya Uno. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. — «F. F. Communications». Bd. LX, N 142. Helsinki, Finnische Akade-

Вокруг древних изваяний и жертвенников Хакасии под дерном обнаружены разбросанные кости пожеванных божествам и затем съеденных на ритуальном пиршестве домашних (лошадь, овца, корова, собака), диких (медведь, косуля, козерог, сурок) животных и крупных птиц. В комплекс святилищ входили и жертвенные костры, через огонь, дым и пар которых люди «кормили» божеств и духов. Обнаружены обожженные камни, зольные пятна, угли, древесные остатки, а также побывавшие в огне полуобгорелые кости животных.

Здесь же найдены немногочисленные оброненные людьми предметы: кремневое универсальное орудие (скребок-скобель с резцовым сколом — рис. 3, 2), каменные диски и обломки гладких лепных сосудов. Аналогичные вещи встречаются на многих неолитических стоянках от Средней Азии до Дальнего Востока⁴⁰.

Показательно, что ни разу не обнаружены предметы или обломки сосудов афанасьевского и окуневского типов. Гладкая посуда, как показано выше, обычна для местного енисейского неолита. В одном случае (на левом берегу Абакана, где стояло изваяние Хур-

туях-гас) расчищено большое скопление принесенных людьми речных галек. Многие из окатанных водой камней имели, хотя и естественную по происхождению, но откровенно фаллическую форму. Это были жертвенные камни, специально выбранные среди галек на отмелях р. Абакан.

Среди камней в жертвенных ямах, по которым стекала кровь животных, встречались обломки костей лошади, коровы, овцы или ягненка, косули, медведя и сурка. Это обломки трубчатых костей ног, челюстей и других отделов скелета, а также зубы и клыки. Очевидно, в период сооружения жертвенников при закладке больших камней жертвовались отдельные отобранные кости и кусочки, оставшиеся от пиршества. Встречаются также угольки и остатки стволиков гнилого дерева. Весьма вероятно, что во время обрядовой церемонии посреди каменного жертвенника ставилось живое деревце, быть может березка, символизировавшее древо жизни.

Под камнями на дне ям обнаружены черепа и ноги молодых барашков, бедренные кости и позвонки. Очевидно, это остатки шкурок ягнят, принесенных в жертву при сооружении алтаря⁴¹. Вокруг костей выявляются вертикально установленные обрубки стволов молодых деревьев, а однажды — «оградка» из шести деревянных обрубков, заполненная черным гумусом — очевидным остатком крова-

mic der Wissenschaften, 1952, S. 456 (ср.: Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972).

⁴⁰ См.: Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 153, рис. 26 (22), 34 (7), 40 (2, 3), 42 (1); Крижевская Л. Я. Камнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. — МИА, 1960, № 79, рис. 14 (2); 17 (4, 6); Ларичев В. Е. Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура. — МИА, 1960, № 86, рис. 20 (10), с. 107; Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао, рис. 34.

⁴¹ Подношение духам жертвенного животного в виде шкуры с головой (мясо съедалось здесь же) практиковалось сибирскими народами в недавнем прошлом. Жертвовать всю тушу животного запрещалось. — Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ, XXXIII. Л., 1977, с. 216.

вых жертвоприношений. Видимо, первоначально в яме, вырытой для жертвенника, сооружался деревянный алтарь вроде столика на ножках. На нем устанавливалось древо жизни. Затем совершалось возлияние крови жертвенного барашка и поверх алтаря укладывалась шкурка с головою и ножками⁴².

Раскопки святилищ показали, что первоначальные жертвоприношения совершались еще до установки изваяния или менгира. В ходе работ после извлечения каменных монолитов на дне ям под ними выявлены гнилушки, угольки, обломки костей баранов, лошадей, косули и сурка. Изредка обнаруживались остатки шкур — черепа и кости ног молодых баранов, а также принесенные с костра пережженные косточки животных.

Каменные изваяния и менгиры (на последних личины первоначально наносились красками), несомненно, являлись центральными фигурами древнейших святилищ Хакасии⁴³.

Весь тазминский культовый комплекс со святилищами, скульптурами определенного типа, с особыми гравировками, росписями и

⁴² «Столики» из березовых ветвей и живые березки заменяли жертвенные алтари еще недавно на мольбищах хакасов, якутов и др. (см.: Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. Спб., 1907, с. 364, 382, 506; Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979, с. 190).

⁴³ Не определена дата жертвенных ям с черепами волков, обнаруженных Н. В. Леонтьевым под Минусинском. Изваяний возле них нет, а основание менгира находилось в стороне. В ямах нет датирующих предметов. Нахождение рядом окуневских могил говорит против отнесения жертвенников к окуневской культуре, так как святилища никогда не сооружались на кладбищах (см.: Леонтьев Н. В. Работы в Минусинском районе. — В кн.: АО 1978 г. М., 1979).

прочим целиком еще неолитический⁴⁴.

Как известно, сама идея сооружения менгиров и мегалитов зарождается в неолитическую эпоху. Для ряда европейских неолитических культур IV тыс. до н. э. характерны мегалитические сооружения, культ менгиров и кромлехов, антропоморфные скульптурные изображения божеств из камня и т. п.⁴⁵ Точно так же для многих племен Азии в эпоху неолита характерно сооружение мелитов и менгиров, почитание антропоморфных изображений божеств и каменных фаллусов в связи с распространенным культом плодородия⁴⁶.

Так, например, в Северной Японии изучены ранне-неолитические святилища в виде менгиров с каменными выкладками вокруг и ямками под ними. На дне ям оказа-

⁴⁴ Некоторые исследователи, относящие енисейские изваяния к ранне-бронзовой окуневской культуре, тем не менее подчеркивают глубокую «арханность» этого искусства, признавая неолитические параллели или даже допуская, что мифология памятников «уходит своими корнями, возможно, еще в эпоху палеолита» (см.: Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 202—203, 209, 232; Хлобыстина М. Д. Древейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, с. 169; ср.: Кожин П. М. Относительная хронология погребений в могильнике Окунев улус. — СА, 1973, № 3, с. 32, прим. 8).

⁴⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, с. 258—269; Телегин Д. Я. Энеолитические стелы и памятники нижнемихайловского типа. — В кн.: Археология, 1971, № 4. Киев (ср.: СА, 1977, № 4, с. 19); Burl A. The Stone Circles of the British Isles. New Haven and London, 1977.

⁴⁶ Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958, с. 27—29; Hummel S. Geschichte der Tibetischen Kunst. Leipzig, 1953.

лись угли, а возле каменных столбов — закопанные сосуды⁴⁷.

Важным подтверждением неолитического возраста тазминской культуры каменных изваяний, менгиров и личин является обнаружение вполне аналогичных святилищ у соседних таежных племен Приангарья. В неолитическом слое поселения Усть-Белая раскопаны, например, четыре жертвенника в виде округлых ям, плотно забутованных крупной речной галькой. В них оказались пожертвованные орудия из кремня, а на дне — остатки небольших костров (угли, зола) и скелет принесенной в жертву собаки — единственного домашнего животного неолитических обитателей таежной зоны⁴⁸.

К раннему неолиту относятся аналогичные жертвенные ямы со скелетами собак, косуль или их черепов с рогами, исследованные в поселениях Семеновка, Рютинно и Шелот на берегах Ангары, в поселении на Яру (близ с. Бирюльско-го) на Верхней Лене, а также в пещере Надеино в Забайкалье⁴⁹.

⁴⁷ Чан Су Бу. Искусство позднего дзёмона Хоккайдо. — В кн.: У истоков творчества. Новосибирск, 1978, с. 179—181.

⁴⁸ Крижевская Л. Я. К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических племен Приангарья. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. К сожалению, значение жертвенников первоначально осталось не оцененным, но позднее автор, говоря о ритуальном захоронении собаки, допускает и «другой его аспект — принятие священного животного в жертву духам-покровителям». Она же. Неолит поселения в устье р. Белой. — В кн.: Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978, с. 90 (ср.: Ларичев В. Е. Неолит Прибайкалья. — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 163).

⁴⁹ Абрамова З. А., Ларичев В. Е., Седякина Е. Ф. Новые данные по древней истории Прибайкалья. — В кн.:

В связи с этим следует отметить, что возле могил серовского этапа байкальской неолитической культуры также встречаются жертвенники в виде ямок, плотно забитых камнями⁵⁰.

Жертвенники такого рода имеют в Прибайкалье местное происхождение, ибо пять подобных жертвенных ям были обнаружены в раннем мезолитическом слое того же самого поселения Усть-Белая. В них, кроме углей и скелетов жертвенных собак-лаек, расчищены черепа и кости косуль, кости и рога благородного оленя, дикого быка, кости рыб, каменные орудия и привески из костей косули, лося, медведя и бобра⁵¹.

Возле этих ранних жертвенников нет каменных изваяний или менгиров. В лесной зоне их могли заменять деревянные, подобные, например, известным «идолам» из торфяниковых стоянок Урала. Среди последних, кстати, имеются относящиеся к неолиту деревянные изваяния с чертами близкого сходства с хакасско-минусинскими каменными. Прежде всего это шигирский «идол», вырезанный из сос-

Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, с. 10; Окладников А. П. Жертвенное место глазковцев на р. Лене. — ИВСОРО СССР, т. 68. Иркутск, 1971; Тиваненко А. В. Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья. — В кн.: Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979, с. 137, рис. 1

⁵⁰ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976, рис. 13.

⁵¹ Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971, с. 59—63. Возможно, памятники такого рода распространены в мезолите более широко (ср.: жертвенно-поминальные ямы в Архангельской области — Ошибкина С. В. Мезолитический могильник «Попово» на р. Кинеме. — СА, 1982, № 3, с. 128—134).

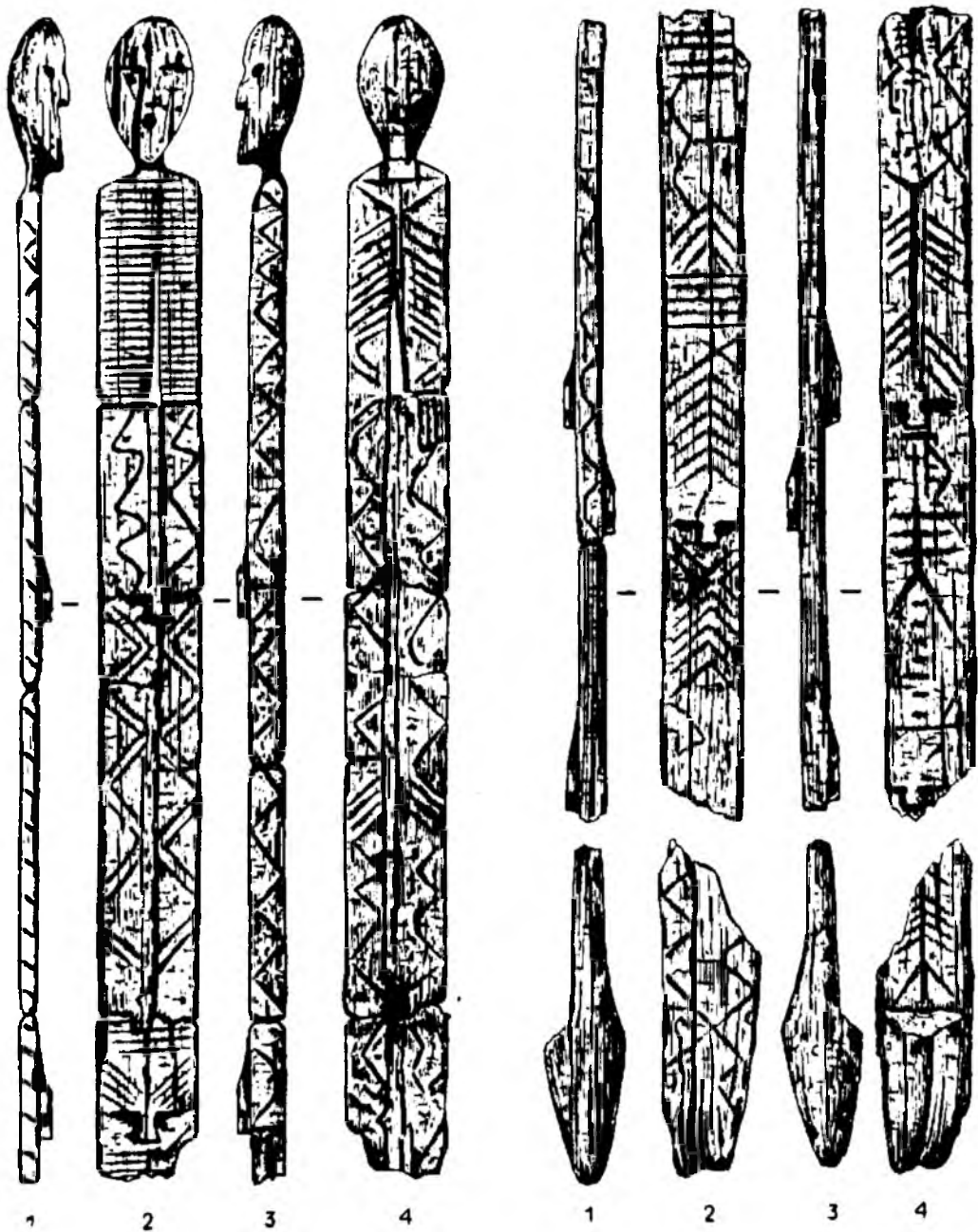

Рис. 109. Деревянный идол из Шигирского торфяника (Урал)

нового бревна (высотой около 5,3 м), имеющий ряд личин, расположенных друг над другом (рис. 109). А у одного из горбуновских идолов личина вырезана в нижней части столба⁵².

Далее на запад, на Псковщине,

⁵² Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника. — СА, т. IV. М.—Л., 1937; Он же. Резная скульптура Урала. — ТГИМ, вып. 10. М., 1940, рис. 64; Толмачев В. Деревянный идол из Шигирского торфяника. — ИАК, вып. 60, П. 1916, табл. 2. О дате неолитических идолов (рубеж IV—III тыс. до н. э.) см.: Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирова-

в неолитическом поселении найден обломок костяного изваяния с выступающими личинами, расположенными друг под другом (рис. 110, 1). Они очень схожи с некоторыми удлиненными антропоморфными лыками енисейских изваяний. Аналогичная выступающая личина на отрезке рога известна и в неолите Верхней Лены⁵³ (рис. 110, 2).

ния в археологии. М., 1972, с. 69; Бадлер О. Н. Уральский неолит. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 162.

⁵³ Беспалова Т. И., Микляев А. М. и др. О работе в Псковской об-

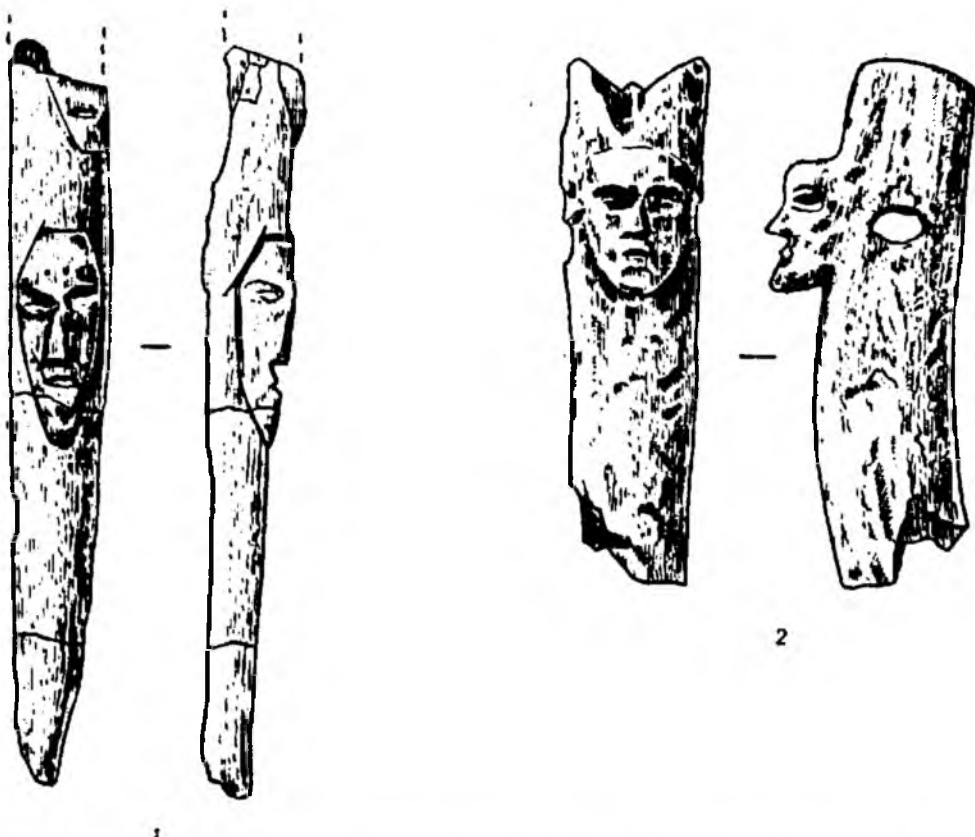

Рис. 110. Неолитические резные изображения из кости. 1 — из поселения на Псковщине; 2 — из могилы на Верхней Лене

Каменные и костяные скульптуры у неолитических племен соседнего Приангарья (серовский этап) зафиксированы не только благодаря находкам каменных рыб-приманок, но и по вырезанным из кости антропоморфным фигурам, среди которых выделяется изображение весьма сложного «фантастического» образа. Это двухглавое существо с антропоморфной и звериной головами и дополнительной третьей человеческой личиной, вырезанной на хвосте. Примечательно, что в том же комплексе обнаружено костяное воспроизведение фаллуса. Нельзя не напомнить и о каменной скульптуре в виде человеческой головы с узким подбородком из неолитического погребения у с. Распутина на нижней Ангаре. На скале по нижней Ангаре обнаружены личины с поперечной чертой, отделяющей рот⁵⁴.

Личины с поперечной чертой, разделяющей их по горизонтали, относящиеся к неолиту и энеолиту, известны на Ближнем Востоке, в Италии и Франции. В раннем неолите Палестины известны каменные антропоморфные головы (IX тыс. до н. э.), у которых лоб, имеющий трехчастное деление, отделен от носа поперечной чертой, а щеки очерчены овалами⁵⁵. На востоке, как справедливо указал

ласти. — В кн.: АО 1976 г. М., 1977, с. 7; Окладников А. П. Верхоленинский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978, с. 68, табл. 137-1.

⁵⁴ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары, табл. 64—65, 70 (6), 116; Отчетная научно-теоретическая конференция. XXXIX. Иркутск, 1979, с. 79, рис. 9 (1).

⁵⁵ L'art et l'homme. T. I. Paris, 1957, рис. 71; Kühn H. Die Felsbilder Europas. Zürich.—Wien, 1952, tabl. 83; Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, рис. 66 и 7.

С. В. Киселев, наиболее близки сложным нереалистическим личинам Енисея воспроизведения водяных божеств на дне расписных чаш ранненеолитического поселения Баньпо (конец V — начало IV тыс. до н. э.). Эти личины с бычьими рогами сочетают трехчастное горизонтальное членение лица с трехчастным вертикальным разделением лба, а также с треугольной фигурой над головой (рис. 111). Другие личины, среди которых присутствуют и «незамкнутые», также изображались красками на сосудах культуры Яншао⁵⁶.

Антропоморфные изображения божеств с бычьими рогами встречаются также на юге — в древних цивилизациях долины Инда. Исследователи связывают их появление с монголоидными пришельцами с севера⁵⁷.

Что касается изображений коров и быков, выбитых на менгирах или каменных изваяниях, то подобных животных, как известно, рисовали в неолите на скалах как Западной, так и Восточной Европы. Нельзя не отметить весьма ранний культ быка в неолитическом поселении Чатал-Гуюк, где изображена Мать-прародительница, дающая жизнь двум телятам, а три скульптурные головы быков в святилище VIII—VII тыс. до н. э. размещены друг над другом в вертикальной позиции, характерной и для енисейских древних изваяний⁵⁸.

---

⁵⁶ Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао, с. 112—116, 151.

⁵⁷ Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, с. 67, 133, табл. XVI, 4 и XVII, 9.

⁵⁸ Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 64—88.

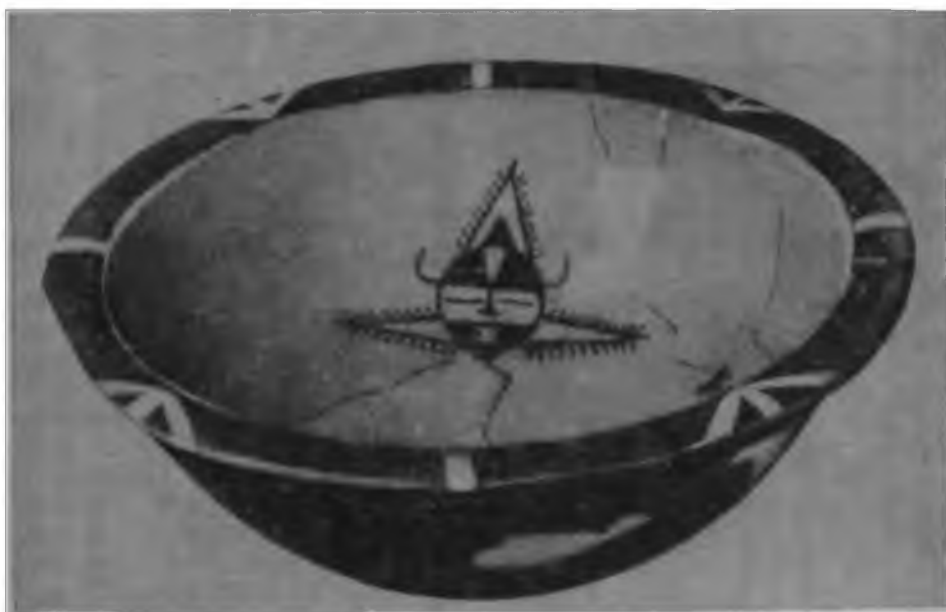

Рис. 111. Сосуд с личиной из раннеолитического поселения Баньпо (конец V — начало IV тыс. до н. э.) в Китае

Для установления правильной датировки немаловажно, что некоторые древние рисунки на стенах и скалах Хакасско-Минусинской котловины объединяются целым рядом графических приемов с таежными неолитическими изображениями лосей и других диких животных на писаницах в верховьях Томи и на скалах по Ангаре⁵⁹.

Быков и лосей с писаниц р. Тубы справедливо относил к неолиту еще Э. Р. Рыгдылон, опиравшийся при этом на находки возле них каменных орудий. Недавно Я. А. Шер группу наскальных ри-

сунков «минусинского стиля» («грузных» лосей, маралов и быков) предложил предположительно отнести к числу «наиболее ранних рисунков Среднего Енисея, не исключая и их верхнепалеолитического возраста.»⁶⁰ Преувеличенное удревление части наскальных рисунков Хакасии едва ли можно обсуждать серьезно, однако весьма вероятно, что уже в начале неолитического периода в дотазминское время на скалах Хакасии впервые появились выбитые каменными орудиями изображения лосей, маралов и домашних быков⁶¹.

⁵⁹ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 37—47, 54, 102; Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. М., 1972 (ср.: Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений. — СА, 1973, № 3, с. 275).

⁶⁰ Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея. — МИА, 1953, № 39, с. 280, рис. 3; Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 193.

⁶¹ Ср.: хронологические группы по Пяткину Б. Н. (Пяткин Б. Н. Шалоболлинские петроглифы. — АКД. Л., 1982).

Необходимо указать, что техника изготовления объемных скульптур и плоскостных гравировок памятников тазминского типа вполне неолитическая. Они изготовлены с помощью только каменных орудий. М. П. Грязнов первым отметил, что «внимательное рассмотрение изваяний с точки зрения техники их изготовления показывает, что они отнюдь не высечены металлическими или какими-либо режущими инструментами, а выбиты каменными ударными орудиями, местами же (например, желобчатые линии рисунка) шлифованы. Такой способ обработки камня практиковался с неолита...»

Плоскостные изображения животных (на песчаниковых плитах, обнаруженных в могилах) сначала процарапывались острым, вероятно кремневым, резцом или пробивались точками каменными пунсоном, а затем шлифовались осколками песчаника⁶².

Для определения датировки каменных изваяний, стел и наскальных рисунков, относящихся к тазминской культуре, известное значение имеют изредка встречающиеся на них изображения колесниц и, вероятно, речных судов.

Колесницы очень архаичны — четырехколесные, приспособленные только для бычьей упряжки. Относятся они к двум известным с глубокой древности типам повозок: открытым и закрытым. Изображений открытых колесниц известно три. Одно из них, размещенное в свободном верхнем пространстве

стелы над головой личины рогатого божества, представляет собой скорее всего божественную колесницу, из которой торчат четыре острых предмета, вероятно, «громовые стрелы». Повозка изображена сбоку, имеет глубокий, округлый, расширяющийся кверху кузов. Колеса цельные, без спиц (рис. 112)⁶³.

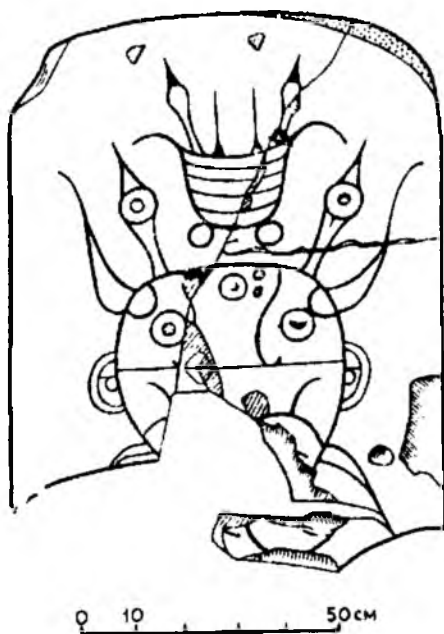

Рис. 112. Личина божества и «небесная» божественная колесница с громовыми стрелами. Стела была перенесена в окуневской могиле 1 ограды № 5 в пос. Усть-Бюрь. Хранится в МКМ

Другая колесница с восседающей на ней «незамкнутой» личиной божества выбита на скале ени-

⁶² Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. — СА, 1950, т. XII, с. 130; Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980, с. 32, 41.

⁶³ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии. — В кн.: АО 1972 г. М., 1973, с. 223.

сейской горы Тепсей⁶⁴. Она также изображена сбоку: видны два цельных колеса и трапециевидный расширяющийся кверху кузов, разделенный пополам вертикальной чертой. Личина с двумя глазами и, по-видимому, округлыми ноздрями расположена впрямь. Третья аналогичная «воздушная» повозка с «восседающей» сверху трехрогой личиной выбита на скале горы Тунчух на правом берегу р. Аскиз⁶⁵.

Подобные четырехколесные колесницы с глубокими, резко расширяющимися вверх четырехугольными кузовами, вероятно, древнейшие в мире. Они употреблялись в Месопотамии в IV тыс. до н. э. Сохранились пиктограммы и изображения колесниц этого времени. К концу IV и началу III тыс. относятся многочисленные повозки с быками, захороненные в могилах царей⁶⁶.

Тогда же через Балканский полуостров колесный транспорт проникает в Европу. Повозки с подобными открытыми кузовами суще-

ствовали в Центральной Европе уже в середине III тыс. до н. э. Это известно по найденным моделям-сосудам (рис. 113)⁶⁷. На рубеже IV—III тыс. до н. э. четырехколесные повозки появились в Средней Азии, на Кавказе, в Причерноморских степях и в Приуралье. Их неоднократно обнаруживали в могилах ямной историко-культурной общности⁶⁸.

Второй тип ранних колесниц Хакасии представлен профильными изображениями четырехколесных повозок, имеющих кузова с отвесными стенками и шатровыми крышами. Колеса их сплошные, с округлыми углублениями посредине, которыми обозначены концы осей (рис. 114). Наиболее известен рисунок двух священных быков, влекущих «по воздуху» подобную колесницу (рис. 115). Рисунок выбит на плоскости древнего изваяния из д. Знаменка на р. Ерге (рис. 116). По стилистическим особенностям изображений животных он относится ко времени создания этого изваяния⁶⁹. Аналогичная сакральная повозка с закрытым кузовом, влекомая горным бараном-архаром, воспроизведена на

⁶⁴ Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. — Записки РГО, кн. XII. Спб., 1857, табл. 4, рис. 4 (ср.: Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. — СЭ, 1952, № 2, рис. 8; Шер Я. А. Указ. соч., рис. 76-4).

⁶⁵ Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тунчух. — В кн.: Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, рис. 6, 7.

⁶⁶ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 201—202, 230—232, рис. 84, 86, 109; Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья. Л.—М., 1958, с. 69; Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ, 1974, № 4; Piggott S. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. Cambridge, 1968.

⁶⁷ Калиц Н. Новая находка модели повозки эпохи неолита из окрестностей Будапешта. — СА, 1976, № 2; ср.: Латынин Б. А. К вопросу об уровне производительных сил в эпоху ранней бронзы. — КСИИМК, вып. 70. М., 1957, рис. 1.

⁶⁸ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-уральского междуречья. М., 1974, с. 115; Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 79; Федорова-Давыдова Э. А. Приуральская группа памятников ямной культуры. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

⁶⁹ Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из дер. Знаменки в Хакасии. — КСИИМК, вып. 80. М., 1960.

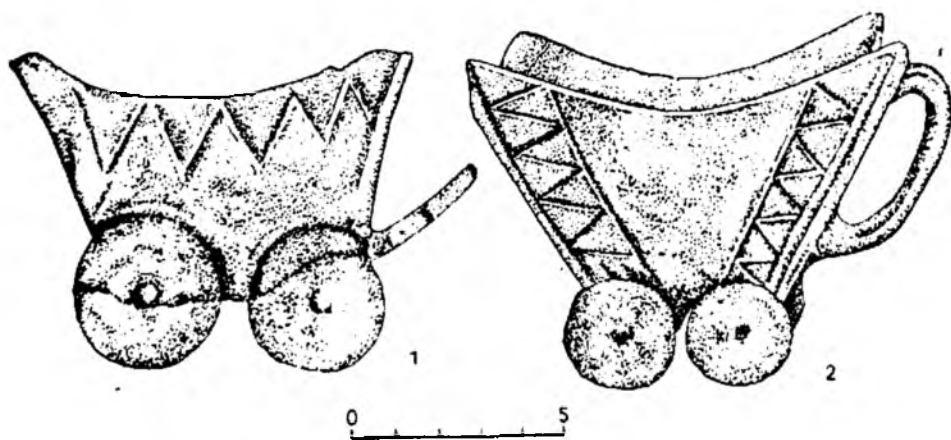

Рис. 113. Сосуды-модели энеолитических колесниц из Венгрии (2500 г. до н. э.).
1 — из Будакаласа; 2 — из Сигентмартона. Глина

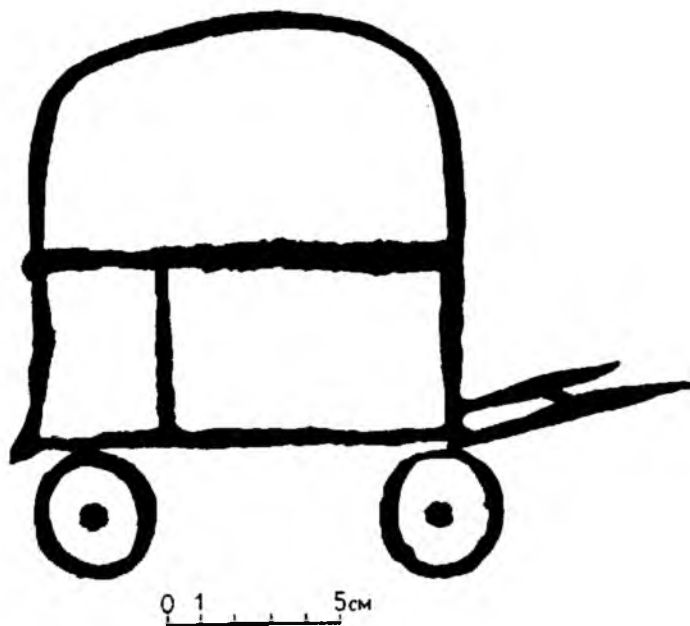

Рис. 114. Повозка — деталь рисунка, выбитого на изваянии из дер. Знаменка на р. Ерге одновременно с изваянием

скале горы Тунчух близ с. Аскиза⁷⁰.

Подобные закрытые четырехколесные повозки появились в IV—начале III тыс. до н. э. в Месопотамии и очень быстро распространились по Евразии от Европы до Индии. Этот тип колесных повозок

Таким образом, оба описанных выше типа открытых и закрытых сакральных «небесных» повозок Хакасии воспроизводят древнейшие двусосные повозки Евразии, получившие распространение в начале III тыс. до н. э. не только в Передней и Средней Азии, но и в

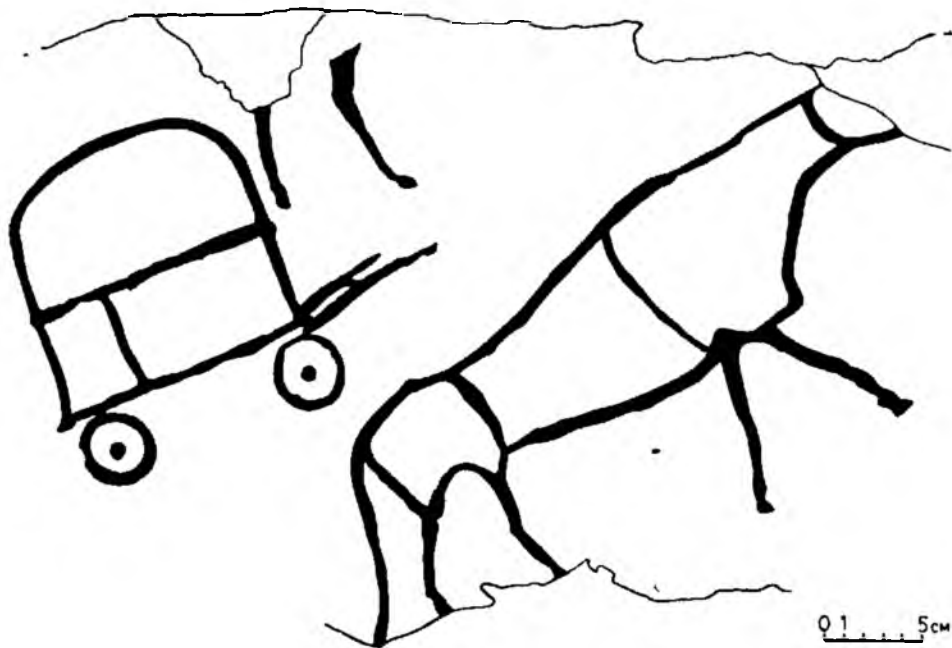

Рис. 115. Священные быки, влекущие крытую повозку. Рисунок на изваянии из дер. Знаменка на р. Ербе

также представлен на ранних месопотамских пиктограммах и известен по глиняным моделям⁷¹.

⁷⁰ Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тунчух, рис. 1, 5.

⁷¹ Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. История техники древнего Двуречья. — В кн.: Очерки по истории Древнего Востока. М.—Л., 1946, с. 99; Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья, с. 43 и 69; Pigott S. Op. cit. (ср.: Варга Домош. Древний Восток. Иллюстрированная история. Будапешт, 1979, с. 95, верхняя фотография).

степной зоне и, как выясняется, Южной Сибири. Эти данные позволяют относить к области распространения древнейших повозок и степи Хакасско-Минусинской котловины.

Такое раннее распространение с юга на Средний Енисей передовых для того времени колесных средств передвижения находится, несомненно, в связи с отмеченным выше сложением здесь производящего скотоводческого хозяйства еще в

неолитическое время. Не удивительно, следовательно, что тягловая сила домашних животных использовалась прежде всего для колесного транспорта.

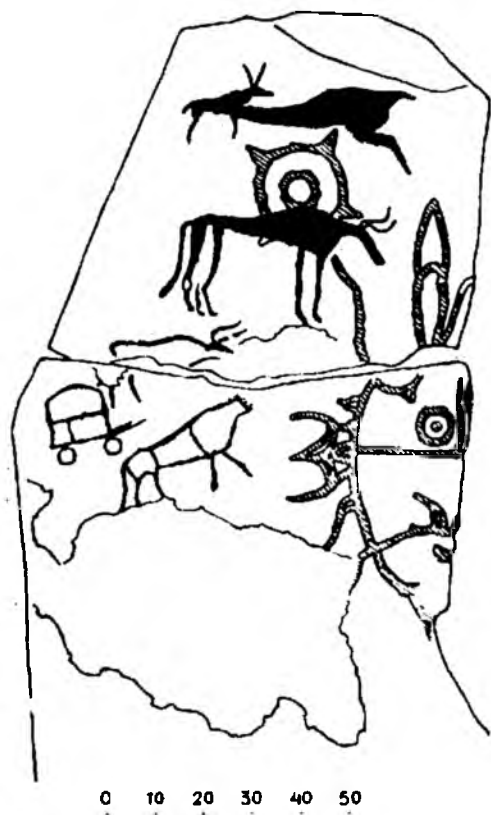

Рис. 116. Изваяние из дер. Знаменка на р. Ербе. Песчаник. Хранится в Красноярском краевом музее. Верхние коровы выбиты позже, в афанасьевскую эпоху

Необходимо констатировать, что нами, по-видимому, нащупаны следы сильнейшего импульса, направленного южным центром древнейшей цивилизации человечества на далекий север — в степи Саяно-Алтайского нагорья в конце IV тыс. до н. э. Очевидно, что пер-

вые древние скотоводы, появившиеся в абаканско-чулымско-енисейских степях еще в неолитическую эпоху, пришли со своими небольшими стадами не пешком, и путь их не был особенно длительным. Естественно, что они принесли с собой в среду местных южносибирских неолитических охотников и рыболовов усложненное мировосприятие, связанное со становлением производящего хозяйства. Судя по особенностям фиксируемого культа, произошло мирное слияние племен, в результате чего была выработана новая синкретичная культура позднего неолита.

Фиксируемый импульс, очевидно, подтверждают те изображения больших судов, которые обнаруживаются на тагмынских каменных изваяниях. Над личиной изваяния № 5 (из котловины Сорга — ср. рис. 49) находится поврежденное от времени изображение божественного судна с высоко поднятыми носом и кормой (?). Посредине его на центральной подставке обозначены наклонно натянутые (в виде треугольника с поперечными перетяжками) канаты (рис. 117, 1). Подобные суда с высоко задраным носом и кормой, по дошедшим до нас изображениям, являются древнейшими в Евразии (IV — начало III тыс. до н. э.) и известны они от долины Инда до Египта и Средиземноморья (рис. 118, 3, 5, 6). Глиняные модели (рис. 119) и пиктограммы аналогичных судов начала IV тыс. до н. э. найдены в Месопотамии.⁷²

⁷² Флиттнер Н. Д. Указ. соч., с. 43, 69, 81; Варга Домош. Древний Восток. Иллюстрированная история. с. 49; Щетенко А. Я. Первобытный Индостан. Л., 1979, рис. 27 (12); Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М., 1976, рис. 55; Sümer, IV, N 2, 1948, фото на табл. V;

Наиболее близкими по устройству являются изображения судов с центральными подставками и натянутыми на них вдоль судна тросами жесткости — гипотезмами, которые сохранились на каменных печатях из Средиземноморья, глав-

На носу одного из подобных изображений судов с о. Крита воспроизведен солнечный диск (рис. 117, 3). Очевидно, это сакральное солнечное судно, образ которого широко распространен в неолитической древности в мифо-

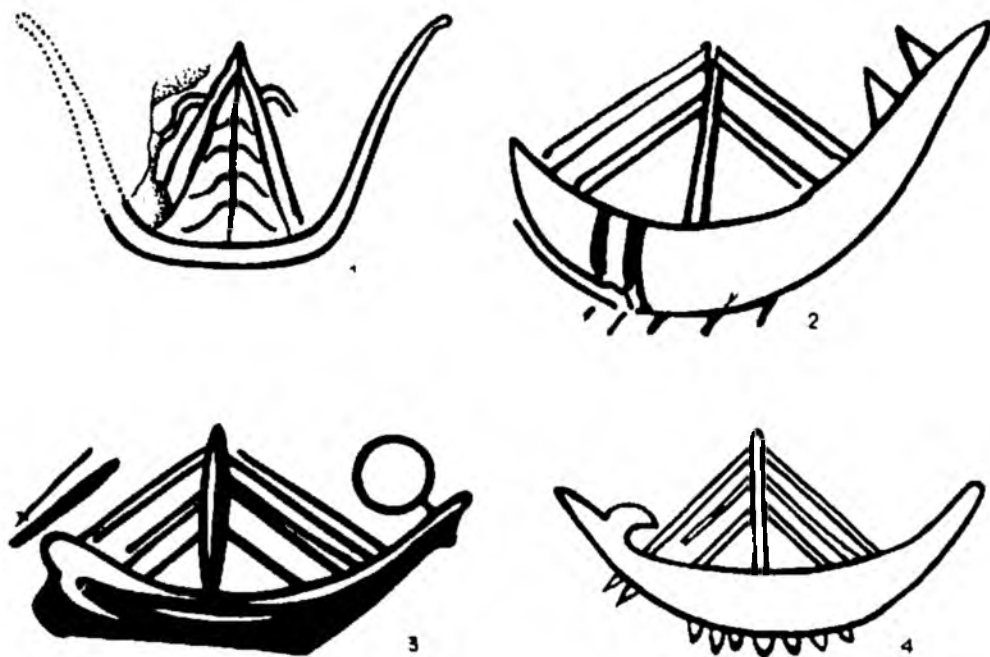

Рис. 117. Изображения судов: 1 — над личной изваяния № 5 из котловины Сорга; 2—4 — на каменных печатях из Средиземноморья (о. Крит)

ным образом с острова Крита (рис. 117, 2, 3, 4 и 118, 4). Они существовали уже на рубеже IV и III тыс. до н. э. в раннеиндоевропейское время. Аналогичные корабли с дополнительным укреплением корпуса тросами жесткости встречались и в египетском морском деле⁷³.

Barnett R. D. Early Shipping in the Near East. *Antiquity*, v. 32, N. 128, 1958, p. 21; Casson L. *Ships and Seafaring in the Ancient World*. Princeton, 1971, t. 6, 20, 21, 35, 47.

⁷³ Петерс Б. Г. Морское дело в

логии многих народов мира (от Египта до Урала, Швеции и Сибири). Вероятно, прав А. А. Формозов, предполагая раннее проникновение египетского мифа вплоть до

древней Греции (рукопись канд. дисс.). М., 1968 (хран. в Архиве ИА АН СССР. Р-2, № 2009, с. 39—51); ср.: Müller-Karpe H. *Zur Seefahrt im 3 und 2 Jahrtausend v. Chr. Zur geschichtlichen Bedeutung der frühen Seefahrt*. Kommission für Allgemeine und Vergleichende Archäologie des Deutschen Archäologischen Instituts Bonn, AVA — Kolloquien, Band 2, München, 1982, abb. 2—3.

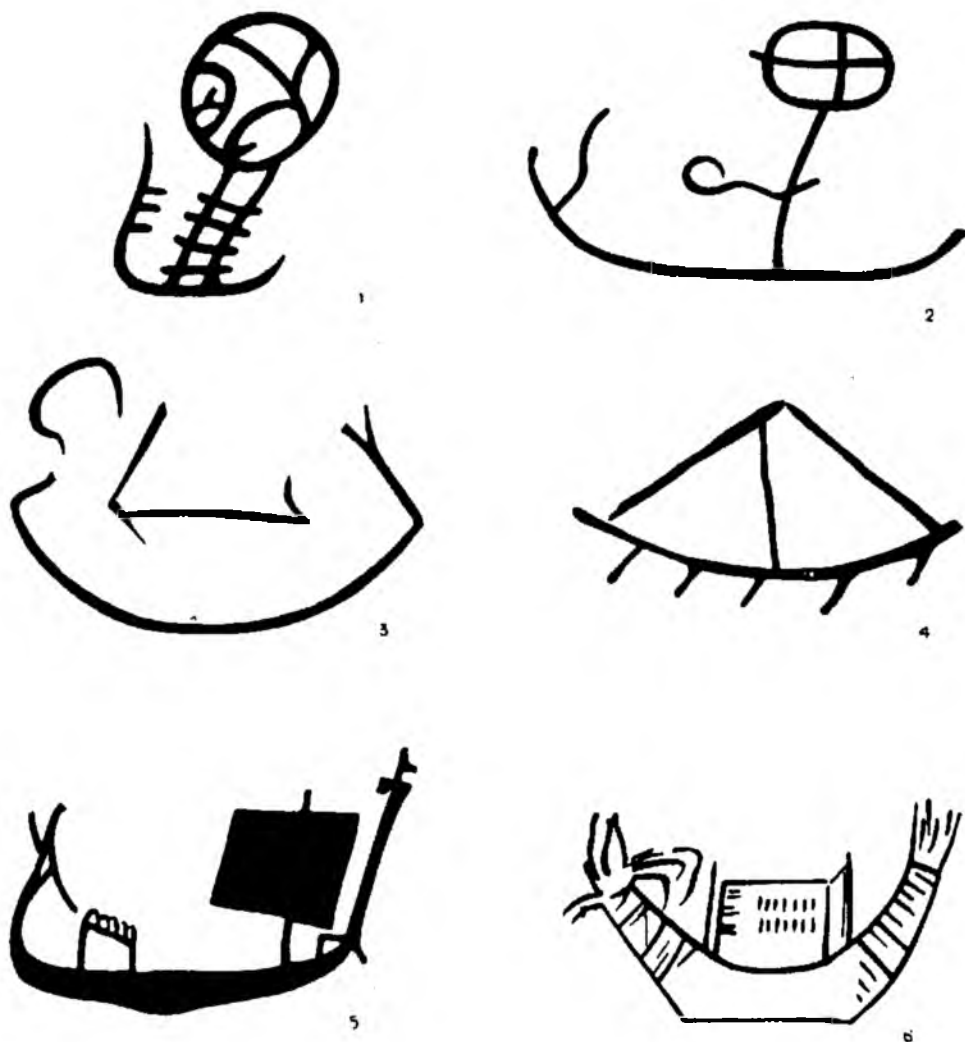

Рис. 118. Изображения судов: 1 — на стеле, стоящей на чаатасе Красный камень на р. Кок-сух в Хакасии; 2 — на р. Смолянке близ Усть-Каменогорска; 3, 4 — Средиземноморье; 5 — древний Египет; 6 — древняя Индия

Сибири. Он ссылается при этом на красочное наскальное изображение солнечной ладьи, обнаруженное на р. Смолянке близ Усть-Каменогорска (рис. 118, 2)⁷⁴. Эту мысль под-

тверждает изображение небесного солнечного корабля, выбитое на верху древнего изваяния с р. Кок-сух в Хакасии (рис. 118, 1)⁷⁵. Рисунок еще одного корабля с солн-

⁷⁴ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980, с. 37—39 и рис. 11 (4).

⁷⁵ Appellgren-Kivalo Н. Alt-Aitaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, abb. 130.

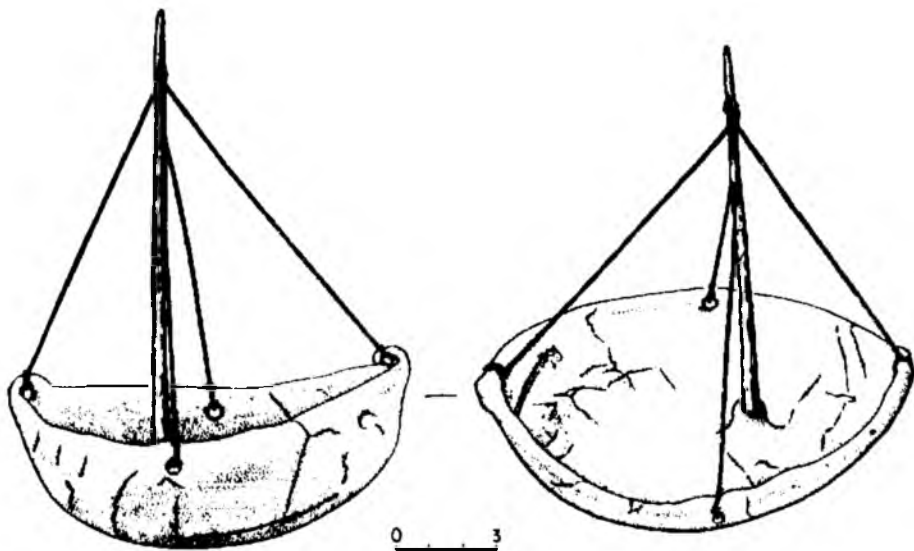

Рис. 119. Глиняная модель лодки с реконструированной мачтой из могильника Эриду в Месопотамии (Убейдская культура, V — первая половина IV тыс. до н. э.)

цем в виде кружка обнаружен нами на плите кургана, стоящего возле гор к северу от улуса Бельтиры (рис. 120).

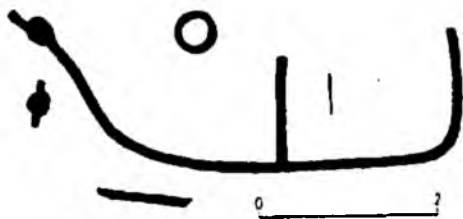

Рис. 120. Рисунок солнечного корабля на плите, перенесенной в ограде кургана тагарской культуры близ улуса Бельтиры

Таким образом, древнейшие изображения судов и колесных экипажей в Южной Сибири, относящиеся к самому началу III тыс. до н. э., связаны с тазминской культурой каменных изваяний и

подтверждают ее раннюю датировку.

Нельзя не добавить ко всему вышесказанному очевидные археологически зафиксированные факты. Известно, что обломки древнейших стел и каменных изваяний, вторично использованные в качестве подручного строительного материала, без всяких следов сколько-нибудь уважительного отношения к этим священным и почитаемым в свое время лицам древних божеств найдены в могилах разных культур как бронзового, так и раннего железного веков. Из их обломков сооружали каменные гробницы, крышки, ограды и наземные погребальные сооружения окуневцы (XXI—XVI вв. до н. э.), андроновцы (XV—XIV вв. до н. э.), карасукцы (XIII—VIII вв. до н. э.) и тагарцы (VII—III вв. до н. э.). Переносили их и в более позднее время.

Ясно, что уже окуневцы относились к стелам и каменным изваяниям безразлично, совершенно пренебрегая их былым сакральным значением. Если они встречались неподалеку от места, где устраивались окуневские кладбища, то их сокрушали и дробили на плитки, чтобы не затрачивать тяжелого труда по добыче строительного камня в горах и каменоломнях. Следует подчеркнуть, что большинство окуневских погребальных сооружений построено из «дикого» камня, без всяких следов каких-либо изображений. Следовательно, не могло быть никакого неперменного обычая сооружать цисты и каменные ящики-гробовища из обломков своих собственных поверженных идолов. Там, где вторично использовались чуждые для окуневцев стелы древних божеств (только на пяти кладбищах), не обнаружено целых стел, а только обломки. Нередко лики идолов повернуты не вовнутрь каменного гроба, а к земляной стенке могильной ямы или же куски нарочито разбитой стелы использованы для сооружения стенки ящика и его покрытия и т. д.

Для определения эпохи создания и почитания тазминских каменных изваяний и стел важно ответить на вопрос, в какое время они стали чуждыми для новых поколений обитателей Хакасско-Минусинской котловины и когда впервые их стали использовать в качестве строительного камня?

До недавнего времени наиболее ранними памятниками такого рода были известные могильники Тас хазаа на правом берегу Абакана и Большое кольцо в истоках р. Камышты (хак. Хамыстыг ёок). Это, несомненно, более ранние памятники, чем окуневские курганы. В их

грунтовых могилах встречаются типичные позднеафанасьевские предметы и глиняные сосуды яйцевидной и репообразной формы. Афанасьевским является и устройство их могил. Например, Большое кольцо из плиток, врытых на боку (диаметром 36 м). Внутри него располагалось 19 индивидуальных могил, отмеченных каменными кольцами (диаметром от 3 до 4 м)⁷⁶.

Автор раскопок А. Н. Липский относил эти могильники, содержащие в грунтовых ямах некоторое количество вторично использованных обломков стел и плит с тазминскими рисунками, к афанасьевской культуре (XXV—XXII вв. до н. э.), а сами стелы, как и древнейшие каменные изваяния, — к неолитической эпохе⁷⁷. На этом же основании С. В. Киселев совершенно справедливо предполагал неолитический возраст большинства из этих стел⁷⁸. В настоящее время и Я. А. Шер критикует распространенную точку зрения о поздней окуневской принадлежности каменных изваяний. Он предполагает часть из них отнести к афанасьевской культуре, а другую часть —

⁷⁶ Липский А. Н. Отчет Хакасского обл. музея о раскопках в 1958—1959 гг. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2119; Он же. Тас хазаа — Каменный двор. 1957 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1476; Максименков Г. А. Отчет о работах Минусинской экспедиции в 1973 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5087.

⁷⁷ Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Он же. Американцы на Енисее. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969; Он же. Древнейшие енисейские изваяния — таг-эзи. — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1974.

⁷⁸ Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.

считать «еще более ранними», очевидно, неолитическими⁷⁹.

Теперь же наиболее ранним погребением, где использован в качестве покрытия обломок камня с высеченной примитивной личиной, является уникальная по конструкции и обряду вышеописанная могила № 1, раскопанная нами на Чульском чаатасе. По сопутствующим обломкам посуды она является доафанасьевской, поздне-неолитической. Этот пока единственный случай весьма показателен, и с ним необходимо считаться.

---

⁷⁹ Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 217—233.

Таким образом, вся совокупность приведенных выше объективных научных фактов, аналогий и сопоставлений, наблюдений при раскопках разновременных памятников позволяет заключить, что тазминская культура каменных изваяний, личин, стел, менгиров и святилищ относится к началу III тыс. до н. э.

Несомненно, что тазминская культура представляет собой особое важнейшее явление в истории древних неолитических племен Сибири и Центральной Азии, и многие связанные с нею проблемы несомненно нуждаются еще в дальнейшей разработке и изучении.

Мировоззрение и мировосприятие тазминцев

1. О семантике тазминских изваяний и писаниц

Исследованные нами святилища, а также разнообразные виды тазминских каменных изваяний, менгиров, гравировок на плитах и наскальных рисунков описанного круга отражают сложное мировоззрение, разветвленное понимание отдельных сторон мироздания, представления людей о жизни и смерти, об умирающей и вечно возрождающейся природе, о бесконечном движении. Несомненно, святилища и фаллообразные по форме изваяния и менгиры связаны с культом размножения, производящей природы, с культом божеств

родоначальников всего живого, с космологическими представлениями о вертикальной вселенной и трех ее мирах (верхнем, среднем и нижнем). Они также связаны с культом местных божеств земной (хак. тах ээзи — горный хозяин) и водной (хак. сух ээзи — водяной хозяин) стихий.

Это охотничье в своей основе (изображения лосей, аргали, хищников и т. п.) миропонимание осложнено идеологией пришлых скотоводов, связанных с производящей экономикой (культ священных коров, быков, т. п.).

Поражает разнообразие типов каменных «идолов». Удивляет и то, что с каждым годом исследователи находят в Хакасии все новые и новые типы и вариации культовых изображений, причем

нередко они обнаруживаются в местах, которые на протяжении более 200 лет посещались специалистами-археологами. Раскопки дополняют невольно возникающее впечатление, будто памятники древнего культа сами по себе «прорастают» из земных недр. И сколько же их еще найдут в будущем!

В настоящее время опубликована классификация древнейших каменных изваяний, наиболее детально, хотя и не всегда методически верно, учитывающая разнообразные их особенности. К сожалению, эта работа Э. Б. Вадецкой, сопровождающаяся весьма схематичными и не всегда точными рисунками, далеко не полна¹. Многие отчетливо выраженные и даже давно опубликованные типы изваяний по неизвестной причине оставлены автором без внимания. Полностью отсутствует, например, анализ изваяний следующих типов:

- 1) двуглазых со ртом, не имеющих на личинах ни поперечных, ни вертикальных черт (рис. 66, 68, 91);
- 2) малых, объемных, в виде яйца, «личинки» или фаллуса (рис. 64, 65);
- 3) монументальных скульптур с личинами, животами и фаллусами типа Чалгыс оба (рис. 17, 19);
- 4) фаллообразных скульптур типа Ах оба (рис. 22, 23);
- 5) плоских стел с личинами, выше которых «в воздухе» высечены небесные колесницы (рис. 112);

¹ Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры. — В кн.: Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. Классификацию Э. Б. Вадецкой детализирует и уточняет работа Н. В. Леонтьева (см.: Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1978).

6) мужских бородатых ликов типа Салбыкского старца и янусовидного монумента из той же Салбыкской степи (рис. 28, 96);

7) в виде трех реальных лиц, расположенных по вертикали друг над другом (рис. 99), и т. д. и т. п. Оставлены без учета и синхронные менгиры, выполнявшие функцию изваяний.

Естественно, что без привлечения даже только перечисленных выше типов методически ошибочно и нецелесообразно вести анализ всей совокупности древнейших изваяний Хакасско-Минусинской котловины. К тому же автор использовала для своей классификации всего 126 стел. Кроме того, не могут удовлетворить датировка и предложенное автором определение культурной принадлежности древних скульптур, гравюр и росписей. Неприемлем и предложенный опыт семантики этих сложных памятников культа и искусства².

Проблема семантики тазминских памятников сложна. Она давно является предметом исследования многих ученых. Одним из первых этой теме посвятил специальную статью С. В. Киселев³. Различные предложения высказывали и другие авторы, в той или иной степени касавшиеся этих памятников (М. П. Грязнов, Л. Р. Кызласов, М. М. Герасимов, А. Н. Липский,

² Э. Б. Вадецкая, занимающаяся историографией археологии Среднего Енисея, искадила историю изучения изваяний. Мною еще в 1958—1959 гг. открыто и осмотрено на местах 7 изваяний. Адреса их тогда же были сообщены сотруднику Хакасского обл. музея А. Н. Липскому, который по моей просьбе свез их в музей.

³ Киселев С. В. Семантика орнамента карасукских стел. — В кн.: Из истории докапиталистических формаций. Известия ГАИМК, вып. 100. М.—Л., 1933.

М. Д. Хлобыстина, Н. В. Леонтьев, Э. Б. Вадецкая, Я. А. Шер и др.).

Очевидно, что к раскрытию семантики подобных памятников следует идти прежде всего от исследования наличного материала, имеющегося в нашем распоряжении. Затем можно обсуждать, если это потребует, точки зрения, высказанные различными авторами.

Нельзя не отметить, что только раскопки экспедиции МГУ (1971—1983 гг.) изваяний и менгиров, раскрывшие подле них каменные жертвенники-алтари, впервые с несомненностью доказали, что «культурные стелы», как центральные фигуры древних святилищ, являются изображениями божества, которым приносились во время определенных обрядов умиловительные кровавые жертвы. Раскопки этих святилищ выявили также, что у тазминских племен существовала строго регламентированная обрядность. Вырубив в каменоломнях песчаниковые или гранитные заготовки, люди привозили их на место сооружения святилищ. Там каменотесы и скульпторы высекали из них объемные изваяния с рельефными или уплощенными личинами, с многочисленными резными дополнительными элементами, создававшими законченный образ божества.

Для установки изваяний выкапывались специальные ямы, которые предварительно освящались огнем, кровью жертвенных животных, преимущественно ягнят или барашков. Наконец, на дно ям укладывались куски жертвенного мяса и шкурки барашков вместе с неотделенными от них головами и ножками.

После опускания жертвы, принесенной, очевидно, Матери-земле,

прямо на жертвенные останки ставили в яму изваяние божества. Устанавливали его, как правило, личиной на восход солнца. Затем основание прочно закреплялось забитыми контрфорсами из обломков плит и валунов.

Так как изваяния обычно обращены точно на восток, то их установку производили, видимо, ранним весенним утром. Дальнейшие жертвоприношения божествам совершались на специальном каменном жертвеннике-алтаре (с ямой): Жертвенник сооружался поблизости от вертикально установленной фигуры божества.

Важно констатировать, что божества, которым поклонялись тазминские племена, вырубались из самого трудоемкого материала — из камня. Использовались глыбы и плиты девонского песчаника или твердого мелкозернистого гранита. Эти священные монолиты нередко достигают 3—4 м в высоту и 1—3 т. по весу. Их нелегко транспортировать и устанавливать вертикально, даже используя современные технические средства.

Почему изображения божеств не вырубали из дерева? Тайга вплотную окружает, например, котловину Сорга и ближайшие окрестности улуса Тазмина. Да и всюду в Хакасии небольшие степи перемежаются парковыми лиственничными лесами, сосновыми борами, березовыми рощами.

Каменные тазминские изваяния — это не идолы, которых сибирские аборигены во все времена, начиная от эпохи неолита до этнографической современности, вырубали из дерева. Это и не темные столбы, вырезавшиеся из стволов деревьев североамериканскими индейцами и некоторыми другими племенами.

Культ камня, наглядно раскрывающийся на Среднем Енисее благодаря раскопкам древних святилищ с каменными фигурами божеств, не может относиться к тотемизму — одной из древнейших форм религии. Скорее всего, следует обратиться к той форме религии, которая соотносится с особым периодом в становлении народного искусства. Исследователи подчеркивают, что этот период соответствует становлению мифологических представлений. Он отражает осознание человеком себя как особой части природы, отличной от других ее частей, и характеризуется антропоморфизацией сил природы в образном строе. Он формируется в условиях перехода к производящему хозяйству, когда воздействие человека на природу еще очень ограничено, но уже начинает проявляться⁴.

В этот период культовые памятники нередко уже символизировали собой не только широко распространенную идею мирового древа, но и идею мировой горы⁵. Представление о мировой горе уходит корнями в глубокую древность, и возникло оно, вероятно, еще в палеолите. Мировая гора, как известно, выступает в качестве космического образа мира, модели вселенной, центральной мировой оси. Вместе с тем идея мировой горы неразрывна с представлениями о горе — прародительнице всего сущего, о горе — хранительнице

всех жизненных потенциалов (душ людей, животных и растений), о горе, дающей и берущей, перерабатывающей и оживляющей отмершее, и т. д. Представления о подобной сущности горы, восходящие к глубочайшей древности, сохранились в Хакасско-Минусинской котловине до наших дней⁶.

Вероятно, именно поэтому, исходя из потребностей своего культа, тазминские племена отбивали куски от священных гор и превращали их в изваяния божеств. В таком случае каменное изваяние, стелу или менгир той эпохи следует рассматривать прежде всего как воплощение священной горы, как воспроизведение образа мировой горы — Первоматери — прародительницы всего сущего, от которой непосредственно зависит жизнь и смерть всего живого на земле.

В этой связи становится понятным столь широкое распространение в мире уже в неолите, особенно в период перехода от присваивающего хозяйства к производящему, культа камня — гор, менгиров и мегалитов. Проясняется, например, зачем в ранних неолитических святилищах Ближнего Востока (в прямоугольных комнатах со стенами из сырцового кирпича и глины — в Иерихоне, Хаджиларе II и др.) в нишах ставились почитавшиеся каменные столбы, стелы или плиты⁷. Вертикальные ка-

⁴ Топоров В. Н. Гора. — В кн.: Мифы народов мира, т. 1, с. 311—315; Кыласов П. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов. — СЭ, 1982, N 2; Ward D. Berg. Enzyklopedie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Band 2. Berlin—New York, 1979, s. 138—145.

⁷ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, с. 43—44, 103, рис. 11а; Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 50—51.

⁴ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Рождественская С. Б. Отражение отношения «человек—природа» в народном искусстве. — В кн.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.

⁵ Мифы народов мира, т. 1. М., 1980, с. 311, 398.

менные глыбы стояли и в святилищах Ура. В царстве хеттов каменные стелы, являвшиеся символами божеств, ставились как в святилище, так и открыто — в роще, у родника или на горе⁸. Люди поклонялись почти не обработанным камням, символизовавшим мировую гору. Следовательно эти ранние храмы были посвящены культу мировой горы.

Поздненеолитические тазминские святилища Хакасии мы вправе трактовать как прямо аналогичные более ранним хронологически, но не стадияльно святилищам Ближнего Востока. Возможно, отсюда в Южную Сибирь была перенесена уже созревшая идея культа мировой горы.

Разумеется, воплощение и оформление этой общей идеи было различным в разных местах неолитической ойкумены. Но, без сомнений, всюду космологический культ мировой горы был взаимосвязан с культом плодородия и размножения.

В тазминское время на Среднем Енисее символами мировой горы в большинстве своем являлись различные по форме, нередко почти не обработанные, вертикально установленные менгиры-монолиты. Число их огромно и никем не учтено. Семантическое назначение их, как показали раскопки, было тождественно назначению обработанных каменных скульптур. И те и другие представляли собою цен-

тральные фигуры древних святилищ. Возле тех и других совершались одинаковые ритуальные церемонии с использованием тождественных жертвенных алтарей в виде ям, заполненных до верха крупными камнями.

Для бесчисленных менгиров и сравнительно малочисленных изваяний, равно символизовавших мировую гору, наиболее значима была, следовательно, их каменная природа, а также их вертикальность — устремление от земли к небу. В этом и заключается основное содержание семантики изучаемых памятников, их главная смысловая нагрузка.

Теперь следует перейти к скульптурным фигурам и попытаться выяснить их частное предназначение. Вертикальное построение сложных композиций из фигур, выбитых на некоторых изваяниях, очевидно. Но обнаруженная нами при раскопках в пос. Усть-Бюрь (ограда № 5) стела (рис. 112) сразу помогла установить космологический характер изображений⁹.

Дело в том, что на верхнем пространстве стелы, над рогатой трехглазой личиной сложного типа вырезана четырехколесная повозка, из кузова которой вверх торчат четыре острия (рис. 112). Нет сомнения, что здесь изображена не реальная, а божественная колесница, передвигающаяся по небу без всякой тягловой силы. Это подтверждается как расположением повозки на верхнем свободном пространстве стелы, так и торчащими из нее, очевидно «громовыми», стрелами. Личина этой стелы, несомненно, представляет изоб-

⁸ См.: Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961, с. 145, 174; Ардэинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, с. 9. О культе камней у сибирских народов см., например: Гурвич И. С. Культ священных камней в тундровой зоне Евразии. — В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

⁹ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии. — В кн.: АО 1972 г. М., 1973, с. 223.

ражение божества-громовника, вероятно связанного с «громовой» колесницей еще и потому, что на голове ее между рогов выступают вверх две подобные же «громовые» стрелы (рис. 112).

Есть рисунок и второй, не сохранившейся до нашего времени, стелы с чаатаса Красный камень,

на которой верхняя небесная сфера четко отделена от расположенной ниже трехглазой личины божества тремя прогнутыми вниз «желобками-скобами» (рис. 121, справа)¹⁰. Выше «скоб» по небес-

¹⁰ Appelgren-Kivalo H. Alt — Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, abb. 131.

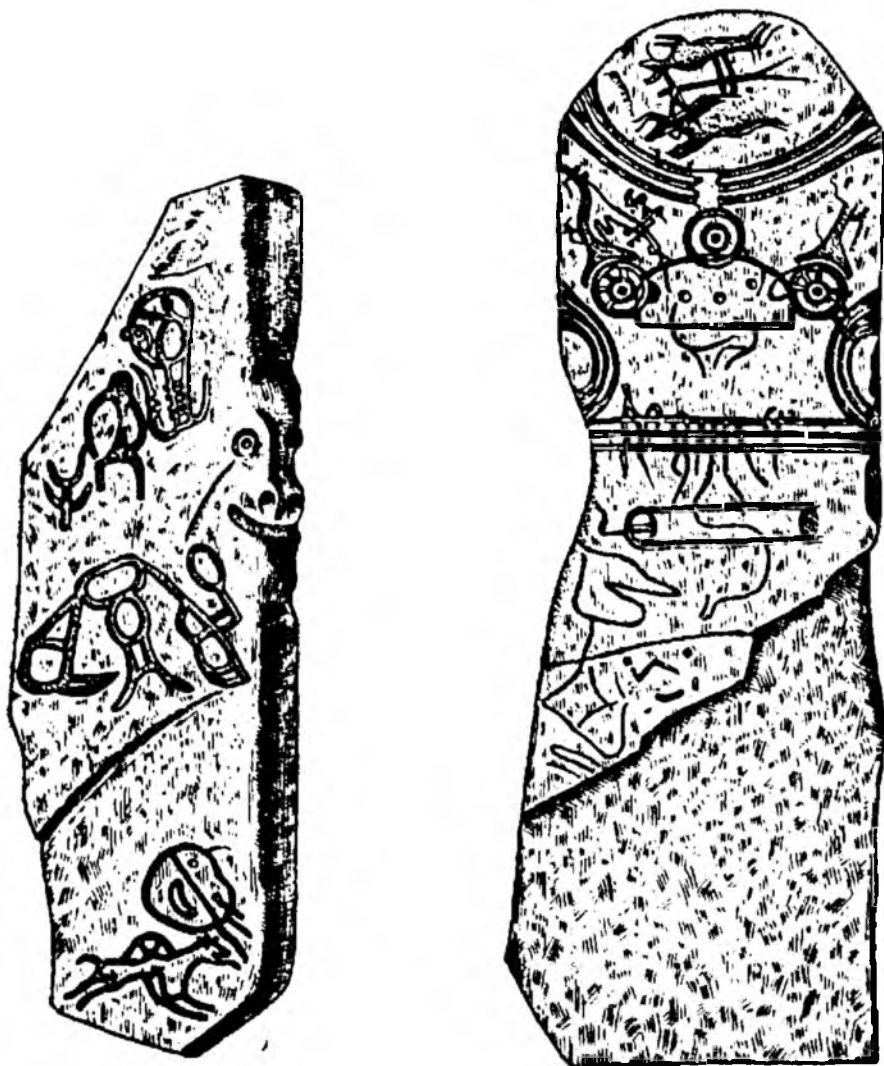

Рис. 121. Изваяния с чаатаса Красный камень. По рис. Аппельгрэн-Кивало. Цыны не существуют

ной сфере мчится упряжка из двух быков с ярмом и дышлом — очевидное воспроизведение еще одной, на этот раз запряженной, божественной колесницы¹¹. Аналогичное отделение небесной сферы тремя прогнутыми «скобами» зарегистрировано еще на некоторых тазминских стелах. Всегда «скобы» располагаются выше изображенных личин¹².

Но, как видно, небо зримо отделялось от личин не всегда. Оно не обособлено и на изваянии № 5 из котловины Сорга, где выше личины изображено божественное судно (рис. 49, 117, 1). На самом верху другой стелы с р. Кок-сух выбит рисунок еще одной солнечной ладьи (рис. 118, 1; 121, слева)¹³.

Та же идея неба отразилась на стелах, имеющих на верхнем пространстве выше личин изображения птиц — обитателей воздушной сферы (изваяние № 129 из Бутрахов).

Эти случаи убеждают нас в том, что верхнее пространство на плоских стелах и скульптурах тазминской культуры всегда воспринималось их создателями и почитателями как небесная сфера. Поэтому, очевидно, чаще всего личина божества воспроизводилась ниже или посредине высоты камня, а выше оставалось свободное пространство — небо (рис. 68, 71, 98, 122, 124)¹⁴. Поэтому же когда на па-

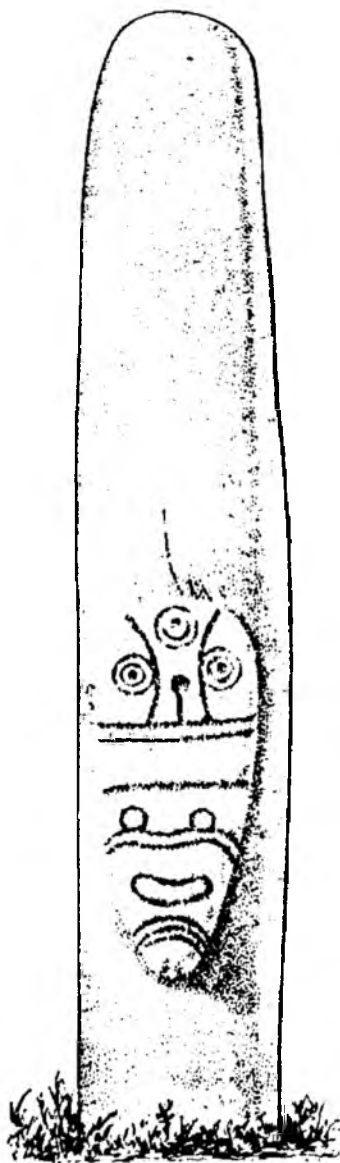

Рис. 122. Изваяние, стоявшее близ улуса Чартыкова под с. Аскизом «на киргизском могильнике». Песчаник. Хранится в ХОКМ, лицевая грань

¹¹ Ср.: Хлобыстина М. Д. Культурная символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири. — СА, 1971, № 1, с. 76.

¹² Вадецкая Э. Б. Указ. соч., табл. XL, 59; XLV, 85.

¹³ Appelgren-Kivalo H. Op. cit., abb. 130.

¹⁴ Вадецкая Э. Б. Указ. соч., изваяния № 1, 2, 4, 5, 8—11, 17, 19, 24, 25, 26, 28, 33—35, 38—40, 42—44, 46, 51—55, 58, 60, 62—67, 69, 73, 75, 77—79, 81, 82,

84, 86, 87, 89, 91—94, 105, 108—109, 147, 149, 150, 153.

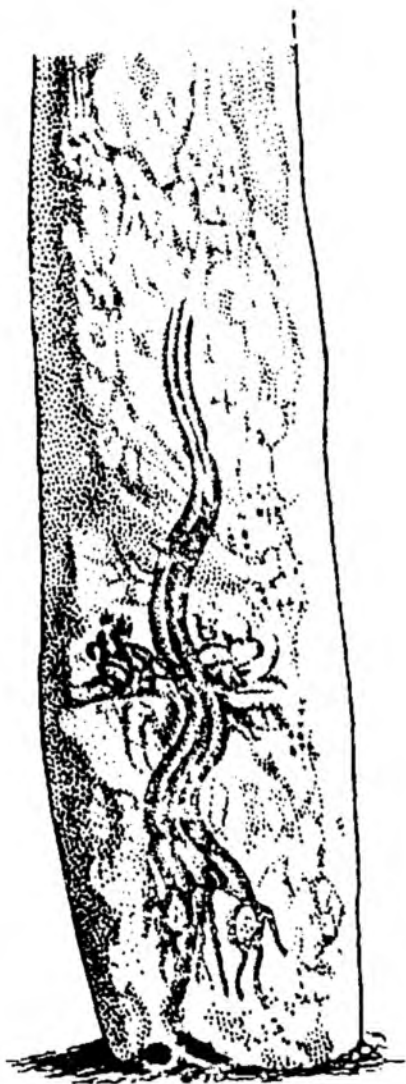

Рис. 123. То же изваяние, задняя грань

мятниках выше личины изображены антропоморфные фигуры или фигуры бегущих животных (корова, лось или фантастический хищник — рис. 86; 112; 124)¹⁵, то и их

¹⁵ Вадецкая Э. Б. Указ. соч., № 70, 117, 118, 135.

Рис. 124. Изваяние, стоявшее близ улуса Сартыгой (по данным А. Н. Липского происходит с р. Сагайчи?). Песчанник. Хранится в ХОКМ

следует воспринимать как воспроизведения божественных существ космического происхождения, бегущих по небу. Наконец, очевидно, что по воздушной сфере снизу вверх поднимается запряженная парой божественных волов крытая небесная повозка, выбитая на Знаменском изваянии (рис. 115, 116)¹⁶.

Кстати, своеобразными лестницами для перемещения с земли на небо душ или жрецов — «шаманов» служили, вероятно, выбитые по вертикали на боковых узких гранях стел с тазминскими личинами многочисленными прогнутыми вниз скобообразные фигуры, изображающие перекладины веревочных лестниц. Подобные лестницы вырубались шаманами шорцев и алтайцев в виде поперечных зарубок (тапты, т. е. ступеньки. — Л. К.) на стволах священных берез. У телеутов «число зарубок зависело от того, на каком слое неба живет дух, которому совершалось камлание. Эти зарубки носили название тапты и символизировали слои неба (кат)».

В древних мифах еще Осирис поднялся на небо по лестнице¹⁷.

Подобную стелу, на боковой грани которой сохранилось 29 перекладин-скоб, мы обнаружили на Абаканском чаатасе в 1974 г. (рис. 93). В Хакасском областном

краеведческом музее находится плита-менгир с 63 скобами-ступенями на узкой грани (рис. 125).

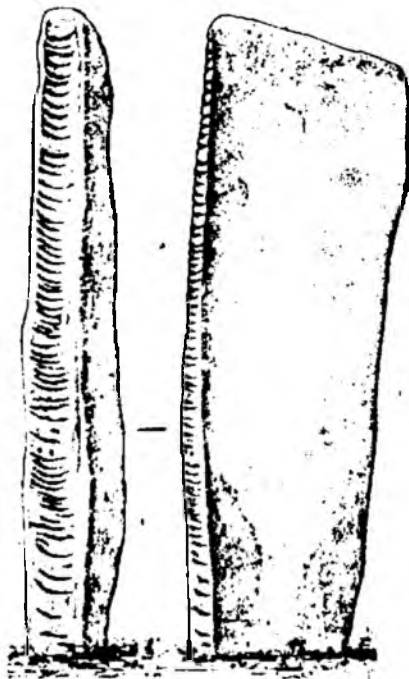

Рис. 125. Стела с изображением лестницы на узкой грани. Песчаник. Хранится в ХОКМ. Первоначальное местонахождение неизвестно

Итак, можно считать доказанным, что творцы тазминских фигур и стел сознательно обособляли на изготовляемых ими культовых памятниках верхнюю небесную сферу. Более того, на рассматриваемых скульптурах отчетливо отразилось представление древних людей о расчленении вертикальной оси вселенной на три мира: верхний — небесный, средний — земной и нижний — подземный.

Трехчастная модель мира отчетливо представлена на наиболее сложных изваяниях: вверху — лицо

¹⁶ Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии. — КСИИМК, вып. 80. М., 1960, рис. 20; Вадецкая Э. Б. Указ. соч., № 74.

¹⁷ Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893, с. 46; Потанин Г. Этнографические сборы А. В. Анохина. — Труды Томского общества изучения Сибири. т. 3, вып. 1. Томск, 1915, с. 104, рис. 4; Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов. — В кн.: Сб. МАЭ, т. 10. Л., 1949, с. 140 (ср.: МНМ. т. 1, с. 363).

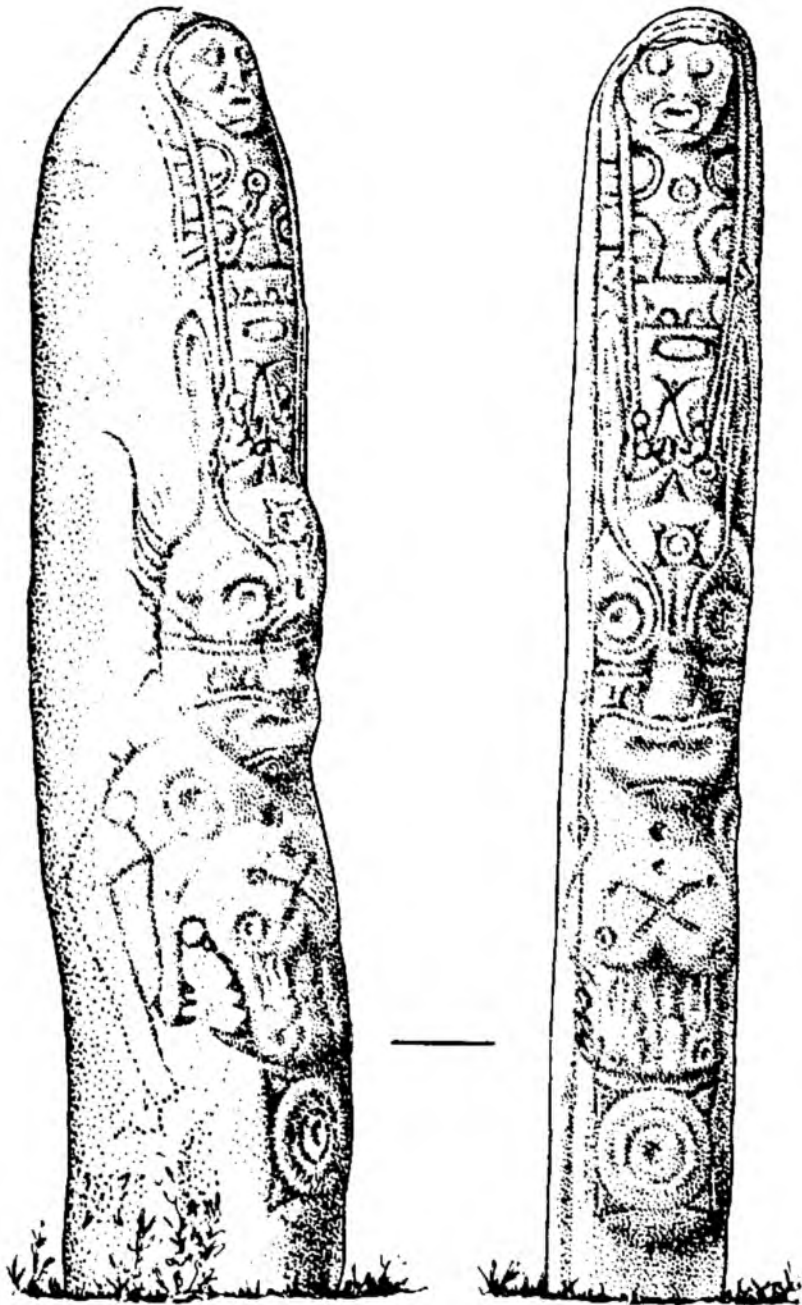

Рис. 126. Изваяние, лежавшее на тагарском кургане у пос. Шира. Песчаник. Хранится в ХОКМ

«человека» или зверя, посредине — рогатая сложная личина, ниже — голова хищного зверя, терзающего плоть или утробу рогатого существа (рис. 126)¹⁸.

На другой группе изваяний и стел трехчастность выражена иначе. Например, ниже двух взаимосвязанных личин (в нижнюю стреляет антропоморфный лучник) на стеле из Абаканского чаатаса размещены еще две фигуры (рис. 92). Это бегущая влево корова (с характерной «скелетной» разделкой внутренностей, изображениями желудка и плода?)¹⁹, которую удерживает антропоморфная явно мужская фигура (рис. 92). На другой скульптуре сбоку ниже смотрящей в небо головы лося и трехглазой рельефной личины выбиты ямки и два круга, перечеркнутые двумя или тремя линиями (рис. 86). Внизу третьей стелы, на том конце, который первоначально был вкопан в землю, изображена бегущая вправо «лошадка» под выюком, которую стремится удержать своими лучами скатывающаяся сверху округлая двуглазая личина (рис. 121, левая)²⁰. На четвертой скульптуре (обнаруженной мною в 1958 г. на Читыхисском чаатасе) кроме верхней и нижней личин на закопанном в землю конце находилась выбитая в перевернутом

¹⁸ Трехчастность сложных стел была замечена Я. А. Шером, который, однако, никак ее не объясняет (Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 221—222).

¹⁹ Заметим, что изображения коров с аналогичным вертикальным «частоколом», пересеченным поперечной чертой, обнаружены среди неолитических наскальных рисунков Индии (см.: Шетенко А. Я. Первобытный Индостан. Л., 1979, рис. 16 (15 слева)).

²⁰ Appelgren-Kivalo H. Op. cit., abb. 130.

виде третья двуглазая личина (рис. 76)²¹.

Перечисленные случаи показывают, что на некоторых тагминских памятниках имеются «подземные» изображения, специально размещенные на закапываемом в землю конце камня. Они не видны на стелах, стоящих в степи, и такие стелы могут быть приняты за одно- или двухчастные: например, среди памятников, обнаруженных близ д. Соленоозерной, на одной из стел сверху имеется рельефное лицо, а на нижнем конце камня, скрытом в земле, выбита перевернутая двуглазая личина²².

Если вдуматься в эти факты, то можно осознать, что даже двухчастные фигуры с гладким нижним концом для их создателей и почитателей представлялись трехчастными. Низ камня, скрытый в земле, должен рассматриваться как особая часть ритуальной фигуры, отданная земле и ей принадлежащая. Вспомним ситуацию, обнаруженную при раскопках. Прежде чем установить нижний конец изваяния в приготовленную для него яму, люди совершали в этой яме определенный обряд. Он был связан с принесением кровавой жертвы и оставлением в яме шкурки барашка с головой и ногами. Очевидно, это был своеобразный «выкуп» ямы под изваяние у Матери-Земли.

Следовательно, после установки изваяния или менгира его нижний конец (иногда покрытый особыми изображениями, иногда гладкий) навсегда оставался в нижнем, подземном мире.

Все эти данные свидетельствуют о том, что жившие в эпоху поздне-

²¹ Другие рисунки этого монолита см.: Вадская Э. Б. Указ. соч., № 99.

²² Там же, № 107, на табл. 50.

го неолита тазминские племена имели сложное мировосприятие и представляли окружающий их мир трехчастным. Не исключено, что подобное восприятие мира отражают и те поперечные черты, которые расчленяют по вертикали выбитые на стелах личины. По этому признаку личины подразделяются на три категории:

1) трехчастные с двумя поперечными полосами (одна — ниже глаз; вторая — между носом и ртом; рис. 59, 61, 71, 73, 80, 82, 116);

2) двухчастные с одной поперечной чертой (рис. 69, 76, 77, 79, 89 левая, 95, 98);

3) антропоморфные личины без поперечных черт (рис. 64, 66, 68).

Предположительно подобное членение можно объяснить так: божества с трехчастным делением личин имели воздействие на все три сферы мирового пространства, с двухчастным — только на две сферы (небесную и земную), с одночастным (без поперечных черт) — только на высшую небесную сферу. Такое предположение подтверждается тем, что антропоморфные одночастные личины чаще всего (75%) выбиты на самом верху изваяний, т. е. именно в небесной сфере (рис. 61, 126).

Трехчастное разделение вертикальной оси вселенной на верхний, средний и нижний миры было настолько общим и широко распространенным в древности, что требование отказаться от этого представления содержится в Ветхом завете: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исход. 20, 4).

Но будучи давно изжито в странах, где возобладали великие мировые религии, представление о

разделении вертикальной оси вселенной на верхний, средний и нижний миры сохранилось у большинства аборигенов Сибири²³, еще недавно бывших язычниками-шаманистами. Это дает нам право привлекать для предположительной реконструкции тазминского культа и некоторые этнографические данные.

2. Представления о вселенной и божествах, о жизни и смерти

Менгиры и изваяния, в которых тазминцы в целом олицетворяли мировую гору, т. е. весь окружающий их мир или даже вселенную, представляли собою не только вертикальную модель этого мира, но несли на себе сложную смысловую нагрузку, которая в ряде случаев проявляется в нанесенных изображениях. В последних, например, отражается дуалистическое восприятие мира: небо и земля, свет и тьма, мужское и женское начала, рождение и смерть, борьба добра и зла, и т. п. Все три мира были «населены». По небу бежали лоси, хищники (рис. 124, 127), мчались быки, влекущие солнечные повозки (рис. 121, правая); катились «громовые» колесницы (рис. 112), плыли солнечные корабли (рис. 121), летали птицы (рис. 98); ве-

²³ Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.—Л., 1958; Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб., МАЭ, XXXIII. Л., 1977; Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976; МНМ, т. II. М., 1982, с. 638.

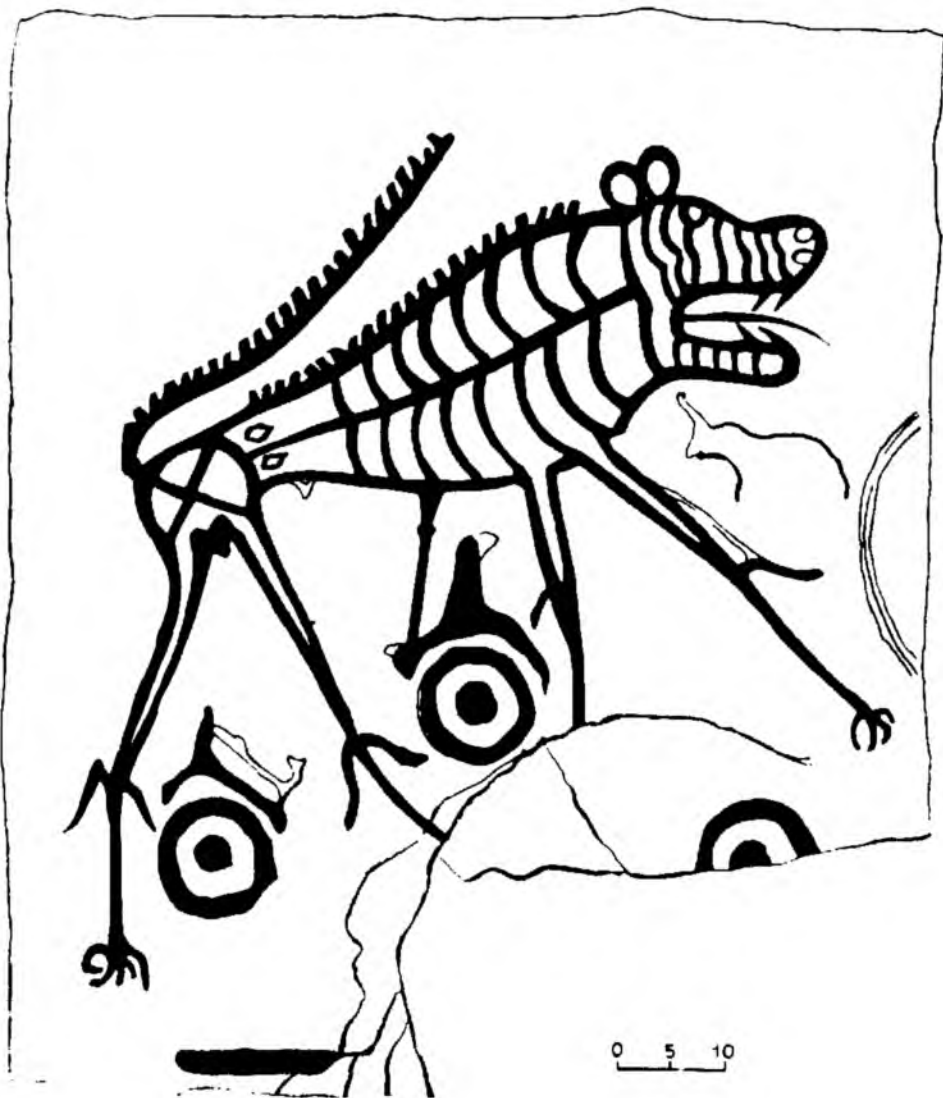

Рис. 127. Обломки песчанниковой стелы с трехглазой личиной и бегущим фантастическим зверем. Найдены в могилах 7 и 8 кургана № 4 окуневского кладбища Черновая VIII (по Э. Б. Вадецкой). Хранится в ГЭ

личавые божественные коровы, отягощенные выменем, переполненным священным молоком, кормили тощих божественных телят (рис. 128). В подземном мире антропоморфные существа с фаллусами

ловили «коров» (рис. 92), «хищники» терзали чрева плодоносящих коров (рис. 126), какие-то животные, груженные поклажей, удирали от несущихся по воздуху личин (рис. 121, слева); личины зависа-

ли вниз головами (рис. 76), рядом с ними плавало подземное солнце (рис. 86, 126), и там же, под землей, хранились зрелые «яйца» и личинки (рис. 63—65, 129), готовые породить новую жизнь.

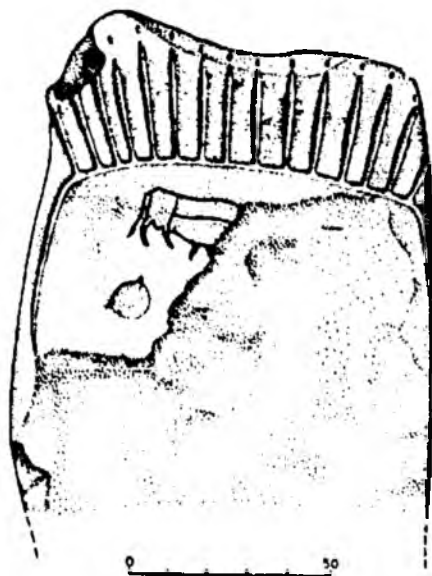

Рис. 128. Стела с изображением солнца и небесной коровы, кормящей солнечного теленка (повреждена). Песчаник. Найдена на борту котловины оз. Шира; была перенесена на тагарском кургане. Хранится в ХОКМ

Все в движении, везде динамичные соединения фигур, ничего застывшего в этой тазминской вселенной, воспроизведенной в камне. Между верхним и средним миром, как сверху вниз, так и снизу вверх, движутся «змеи» (рис. 76, 123), змеистые линии (рис. 86, 130), личинки-зародыши, сползающие вниз по каким-то особым «протокам» (рис. 80, 126, 130). Все дополняется нервическим напряжением

явного (рис. 131)²⁴ или же скрытого coitus'a существ верхнего мира с существами, воспроизведенными в среднем мире, на земле (рис. 61, 69, 72—74, 80, 86 и др.).

Рис. 129. Миниатюрное изваяние Кёзе палазы (Ребенок менгира), случайно найденное в долине р. Уйбат. Песчаник. Хранится в ХОКМ

Таков сложный, динамичный, диалектически сочлененный мир — вселенная человека тазминской культуры. Основу его представлений составляет замкнутый, бесконечный цикл непрерывно зарождающейся, плодоносящей и отмирающей природы. В этом круговороте жизни и смерти участвуют

²⁴ Изваяние изображает соитие божества в образе горного козла с нижней фигурой, рельефная личина которой утратила от времени характерные детали. Фаллус козла резко очерчен.

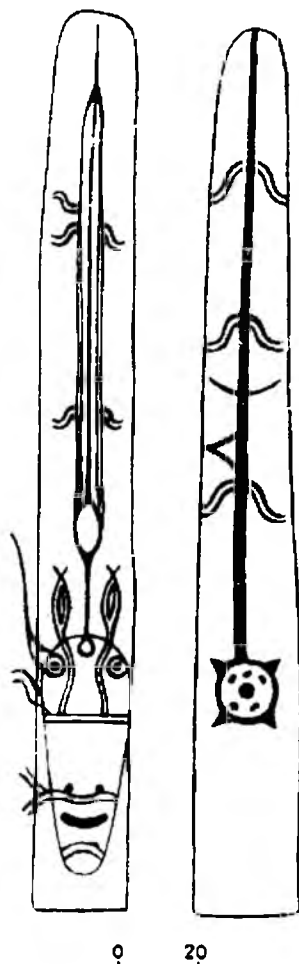

Рис. 130. Изваяние с изображением на передней грани зародыша (опустившегося по «семяпроводу» сверху), входящего через темя в личину, на задней грани — закрытый семяпровод и куты внутри знака подземного солнца. Находилось на Ташебинском чайтасе (по Э. Б. Вадецкой)

разные по своим характеристикам и функциям сверхъестественные существа, потребовавшие для их воспроизведения в камне от человека — художника и скульптора — создания таких абстрактных обра-

зов, в которых сливаются фантастические и реальные черты. Эти образы настолько отвлеченные, ирреальные, что не понятны современному зрителю.

Рис. 131. Изваяние с правого берега Енисея из заимки Майдолика, в 10 км ниже г. Минусинска. Песчаник. Хранится в МКМ. Нижняя личина на боковой грани полустерта, на правой плоскости видны личина и глаза второй

Вся сложность описанной картины с особой наглядностью проступает при изучении вертикальных монументов, имеющих вид обращенных вверх, к небу утончающихся или изогнутых (как писал первый из видевших их ученых Д. Г. Мессершмидт: «в виде венгерской сабли») скульптур. Это гигантские воспроизведения звери-

ных, чаще бычьих, фаллусов (рис. 71, 79—81, 89, 122, 130)²⁵.

После акта соития семя оплодотворяющих божественных существ собирается на небе, на вершине мировой горы, которую олицетворяли каменные изваяния — фаллусы. Близкие представления до современности сохранились у коренных народностей Сибири. На небе или внутри небесной горы, по их представлениям, находились хранилища душ не только людей, но и всех диких и домашних животных, а также растений. Эти местопребывания бессмертной жизненной силы (откуда она выходила и куда возвращалась) строго охранялись божествами-хранителями.

Еще недавно шаманы хакасов, обращаясь к высшим небесным божествам, молили:

Народ подлунного мира не может жить,
Болезни и страдания не покидают!
Скот гибнет, посевы не растут,
Прошу дать души (кут) скота и посевов!

Всякий человек, присутствовавший при этом молении, подставлял под отверстие юрты шапку, чтобы в нее упало с неба побольше «кутов»²⁶.

²⁵ На фигуре Чалгис оба вырезан обращенный вверх фаллус быка (рис. 19). Возможно, параллелью является изображение лежащего древнеегипетского бога земли Геба, фаллус которого обращен к небу — богине Нут. В древнеиндийской религии известны линги — каменные фаллусы-столбы, символы божественной производящей силы; у древних греков фаллус — символ Диониса (МНМ, т. 1, с. 380, 422, рис. справа; т. 2, с. 56). Изображение фаллуса торчащим вверх обычно для известных в сибирской археологии фаллообразных пестов и «гладилок» (Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979, рис. 123; Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 10. Томск, 1973, рис. 23, 8).

²⁶ Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. Спб.,

Подобно тому как реки зарождаются на вершинах гор, так и в недавних представлениях эвенков и других сибирских народностей в верхнем мире, возле родового хранилища душ людей и животных, на болотистой вершине горы находилась истоки космической реки, которая протекает через все три мира вселенной: вершина — в верхнем небесном мире, середина — в среднем земном мире, где живут люди, а устье — в нижнем подземном мире. О том, что подобные представления были издревле широко распространены, свидетельствует вера древних индийцев в то, что Ганг протекал по небу, по земле и под землей, т. е. тоже являлся мировой рекой. Таковым же почитался и Нил в древнем Египте²⁷.

Судя по изображению на монументах, тазинцы имели сходные представления о хранилищах жизненной силы в верхнем мире. Их охраняли божества (антропо- или зооморфные, иногда космические). Моления о продлении рода и даровании людям «кутов» всего живого совершались перед изучаемыми изваяниями. На сложных монументах изображено, как от верхних божеств (в виде головы человека, антропоморфной личины, головы горного козла или же полумесяца — рис. 80, 126, 132, 133) спускаются

1907, с. 608—609 (ср.: Каруновская Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. — В кн.: Сб. МАЭ, т. 6. Л., 1927, с. 20).

²⁷ Анисимов А. Ф. Шаманский чум эвенков и проблема происхождения шаманского обряда. — В кн.: Сибирский этнографический сборник, т. 1. М.—Л., 1952; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. — МИА, 1955, № 43, с. 323—328; Ильин Г. Ф. Старинное индийское сказание о героях древности. М., 1958, с. 132 (ср.: «Ганга», «Египетская мифология», «Река». — В кн.: МНМ, т. 1, II).

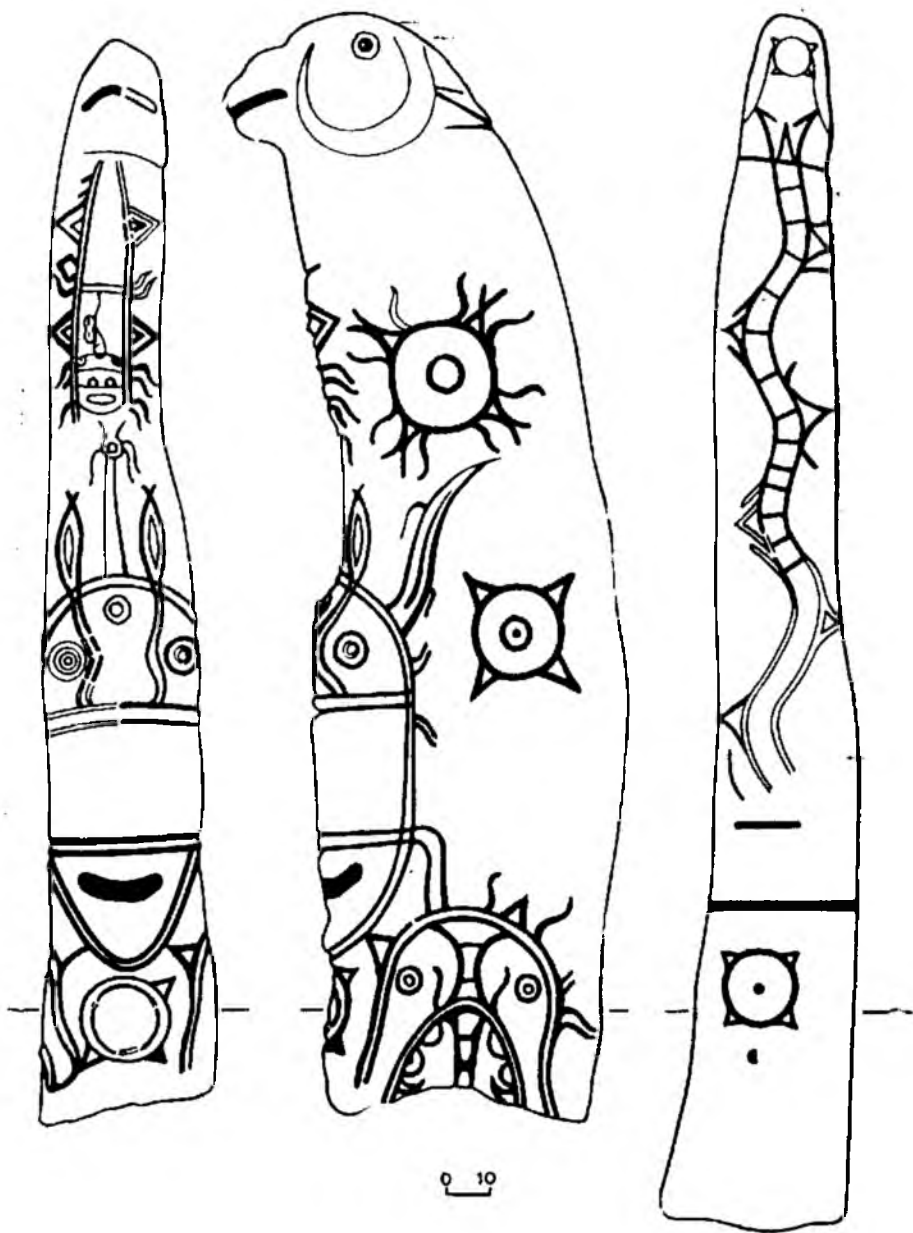
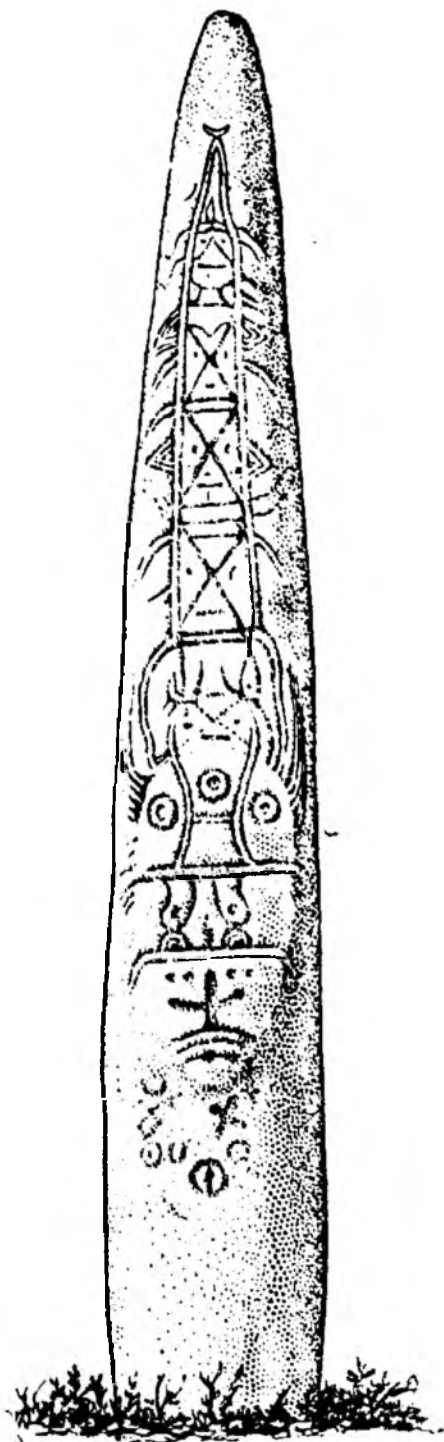

Рис. 132. Сложное изваяние из окрестностей ст. Усть-Бюрь близ улуса Джамакова. Песчаник. Хранится в МКМ (по Э. Б. Вадецкой)

вниз как бы по особому «семяпроводу» (с помощью треугольных «плавничков» и усиков) расположенные друг над другом личинки-зародыши всего сущего на земле. Они различны по очертаниям, но всегда имеют два (реже — три) глаза, рот и даже нос (рис. 132, 133). Они спускаются вниз к рогатой, ушастой рельефной личине и как бы входят в нее, внедряются в ее голову. Иногда этот путь (внутри «семяпровода») воспроизведен извилистой линией, раздваивающейся книзу (рис. 76, 130). Возможно, это и есть мировая река, текущая с неба в подземный мир, где расположено ее устье. Представление о космической реке, очевидно, уже существовало у древних енисейцев в период тазминской культуры.

Рельефная личина, являющаяся неизменным изображением на фаллических изваяниях (иногда верхние фигуры и космическая река с личинками или подразумевались, или же были первоначально изображены раскраской), соединяет в себе антропоморфные и зооморфные черты (рис. 71, 72, 79, 80, 81, 89, 116, 126, 130, 132). Обычно личина имеет коровьи уши и коровьи рога²⁸, но в тоже время к ней добавляется беременный живот и груди молодой женщины; изредка изображены и руки (рис. 134, 1, 2, 3). Как известно, корова во многих древних и архаических религиях — символ плодородия, изобилия, благоденствия. Вселенная у древних

²⁸ См.: Леонтьев Н. В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII. — В кн.: Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч. Л., 1980.

Рис. 133. Изваяние Киме тас с Черного озера, стояло одиночно у горы Хызыл хас. Хранится в ХОКМ (ср. рис. 80)

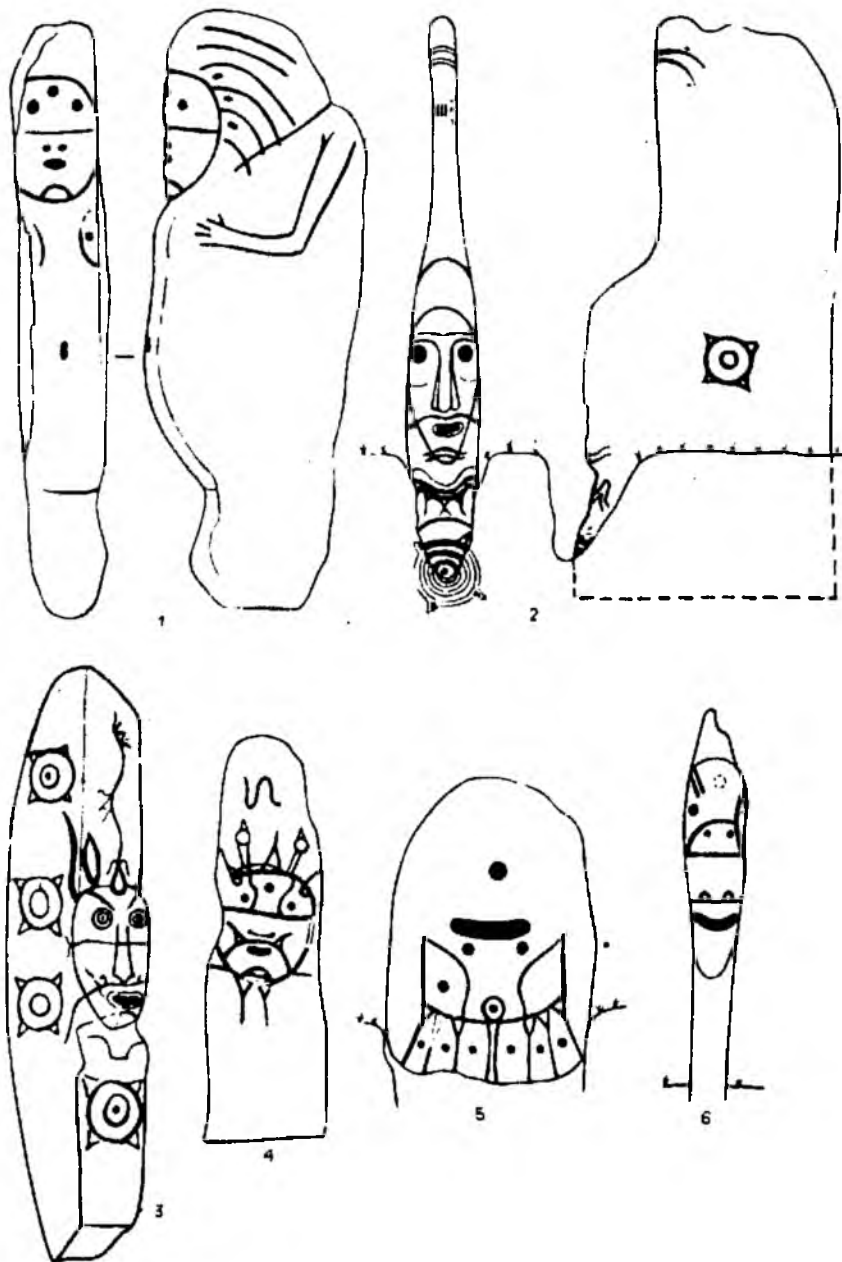

Рис. 134. Тазминские изваяния (по Э. Б. Вадецкой). 1 — окрестности Чаркова улуса, переиспользовано как угловой столб тагарского кургана. Песчаник. Хранится в ГЭ; 2 — в междуречье Ниши и Уйбата, переиспользовано как угловой столб тагарского кургана; 3 — на Уйбатском чаатасе, переиспользовано в твштыкском ряду. Хранится в ГЭ; 4 — Тазмин улус, переиспользовано на тагарском кургане, хранится в МКМ; 5 — ст. Уйбат (в 3 км к западу), стоит на правом берегу одноименной реки; 6 — Чарков улус (в 3 км к югу), переиспользовано на тагарском кургане

египтян олицетворялась то в образе женщины, то коровы. Так же в древней Индии «все небо представлялось безграничной коровой». Небесная богиня плодородия египтян Исида изображалась то в виде коровы, дающей молоко, то в виде женщины с коровьими рогами на голове, кормящей младенца Гора — бога солнца. В древнейший период богиней неба египтян была Хатор. Она почиталась как небесная корова, родившая теленка — солнце (бога Ра), и так же изображалась: то в виде коровы, то в виде женщины с рогами и ушами коровы²⁹.

Миф о божественной корове, беременной золотым тельцом, который после рождения стал ярчайшим из светил небосвода — животворным солнцем, был широко распространен в древние времена. Согласно ему та же корова породила луну, планеты и звезды («телята»). По верованиям египтян, солнце рождалось каждое утро как золотой телец или как дитя (сообразно тому, представляли ли они себе рождающее его небо в виде коровы или в виде женщины) и плыло в небесной барке по направлению к западу, где оно заходило в образе старика, плетущегося к могиле. В других версиях древнеегипетских мифов богиня неба (женщина) утром рождала солнце, а вечером проглатывала его. Рассказывалось также, что бог солнца Ра днем плывет, освещая землю, по небесному Нилу в барке Манджет, а вечером подплывает к воротам преисподней и, пересев на ночную барку

Месектет, плывет по подземному Нилу.

Шумерская богиня Гатумдуг, покровительница г. Лагаша, также именовалась священной коровой, а в древнеиндийских мифах матерью и отцом богов был Адити — божественное двуполое существо корова-бык. У древних индусов сама земля принимала облик пятнистой коровы. Иногда пятнистая корова Пришни отождествлялась с дождевым облаком, посылающим благодатный дождь, в другом мифе божественные коровы являлись лучами зари и т. п.³⁰

Миф о небесной корове и золотом тельце был известен на Енисее в тазминское время. Об этом свидетельствует уникальное изваяние, найденное в котловине оз. Шира. В его центре изображена корова с только что родившимся теленком, тянущимся к ее вымени. Над ними «разгораются» солнечные лучи (рис. 128, 135)³¹. Ширинское изваяние позволяет полагать, что древние енисейцы были знакомы с древнеегипетской версией этого мифа. Показательно также, что в африканских мифах первая корова с теленком вышла из скалы, а за ними вышло целое стадо³².

Вообще рога коровы с древнейших времен на Переднем Востоке и в Индии являлись символом божественной мощи: начиная от безымянных изображений человекобыков V—IV тыс. до н. э. до рогатого Нарам-Сина на стеле из Суз и кончая тем, что Александр Маке-

²⁹ МНМ, т. I, II статьи: «Гор», «Египетская мифология», «Исида», «Корова», «Хатор»; Атлас по истории религии. М., 1930, рис. 85, 423, 430, 534; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. ч. I и II. — В кн.: МИА, 1950, № 18, с. 306—308, 313.

³⁰ МНМ, т. I, с. 267, 354, 359, 421—425; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1982, с. 19—23.

³¹ Изображение у коров подобного вымени без сосков см.: Вадецкая Э. Б. и др. Памятники окуневской культуры, табл. 30 (5, 7, 8).

³² МНМ, т. I, с. 306.

донский в Коране назван Зу-л-Карнейн (Даврогий)³³. Даже в мусульманское время были живы древние мифы. Примером могут служить рубан Омара Хайяма (XI—XII вв.):

Корова в небе звездная — Парвин,
Другая — спит во тьме земных глубин,
А сколько здесь ослов меж двух коров —
Муж правды, это знаешь ты один³⁴.

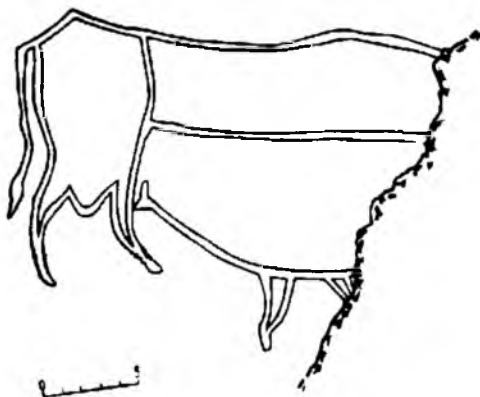

Рис. 135. Небесная корова, кормящая солнечного телца. Поврежденная деталь стелы из котловины оз. Шира (ср. рис. 128). Хранится в ХОКМ

Нельзя не добавить, что древнейшее из известных, записанное китайцами в VIII в. предание о происхождении средневековых жителей Енисея гласит, что рыжеволосые и белолицые — хакасы, отказываясь возводить свой род к волкам (как это делали древние турки), заявляли, что «они происходят от спаривания бога с коровой в горной пещере»³⁵. Весьма вероятно, что представление о происхождении

³³ Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья. Л.—М., 1958, с. 59, 124, 125, 150, 153, 157; Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, с. 65—74. табл. XVI, 4; XVII, 8, 9.

³⁴ Умар Хайём. Рубоилар. Тошкент, 1971, с. 279.

³⁵ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981, с. 107.

от божественной праматери коровы сохранилось у средневековых аборигенов Енисея еще со времен тазминской культуры, т. е. на протяжении почти четырех тысяч лет. Перс Гардизи в XI в. также сообщал, что «некоторые из киргизов (Енисея. — Л. К.) поклоняются корове...»³⁶

Итак, основная личина с рогами и ушами коровы на енисейских каменных изваяниях (к которой добавляются на сложных фигурах беременный живот и груди молодой женщины) воспроизводит Великую Мать—прародительницу древних енисейских племен. Ее оплодотворение отражено в спускающихся сверху личинах — кутах. От нее, следовательно, зависит порождение не только солнца, луны, небесных тел, но и всего сущего на земле. Космический культ и культ размножения здесь сливаются в одно целое.

Есть одно характерное изваяние (р. Белый Июс), изображающее антропоморфное мужское божество с фаллическим завершением головы. На его груди вырезана не обычная рогатая личина, а фигура священной коровы (рис. 136). Этот случай раскрывает подлинный образ существа, обычно изображаемого в виде рельефной личины с ушами и рогами коровы. Важно отметить двойственную сущность, вложенную художником в этот образ священного животного: два кружка, вырезанных друг под другом на туловище, символизируют солярное небесное значение образа, а два креста (на тулове и на морде) — его противоположное — земное значение (рис. 137). Таким диалектически синкретичным был, видимо,

³⁶ Бартольд В. В. Соч., т. VIII. М., 1973, с. 48.

Рис. 136. Изваяние, стоящее на правом берегу Белого Юуса близ улуса Трошкина (бывший колхоз Хызыл аал). Песчаник. Хранится в ХОКМ

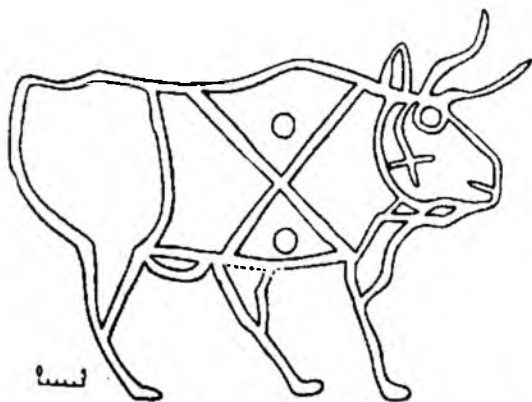

Рис. 137. Священная корова. Деталь изваяния из Трошкина улуса (ср. рис. 136)

для тазминцев образ праматери-коровы, действовавшей во всех трех мирах вселенной.

По аналогии с древнеегипетскими представлениями можно предполагать, что тазминская праматерь иногда воспроизводилась в своей человеческой ипостаси. Таковым можно считать хранящееся в Эрмитаже антропоморфное изваяние Хыстас, завершающееся личиной, но не с рогами, а с волосами. И эта фигура имеет сходное воспроизведение беременного грузного туловища с грудями молодой женщины и с человеческой рукой (рис. 134, 1). Может быть, сюда же относится изваяние с личиной и грудями, находившееся на Уйбатском чаата-се³⁷.

О космогонической сущности изображений на изваяниях говорят и обрамляющие их солнечные знаки в виде кружков, концентрических окружностей (иногда с точкой посредине) с четырьмя треугольными лучами и т. д. (рис. 71, 72, 74, 80, 116)³⁸. Солнце в виде круга с четырьмя треугольными лучами изображали еще в древнем Вавилоне, а также в Месопотамии и Сирии, в Хеттском царстве, а позднее — у скифов³⁹. У народов Сибири намечаются такие же параллели. Например, бляшка с двумя концентрическими окружностями символизирует у кетов «нижнее солнце», которое необходимо шаману для путешествия в темный «нижний мир»; круг с точкой в центре —

³⁷ Ср.: Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. 33 (18), 34 (27).

³⁸ Там же, с. 65—66.

³⁹ Атлас по истории религии. М., 1930, рис. 114; См.: Улліньска В. А. Скифська вузда VI ст. до н. э. — В кн.: Археология, XIII. Київ, 1962; Арсланова Ф. Х. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана. — СА, 1972, № 1.

знак солнца у хакасов, шорцев и др.⁴⁰

У тазминских изваяний солярные знаки изображены чаще на боковых свободных плоскостях по 2—4 снизу вверх (по ходу солнца); нередко — на выпуклом животе, под грудью, изредка под личинами или на задней узкой плоскости изваяний и дважды — на верхнем завершении монументов (рис. 72, 80, 132, 134, 2, 3)⁴¹. Изредка воспроизведены солнца «нижнего» подземного мира, располагающиеся в самом низу монументов ниже черты (рис. 126, 130, 132). Иногда они перечеркнуты крестом, «звездой» или двумя линиями (рис. 86, 158).

Солярные знаки передают вечное и неутомимое движение солнца по небосводу в течение дня и ход «ночного солнца» от запада к востоку в подземном мире.

Рассмотрим теперь нижнюю зону сложных изваяний, на которой нами были уже упомянуты знаки, символизирующие, вероятнее всего, «ночное солнце» в подземном мире.

На четырех скульптурах воспроизведена морда страшного зубастого длинноязычного хищника (спереди в фас, а по бокам в профиль — рис. 121, 126, 132, 138). Чудовище пожирает беременное чрево Матери-прародительницы, как бы стараясь добраться и уничтожить плод — зародившуюся жизнь. На лбу такого хищника (изваяние из пос. Шира) выбит крест — символ земли (рис. 126), подобный знакам на солнцах нижнего мира (рис. 86, 158)⁴².

⁴⁰ Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков. — В кн.: Сб. МАЭ, т. 2, вып. 2. Спб., 1914.

⁴¹ Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч.

⁴² Гольдштейн А. Ф. Семантика символа креста. III Всесоюзная конферен-

Крест отделяет мир духов, подземный мир, души умерших от среднего мира живых людей. Шаманы эвенков, например, в своих напутствиях духам, ведущим души умерших в нижний мир, говорят:

В полночную страну провожая душу...

Душу в самой середине реки во рту пронесите!

...Все дороги на обратном пути,

Две семерки (четырнадицатью) крестами все закройте⁴³.

Крест на лбу, таким образом, несомненно, обличает хтоническую сущность фантастической химеры, которая борется с самой жизнью и в то же время крест как бы «ограждает» мир живых от представителя чудовищных подземных сил.

Как видим, на сложных изваяниях в сжатой форме отображен весь замкнутый цикл от зарождения жизни до смерти. Движение одностороннее, ибо зарождение, по мере поступления кутов, бесконечно, а смерть конечна. Но как подметил на средневековом материале М. М. Бахтин: «Смерть включена в жизнь и наряду с рождением определяет ее вечное движение»⁴⁴.

Что касается сущности чудовищного зверя-пожирателя, то в основе его лежит скорее всего образ хищного волка или волчицы. Полные изображения этого существа четырехжды обнаружены на тазминских стелах и писаницах (рис. 127, 139, 140)⁴⁵. Дважды эти волчьи фигуры

ция «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». Тезисы докладов. М., 1979.

⁴³ Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1937, с. 140.

⁴⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья в Ренессансе. М., 1965, с. 58.

⁴⁵ Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., рис. 12 (левая), табл. 52 (117), 53 (127, 128).

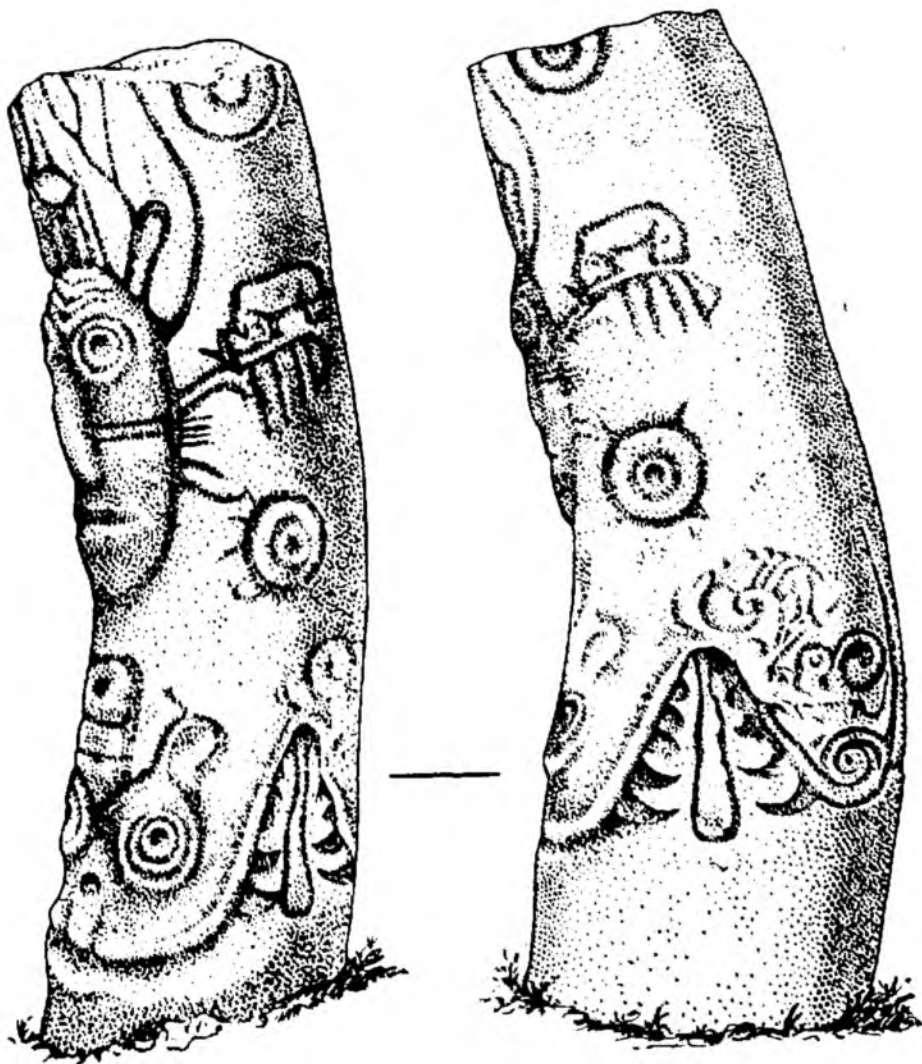

Рис. 138. Изваяние из котловны оз. Билё. Песчаник. Хранится в ХОКМ

помечены крестами подобно морде чудовища на изваянии из Шира. Кресты везде подтверждают хтоническую сущность зверя (рис. 127, 141).

Издrevле почти у всех народов бог умерших, хранитель входа в ад (Анд, Тартар, Дию и т. д.) или сторож моста, ведущего в подземный мир, проводник мертвых душ —

все они олицетворялись в образе адского пса, волка или шакала. Так было у древних египтян, этрусков, греков, иранцев, китайцев, ухуаней и др.⁴⁶, а ныне — у сибир-

⁴⁶ Атлас по истории религии. М., 1930, рис. 196; Тимофеева Н. К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980, с. 98—112; МНМ, т. I—II; Н. Я. Бичурин. Собрание све-

Рис. 139. Рисунки писаницы на горе Тюре близ Сулекова улуса (Солек аалы, по А. В. Адрианову)

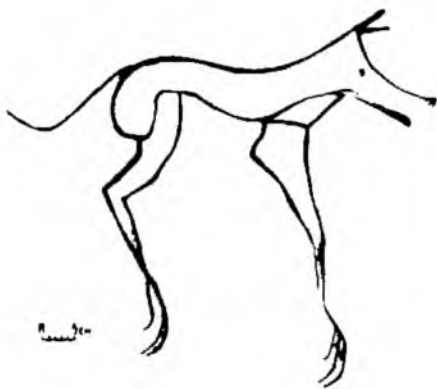

Рис. 140. Рисунок зверя на писанице в логу горы Изрых-тах близ ст. Бельтиры на левом берегу р. Абакан. Обнаружен в 1972 г.

дений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 144; Абетеков А. К. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине. — КСИА, вып. 154. М., 1978.

Рис. 141. Рисунок зверя на писанице из Третьего лога (по А. В. Адрианову)

ских народов (селькупов, чукчей, гиляков и т. д.).

Но для нас важнее отметить, что в древней Месопотамии большую известность имело хтоническое божество Ламасту, изображавшееся то страшной и уродливой женщиной (с головой львицы или птицы) с когтистыми пальцами, распущенными волосами и свисающими грудями, то свирепой волчицей. В одном из заклинаний говорилось: «Она свирепая, она ослепляющая, она волчица...» Богиня боялась якобы только собак, амулетов и заговоров⁴⁷. Ламасту насылала родиль-

⁴⁷ Lichly E. Demons and population control. — In.: Expedition, vol. 13, N 2.

ную горячку, губила новорожденных и даже вырывала у рожениц внутренние органы (сердце, печень, легкие).

Образ этого свирепого божества-демона наиболее соответствует описанным выше тазминским его изображениям. В них отчетливо проявляются то рвущая плоть пасть львицы с округлыми ушами, то пасть волчицы с длинными ушами (рис. 127, 139, 140); туловище поджарой волчицы сочетается при этом с птичьими ногами и когтистыми пальцами (рис. 127, 139, 140). Иногда это сидящая полуантропоморфная фигура со свирепой волчьей головой (рис. 141) или же сидящие в такой же позе хтонические антропоморфные фигуры (с человеческими головами), спины которых нецелесообразно перечеркнуты крестом. На одном рисунке «шагает» человеческая фигура, но с головой волчицы с отверстой пастью. При этом правая рука ее заканчивается второй ощеренной звериной головой (рис. 142). Все это различные воспроизведения тазминской Ламасту⁴⁸.

О том, что и на Енисее Ламасту была не просто демоном, но богиней, вероятно, свидетельствует сохранившийся до нас обломок ее каменной статуи — львиная голова с оскаленными клыками, найдена близ д. Знаменка на р. Ербе⁴⁹.

Philadelphia, 1971 (ср.: Мать бесов китайской мифологии, которая имела голову тигра и ноги дракона. — МНМ, т. I, с. 340).

⁴⁸ Вадецкая Э. Б. Указ. соч., рис. 12; Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры, рис. 14.

⁴⁹ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей. — МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, рис. 10, табл. VII, 58.

Древняя богиня Ламасту пережила тысячелетия — ее образ сохранился в представлениях о демонической женщине-собаке Алмасты у разных народов Евразии. Это существо якобы и сейчас наносит вред не только беременным женщинам и новорожденным детям, но и самкам животных и их приплоду⁵⁰. В этой связи интересен старинный обряд турок, узбеков и бурят, предпринимаемый для охраны родившегося ребенка: «с пойманного на охоте волка сдирают шкуру таким образом, чтобы снялась и часть шкуры с морды зверя у пасти, ее высушивают и сохраняют. Через эту волчью пасть и протискивают новорожденного, как только он появляется на свет»⁵¹. Считалось, что такой обряд избавлял ребенка от страшной волчицы Ламасту. С этими же представлениями и стремлениями, очевидно, связаны и изображения на тазминских монументах головы Ламасту («заклейменной» крестом) с раскрытой пастью.

Идея смерти-перерождения, связанная с рассматриваемым выше пожиранием Ламасту чрева Великой богини Матери-прародительницы, выражается у тазминских племен еще в одной серии рисунков. Речь идет о женских фигурах, лежащих

⁵⁰ Климов Г. А., Эдельман Д. И. К этимологии Albasty//Almasty. — СТ, 1979, № 3. Баку; Серебрякова М. Н. К характеристике духа албасты у турок и некоторые параллели в верованиях других народов. — В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.

⁵¹ Серебрякова М. Н. О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок. — В кн.: Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980, с. 175; Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. — КСИЭ АН СССР, XXX. М., 1958.

Рис. 142. Рисунки писаницы близ Сулекова улуса (по Н. В. Леонтьеву)

или сидящих с раздвинутыми в стороны руками и ногами, в так называемой позе рожениц (рис. 143)⁵². В разные времена так действительно изображались рожени-

родов), а все та же богиня Мать-прародительница. Ее сущность дважды подчеркнута наложением женской фигуры на фигуру коровы⁵³. Образ женщины-коровы мы

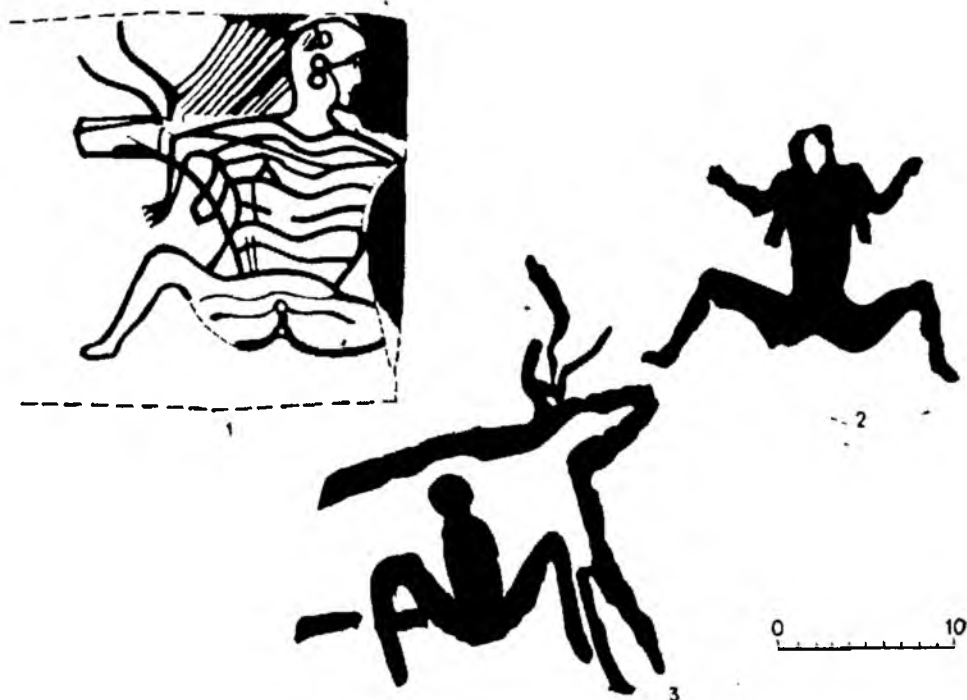

Рис. 143. Рисунки на стелах и писанице. 1 — на плите, перепользованной в окуневском могильнике Черновая VIII; 2 — на плите, периспользованной в окуневском могильнике Сыда; 3 — на писанице Тепсей III (по Э. Б. Вадецкой). 1, 2 — хранятся в ГЭ

цы. Но на плитках и прибрежных скалах Енисея в тазминское время воспроизводилась не рожаящая женщина (нет никаких признаков

выше зафиксировали для воспроизведения богини Матери-прародительницы на скульптурных монументах.

На этот раз, если воспользоваться смыслом строф Омара Хайяма («Корова в небе звездная — Парвин, Другая — спит во тьме земных глубин...»), можно сказать,

⁵² См.: Вадецкая Э. Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970 (ср.: Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 270—277; Максименков Г. А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье. — В кн.: Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981).

⁵³ Об изображении животных с коровьими рогами см.: Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., с. 31—33.

что это воспроизведение Матери-коровы, находящейся «во тьме земных глубин». Выше уже приводились случаи рисунков коров в нижнем ярусе сложных стел, многие из которых помечены крестами (рис. 92, 136).

У аборигенов Енисея зафиксировано представление о женском божестве, которое «состоит из глины и находится постоянно в лежащем положении, с раскинутыми ногами. Случается, говорит шаман, что человеческая душа входит в этого дьявола через половые части и тогда не всякий решается выхватить оттуда беглянку»⁵⁴. Таким образом, душа умершего попадает «на переработку», для последующего возрождения, внутрь космической Матери-прародительницы через ее половые органы⁵⁵. Поэтому таинницы такие рисунки делали не только на каменных плитках, но и на скалах в основаниях гор, ибо в связи с культом гор души умерших через расщелины и пещеры (которые понимались как половые органы гор) должны уходить внутрь мировой горы в верхнее хранилище душ рода. С этим связано восприятие детородных органов и женского чрева не только как символов рождения, но и как смерти-перерождения⁵⁶. Исследуя палеолитические материалы Западной Европы, А. Леруа-Гуран указывает: «Мы

имеем некоторые основания считать, что пещеру воспринимали как женщину, по крайней мере, в некоторых ее частях»⁵⁷. Очевидно, что сходные представления издревле были широко распространены.

«Такие же взгляды существовали в древнем Египте и архаическом Китае, где вход внутрь утробы женщины-преисподней представляла vulva последней»⁵⁸. В Чатал-Гюкских святилищах (Передняя Азия, VII—VI тыс. до н. э.) над могилами женщин, на стене, размещалась рельефная фигура женского божества с расставленными горизонтально руками и ногами. Вероятно, и здесь скульптурно воссоздана космическая богиня, мать всего сущего, также воспринимающая в свое лоно души умерших⁵⁹. Правы, очевидно, авторы, предполагающие, что в этом «наглядно отражено первобытное представление о смерти как о логическом продолжении жизни. Человек возвращается в женское чрево, откуда он пришел и откуда придет вновь». В этом исследователи, не без основания, видят «вторую ипостась женского божества — олицетворение со смертью»⁶⁰.

Необходимо отметить, что анализ древних и этнографически извест-

⁵⁷ Леруа-Гуран А. Религии доистории. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, с. 89.

⁵⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. ч. III. — МИА, 1955, № 43, с. 330; Erkes & Idols in Pre-buddist China, Artibus Asiae, 1928.

⁵⁹ Mellart I. Excavations at Catal-Hüyük. — In: Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, 1962, vol. 12; 1963, vol. 13; 1964, vol. 14; 1966, vol. 16.

⁶⁰ Качалова Н. К. К вопросу о религиозно-магических представлениях трипольских племен. — АС ГЭ, 19. Л., 1978, с. 23.

⁵⁴ Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. Спб., 1871, с. 434.

⁵⁵ Быть может, это изображено на скале в Туве, где женская фигура «принимает» в vulva фигурку «человека» (душу), голова которого уже там, а раскинутые руки и ноги еще снаружи (см.: Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980, табл. 41, камень 200).

⁵⁶ Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов. — СЭ, 1982, № 2.

ных изображений человека и животных в «позе лягушки» приводит ученых к выводу, что в своем архетипе они связаны «с представлениями о взаимосвязи жизни и смерти, цикле обновления и т. п.»⁶¹ Вероятно, именно как воплощение смерти-перерождения надо рассматривать фигуры нагих женщин с раздвинутыми ногами (с изображением между ними душ в виде кружков), высеченных на средневековых надмогильных каменных памятниках в Югославии⁶².

Таким образом, в эпоху неолита в Южной Сибири проявляется отчетливо все та же идея о своеобразном круговороте жизни и смерти и перевоплощении душ умерших сородичей снова в живых членов рода. Это, очевидно, касается всего живого на земле, в том числе отмирающих душ животных и растений. Некоторые народы Сибири еще в недавнем прошлом полагали, что фонд человеческих душ неизменен и постоянен.

«Верхнее божество, по их мнению, создало для каждого народа определенное количество мужских и женских душ, которые воплотились в людей. После смерти человека тело идет в нижний мир, а душа вверх, на небо. При рождении ребенка она посылается верхним божеством снова на землю, где и воплощается в новорожденного»⁶³.

Таким образом, смерть человека или зверя означает переработку их

жизненного вещества (кут) и неизбежное возрождение снова в земном мире. Жизнь и смерть не отделены друг от друга, и мир живых тесно связан с миром мертвых. Символом вечного круговорота жизненного вещества являлось солнце, которое каждый вечер «умирало» на западе и каждое утро «возрождалось» на востоке.

3. Солнце, небесные боги и духи

Обособляется группа стел, объединенных изображением на плоскости двух- или трехглазых личин с

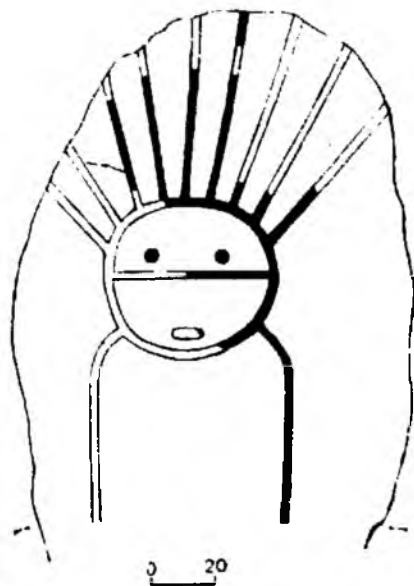

Рис. 144. Стела с изображением солнечного божества из улуса Чаркова. Была переиспользована как угловой камень на тагарском кургане. Хранится в МКМ (по Э. Б. Вадецкой)

расходящимися веером лучами (рис. 95, 97, 128, 144, 145, 2; 146). Эти лучи отходят от верхушки головы

⁶¹ Сегал Д. М. Мифологические изображения у индейцев северо-западного побережья Канады. — В кн.: Ранние формы искусства. Сб. статей. М., 1972, с. 365—366.

⁶² Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, рис. на с. 178.

⁶³ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. — МИА, 1950, № 18, с. 340—341.

(рис. 95, 144), но иногда и от головы и от щек, т. е. от всей личины (рис. 97, 146)⁶⁴. В обоих случаях, несомненно, изображены именно лучи, а не волосы, как ошибочно полагают некоторые авторы. Это подтверждают не только отмеченные случаи равномерно расходящегося

ких изваяний выбито упоминавшееся выше изображение небесной коровы и золотого тельца, ставшего, по мифу, животворным солнцем (рис. 128).

Подобные изображения солнца (в виде скобы или полудиска с расходящимися лучами) встречаются и

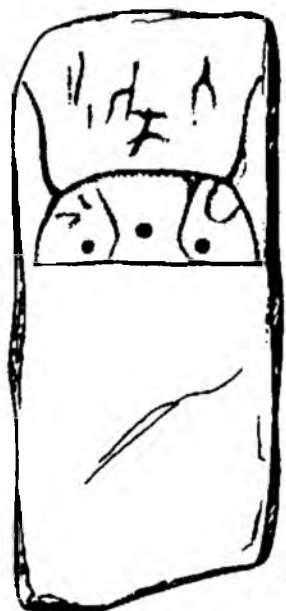

Рис. 145. Тазмискские стелы: 1 — близ Фарпуса на Белом Июсе, 2 — близ улуса Верхний Долгий маяк на р. Ербе (по Х. Аппельгрэн-Кивало)

«сияния» всей личины (рис. 97, 146), но и случаи эманации световой энергии, изображаемые выбитыми у концов лучей как бы отрывающимися от них и расходящимися в стороны корпускулами (черточками) (рис. 128; 146, 2; 147).

Наконец, под «разгорающимися» солнечными лучами на одном из та-

среди наскальных изображений по берегам Енисея. Среди них есть одно, восходящее над изображением бычка⁶⁵.

Изображения солнечных божеств, божеств Света, в виде личин с расходящимися лучами или в виде

⁶⁴ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Изучение древнехакасских крепостей и замков. — АО 1978 г. М., 1979, рис. на с. 240.

⁶⁵ Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970; Он же. Енисейские изваяния. Абакан, 1970, рис. 1—4; Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, рис. 78.

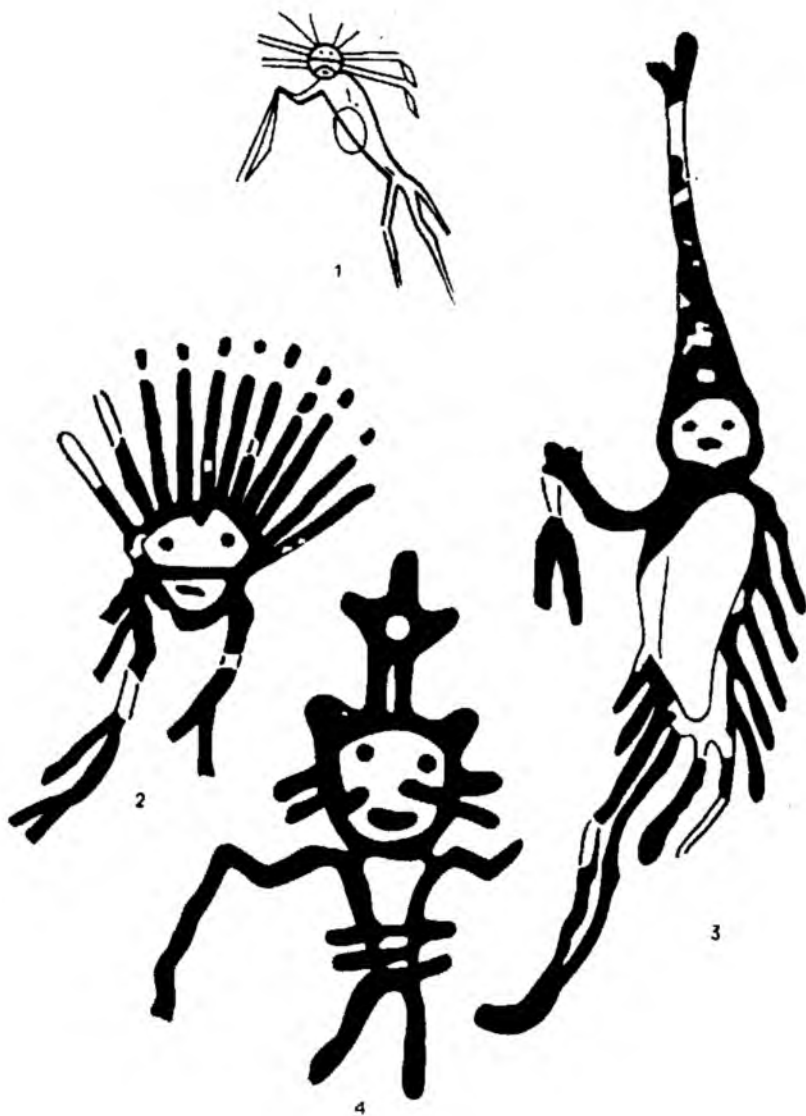

Рис. 146. Тазминские рисунки: 1 — на плите, переиспользованной в могиле 5 кладбища Тас хазаа (гравюра); 2, 3 — нарисованы охрой на скале Кантегир I; 4 — нарисован охрой на скале Кантегир II (по Н. В. Леонтьеву)

антропоморфных фигур с лучистыми дисками вместо голов широко известны среди наскальных древних рисунков Австралии, острова Пасхи, Северной Америки, Аравии, Казахстана, Прибайкалья и Нижнего Амура ⁶⁶.

Солнечный бог Шамаш в Месопотамии изображался в виде половины шестилучевой розетки-диска, появляющейся из-за восточных гор. Греческий Гелиос также изображался с лучами, отходящими в разные стороны от головы ⁶⁷.

С восходящими сверху лучами рисовали солнце и коренные народы Сибири, например, кеты. Солнечные лучи у некоторых из сибиряков считались помощниками шаманов. По верованиям якутов, всякий человек соединен с солнцем невидимой нитью. По представлению энцев, души еще не родившихся людей боги посылают на землю, помещая их на кончике лучей утреннего солнца ⁶⁸.

Тазминские личины с расходящимися лучами и отлетающими от концов их частицами (корпускула-

ми), вероятно, также воспроизводят передачу душ-зародышей на землю через посредство солнечных лучей (рис. 95, 97, 128, 146). Это подтверждается изображением «незамкнутой» личинки (глаза, нос и рот) у правого плеча одного из самых интересных солнечных божеств тазминской культуры — изображения на стеле из Онхакова улуса (р. Абакан; рис. 147).

Все личины тазминских божеств имеют поперечную черту, отделяющую рот от глаз. Как сказано выше, двухчастные личины предположительно имели воздействие на две сферы мирового пространства. В данном случае солнце, совершая, по представлению древних, путь днем по небу, а ночью под землей, соответствует небесной и подземной сферам. Поэтому, вероятно, разделение личины этого божества сделано очень резким — нижняя половина личины специально заглублена по всей площади. Так личины других божеств не выбивались. Неожиданно выяснилось, что такое же восприятие образа солнца проявляется в современных детских рисунках, где окруженный лучами солнечный диск имеет два круглых глаза, отделенных поперечной чертой от черточки рта (рис. 148) ⁶⁹. Объяснить это сходство трудно.

Тазминское солнечное божество — одно из высших светлых (белых) божеств того времени. Прямые параллели ему — представления тюркоязычных народов Сибири. Так, еще недавно якуты «считали солнце сиянием лица главы светлых божеств айыы Юрюнг-

⁶⁶ Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история абorigенов Австралии. М., 1969; Фролов Б. А. Персонаж с семью лучами в наскальном искусстве. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975; Максимова А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. — Вестн. АН Казахской ССР. Алмата, 1958, № 9; Федорова И. К. Тексты острова Пасхи. — СЭ, 1983, № 1, рис. 2; Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.

⁶⁷ Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979, с. 134; Dhorme E. Les religions de Babylone et d'Assyrie. — In.: Les anciennes religions orientales. Paris, 1949, p. 60—61; Атлас по истории религии. М., 1930, рис. 117.

⁶⁸ МНМ, т. I, с. 642, рис. 2; МНМ, т. II, с. 399; Николаев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980, с. 280.

⁶⁹ См. фото «Солнышко» А. Афонина в «Неделе», 1983, № 22, с. 16.

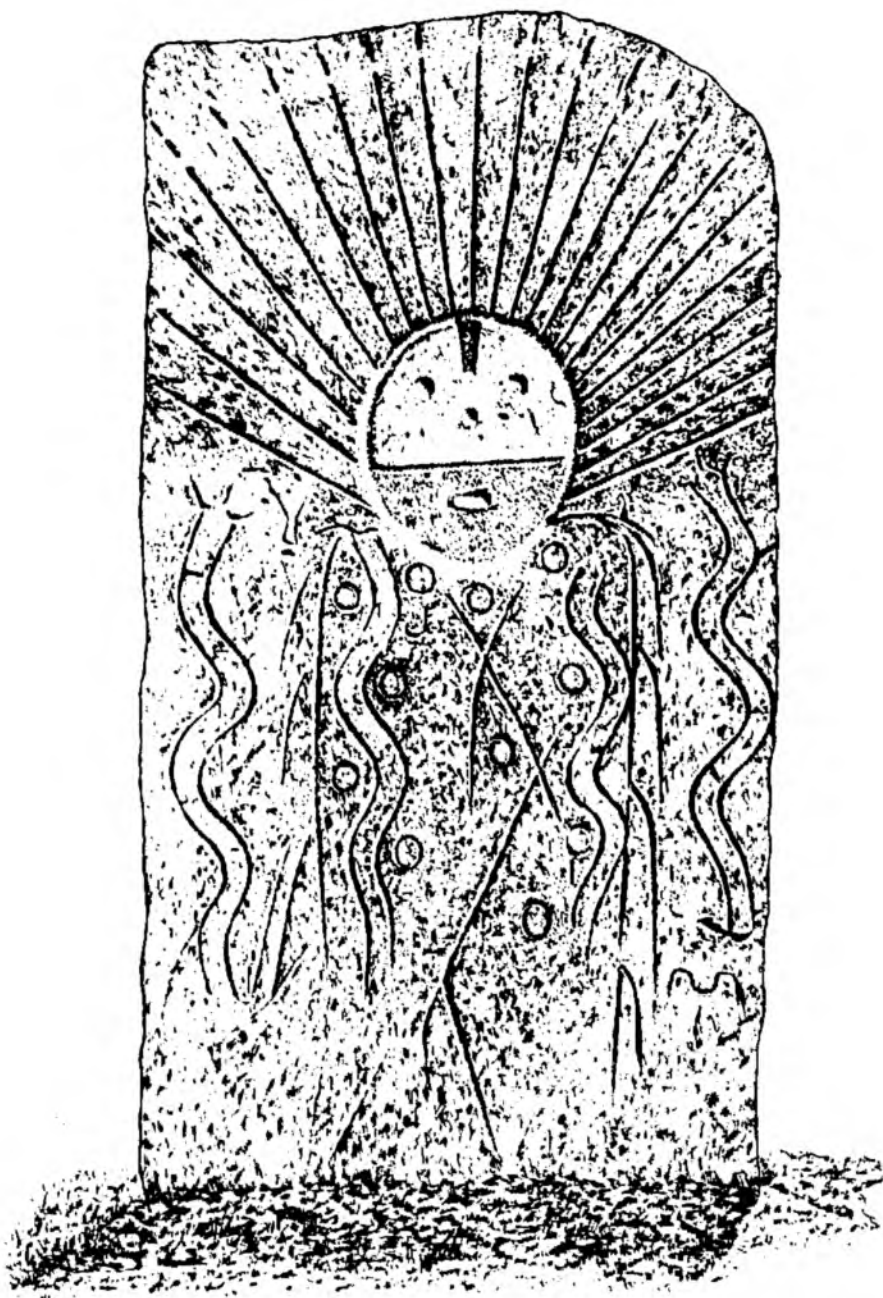

Рис. 147. Солнечное божество из Онхакова улуса (бывший колхоз им. Ворошилова) на р. Абакан. Переползована как боковая плита в ограде тагарского кургана. Песчаник. Хранится в ХОКМ

Рис. 148. Солишко. Рисунок современного ребенка мелом на асфальте (прорисовка фотографии А. Афонина, опубликованной в «Неделе», 1983, № 22, с. 16)

тойона»⁷⁰. А шорские шаманы совершенно подобным образом, всего в лучах, рисовали высшее божество алтайцев Сустуг-Ульгень — «лучезарного Ульгенья», обитавшего на небе в светлой области. Его же называли «Ак-Ульгень, т. е. Белый Ульгень. Он представлен в виде человеческого лица, окруженного лучами»⁷¹.

⁷⁰ Николаев Н. А. Указ. соч., с. 83.

⁷¹ Потанин Г. Этнографические сборы А. В. Анохина. — Труды Томского об-

Фигура тазминского «Ульгенья» наиболее полно представлена на стеле из Онхакова улуса на левом берегу Абакана, хранящейся ныне в Хакасском областном краеведческом музее в г. Абакане. Свободная одежда этого божества, с ниспадающими по бокам линиями, возможно, воспроизводящими дождевые струи, покрыта одиннадцатью кругами — дополнительными символами солнца. По одежде снизу вверх на божество напоззают две змеи. Еще две ползут к лучам божества по бокам фигуры (рис. 147). Левая из последних змей передними выступами подбирается к «незамкнутой» личине, выбитой возле нижнего луча божества, а правая, вероятно, уже поглотила вторую, симметрично расположенную, личинку, от которой остались только две круглые ямки.

Косой крест посредине, прочерченный поверх солнечного одеяния, подчеркивает черное хтоническое происхождение змей⁷², напавших на белое солнечное божество, подателя верховной благодати людям земли: света, тепла, зародышей всего живого (кутов), дождей и т. п.

На онхаковской стеле, таким образом, изображена борьба светлого небесного солнечного божества со змеями — представителями черных сил подземного мира. Иначе говоря — извечное противоборство жиз-

щества изучения Сибири, т. III, вып. 1. Томск, 1915, с. 103—104, рис. 4. О «белом» как эпитете божества см.: Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев. — В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и в средневековье. М., Наука, 1981, с. 99.

⁷² Две змеи по сторонам косоного креста изображались и в неолите таежной Сибири — см.: Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, № 18, 1950, рис. 8 (11).

ни и смерти. И здесь снова выявляется аналогия с одним из архаических мифов древнего Египта о сражении солнца с его врагами — змеями⁷³. Общеизвестны многочисленные изображения древних божеств, держащих в руках двух змей, видимо, борющихся с ними.

Тазминцы, как и многие современные сибирские народы, вероятно, считали, что дорога в верхний небесный мир шла в сторону солнечного восхода (и поэтому всегда ставили свои культовые скульптуры личинами на восток), а дорога в нижний мир шла в сторону заката, где скрывалось солнце, т. е. на запад⁷⁴. Поэтому на западных гранях скульптур изображены ползущие вверх змеи — представители подземного мира, или же выбиты концентрические окружности — знаки луны или подземного солнца нижнего мира (рис. 71, 80, 123, 130, 132).

Теперь следует рассмотреть скульптурные изображения верхних божественных существ — оплодотворителей, дарующих зародыши всего живого ниже расположенной Матери-прародительнице⁷⁵, имеющей чаще всего вид антропоморфной личины с коровьими рогами и ушами.

Выше показано, что одним из таких верховных божеств было солнце. Даже в случаях неумелого исполнения смысл очевиден — от «лучистой» личины вниз спускаются личинки разнообразных очерта-

Рис. 149. Изображения на западной грани изваяния из бывшего Ефимова улуса на левом берегу Аскиза, выше впадения в него р. База. Хранится в ХОКМ (по А. Н. Липскому)

⁷³ МНМ, т. I, с. 421, 425; т. II, с. 461.

⁷⁴ Мифология народов Якутии. Якутск, 1980, с. 28; Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 87.

⁷⁵ Мать-зверь (женщина-лосиха) обитает у основания родового дерева (вместилища душ членов рода) и охраняет его (см.: Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.—Л., 1958, с. 83).

ний и даже «незамкнутые» (рис. 147, 149). В других случаях (изваяния у с. Кавказского и Киме

тас — рис. 80, 133)⁷⁶ отчетливо видно, что зародыши-личинки от-правляются вниз от месяца (рис. 80, 133). Значит, и месяц (или луна) был одним из верховных бо-жеств, дарующих плодородие.

В тех нередких случаях, когда верх монумента имеет только фал-лическое завершение, путь для ли-чинок начинается сверху от конца фалла, который, безусловно, сим-волизировал собой какое-то из вер-ховных божеств (рис. 71, 79, 130) и в тоже время — гору. Иногда (Ширинское и Читыхыское извая-ния — рис. 126) верховное божест-во представлено скульптурным ли-цом человека с открытым ртом.

Описанные выше монументы уме-стно сравнить с фигурой деревянно-го идола из Шигирского торфяника на Урале (хронологически несколь-ко более поздней). Наверху она имеет скульптурную антропоморф-ную голову «верховного божества», от которой вниз по извилистому «семяпроводу» также спускаются отдельные личинки-куты (рис. 109)⁷⁷.

На ряде тазминских изваяний (Хуртуях тас, Хызылаальское; рис. 61, 136) верхнее скульптурно вы-полненное лицо человека заверша-ется фаллическим «головным убо-ром».

Есть еще одно уникальное извая-ние из улуса Полтакова. Над ниж-ней личиной на нем нависает фал-лическое завершение, скульптурно обработанное в виде антропоморф-ной головы с третьим глазом на лбу, с большой лысиной, обрамлен-ной волосами, с круглым кольцом,

висящим под круглым ухом (?), с поперечной чертой между носом и ртом и с двумя уголками по краям рта (рис. 150). На шее подвешена

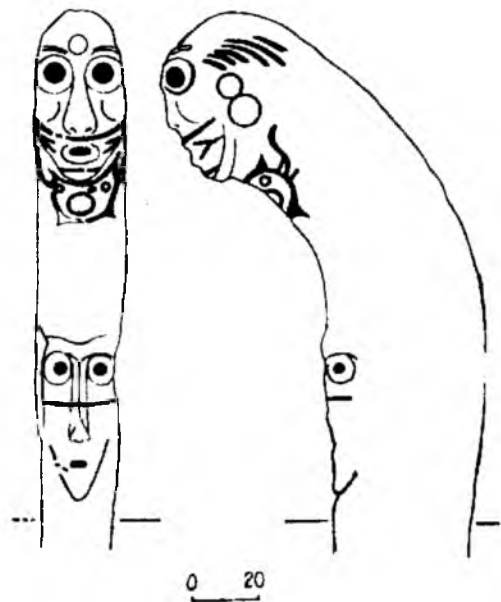

Рис. 150. Изваяние, стоявшее близ быв-шего колхоза имени 1 Мая (улус Полта-ков). Первоначально находилось на ле-вом берегу Тёи (возле улуса Мирген аалы) у брода на старинной дороге (на правом берегу стоял Теренчин аалы). Пес-чаник. Хранится в ХОКМ

подчетырехугольная фигура с че-тырьмя кружками разного размера внутри (рис. 149). Символ солнца?

Это также одно из верховных божеств мужского пола, о чем сви-детельствует отчетливо показанная старческая лысина, а также одна серьга в ухе (?). Антропоморфная одетая фигура с бородатой и лысой головой и волосиками сзади нари-сована на стеле из Аскиза (рис. 151). В призывах сибирских шама-нов безоблачное небо называется «Отец лысое Небо»,

⁷⁶ Вадецкая Э. Б. и др. Памятни-ки окуневской культуры, табл. 49 (102); 51 (110).

⁷⁷ Толмачев В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника. — ИАК, вып. 60, II, 1916, табл. II.

Изображение божеств по образу и подобию головы человека или даже целой фигуры человека — явление, широко распространенное с древности, не позволяющее исполь-

Рис. 151. Антропоморфная фигура лысого старца, нарисованная на стеле из Аскиза (по Н. В. Леонтьеву)

зовать сравнительные материалы для расшифровки конкретной семантики образа.

Кроме космических или антропоморфных очертаний какие-то верховные божества в тазминское время имели звериный облик. Это, во-

первых, изваяние, воспроизводящее coitus дикого барана с Матерью-прародительницей, черты которой стерлись от времени и прикосновений молящихся (рис. 131). На двух других монументах над личинами Матери-прародительницы возвышаются головы баранов, от которых вниз спускаются личинки-зародыши (рис. 72, 73, 74, 132).

Здесь вновь уместно обратиться к религиозным верованиям древнего Египта, где творцом вселенной и богом плодородия был баранье-головой, первоначально имевший вид барана бог Хнум, который считался даже воплощением душ многих богов. Бараньеговым был и бог солнца Амон — один из верховных божеств древнеегипетского пантеона.

В древнеиндийских мифах «Владыка созданий» бог Дакша имел голову козла. Что касается сибирской этнографии, то многочисленные божества и духи имели вид диких зверей или временами перевоплощались в звериное обличье. У хакасов дикий козел считался хозяином всех зверей⁷⁸.

Вспомним, какую большую роль в жертвенном ритуале тазминцев играл баран: шкурки жертвенных ягнят (с черепом и копытцами) постоянно встречались под древними изваяниями и менгирами тазминской культуры, а кости барана — среди камней тазминских жертвенников.

Очертания головы барана (конец морды которого нависает над ант-

⁷⁸ МНМ, т. I, с. 70—71, 348; т. II, с. 593; Атлас по истории религии, рис. 306; Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. — Сб. МАЭ, т. XVI. М.—Л., 1955, с. 202, 216; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. Москва, 1982, с. 18—19.

ропоморфной, расположенной ниже личиной) сохранило изваяние из лога Хыр чолы, близ улуса Бельтиры, на левом берегу Абакана (рис. 152).

шедшими сюда ранними скотоводческими племенами и отмеченного нами выше в каждом конкретном случае, в верования тазминских племен вошли представления си-

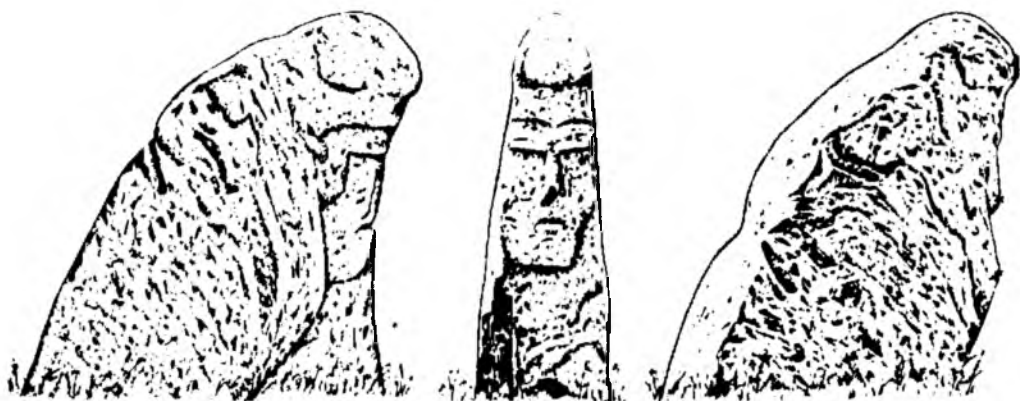

Рис. 152. Изваяние Хыс кёзе с личиной, перекрытой головой барана, из устья лога Хыр чолы близ улуса Бельтиры на левом берегу Абакана. Песчаник. Хранится в ХОКМ

Наконец, в котловине Сорга найдено изваяние, увенчанное задранной вверх головой горбатого лося с характерной для самцов этого вида животных подшейной шишкой — «серьгой» (рис. 86)⁷⁹. Изображения лося изредка встречаются на плитах и стелах тазминской культуры. Известен, например, бегущий «по небу» лось на стеле из Сартыгоя (рис. 124)⁸⁰.

Образ лося в качестве одного из верховных божеств тазминского пантеона свидетельствует, очевидно, о том, что, помимо сильнейшего древневосточного и древнеегипетского мифотворческого импульса, донесенного до Южной Сибири при-

бирских неолитических таежных охотников. Они сохранились у аборигенов таежной зоны до современности и зафиксированы этнографами. По представлениям сибиряков, лось это космический образ: то вселенная, то само солнце, то созвездие Большой Медведицы. У эвенков образ священного лося связан с горой: в скале обитает Мать — хранительница рода в образе лосихи. Хакасы-таежники считают лося хозяином диких зверей⁸¹.

Среди тазминских священных изображений на плоскости одной из стел выбита трехглазая личина с семью копьевидными острями на

⁷⁹ Кызласов Л. Р. Каменные «статушки» Хакасии. — АО 1971 г. М., 1972, с. 295—296.

⁸⁰ Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. 30 (3); 42 (70).

⁸¹ МНМ, т. I, с. 69; Иванов С. В. Указ. соч., с. 214; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. ч. I, с. 288—333; Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.—Л., 1958, с. 29, 69—70, 83, 132; и др.

голове (рис. 95). Их веерообразное расположение соответствует положению лучей на воспроизведениях солнечного божества. Очевидно, это

носясь на небесной колеснице. Может быть, именно его колесница, наполненная грозвыми стрелами-молниями, изображена на стеле, найденной нами в пос. Усть-Бюрь (рис. 112).

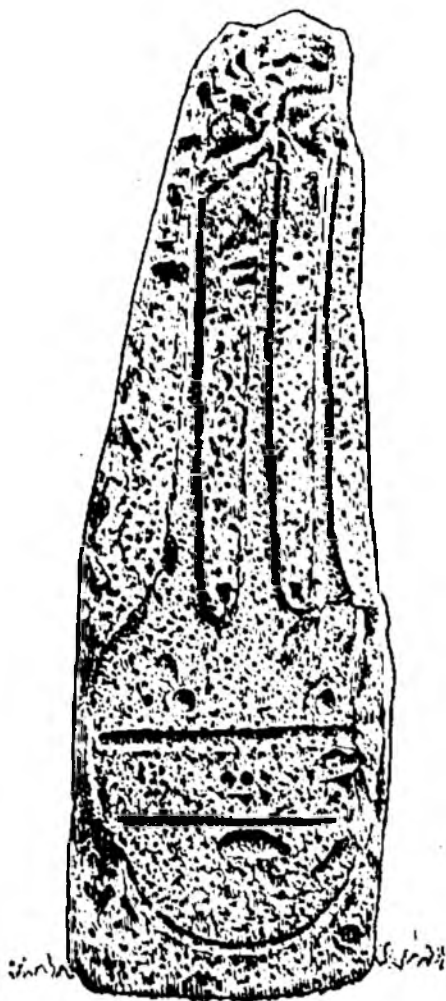

Рис. 153. Изваяние, стоявшее на перевале из долины Тей в долину р. Таштыпа. Песчаник. Хранится в ХОКМ

близкий образ, возможно, бога грома и молний, который, по представлениям многих народов, плывет по небу на туче, вооруженный грозвыми стрелами, или грохочет, про-

0 20

Рис. 154. Изваяние с тремя острями на голове личины. Находилось близ дер. Фарпус (с/х им. Буденного), перенесено на тагарском кургане

Зарегистрирован целый ряд личин с изображениями трех копьевидных острий над их головой (рис. 77, 95, 153, 154, 155). Все это, вероятно, рисунки, передающие облик бога Грома или Грозы. Таковой:

известен в верованиях древней Месопотамии, хеттов, древних индусов (Индра, Рудра, Маруты). Громо-

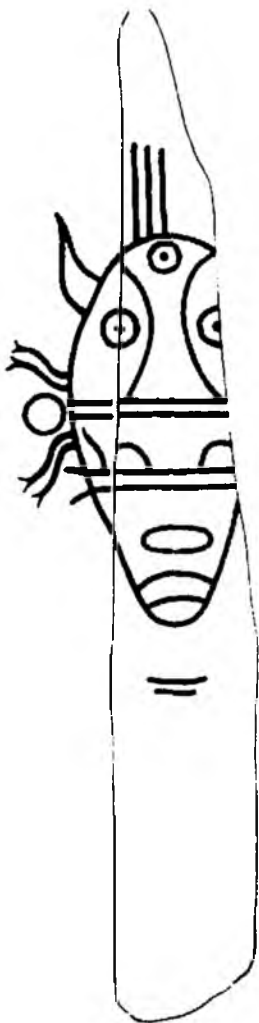

Рис. 155. Изваяние из междуречья Нини и УАбата, в 6,5 км от ст. Уйбат, перенесено в ограде тагарского кургана (по Э. Б. Вадецкой)

вержец Индра, например, бог света и душитель дракона Шушны, сеятеля засухи, был вооружен громовой

стрелой (ваджрой), которая представляла собой первоначально фаллос быка. В священных гимнах «Ригведы» Маруты — божества бури, грома и молнии — воспевались как «прекрасные воины, которые сверкают копьями»⁸².

На одной из обломанных плит, найденной в могильнике Черновая VIII, обнаружен верх антропоморфной фигуры с круглой трехглазой личиной, несущей на своих рогах изображение космической ладьи или полумесяца. В имеющихся вид птичьих лапок руках этой фигуры изображены два копьей с плоскими, асимметрично-ромбическими, вытянутыми вверх «наконечниками» (рис. 156). Наконечники судя по

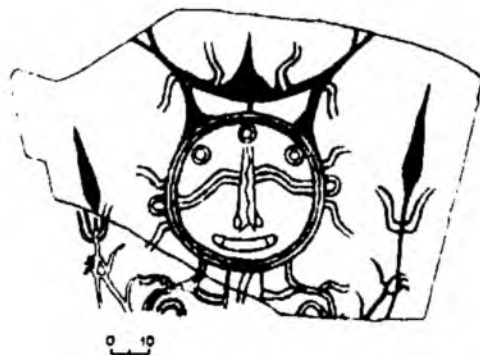

Рис. 156. Обломок тазмниской стелы, перенесенный в окуневском могильнике Черновая VIII. Хранится в ГЭ (по Э. Б. Вадецкой)

рисунку, не итульчатые (следовательно, не металлические), а скорее всего каменные или роговые со вкладышевыми лезвиями. Они, как видно на рисунке, прикручены⁸³ к дереву двумя завязками.

⁸² Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, с. 133, 297; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Указ. соч., с. 16, 19, 238; Адзимиба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

⁸³ Аналогичные по очертаниям каменные наконечники эпохи неолита см.: Ок-

У эвенков, имеющих особого бога грома Агды, возле шаманского чума ставили изображения антропоморфных духов, вооруженных копьями. Они охраняли устье мифической шаманской родовой реки и препятствовали духам чужеродных шаманов пробираться по этой реке на территорию рода через нижний мир. При камланиях возле шамана среди прочих изображений духов лежали два копья (кото), с помощью которых изгонялись духи болезней⁸⁴.

Копья или мечи (в моделях или в натуре) входили в снаряжение и костюм шаманов большинства сибирских народов и применялись ими при камланиях во время вооруженной «борьбы» духов шамана с враждебными духами. Эти антропоморфные духи с тремя остриями на голове, с клинками или даже саблями изображались на многих сакральных шаманских предметах и в древности и в средневековье (рис. 157)⁸⁵.

В следующую группу тазминских изваяний входят небольшие, удобные для переноса с места на место округлые каменные скульптуры. Прежде они, несомненно, находились в тазминских святилищах, а теперь были обнаружены (за исключением одной) случайно. Одна из скульптур имеет форму птичьего яйца, другая — муравьиного яйца, а третья — воспроизводит голову

человека. Если на первых двух высечены трехглазые личины с носом, ртом и тремя острыми выступами над лбом (рис. 65, 129), то третья передает лик человека с широким носом и маленькими глазами, с дополнительными ямками на лбу, подбородке и на левом виске (рис. 64)⁸⁶.

Эти портативные изваяния хорошо дополняют и углубляют высказанные нами выше представления о мифологии и религии неолитических племен бассейнов Среднего Енисея, Абакана и Чулыма.

Сама яйцевидная форма заставляет поставить такие скульптуры в связь с широко распространенными с глубокой древности представлениями о зарождении космоса, вселенной, земли и жизни на земле во всех ее разнообразных проявлениях.

Из первобытного хаоса возник организованный космос, со временем принявший вид бесформенного шара, а затем мирового яйца, из которого возникла вселенная. Из верхней половины яйца возникло небо, из нижней — земля, а из желтка — солнце⁸⁷. Подобные космологические представления имели место не только в древних Месопотамии, Египте, Индии и Китае, они же сохранились у финно-угорских народов.

---

⁸⁶ Сунчугашев Я. И. Археологические работы в Хакасии. — АО 1972 г. М., 1973, с. 241; Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Изучение древнехакасских крепостей и замков. — АО 1978 г. М., 1979, с. 241; Липский А. Н. Енисейские изваяния. Абакан, 1979, рис. 11, 12.

⁸⁷ Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце. — В кн.: Труды по знаковым системам, т. 3. Тарту, 1967; МНМ, т. I, с. 422, 466, 537, 653; т. II, с. 681; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Указ. соч., с. 15; Мелетинский. Поэтика мифа. М., 1976, с. 202.

ладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, рис. 29, 64 правый и 31.

⁸⁴ Анисимов А. Ф. Указ. соч., с. 198—200, 206, 211; рис. 25, 2; 31.

⁸⁵ Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. — МИА, 1953, № 35, табл. 15, 1; Спицын А. А. Шаманские изображения. — ЗОРСАРАО, т. VIII, вып. 1. Спб., 1906, рис. 4, 5, 7, 9, 14, 51.

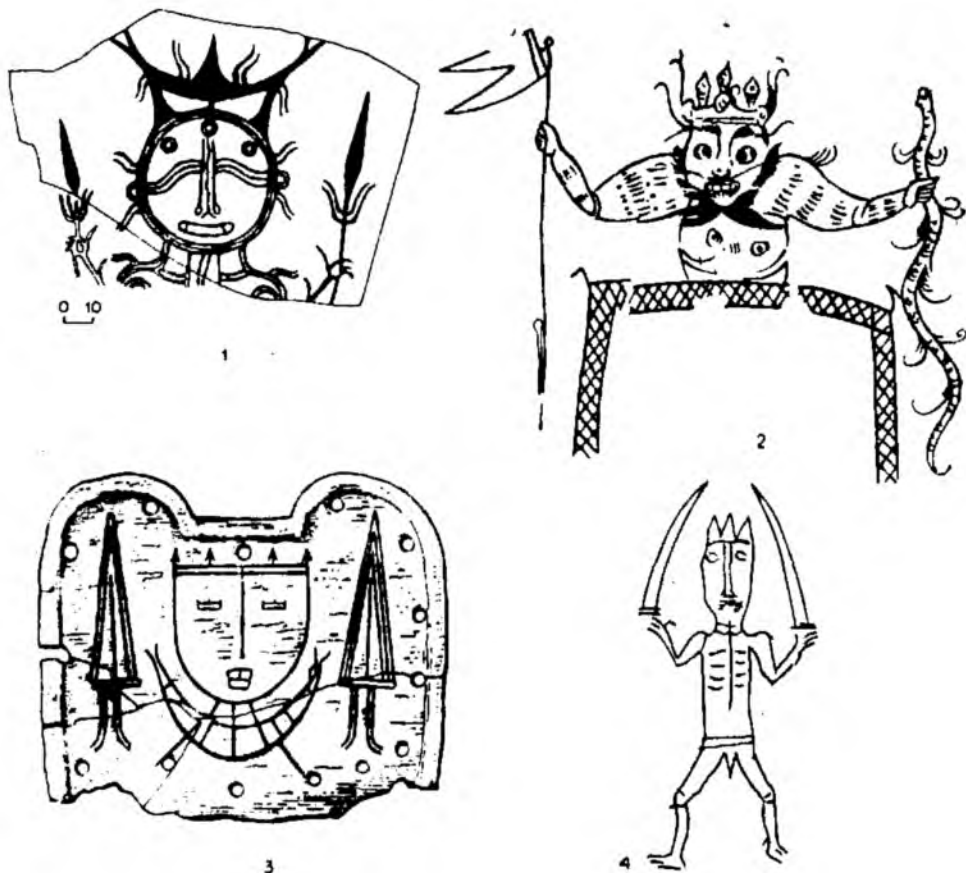

Рис. 157. Духи жрецов или шаманов. 1 — обломок тазминской стелы (Черновая VIII, курган № 4, могила 8); 2 — деталь росписи гробницы № 11 у подножья горы Лао-тэ близ Порт-Артура (эпоха Хань); 3 — пластина из кости кита (Усть-полуйская культура Западной Сибири); 4 — гравюра на серебряном блюде из Западной Сибири. Хранится в ГЭ

Шаманские бубны народов Сибири воспроизводят мировое яйцо с рисунками трех миров и космическими телами (солнце, луна, звезды и пр.).

Тазминское изваяние в виде яйца из Аскиза более всего схоже с волшебным камнем «сата» из поверий якутов. Сата имел форму утиного яйца и был внешне схож с лицом человека без бровей и бороды: у него «заметны глаза, нос, рот».

С его помощью можно было изменить погоду, гадать, ворожить, лечить и охранять скот. Его можно было использовать для защиты новорожденных и т. п. Подобный камень счастья в виде яйца знали и хакасы, искавшие его в гнездах воронов⁸⁸.

⁸⁸ Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980, с. 40, 43, 45, 46, 50.

Как яйцо было предметом, дарующим жизнь, символом возрождения жизни, так и голова, в представлениях многих народов, была вмещением жизни и души человека. Так древнеиндийский Вивасват (по Ригведе — родоначальник всех людей), ставший затем богом солнца, родился в виде шара: «без рук и без ног, гладкий со всех сторон, и высота его была равна его толщине»⁸⁹.

В фольклоре народов Юго-Восточной Азии женщины нередко рожают «голову без тела», ребенка, «похожего на тыкву», или «мешок».

Живые головы «не ходят, а катаются по земле». Такие же действующие герои (головы или даже черепа) встречаются в волшебных сказках народов Сибири — хакасов, нанайцев и др.⁹⁰ У некоторых народов (ненцы, юкагиры и др.) в недавнем прошлом бытовала традиция хоронить тело, но хранить и возить с собой голову или очищенный череп умершего родственника, чаще всего шамана⁹¹.

Это делалось из желания сохранить в этническом коллективе душу человека, обладавшего при жизни особыми ценными качествами, но в

то же время это было проявлением культа предков. Предки также обожествлялись и в новом качестве могли играть сакральную роль в жизни живых людей.

В Ширинском районе Хакасии было найдено уникальное переносное каменное изваяние фаллической формы, использовавшееся в свое время в лежащем положении (рис. 158), вероятно, в каком-то святилище (длина — 63 см, ширина — 9—12 см, толщина — 8—11 см)⁹².

На единственной плоскости, обращенной книзу, воспроизведен ход нижнего солнца в подземном мире в виде трех кругов, перекрещенных косыми крестами. По слегка выпуклой верхней поверхности пластичной скульптуры расположены основные иконографические образы.

На производящем конце фаллуса выбита личинка, как бы стремящаяся соединиться с изогнутым пламенивидным острием, уходящим другим концом в темя второй основной трехглазой личины. Последняя, кажется, увенчана (полустертыми ныне) оленьими рогами. Эта личина разделена двумя поперечными чертами, а дальше, поперек, выбита черта, отделяющая скульптурную голову зверя, заканчивающую изваяние (рис. 158). Уплощенная голова с приоткрытым ртом имеет извилистые очертания верхней губы, на краях которой выпуклыми шариками переданы ноздри; глаза переданы кольцами с углублением в центре; на лбу сходятся концы

МНМ, т. II, с. 564, 565 (ср.: Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972, с. 172).

⁸⁹ Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Указ. соч., с. 23; Ригведа. Избранные гимны, с. 278.

⁹⁰ Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 198; Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971, с. 93, 107; Катаранов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. Спб., 1907, с. 614; Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Указ. соч., с. 202.

⁹¹ Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980, с. 147, 200—201.

⁹² Окладников А. П. Миниатюрные изваяния Минусинской степи. Первобытная археология Сибири. Л., 1975; Okladnikov A. P., Timofeeva N. K. Le enigmatiche Statue-stele dello Jenisei e un nuovo idolo della cultura di Okuniev. — Bollettino del centro Camuno di studi Preistorici, vol. VIII. 1972.

рогов (?), от которых к краю губы пролегают три продольные линии; с правой стороны сохранилось ухо, а во лбу — третий глаз (рис. 158).

ломан и затерт. Вероятно, это голова того же мифического зверя, изображения которого выше были отождествлены нами с кровожад-

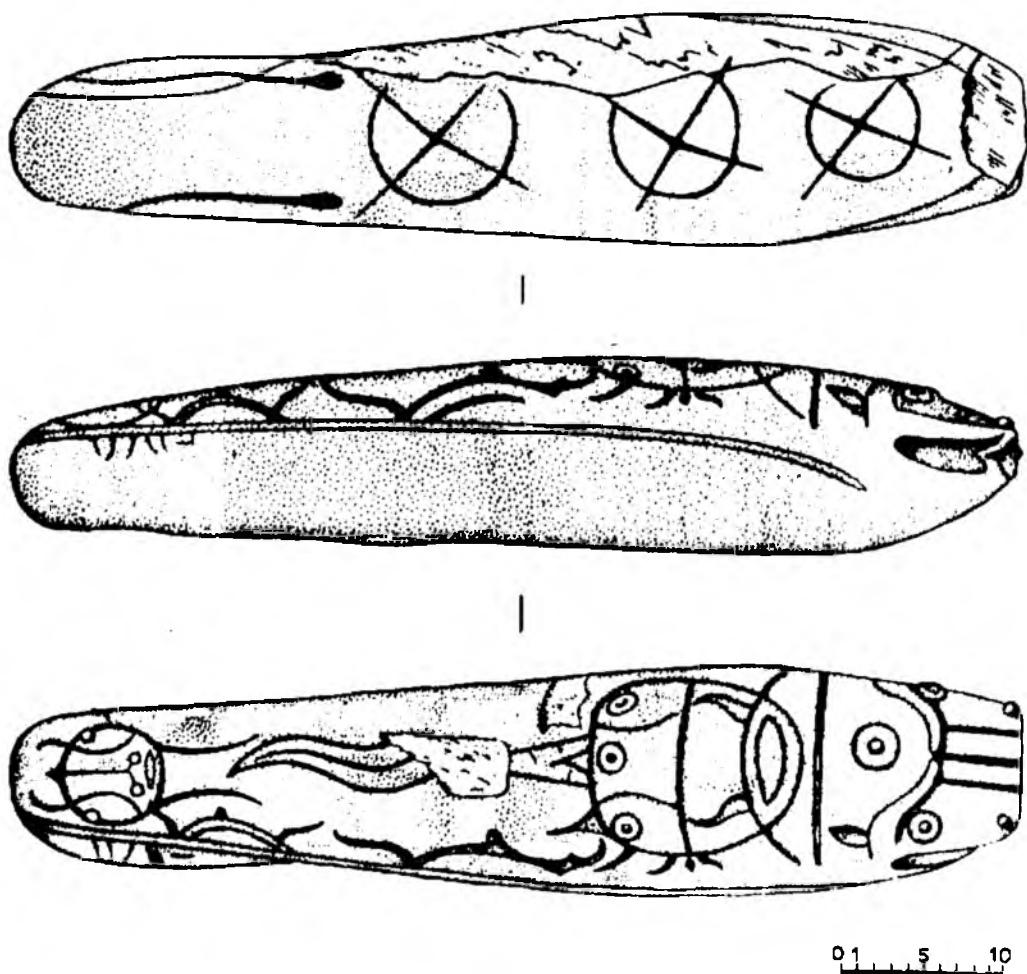

Рис. 158. Переносное изваяние из песчаника, найденное в Ширинском районе Хакасии. Хранится в музее Института истории, филологии и философии СО АН СССР в Новосибирске

Снизу под мордой — перекрещенный круг подземного солнца.

Не просто, да и вряд ли возможно определить породу животного, тем более что конец скульптуры об-

ной богиней Ламасту. При сравнении скульптур совпадает расположение глаз и ноздрей, линий наморщенного носа (рис. 158); не хватает только зубов, хотя сбоку в откры-

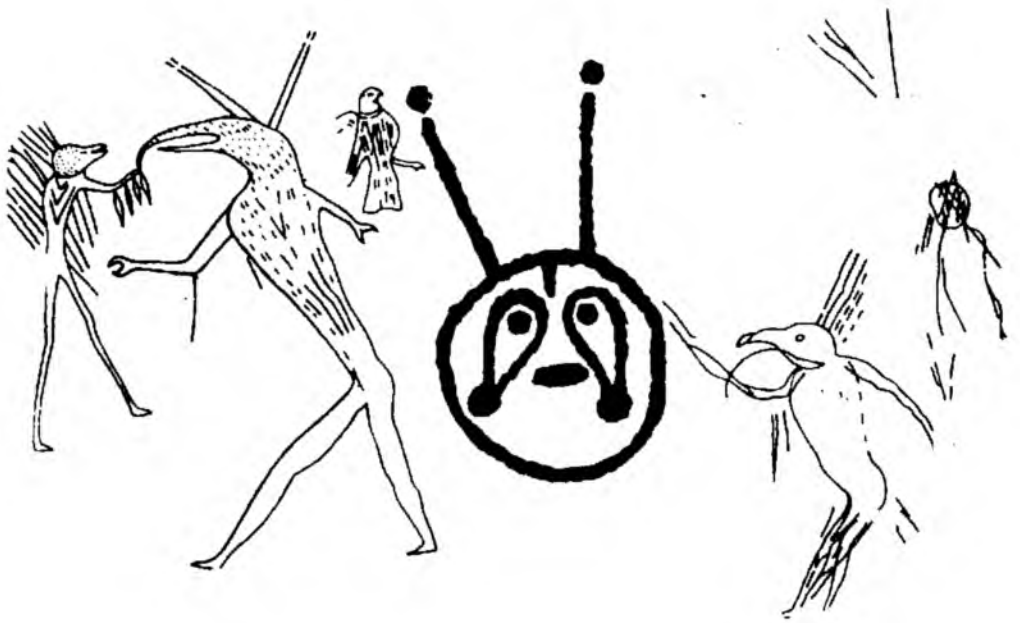

Рис. 159. Рисунки на обломке песчаняковой стелы, переиспользованной в могиле № 1 кладбища Тас хазаа (афанасьевская культура; по А. Н. Липскому)

гой пасти зверя видны два клыка — нижний и верхний (рис. 158).

Таким образом, если поставить это передвижное изваяние вертикально, мордой зверя вниз, то получим полное совпадение с разобранными выше трехчастными скульптурами с прибавлением перехода «подземного нижнего мира» от морды хтонического зверя к нижней плоскости.

Важно при этом полученное подтверждение, что тазминское изваяние в целом всегда символизирует собой звериный фаллос. Фаллический культ едва ли не самый древний. Вспомним классические примеры — фаллос быка был символом Диониса и громовой стрелой (ваджрой) могучего древнеиндийского Индры⁹³.

⁹³ МНМ, т. I, с. 380; Ригведа. Избранные гимны, с. 285; Антоненко В. Ф. Заметки к солярной интерпретации мифо-

Нельзя не сказать также об антропоморфных фигурах с головами птиц и рисунках орлов, начертанных на плитах из могильника Тас хазаа (рис. 159). Хотя обсуждать рисунки из Тас хазаа в целом следует после полной их публикации, все же можно сказать кое-что по поводу опубликованного в духе той концепции, которая сложилась в данной книге.

Раскопавший могильник Тас хазаа и нашедший эти изображения А. Н. Липский прав, признавая в них «изображения «божеств», в какой-то степени похожих на древнеегипетских Тота и Хонсу»⁹⁴. Хотя

логин ведийского Индры. — В кн.: Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 95.

⁹⁴ Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 274, рис. 2. Заметим, что Хонсу хотя и отождествлялся с

это высказано мимоходом и только на одном примере, но теперь, после проделанного нами анализа, очевидно, что и этот пример подтверждает систему, констатирующую неслучайность тазминско-египетских совпадений. Тазминские боги и мифы могли возникнуть только в результате проникновения древнеегипетской мифологии на Средний Енисей. Пути проникновения и опосредствующие звенья остаются пока неизвестными, но все основные данные свидетельствуют, что этот импульс — сгусток идей — пронесен людьми через Двуречье, Ближний Восток и Среднюю Азию, прежде чем достиг Южной Сибири. По мере продвижения по этому генеральному направлению происходило обогащение и наращивание мифологических представлений до тех пор, пока не сложилась фиксируемая нами богатая и красочная картина духовного мира неолитических племен, оставивших после себя величественные памятники тазминской культуры.

По недавним верованиям сибирских аборигенов, души умерших принимают вид птиц, улетающих в потусторонний мир, или же птица переносит туда душу. Среди изображений шаманских духов у тувинцев имеются фигурки в виде человека, но с птичьей головой и крыльями вместо рук. Эти изображения вырезались из жести или из дерева. По верованиям селькупов, на небе живут особые «светлые» птицы⁹⁵.

Тотом, но изображался в виде юноши (МНМ, т. II, с. 521 и 595).

⁹⁵ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, с. 104 (39); Дьяконова В. П. Религиозные культы тувинцев. — Сб. МАЭ, т. 33. Л., 1974, с. 193, рис. 12; Прокофье-

Вероятно, такие небесные «светлые» птицы изображены над личной на верхнем пространстве тазминской стелы, найденной близ улуса Бутрахты на р. Таштыпе. Это подтверждают рисунки соколов (один из которых хватает лапами кружок — солнце), выгравированные на плите из могильника Тасхазаа (могила № 1). Сокол и солнечный диск — сразу вспоминается аналогичная символика Гора египетского бога света и охоты, сына Ра — бога солнца⁹⁶.

Несколько слов по поводу трехглазости многих личин тазминских изваяний. При этом третий глаз (иногда иначе оформленный, чем два других) располагается на лбу (рис. 59, 69, 71, 77, 80, 86, 89, 92, 95, 112, 121, 122, 160).

К III тыс. до н. э. относится стела из Двуречья, на которой изображено трехглазое чудовище с лучистой головой. Божества древнекитайской мифологии Доу-му (Матушка ковш, т. е. Большая Медведица) и Лэй Цзу (бог грома) также имели три глаза. В дравидийской и древнеиндийской религии трехглазым было одно из высших божеств Шива⁹⁷. У инков и кечуа в древней Америке трехглазым был бог солнца.

ва Е. Д. Старые представления селькупов о мире. — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 111.

⁹⁶ Хлобыстина М. Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы. — В кн.: У истоков творчества. Новосибирск, 1978, рис. 4; МНМ, т. I, с. 310.

⁹⁷ Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья. Л.—М., 1958, с. 152; МНМ, т. I, с. 392; МНМ, т. II, с. 643, 649; Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970, с. 401; Негматов Н. Н. О живописи дворца Афшинов Уструшаны. — СА, 1973, № 3, рис. 6.

В буддизме и позднее в ламанизме трехглазыми изображались «хранители закона» (дхармапала, санскритское, или докшиты, тибетское) и различные демоны⁹⁸.

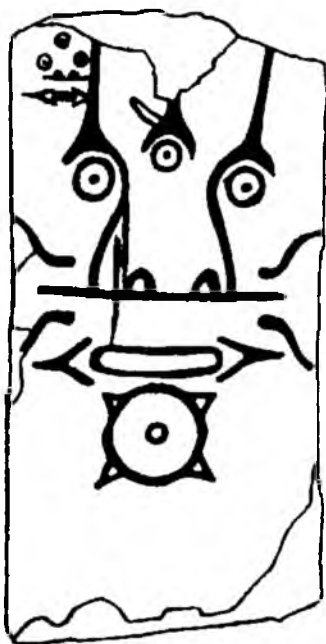

Рис. 160. Стела с личиной и дополнительной малой личинкой; переиспользована в окуневской могиле 2 кургана № 5 кладбища Черновая VIII. Песчаник. Хранится в ГЭ (по Э. Б. Вадцкой)

Как видим, трехглазые существа, с особо усиленным зрением, были широко распространены в мифологии народов мира. Известны они и у сибирских народов. Трехглазые духи изображались, например, на колотушках шаманов у эвенков (хозяйка дороги в нижний мир), на рукоятках бубнов у алтайцев, а у

⁹⁸ Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1968, с. 88; Он же. Ламанизм. М., 1973, с. 108.

шорцев трехглазой с семью косами была «небесная женщина» (невидимая жена первого шамана)⁹⁹.

Как на древнем Востоке, так и, например, у якутов, солнце считалось правым, а луна — левым глазом небесного божества. Солнце считалось всевидящим оком богов и у древних индусов. Глаз, по представлениям многих народов, связан с магической силой.

Божества обладали способностью видеть, но сами оставались невидимыми. Смертные не выдерживали устрашающего взора богов. Такой взгляд иногда испепелял человека или даже божество. Некоторые боги и духи наделялись третьим глазом для усиления их карающей способности.

Бог Шива, находившийся в состоянии созерцания, однажды был раздражен мешавшим ему богом любви Камой. Тогда он «открыл свой третий глаз, и из него начали сыпаться искры, мгновенно превратившие Каму в пепел». В другом случае тот же грозный бог жаром своего третьего глаза сжег пятую голову бога Брахмы¹⁰⁰.

Нам трудно детально определить значение того или иного изображения третьего глаза у тазминских личин. Они бывают различными у разных воспроизведений богов неолитической Хакасии. Нередко третий глаз отличается по изобразительной характеристике от двух

⁹⁹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков, рис. 21 (средняя); Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 153; Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны. — В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, с. 444.

¹⁰⁰ МНМ, т. 1, с. 306; т. 2, с. 643; Боги, брахманы, люди. 4000 лет индуизма. М., 1969, с. 185, 187, 188, 194; Ригведа, с. 314—315, 346.

обычных, но иногда все они переда- ны одинаково ¹⁰¹.

Существенно, что в большинстве случаев третий глаз изображен кружком, кружком с точкой, двумя концентрическими окружностями (иногда тоже с точкой внутри). Судя по изваяниям и этнографическим данным, так почти всегда символически изображались солнце и луна. Это подтверждается случаями, когда третий глаз точно представлял собой солнечный символ: две концентрические окружности с точкой, помещенные внутрь фигуры с четырехугольными лучами ¹⁰².

Какая-то часть тазминских изображений божеств с третьим глазом входила в сферу солнечных или лунных божеств, или же они были в той или иной степени связаны с воздействием (или присутствием) взгляда или глаза солнечного или лунного божества. Точная расшифровка того или иного образа станет возможна в будущем, с накоплением дополнительных материалов для детальной семантики древних тазминских изваяний.

*
* *

Наконец, следует рассмотреть вкратце семантику тазминских наскальных изображений, выбитых на скалах в степной части Хакасии или же нарисованных красками на утесах в горно-таежных ущельях Восточного и Западного Саян. При внимательном рассмотрении таких писаниц становится несомненным, что здесь мы имеем дело с памятниками, не имеющими никакого отношения к изображениям реальных

людей или их масок. Это особенно очевидно при изучении «незамкнутых» личин, не имеющих общих очертаний (рис. 108, 161), каковые иногда встречаются и на каменных изваяниях (рис. 66, 68, 69, 92 нижняя, 124, 127, 160 и др.).

По-видимому, подобные изображения древних — это воспроизведения на скалах водяного духа (ср., например, хакасского суг ээзи) — властителя водной стихии. По недавним представлениям народов Сибири, именно от него зависела жизнь людей, пользующихся бродом или находящихся на реке в качестве рыболовов или охотников на водных животных и водоплавающих птиц.

Не случайно, что личины водяных духов нарисованы на неудобных плоскостях скал, на обрывающихся в воду утесах — бомах или на прибрежных валунах. Всегда их рисунки находятся вблизи бродов, шивер, бомов, порогов или речных переправ, т. е. в тех самых опасных местах, которые люди вынуждены были каким-то образом преодолевать: вброд, переплывать на утлых челнах, плотках или даже обходить посуху ¹⁰³. Здесь приносились умиловительные жертвы водяному хозяину и совершались необходимые обряды перед его постоянно возобновляющимся изображением.

¹⁰¹ Вадецкая Э. Б. и др. Памятники окуневской культуры, рис. 1, б.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Булгаков А. И. Верховья Енисея в Урняхе и Саянских горах. — ИРГО, т. 44, вып. 6. Спб., 1908; Леонтьев Н. В. Кундусукские росписи. — СА, 1969, № 4; Он же. Писаницы правобережья р. Абакана. — АО 1969 г. М., 1970; Он же. Наскальные рисунки Корového лога. — Известия СО АН СССР, № 11, серия общественных наук, вып. 3. Новосибирск, 1976; Липский А. Н. Новое в изобразительном искусстве древнего населения на Енисее. — КСИД, вып. 101. М., 1964.

Многие сибирские народы почитали прибрежные скалы и бомы в качестве местообиталищ речного или озерного духа и приносили

лье тувинцы выбивали лики водяных на скалах и валунах по берегам Енисея, амурские народы — на валунах в чизовьях Амура, и т. д.

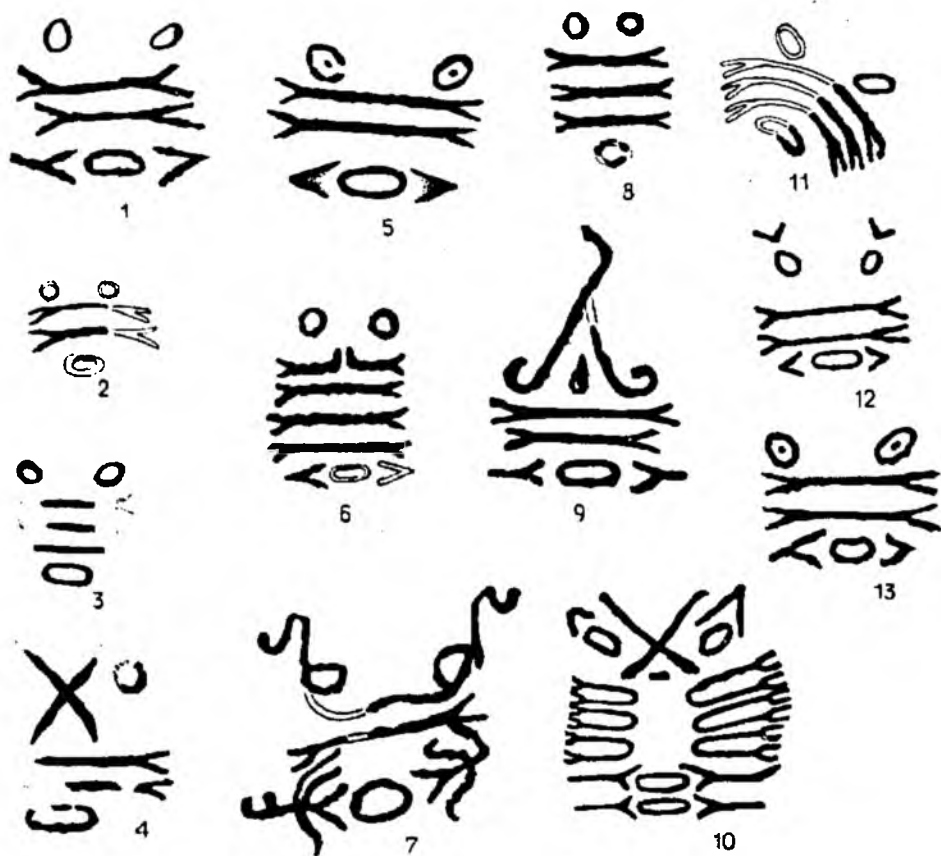

Рис. 161. Наскальные изображения, нанесенные красной охрой, обнаруженные в тайге Восточных Саян, в верховьях р. Амыла, ниже впадения р. Кундусук (по Н. В. Леонтьеву)

жертвы (эвенки, хакасы, тувинцы и др.). Буряты изображали на скалах «усан-хатов», т. е. «царей вод»; на Урале «незамкнутая» личина имеется на известном Писаном камне по р. Вишере¹⁰⁴, в Саянском уше-

«Незамкнутые» личины духов потому и не имеют общего контура, что, по представлениям древних, вместилищем местного духа являлось все пространство, окружающее

¹⁰⁴ Василевич Г. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. — Этнография, 1930, № 3,

с. 62; Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980, с. 98, 184; Геннинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. — СА, XXI. М.—Л., 1954, рис. 133.

Рис. 162. Наскальные изображения, нанесенные красной охрой, обнаруженные в отрогах Западного Саяна на р. М. Арбайт, правом притоке Абакана

подобный «незамкнутый» лик. Поэтому таких духов категорически запрещено было «замыкать» в какие-либо очертания и тем самым как бы «ограничивать» их мощь (рис. 162).

В гомеровской Греции было распространено преанимистическое

представление о безликих демонах, о которых люди не имели никакого представления. С таким демоном «нельзя вступать ни в какое общение, так как этот демон еще не имеет никакой фигуры и никакого лица, никакого вообще очертания». В дальнейшем «демон получает ту

или иную индивидуализацию, происходит переход от преанимизма к анимизму»¹⁰⁵.

То же было и у древних народов Сибири, пока не появились «незамкнутые» личины духов, которые в отдельных местах сохранились до нашего времени. Например, подобные «незамкнутые» личины, обозначавшие «лик самого духа», еще недавно гравировались селькупами внутри сакральных оловянных тарелок. При этом вместительность духа являлись, вероятно, вся тарелка и окружающее ее пространство. Ханты «незамкнутые» лики духов отличали на особых медных бляшках¹⁰⁶.

Таковы представляющиеся нам наиболее вероятными и, может быть, единственно возможными в настоящее время решения по расшифровке семантических узлов и загадок, окружающих тазминские изваяния и рисунки.

*
* * *

Как указывалось выше, религия тазминских племен древней Хакасии была синкретичной. В основе культовых представлений находилось охотничье мировосприятие (изображения лосей, горных баранов-аргали, хищников), которое было осложнено идеологией пришлых скотоводов, принесших с собой культуру людей, связанных с производящей экономикой (культ Коровы-матери, изображения быков и т. д.).

Как сложный синтез различных в своих истоках мировосприятий сло-

жился и расцвел неожиданный для Сибири и Центральной Азии феномен — культ монументальных древнейших в евразийских степях каменных изваяний, стел и менгиров. Другого культового центра, подобного существовавшему в Хакаско-Минусинской котловине в столь раннее время, археологи не знают на территориях Сибири, Центральной, Средней Азии и Дальнего Востока. Все это произошло в эпоху неолита. Видимо, к концу IV тыс. относится культурный импульс, направленный южным центром древнейшей цивилизации человечества на далекий север — в степи Саяно-Алтайского нагорья. На многих сопоставлениях нами выше показано сохранение тазминскими племенами мифологических представлений древнего Востока (египетских, шумерско-аккадских, переднеазиатских и, отчасти, индийских).

Следовало бы проделать еще более тонкий иконографический анализ изображений. Он, несомненно, подтвердит сделанные выводы. А. А. Формозов справедливо, например, отметил одну особенность рисунка фигуры (рис. 143, 1) на тазминской плите из могильника Черновая VIII: «Голова женской фигуры, выгравированной на этой плите, показана в профиль, а корпус и плечи в фас — прием, характерный для искусства Древнего Востока, но ни разу не зафиксированный на петроглифах территории СССР»¹⁰⁷.

Есть и другие приемы тазминских художников, целиком совпадающие с манерами искусства Древнего Востока, например, характерные изображения шагающих

¹⁰⁵ МНМ, т. I, с. 328.

¹⁰⁶ Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманизму. — В кн.: Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980, рис. 2, 6.

¹⁰⁷ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1962, с. 207—208.

антропоморфных фигур в профиль, в то время как их личины смотрят строго в фас (Тас хазаа, Коровий лог — рис. 107, 1), или антропоморфная фигура изображена в фас, а животное, которое она держит в руке, — в профиль (рис. 82) .

Все эти факты и доказательства отнюдь не умаляют большой самобытности, яркости и оригинальности искусства тазминских художников и скульпторов. Стилистическим особенностям их искусства нет аналогий, как нет прямых параллелей их культу, их стелам и скульптурам.

Вместе с тем это еще один пример того, что в целом историческое развитие человеческого общества едино и неделимо, что с глубокой древности культурные достижения и духовные ценности передавались через огромные расстояния от одних племен и народов другим. Они, эти ценности, нередко достигали самых глухих и отдаленных горнотаежных и северных районов, способствуя историческому прогрессу и развитию местных племен¹⁰⁸.

Важно подчеркнуть, что в столь раннее время до первобытных племен Сибири был донесен импульс — сгусток мифологии и религии ранних классовых обществ, который способствовал сильнейшему видоизменению мировоззрения аборигенных охотничьих племен, перешедших к производящему охотническо-скотоводческому хозяйству. Загас ли, выродился ли этот импульс или именно на его базе зародился ранний сибирский шаманизм?

---

¹⁰⁸ Кызласов Л. Р. Младописьменные литературы народов Сибири и исторические основы их формирования. — Известия СО АН СССР, № 6, серия общественных наук. Вып. 2. Новосибирск, 1982.

Этот вопрос нуждается в пристальном внимании исследователей и тщательном изучении его историками религиозных верований. Без ответа на него нельзя понять проблему происхождения шаманизма у народов Сибири.

Те параллели и совпадающие детали, которые установлены нами выше, показывают, что сибирский шаманизм сохранил в значительном объеме многие реалии культовой практики южносибирских племен, восходящие к глубокой древности, к началу III тыс. до н. э.

С нашей точки зрения, шаманское учение сибирских народов возникло не как чисто местное явление на почве идеологии только аборигенных охотническо-рыболовецких обществ. Оно изначально синкретично, ибо местные идеологические представления сибирских охотников подверглись значительной переработке под мощным воздействием идеологии посланцев далеких классовых обществ, развивших высокий экономический и культурный потенциал в передовых южных центрах человеческой цивилизации того времени.

Поэтому шаманизм (впоследствии также неоднократно подвергавшийся воздействию идеологии классовых обществ, в том числе и самобытных, возникавших в раннем средневековье в южной полосе сибирских просторов) обслуживал потребности как чисто охотнических, таежных племен, оленеводов тундры, морских охотников Арктики, так и южносибирских скотоводов и земледельцев.

Святынища и изваяния тазминской культуры, ярко отразившие идею зарождения и смерти-перерождения, связаны, очевидно, с календарным мифом, отразившим сезонный цикл. Этот цикл был весен-

ним, связанным с возрождением природы, и основной праздник — праздник небесного брака — отмечался людьми весной.

Именно к этому времени появлялось много барашков и ягнят, выпускались листья на священных березах, цвели цветы. Тогда сооружались новые святилища, устанавливались личинами на восток мону-ментальные священные скульптуры и менгиры с накрашенными личинами. Тогда совершались жертвоприношения небесным, земным и подземным богам и духам, дымились костры и сквозь камни жертвенников стекала горячая кровь заколотых животных. Люди возносили к небу свои мольбы и молитвы.

Исследование всего разнообразия тазмилского пантеона приводит к выводу о необходимости пересмотра многих прежних представлений, высказанных нашими учеными о

духовном мире и культуре поздне-неолитических обитателей Южной Сибири. В связи с этим меняется и осмысление социально-экономических отношений общества того времени, а также меняется и оценка всего хода исторического процесса в данном регионе. Эти многосложные проблемы еще должны быть внимательно изучены и обсуждены в будущем.

Но и теперь очевидно, что Южная Сибирь уже в глубокой древности являлась крупным и важным культурным центром, центром исторической активности неолитических племен, распространявшим, в свою очередь, передовые по тому времени идеологические и культурные импульсы в глубины глухой сибирской тайги, к обитателям суровых просторов тундры, вплоть до берегов Ледовитого океана.

Афанасьевские и окуневские памятники

1. Афанасьевские погребения и стелы

Около четырех с половиной тысяч лет тому назад (в середине III тыс. до н. э.) люди, проживавшие на территории Хакасско-Минусинской котловины, научились изготавливать первые металлические орудия и предметы быта. В поисках редких в здешних местах кремней и кварцитов, наиболее пригодных для изготовления острых режущих каменных орудий, древние мастера подбирали на отмелях рек и испытывали различные обломки горных пород. Случайно они наткнулись на необычные камни, которые имели совершенно иное свойство — ков-

кость. Это были встречающиеся в природе самородки металлов: золота, меди, свинца, серебра, а также метеоритное железо.

Со всеми этими металлами человек в Хакасско-Минусинской котловине познакомился одновременно, ибо горные породы Саяно-Алтайского нагорья (включая и степные пространства) исключительно богаты рудными и самородными аллювиально-делювиальными россыпями разнообразных металлов¹. Вы-

---

¹ Кызласов Л. Р. Афанасьевская эпоха в истории Хакасии. — ВМУ, серия история, 1971, № 2; Полезные ископаемые Красноярского края. М., 1959; Шахов Ф. Н. Руды цветных и редких металлов в Красноярском крае. Красноярск, 1939; Интрузивные комплексы золоторудных районов юга Красноярского края. Новосибирск, 1967.

падение метеоритного железа в Хакасии известно издревле как по находкам, так и по свидетельствам ранних письменных источников².

Но особенно богаты горы Кузнецкого Ала-тау самородками меди. До сих пор встречаются в поверхностных залеганиях куски чистого металла от 200 г до 7—12 кг и даже до тонны весом. Недавно обнаружена уникальная медная плита длиной свыше 3 м и весом 3,3 тонны³, с истоков речки Сралыг Юс (Сарала) был доставлен также кусок «самородного олова»⁴, т. е. обломок касситерита.

Неудивительно, что древнейшие металлические предметы, обнаруженные археологами в могилах аборигенов Хакаско-Минусинской котловины, живших во второй половине III тыс., сделаны путемковки из свинца (серьга, игольник), золота, серебра (украшения) и метеоритного железа (браслет). Но главным образом это орудия из самородной меди (ножи, бритва, игольники, иглы, оковки, спиральные проволочные подвески, скобочки и т. п.). Анализы найденных предметов выявили, что первоначально появились общинные мастера-кузнецы по ковке самородного металла и толь-

ко позднее зародилось литейное дело⁵.

Все это произошло в афанасьевскую эпоху (середина и вторая половина III тыс. до н. э.), когда в окружающих районах тайги и лесостепи люди по-прежнему жили еще в каменном веке, не зная металлических орудий и производящего хозяйства. Памятники собственно афанасьевских племен известны также в Горном Алтае, в Туве и Монголии⁶.

В афанасьевское время люди жили небольшими поселками по берегам крупных рек и речек как в степной, так и в гористой местности. Там сохранились остатки их жилищ и могил. Это каменные круглые ограды, заполненные землей. Стенки этих оград были сооружены из плиток, уложенных плашмя, и иногда обставлены кольцом из плиток, врытых в землю вертикально. В оградах находились одна, две или, редко, три могильные ямы, стенки которых изредка обнесены бревенчатым срубом или каменными плитами в виде ящика. Сверху ямы закрыты бревенчатым накатом, плитами и землей. В могилах находят скелеты, лежащие скорченно на боку или вытянуто на спине с коленями, поднятыми вверх (головой на запад или юго-запад). Иног-

² Эйхвальд Э. И. О чудских копях. Спб., 1856; Антипов И. Аналитические исследования состава двух метеоритов. — ИАН, IX, 1898, № 1; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 59.

³ Кузьмин А. М. Медные руды Горной Шории. — В кн.: Полезные ископаемые Западно-Сибирского края, т. I. Новосибирск, 1934; Сняжков В. И., Чичкова Т. А. Крупная плита самородной меди из Горной Шории. — Записки Всесоюзного минералогического общества, 2-я серия, ч. 90. М.—Л., 1961.

⁴ Отчет по Минусинскому местному музею за 1894 год. Минусинск, 1895, с. 8.

⁵ Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.—Л., 1963; Наумов Д. В. Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины. — Там же.

⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979; Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии. — В кн.: Археологический судалал, т. 90, вып. 1—4. Улан-Батор, 1980; Gruzanov M. Siberie du Sud. Archaeologia mundi. Geneve—Paris—Münich, 1969.

да это коллективные погребения до 5—7 человек. Кроме того встречаются и остатки трупосожжений. Такое разнообразие в погребальном обряде, вероятно, указывает на этническую неоднородность захороненных.

Жили афанасьевцы, очевидно, как в легких переносных жилищах типа чумов (особенно на охоте), так и в полуземляных и срубных домах. Жилища имели очаги в виде чашевидных ям, обрамленных плитняком. Такие очаги известны в Сибири еще с древнекаменного века. Ямы их заполнялись золой, в которую удобно было ставить остродонные сосуды⁷.

Яйцевидные по форме глиняные сосуды часто обнаруживаются в афанасьевских могилах, куда их помещали с заупокойной пищей. Особенно большими (объемом до 200 литров) были остродонные корчаги, встречающиеся в могилах стариков. Очевидно, такие огромные сосуды употреблялись на общинных ритуальных пиршествах, и поэтому их ставили в могилы старейшин. Маленькие сосудики находят в погребениях детей. Кроме яйцевидных сосудов, нередко имевших уплощенное дно, и остродонных корчаг, афанасьевские женщины ленточным способом лепили из глины сферические округлодонные сосуды, реповидные, с уплощенным дном, горшкообразные и баночные плоскодонные, а также вазочки-курильницы с ручками на полых низких поддонах. Глиняная посуда украшалась оттисками зубчатого или гладкого штампа в виде елочки, косых

штрихов, крестиков; иногда — сетчатых, гирляндовых и зигзагообразных узоров, наклепных шишечек и выпуклостей, выдавленных изнутри. Курильницы окрашивались красной краской, а один плоскодонный горшок был покрыт свисающими расписными узорами, выполненными красной и белой красками. Изредка на сосудах встречаются крестовидные знаки. К концу этапа появляется все больше плоскодонных горшков. Свообразны два кубических сосуда с уплощенным дном и узким горлом. Однажды обнаружен плоскодонный сосуд с двумя отделениями.

Из каменных предметов в могилах обнаружены: колотушки, песты, терочки, шлифованные «тарелочки», резак, клиновидный шлифованный топор, точильные плитки, диковинная боевая секира, каменные шары и мраморные бусы.

Кроме того единично найдены кремневые наконечники стрел, обработанные отжимной ретушью: ланцетовидные, со скругленным основанием, черешковые, треугольные, с выемками в основании. Известны и костяные узкие наконечники с черешком.

Из медных предметов — древнейшая бритва, листовидные или черешковые ножи с деревянными ручками, трубчатые игольники, иглы, спиральные провололочные подвески, листки, обоймицы, оковки и скобочки от деревянной посуды. Появились предметы из сплавов меди с мышьяком и иногда со свинцом.

Из роговых и костяных предметов кроме вышеуказанных нашлась еще колотушка из рога марала (подобные обнаружены в древнейших медных рудниках), игольники из трубчатых костей, иглы (в ушке одной сохранилась шерстяная нитка), проколки, сверленные рукоятки из

⁷ Стоянку с подобными очагами раскопали М. П. Грязнов и М. Н. Комарова (Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979, с. 22—26).

рогов маралов и остроконечники, а также игра из 70 астрагалов овцы.

В женских могилах сохранились остатки украшений из золота и серебра, а на руке скелета старухи в одной из могил Афанасьевского могильника обнаружен браслет, состоящий из обоймиц, выкованных из самородного железа. Найдены ожерелья из зубов хищников, резцов грызунов, чешуек осетра, костяных бусин. На середину груди, в составе этих ожерелий, свешивались украшенные резными узорами костяные кинжаловидные привески. Одно ожерелье состояло из нескольких десятков просверленных раковин моллюска *Corbicula fluminalis*, ближайшее местообитание которого находится в дельте Амур-дарьи.

На афанасьевской стоянке у горы Тепсей обнаружены кости домашних животных: коровы, овцы, лошади. Кости тех же животных найдены и в некоторых могилах. Однако часто в могилы клали и мясо диких животных: марала, косули, дикого быка или зубра. Это свидетельство того, что охота продолжала сохранять свое значение даже для получения обильной мясной пищи. Значение охоты подтверждают также находки костей лисицы, бурундука, зубов соболей, клыков маралов, резцов грызунов. О рыболовстве говорят находки костей осетровых рыб и щуки.

Археологические материалы позволяют заключить, что афанасьевские племена продолжали заниматься охотой и рыболовством и вместе с тем развивали зародившееся еще в неолите скотоводство. У них были все основные домашние животные. Лошадей и быков разводили как для езды, так и на мясо. Важной составной частью питания стали молочные продукты. Шерсть

и овчины, получаемые от домашних овец, позволяли создавать более совершенную теплую одежду, чем прежде.

*
* *

Материалы раскопок экспедицией МГУ в 1958 г. афанасьевских курганов в горах Центральной Хакасии уже опубликованы нами⁸. Здесь приводятся описания раскопок 1972 г. — выкладки 3 в могильнике Уйбат-Хулган. Памятник расположен на надпойменной террасе левого берега р. Уйбат, в 150 м к северо-востоку от железной дороги Ачинск—Абакан (на 370-м километре)⁹.

Выкладка 3 находилась к востоку от кургана 1, раскопанного в 1958 г., и примыкала к произведенному тогда выбросу (рис. 163). Это была невысокая, слабо задернованная, округлая насыпь из обломков скалы (размеры камней от 2×5×1,5 до 35×50×20 см): Породы камней различны: кварцит, известняки, песчаники, серый гранит и конгломераты. Раскоп 6×6 м охватил всю выкладку. После снятия дерна выяснилось, что к каменному кольцу (из плашмя положенных плиток песчаника) кургана 1 с востока примыкала подквадратная на вид насыпь (5×5 м), ориентированная углами по странам света (рис. 163). После выборки земли и мелких камней на погребенном дерне остались крупные камни и плитки, образовавшие угол в северо-восточной стороне и две «дорожки» с

⁸ Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. — СА, 1962, № 2.

⁹ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии. — В кн.: АО 1972 г. М., 1973.

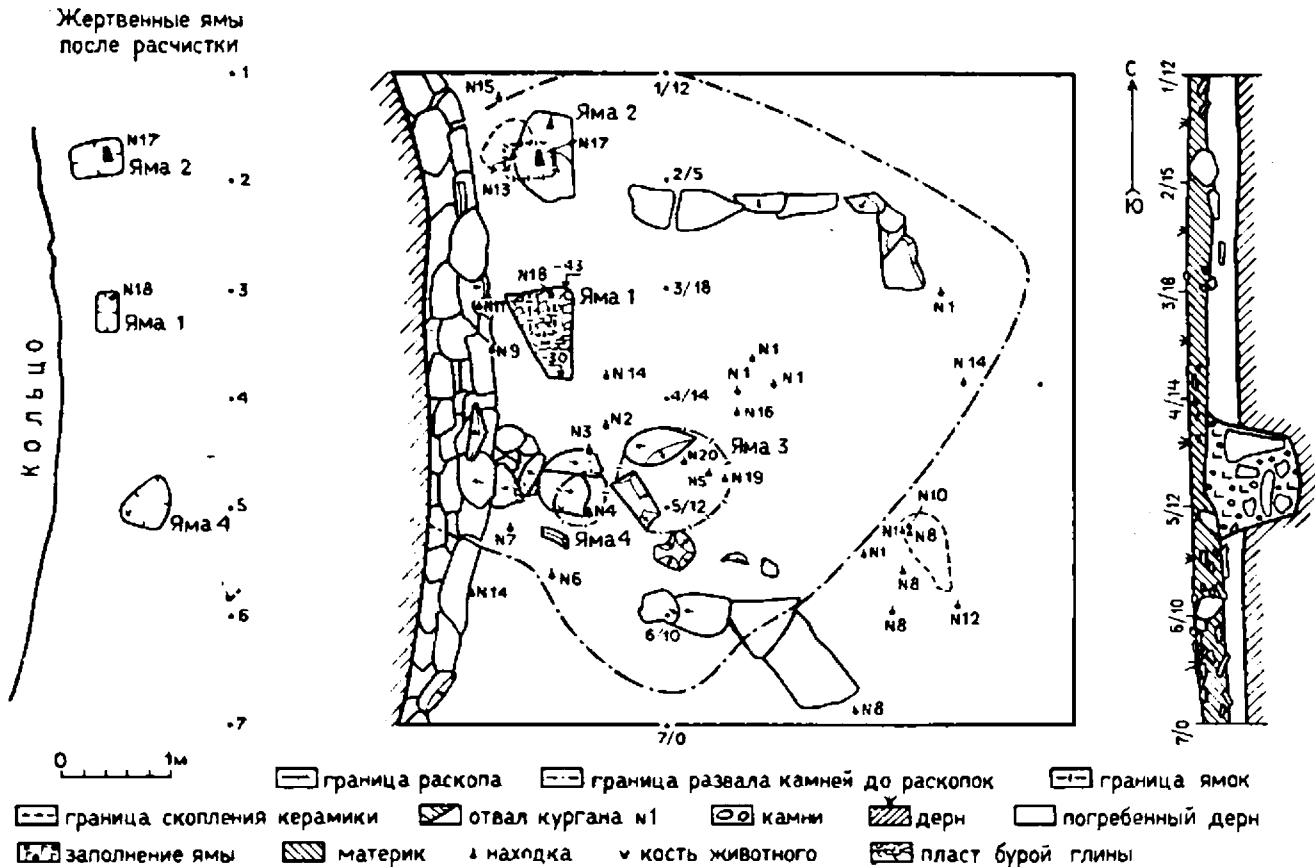

Рис. 163. План и разрез выкладки 3 с восточной стороны афанасьевского кургана № 1 в Уйбат-Хулгане

южной (рис. 163). Единой каменной оградки, вероятно, здесь не было. Средние размеры плиток — $0,6 \times 0,4 \times 0,08$ м.

Под насыпью (высотой 0,3 м) на погребенном дерне в разных местах обнаружены обломки афанасьевских глиняных сосудов. На внутренней поверхности их видны следы

затертости пучком травы. В центре и по южным краям под насыпью оказалось 11 мелких обломков лепных сосудов (рис. 163, № 1) со следами резного косоугольного узора (рис. 164, 2). На одном черепке — часть налепного рассеченного валика под венчиком, а ниже — тот же косоугольный узор. На мел-

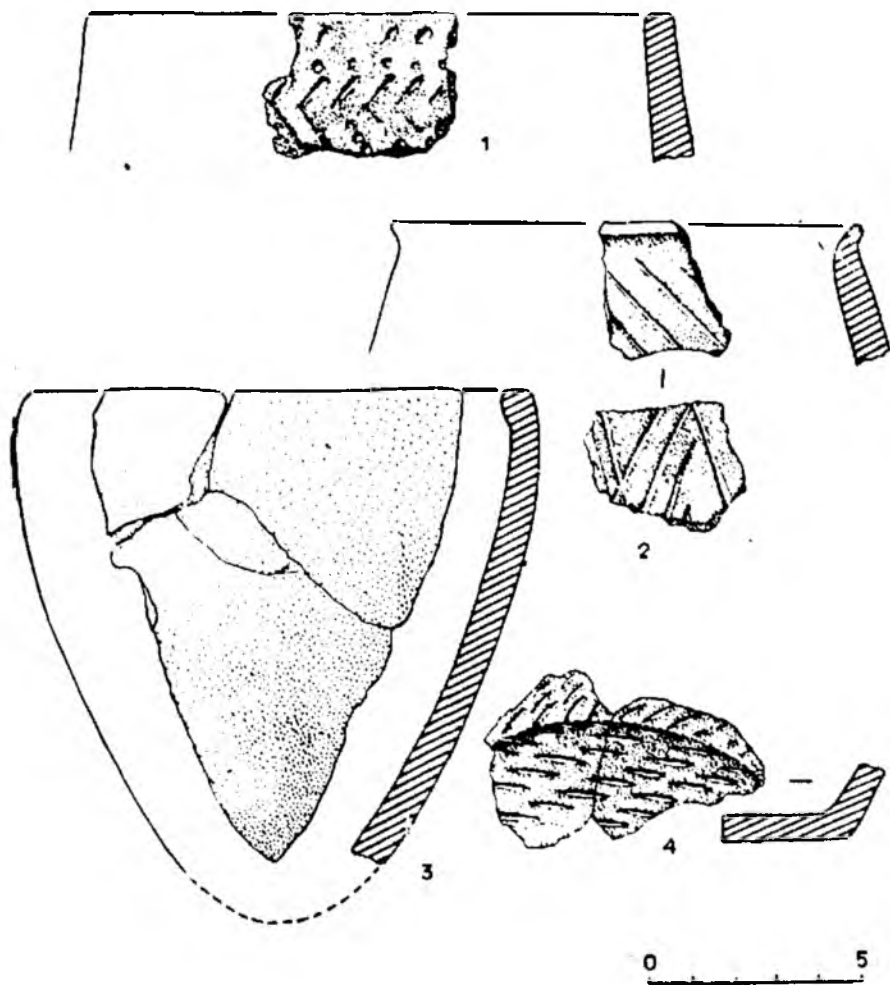

Рис. 164. Обломки афанасьевских сосудов из выкладки 3 в Уйбат-Хулгане. 1 — находка № 1; 2 — находка № 1; 3 — находка № 5; 4 — находка № 12

ком обломке другого сосуда узор был нанесен зубчатым штампом.

С юго-восточной стороны насыпи и вдоль нее разбросано 22 обломка одного и того же сосуда, орнаментированного оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 163, № 8). Среди этих обломков найден кусок донца другого сосуда (рис. 163, № 10) с оттисками в виде острых овалов и «тычков». К югу от развала черепков лежали обломки плоского донца сосуда (рис. 163, № 12), сплошь орнаментированного оттисками штампа-лопаточки (рис. 164, 4).

Под выкладкой 3 обнаружены три небольшие ямки, по-видимому, от погребений младенцев, дополнительных к кургану I. Все они (ямы I, II, IV) располагались вытянуто с севера на юг, сразу же рядом с восточным краем каменного кольца кургана I и вдоль него (рис. 163). К востоку от последней по времени захоронения ямки IV располагалась большая яма III (диаметром

около 1 м), которая была забутована камнями на глубину до 1,04 м, при этом вдоль ее стенок были установлены два больших обломка скалы (рис. 163). Их размеры: $0,95 \times 0,65 \times 0,2$ м и $0,67 \times 0,53 \times 0,33$ м.

Яма III, вероятно, представляла собой поминальный жертвенник, на который возливали жидкую пищу. Вокруг жертвенника по его периферии разбросаны обломки сосудов, разбитых во время тризны. Поверх жертвенника лежали 4 обломка (рис. 163, № 5) гладкого яйцевидного сосуда (рис. 164, 3) с темно-красной поверхностью. При расчистке жертвенной ямы в ней на глубине 0,53—0,55 м обнаружены обломок сосуда (рис. 163, № 20) и височное кольцо (рис. 163, № 19) из свинцово-медной проволоки, свернутой в полтора оборота (рис. 165, 3). Спектральный анализ показал: свинец — основа, медь — 5 единиц, остальные элементы в тысячных долях.

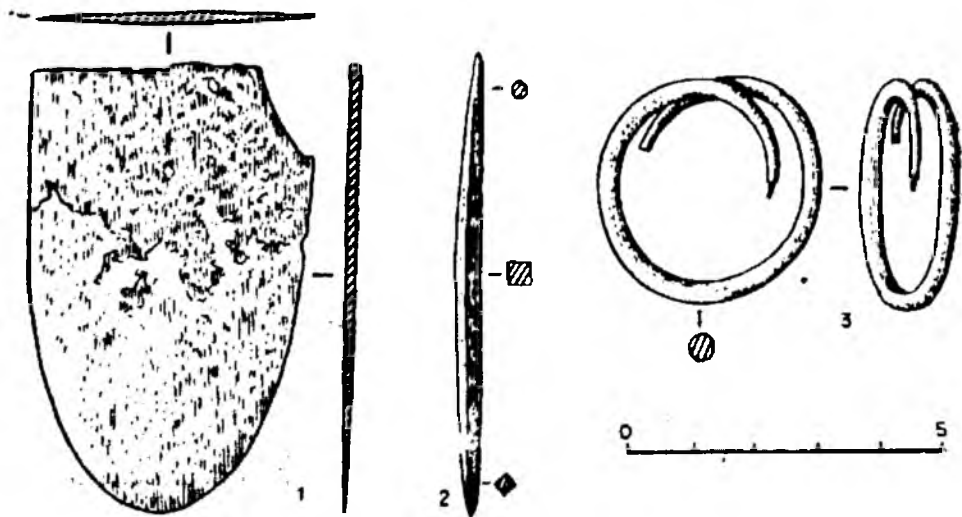

Рис. 165. Металлические предметы афанасьевской культуры из выкладки 3 в Уйбат-Хулгане. 1 — обломок бронзового ножа; 2 — бронзовое шило; 3 — височное кольцо из свинцово-медной проволоки

С северо-западной стороны жертвенной ямы под дерном обнаружено еще два предмета (рис. 163, № 2 и 3) — скругленный конец лезвия бронзового ножа (рис. 165, 1) и четырехгранное, заостренное по концам бронзовое шило (рис. 165, 2). Согласно спектральному анализу нож отлит из мышьяковистой меди, а шило — из сплава меди со свинцом и мышьяком. Эти металлические вещи типичны для афанасьевской культуры.

Яму I обнаружили по перекрывавшему трапециевидному пласту очень пластичной бурой глины (рис. 163). Размеры пласта, вытянутого с севера на юг, $0,85 \times 0,6$ (северный конец) $\times 0,23$ м (южный конец). Пласт представлял собой вогнутую линзу (толщиной $0,04—0,06$ м), верхняя и нижняя поверхности которой покрыты гладкой коркой, образовавшейся, вероятно, в результате просачивания и отстаивания воды. Пласт залегал на глубине $0,3—0,43$ м от дневной поверхности современного дернового слоя.

Вблизи пласта на том же уровне находились комки другой зеленоватой глины (размерами до $0,5$ см).

После снятия пласта под ним расчистилась прямоугольная, вытянутая с севера на юг ямка (размерами $0,38 \times 0,2$ м и глубиной $0,1$ м; рис. 163, слева). В северо-восточном углу ямки лежал на боку маленький остродонный сосудик (рис. 163, № 18). Сосудик гладкий, темно-коричневый, со слабо отогнутым венчиком. Его высота — 7 см, диаметр горла — 5 см (рис. 166).

На дне ямки лежал кусок той же бурой глины, из которой состояло намазанное сверху покрытие ямы. Той же глиной измазан бок детского сосудика. Никаких следов погребения нет. Вокруг ямки лежа-

ли обломки горшков (рис. 163, № 9, 11, 14).

Яма II находилась к северу от первой. Ее перекрывал большой обломок скалы, под которым обнаружен раздавленный толстостенный сосуд (51 обломок, рис. 163, № 13).

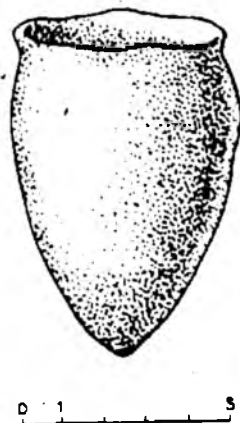

Рис. 166. Детский сосудик из ямы I под выкладкой 3 в Уйбат-Хулгане

По внутреннему краю венчика расположены нанесенные пальцем вмятины. Поверхность сосуда вокруг венчика украшена сложным орнаментом из гребенчатых, тычковых и штампованных вдавлений (рис. 167).

Ниже открылась подквадратная яма (размером $0,48 \times 0,34 \times 0,12$ м), вытянутая с запада на восток. На дне ее лежал миниатюрный уплощеннодонный сосудик с двумя отверстиями (рис. 168). Очевидно, за них привязывалась ременная дужка для переноски (рис. 163, № 17). Высота его — 9 см, ширина по плечу — 7 см, диаметр донца — 3 см, диаметр горла — 7 см. Шейка прямая высотой $0,5$ см. Вся внешняя поверхность сосуда, вклю-

Рис. 167. Обломок венчика сосуда № 13, лежавшего на яме 2 под выкладкой в Уйбат-Хулгане

чая донце, покрыта орнаментом — косой насечкой. На венчике вокруг — мелкие зашипы (как изнут-

ри, так и снаружи), что делает край горла волнистым. Сосуд темно-коричневого цвета. Обжиг плохой, тесто черного цвета с примесью крупного песка (рис. 168).

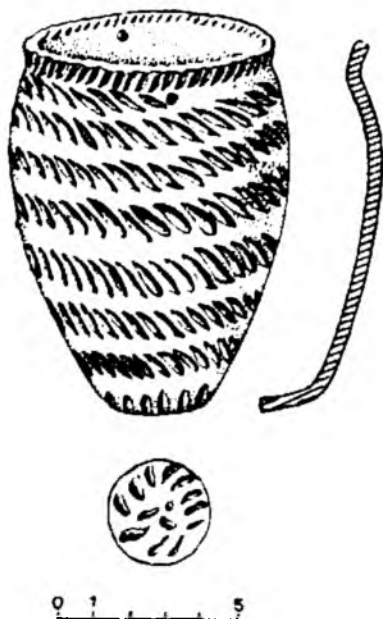

Рис. 168. Детский сосудик из ямы 2 под выкладкой 3 в Уйбат-Хулгане

К северу от ямы II под дерном найден обломок афанасьевского сосуда с тычковым орнаментом (рис. 163, № 15). Вероятно, от того же сосуда происходит разбросанные по всему раскопу обломки, отмеченные в плане № 9, 14, 15 и 16 (см. рис. 163). Они орнаментированы тычковыми вдавлениями и оттисками зубчатого штампа.

Яма IV — южная (рис. 163) — имела форму неправильного овала (0,5×0,4×0,14 м) и была покрыта крупными обломками скалы. Ни погребения, ни сосудов в ней нет — лежала лишь одна неопределимая кость. Поверх засыпки ямы найден обломок венчика афанасьевского сосуда (рис. 163, № 4) с узором — поясками из тычков, ямок, косых вмятин и оттисков гребчатого штампа (рис. 164, № 1). К юго-западу от ямки под дерном найдены обломки еще одного сосуда

(рис. 163, № 6 и 7), поверхность которого была покрыта елочным узором из оттисков зубчатого штампа.

Таким образом, в ямках I, II, IV никаких следов детских погребений нет. Мог ли полностью исчезнуть прах захороненных в них младенцев? Возможно. Но в других местах сохраняются даже косточки утробных младенцев. Под выкладкой 3 оказался светло-желтый материковый песок с большим количеством щебня.

Необходимо сказать, что нами насквозь через отвалы кургана I, раскопанного в 1958 г., прокопана траншея. В основании афанасьевского кургана I лежала округлая кольцевая ограда из плит, уложенных плашмя. Диаметр ограды — 15,6 м. Ширина кольца-ограды как с восточной, так и с западной стороны составляет по 1,05 м. С востока сохранилось 4 ряда (слоя) уложенных друг на друга плашмя плит (0,17 м высотой), а с западной стороны — 3 слоя (0,11 м высотой). Все плиты кольцевой ограды лежат на слое погребенного дерна.

Раскопки 1972 г. показали, что в 1958 г. курган не был окопан вокруг кольца. Опубликованное заключение, что «в этих насыпях не оказалось ни плитняка, ни каких-либо колец из плит, уложенных плашмя»¹⁰, следует признать ошибочным. Афанасьевские курганы Центральной Хакасии, отличающиеся насыпями из рваных обломков скалы, так же, как и курганы других районов, имели ограды из плит, уложенных стеной по кругу.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь, с. 112.

*
* *

Памятники искусства афанасьевской эпохи стали выявляться в последние годы. Их пока еще мало. Необходим пересмотр прежних представлений, а это нелегкое дело. Напомним, что, изучая разновременные рисунки, нанесенные на известное Знаменское изваяние, ныне хранящееся в Красноярском краеведческом музее, М. П. Грязнов совершенно справедливо отнес к более позднему времени верхние рисунки «тощих быков» (по нашему мнению, афанасьевских), выбитых поверх солнечного знака на тазминском изваянии (рис. 116)¹¹.

«Тощие» быки и стилистически, и по технике нанесения резко отличаются от ниже расположенного рисунка пары быков, влекущих, очевидно, солнечную повозку (рис. 116). Быки с повозкой синхронны изваянию и относятся к предшествующему тазминскому времени.

Этот случай планиграфического расчленения разновременных рисунков на тазминских изваяниях не единственный. В 1959 г. нами на Черном озере (в 2 км к юго-западу от горы Хызыл хас) обнаружено еще одно тазминское изваяние (рис. 81), на боковую плоскость которого афанасьевцы позже нанесли:

¹¹ Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии. — КСИИМК, вып. 80. М., 1960 (даты автора, устарели). Проблема датировки рисунков, обнаруженных на плитах из могильника Тас хазаа, требует особого исследования после полной их публикации. То же следует сказать о фрагменте большой плиты с крупным изображением спирали, найденном «в бельтирском афанасьевском могильнике» (см.: Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 172, рис. 5, внизу).

свои рисунки (рис. 169). Выбиты друг над другом три фигуры «тощих» длинных быков с тонкими ножками и длинными хвостами с кисточками, совершенно подобные

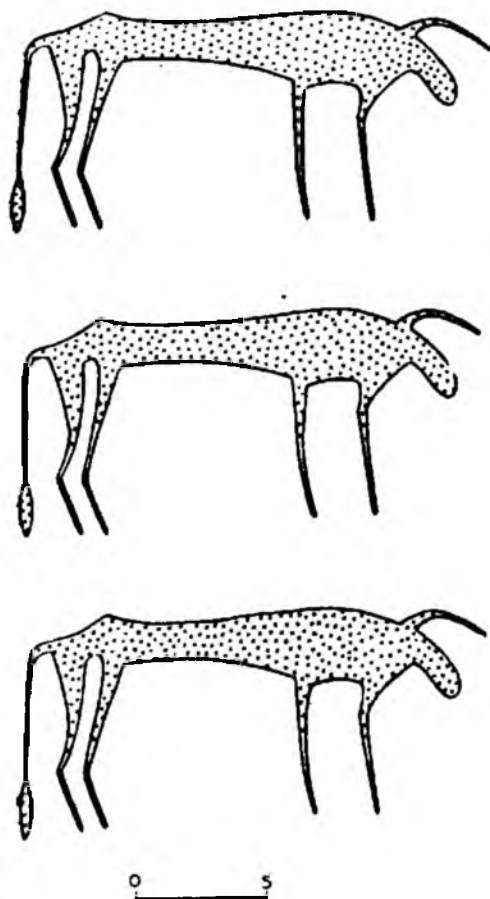

Рис. 169. Изображения быков, выбитых на изваянии, стоявшем в 1959 г. у горы Хызыл тас на Черном озере (ср. рис. 81)

изображениям «поздних» быков Знаменского изваяния. Фигуры животных переданы той же «выемчатой» силуэтной техникой (рис. 169).

Нами обнаружена и третья стела, подтверждающая афанасьевское

время изображений столь характерных «тощих» быков, возможно, волков. Она, как говорилось выше, находится вблизи афанасьевского могильника Уйбат-Хулган, раскопки которого археологическая экспедиция МГУ произвела в 1958 и 1972 гг. Стела переиспользована тагарцами для северо-восточного маяка их кургана, сооруженного в 50 м к востоку от горы Хулган.

Это гранитный столб (высота — 2,41 м, ширина — 0,83 и толщина — 0,5 м), на южной плоской грани которого находятся древние изображения (рис. 170). Ранее всего здесь были выбиты три дуги из заполированных желобков), обращенные вершинами вниз. Позднее были выбиты два рисунка: выше дуг — изображение афанасьевской курильницы на поддоне, с орнаментом в виде девяти поперечных желобков¹², а ниже, поверх упомянутых дуг, выбита точечной техникой фигура быка или вола, идущего влево (рис. 170). На морде и шее животного изображены украшения с многочисленными круглыми подвесками (рис. 171).

Стилистически бык создан в той же манере, что и вышеописанные, позднее дорисованные быки на тазминских изваяниях, теперь, благодаря воспроизведению курильницы, получающие твердую афанасьевскую датировку. Судя по шейному украшению, это священное животное, вероятно, далекий предшест-

¹² Афанасьевские курильницы украшались горизонтально расположенными поясами узоров или рифлением (см.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. III, 24; Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. — В кн.: МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, табл. V, 1; ср.: Gruznov M. Op. cit., рис. 9).

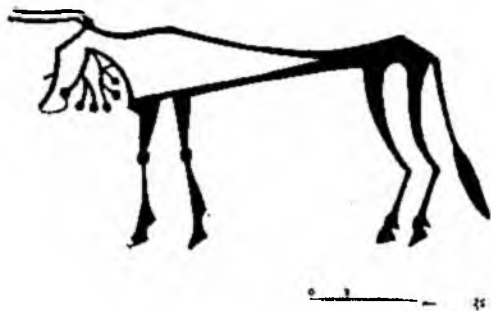
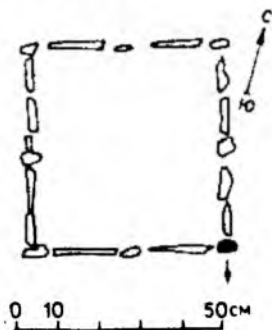
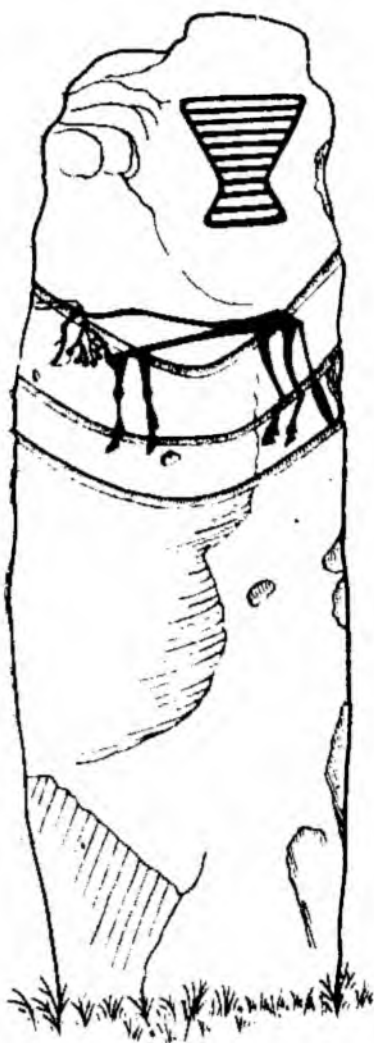

Рис. 171. Священный бык с шейным украшением, изображенный на стеле из Уйбат-Хулгана

венник хакасских изыхов и потому скорее всего вол, а не бык¹³.

Изображения вола-изыха и курильницы, судя по технике нанесения и патине, выбиты в одно и то же афанасьевское время (ср. афанасьевскую курильницу — рис. 172). Они, таким образом, сюжетно взаимосвязаны: курильницы употребля-

Рис. 172. Афанасьевская глиняная курильница из раскопок М. П. Грязнова на Енисее

¹³ Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 69—71, табл. 39.

Рис. 170. Стела в Уйбат-Хулгана. Гранитный столб, переиспользованный в качестве углового камня тагарского кургана

лись при посвящении волов или быков в изыхи, для очищения воскуриваниями посвящаемых животных. После этого они становились священными. Для выяснения хронологии важно также, что священный бык выбит поверх трех дуг, когда они уже были ненужными. Следовательно, три дуги и обычно взаимосвязанные с ними древние изваяния тазминской культуры предшествуют в Хакасских степях афанасьевской эпохе.

Косвенно об этом же свидетельствует случай переиспользования в

качестве строительного материала для окуневского гроба (в могильнике Разлив X) сакральной плиты афанасьевской культуры с прочерченными на нем рисунками пяти идущих друг за другом «тощих» коров (с сосцами!) и быков (рис. 173)¹⁴.

¹⁴ Пшеницина М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н. Раскопки на территории Красноярского водохранилища. — В кн.: АО 1974 г. М., 1975, с. 228 (ср.: Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, табл. III, 2; рис. 105, с. 226—227).

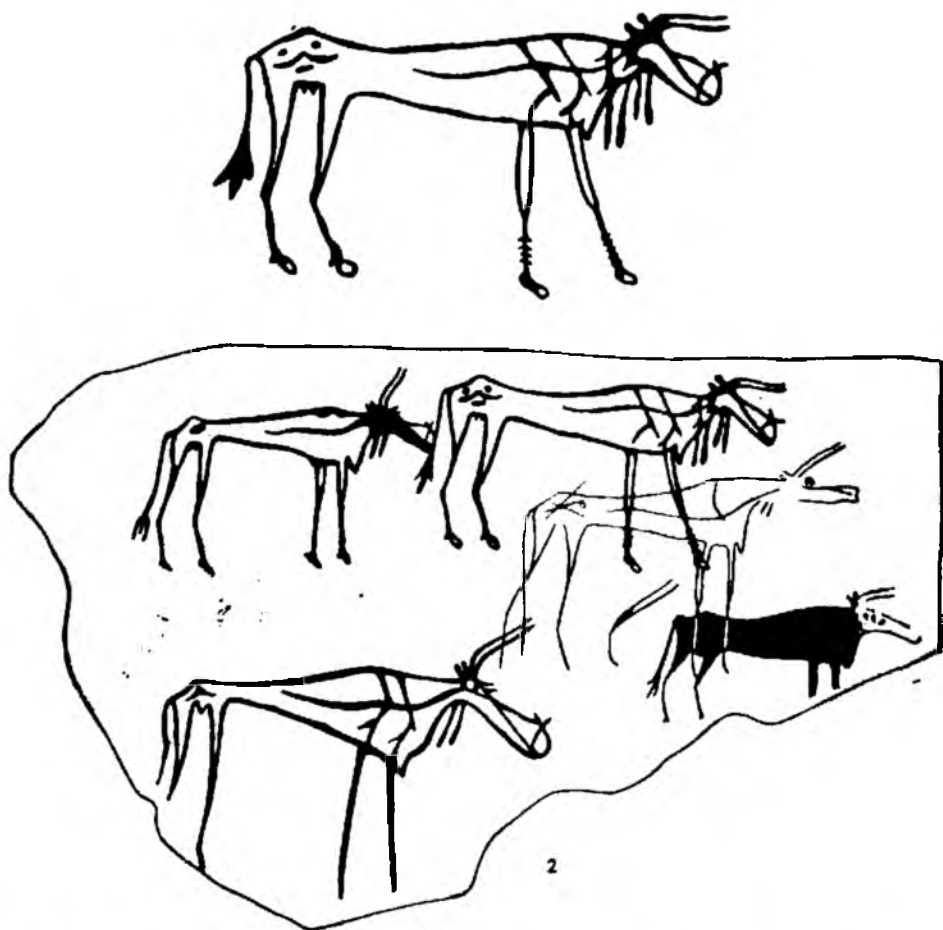

Рис. 173. Сакральные рисунки священных коров афанасьевской культуры на Енисее. Гравюра на плите песчаника

Плита, очевидно, первоначально использовалась в каком-то афанасьевском святилище, ибо на ней изображены не простые, а уже освященные, жертвованные духам животные. Это видно по особым украшениям в виде петли на мордах и по подшейным свисающим подвескам. Кроме того, на стегнах животных изображены тамгообразные знаки и даже незамкнутая личина духа, которому посвящена данная корова (рис. 173). Так еще недавно метил посвящаемых духам изыхов хакасы и другие аборигенные народы Сибири¹⁵.

Афанасьевские вола (с петлями на мордах) были вырезаны поверх начертаний личин и быков двух тазмиских стел, обломки которых в конечном итоге были использованы в качестве строительного материала в могильнике Черновая VIII. В связи с этими изображениями, являющимися еще двумя планиграфическими доказательствами наличия афанасьевских рисунков, нельзя не вспомнить аналогичных косых крестов, которыми метились афанасьевские сосуды¹⁶.

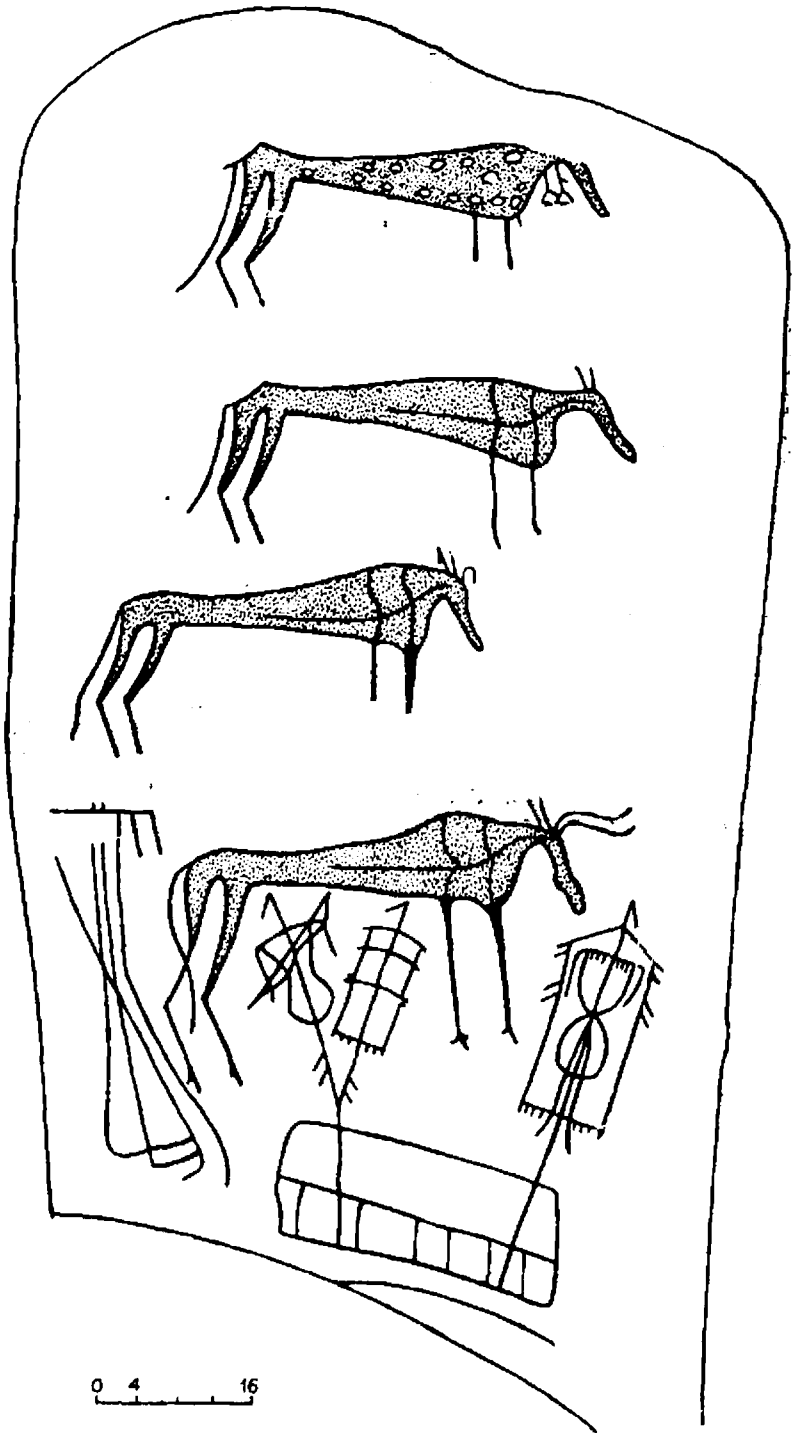
¹⁵ Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Указ. соч., с. 71; табл. 33, 1; 34, 35; 39 и др.; Зеленин Д. К. Культ оногонов в Сибири. М.—Л., 1936; Преловский П. Нижнеудинские карагасы.— Записки и труды Иркутского статистического комитета, вып. 4. Иркутск, 1869; Прокофьева Е. Д. Представление селькупских шаманов о мире. — В кн.: Сб. МАЭ, т. XX. М.—Л., 1961, с. 61.

¹⁶ Леонтьев Н. В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, рис. 2 (3—5); Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бурь, рис. 6—3. Ср. также: Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980, с. 8, 29, табл. XXXI, 3, 8 и LII, 118 и 119 (ср.: Гугаэпов М. Op. cit., рис. 23).

Рисунки «тощих» и длинных коров и волов-изыхов с воспроизведениями личин-духов на стегне и с нашейными украшениями из круглых подвесок известны также на Сулекской писанице, на стеле из Аскиза и на писанице по восточному берегу оз. Билё¹⁷. Последняя писаница особенно важна и интересна. На скале вырезаны четыре «тощих» вола (коровы), стоящих в ряд друг над другом. Верхнее животное — изых, вероятно, посвящено Солнечному божеству. Его туловище украшено пятнадцатью кружками, а на шею повешено украшение из двух кистей (рис. 174). Редкие и загадочные дополнения к сцене посвящения волов в изыхи в афанасьевское время вырезаны ниже быков. Изображен, по-видимому, прямоугольный стол-жертвенник, скрепленный со своей нижней рамой деревянными вертикальными столбиками. Вплотную к нему воткнуты в землю два деревянных ствола-шеста с загнутыми вниз вершинами. Верхняя половина левого ствола раздвоена в виде рогульки. На правой развилке висит нечто похожее на прямоугольное знамя — «хоругвь» с бахромой, на левой — расслабленный «м»-образный лук и восьмеркообразная приталенная накидка жреца с лентами. У основания развилки вырезаны две пары свисающих книзу лент (рис. 174).

На правом шесте также висит прямоугольное, опускающееся вниз полотно «хоругви» с бахромой и лентами, а посередине — еще одна восьмеркообразная накидка с бах-

¹⁷ Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира. — СА, т. XXIX—XXX, М., 1959, табл. XIII; Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978, рис. 12-3, 4.

0 4 16

ромой сверху, с лентами по бокам и со свисающими вниз поясными завязками (рис. 174). Приталенные костюмы и накидки употреблялись в недавнее время шаманами якутов, долган и эвэнков, а специальные знамена шаманов фигурируют в заклинаниях шорцев¹⁸.

Стволы-шесть очень напоминают священные деревья, чаще всего березы, применявшиеся недавними шаманистами Южной Сибири при жертвоприношениях небесным и земным духам, в особенности при посвящении домашних животных в изыхи. У хакасов таких священных берез (пай хазын) было две, их изображали на бубнах. Родственные хакасам шорцы священные березы рисовали с согнутыми вершинами, при этом среди одноствольных, получищенных от ветвей одно дерево также имело раздвоенный верху ствол. Жертвенные деревья енисейских кетов специально очищались от веток почти до вершины и, следовательно, имели вид шестов¹⁹.

Полное совпадение образов священных деревьев в рисунках афанасьевских художников на скале и шорских на бубнах едва ли может быть признано случайным. Известна глубокая арханчность иконогра-

фических особенностей рисунков на шаманских бубнах.

Самый вид рогульки приводит на память широко распространенные в хакасском и алтайском культе деревянные рогатки, воспроизводящие домашних духов (тӱстер). В связи с ними находятся и известные по рисункам на скалах в Сибири древние изображения духов, которые хотя и имеют антропоморфный вид, но всегда вместо головы у них изображена рогулька²⁰.

Не исключено, следовательно, что на афанасьевской сцене посвящения домашних животных в изыхи, сохранившейся до нашего времени на прибрежной скале оз. Билё, изображены не только освящаемые животные-изыхи, но и священный алтарь, священные деревья (древаты мирового дерева) с развешанными на них сакральными одеждами и атрибутами афанасьевских жрецов, в том числе и луком. Известно, что алтайские и якутские шаманы кроме бубна пользовались в своих камланиях луком и стрелами. По этнографическим данным лук в качестве орудия шаманского действия предшествовал бубну²¹. Теперь очевидно, что на Енисее это восходит к глубокой афанасьевской древности. Добавим, что в Южной Сибири после смерти шамана его бубен, костюм, накидки и другие атрибуты непременно развешивались на стоящем где-либо высоко (обычно на горе) священном дереве, т. е.

¹⁸ Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири. — В кн.: Сб. МАЭ, т. 27. Л., 1971; Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.—Л., 1940, с. 345—347.

¹⁹ Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. — В кн.: Сб. МАЭ, т. XVI, М.—Л., 1955, рис. 22-1, с. 215 (ср.: Алексеев Е. А. Культы кетов. — В кн.: Сб. МАЭ, т. 33. Л., 1977, с. 38).

²⁰ Иванов С. В. Указ. соч., с. 173, 235, рис. 3; Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Указ. соч., с. 67, 68, рис. 13; табл. 47-1.

²¹ Иванов С. В. Некоторые аспекты изучения сибирских бубнов. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск, 1976, с. 215; Потапов Л. П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. — СЭ, 1934, № 3.

Рис. 174. Наскальный рисунок священных животных и предметов культа афанасьевских жрецов. Восточный берег оз. Билё в Северной Хакасии

возвращались мировому древу²².

Проведенные нами сопоставления поражают тем, что удается в столь раннее афанасьевское время (середина и вторая половина III тыс. до н. э.) зафиксировать в сложившемся виде один из важнейших обрядов в культуре скотоводческих и оленеводческих народов Сибири — обряд ритуального очищения и освящения домашних животных, посвящаемых божествам и духам.

Можно ли в этой связи считать, что в энеолите Южной Сибири нами зафиксирован уже сложившийся шаманизм? Для столь решительно вывода данных, по-видимому, пока недостаточно. Но безусловно одно — важнейшие обряды энеолитического жречества дожили до нашего времени, и еще в первой половине XX столетия они являлись обрядами развитого шаманизма у народов Сибири.

Выше мы подчеркивали, что раскопки тазминских святилищ, культовых скульптур и менгиров не обнаружили никаких материальных связей с культурами афанасьевско-окуневского круга. Теперь можно добавить, что афанасьевские рисунки не только резко отличаются от предшествующих тазминских стилистически, но и тем, что они постоянно воспроизводят сцену одного и того же культа — культа посвящения вола или коровы в изыхи. Этого культа мы не фиксируем в тазминское время, несмотря на большое обилие сохранившихся тазминских монументов и стел. Этот культ, возможно, в то время был новым на Енисее. Он принесен

в Сибирь с запада пришедшим в Сибирь афанасьевским населением, отпочковавшимся, как полагают и исследователи, от ямной историко-культурной общности.

Вышеописанные рисунки «тощих» и длинных коров и волов нельзя не сопоставить с заключением палеозоологов, сделанным на основании костных остатков: «в афанасьевское время был длиннорогий крупный рогатый скот большого размера»²³.

Недавно, благодаря находке Я. И. Сунчугашева, выяснилось, что афанасьевские художники воспроизводили не только быков. На одной из стел близ улуса Нижняя Тёя археологом обнаружены (выбитые силуэтно) фигуры двух стоящих друг над другом лошадей. Стилистически эти лошади обнаруживают полное сходство с «тощими» быками и, несомненно, относятся к тому же афанасьевскому времени (рис. 175).

Теперь мы видим, как неправы те исследователи, которые отказывают первым энеолитическим племенам Хакасии, оставившим памятники афанасьевской культуры (середина и вторая половина III тысячелетия до н. э.), в способности ко всякой изобразительной деятельности. Действительно, в настоящее время памятников афанасьевского искусства известно еще мало, так как в могилы они их не помещали, а поселения того времени почти неизвестны. Однако, например, при раскопках афанасьевских курганов в Горном Алтае Е. М. Берс нашла великолепную реалистическую ка-

²² Каратанов И., Попов Н. Качинские татары Минусинского округа. — ИРГО, т. 20, вып. 6. Спб., 1884, с. 631; Каратанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. Спб., 1907, с. 561.

²³ Ермолова Н. М. Проблемы изучения скотоводства у древнейших племен Сибири. — В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981, с. 149.

менную скульптурную голову медведя, полую внутри и с отверстиями по бокам, т. е., несомненно, наделавшуюся на какое-то (скорее всего деревянное) скульптурное туловище²⁴.

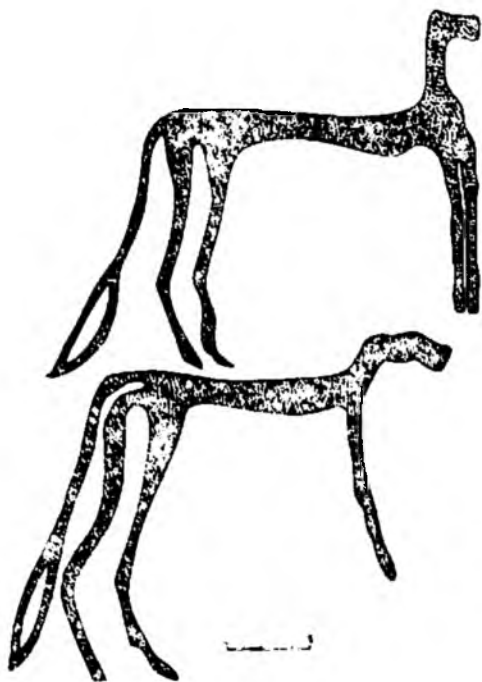

Рис. 175. Афанасьевские рисунки лошадей, выбитые на каменной стеле, найденной Я. Н. Сунчугашевым близ улу-са Нижняя Тёя

Афанасьевцы жили в постоянном окружении изваяний, менгиров и наскальных рисунков предшествующей тазминской культуры. Они, как мы видели, иногда переносили их, нанося свои рисунки поверх старых. Может быть, именно афанасьевцы дорисовали на небесной сфере тазминской сте-

лы с чаатаса Красный камень космическую дышловою упряжку бегущих священных волов. Краснокаменские волю схожи с афанасьевскими по экстерьеру²⁵. Дорисовка, возможно, свидетельствует о том, что афанасьевские племена имели сходные представления о небесной колеснице.

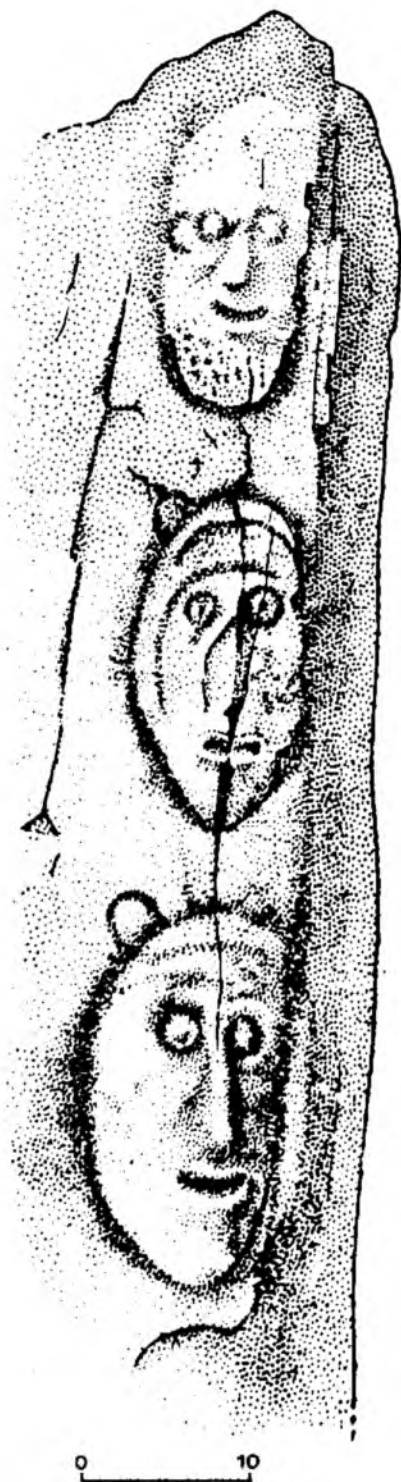
При устройстве афанасьевских погребальных сооружений тазминские изваяния и стелы не использовались в качестве строительных материалов. Возможно, тазминские боги в ту пору еще почитались потомками старого населения и уважались новоселами. Вспомним, что еще недавно эти же самые, пережившие тысячелетия, изваяния являлись существенным элементом хакасской духовной культуры, зафиксированной этнографически. Хакасы почитали их в качестве традиционных культовых объектов и поэтому никогда не ломали. Потому же, вероятно, их не ломали и афанасьевцы.

Это обстоятельство затрудняет вычленение собственно афанасьевских изваяний, которые, несомненно, существовали и еще будут выявлены. Вероятно, могли существовать и определенные стилистические и иные заимствования творцами афанасьевских ритуальных объектов, постоянно имевшими перед глазами тазминские. Схожи, например, незамкнутые лики духов и «росчерки» внутри фигур быков (рис. 173).

Можно предполагать, учитывая иконографическую особенность «тощих» волов и самостоятельность культа, который они представляли, что афанасьевские боги все же бы-

²⁴ Берс Е. М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 25—28, рис. 6-1, 2.

²⁵ Appelgren-Kivalo H. Altaltaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, abb. 131.

ли другими по облику. Ни на чем не настаивая, в порядке первого приближения, можно отнести к афанасьевской культуре плоскую стелу, найденную нами в 1982 г. близ улуса Бельтиры (высота — 1,82 м, ширина — 1 м и толщина — 0,19 м). Восток-северо-восточная грань плиты была хорошо заглажена, и на ее восточном ребре выбиты одно под другим (на 0,76 м в длину) три реалистичных антропоморфных лица. Они кажутся скульптурными и рельефными благодаря остроумному использованию ребра стелы (рис. 99). Верхнее и среднее лица выбиты точечной техникой и выглядят более уплощенными, а нижнее по выбивке еще и протшлифовано. Длина верхнего лица — 19 см, ширина — 8 см; среднего — 21,5 и 6 см; нижнего — 22 см и — 12 см. Верхнее и среднее лица сохранились хуже — более размыты и потрескались. Верхнее — бородатое, с ухом, близко расположенным к глазам. Среднее и нижнее лица с узкими подбородками, слегка выступающими скулами. Уши (если это уши) выбиты у них высоко на голове. Глаза округлые, рты слегка раскрытые, носы длинные, приходящиеся на грань плиты и потому поврежденные. У нижнего и среднего лица смоделированы морщины (рис. 176).

Нетрудно увидеть, что у описанных лиц нет специфических тазминских черт. Все особенности изваяния отличны от тазминских. Близкое сходство, по-видимому, имеют расположенные друг над другом рельефные узколищые личины, вырезанные из трубчатой кости из неолитического поселения Дяздица

Рис. 176. Лики божеств, выбитые на стеле близ улуса Бельтиры (ср. рис. 99).

на Псковщине, относящиеся (предварительно) ко второй половине III тыс. до н. э.²⁶ Это время совпадает с периодом существования афанасьевской культуры, да к тому же все связи афанасьевской культуры, как известно, западные. Некоторые ученые предполагают, что афанасьевские европеоиды представляли собой восточную ветвь индоевропейского массива и поэтому, возможно, являлись носителями тохарского языка²⁷.

Есть и другие каменные изваяния с изображениями более или менее схожих реальных лиц людей, но они, к сожалению, не имеют каких-либо иных доказательств их возраста и культурной принадлежности.

Все же нельзя не сказать о двух изваяниях, происходящих из Салбыкской степи, резко отличающихся от тазминских. Они выделяются прежде всего реальными ликами бородатых мужских голов. Это «Салбыкский старик» (или Игыр оба), место которого раскопано нами в 1971 г. (рис. 28, 29).

Раскопки показали, что хотя остатки каких-то приношений в виде обломков костей домашних животных и клыка медведя обнаружались, но возле изваяния не оказалось обычного для тазминских святилищ жертвенника, состоящего обычно из глубокой ямы, забутованной камнями. К сожалению, не оказалось и других датирующих предметов (рис. 29).

Вверху, на одной из четырех граней, выбито удлиненное лицо муж-

чины в конической шапке. Глаза, брови, длинный нос, скулы, губы и овальная борода — переданы слабым рельефом. Справа, на соседней грани, выбиты круглое ухо и линия, ограничивающая правую щеку²⁸.

Никаких черт, сближающих это изваяние с тазминскими, нет. Оно более схоже со слабо рельефными личинами бельтирского памятника, верхнее («небесное») лицо которого также воспроизводит облик бородатого мужского божества с выпуклыми глазами и носом, с выбитым правым полукруглым ухом (рис. 28, 176).

Второе изваяние, найденное нами в той же Салбыкской степи, было переиспользовано для средневекового могильника на оз. Кызылкуль. Оно янусовидное. На подчетырехугольном в сечении каменном столбе с одной стороны выбито подобное же лицо человека с овальной бородой, в шапочке, отделенной от лба прямой чертой, слева сохранилось ухо (рис. 96).

На противоположной грани выбито подобное же удлиненное лицо в шапочке, но без бороды (рис. 96). С правой стороны его также обозначено ухо. На месте живота выбито овальная выпуклость, сужающаяся кверху (рис. 96). Вероятно, так обозначено женское беременное божество.

Важно, что беременный живот воспроизведен совершенно иначе, чем у тазминских изваяний. Это, в сущности, изображение как бы очерченного яйцевидного плода, еще находящегося во чреве матери.

Все три образа верховных божеств Салбыкской степи весьма близки по трактовке: удлиненные

²⁶ Беспалова Т. И., Микляев А. М. и др. О работах в Псковской области. — АО 1976 г. М., 1977, рис. на с. 7.

²⁷ Ср. с поздними индоевропейскими идолами: Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Prag, 1966, Bd. I, s. 335.

²⁸ Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. 36 (37).

лица в шапочках, длинные носы, сжатые овальные губы; у двух — овальные бороды²⁹.

Наиболее интересной представляется кызылкульская янусовидная скульптура: мужское бородатое божество, смотрящее в одну сторону, и женское беременное — в другую (рис. 96). Или они оба изображают единое двуполое существо, или они своими противоположными лицами обращены к двум разным мирам: к миру живых и к миру мертвых³⁰. Жаль, что нельзя узнать, кто из них был первоначально обращен на восток, а кто — на запад.

Но может помочь «Салбыкский старик» (Игыр оба). Он хотя и стоял наклонно, но был обращен лицом на запад. В таком случае на запад, лицом к прошлому, было первоначально обращено и кызылкульское бородатое божество, а на восток, к настоящему, к солнцу и миру живых, было повернуто женское божество, чреватое жизнью.

Двуликие божества у разных народов представлялись стоящими на грани жизни и смерти, прошлого и будущего, мира живых и мира мертвых, у входа из одного мира в другой. Так, у римлян Янус был богом дверей, входа и выхода, всякого начала. Он знал прошлое и будущее, но в то же время был культурным героем, научившим людей кораблестроению, разведению овощей и пр. В то же время именно он был богом — создателем богов и творцов мира.

²⁹ Бельтирские лица отличаются приоткрытыми ртами.

³⁰ Ср.: Лаушкин К. Д. Онежское святилище, ч. II. В кн.: Скандинавский сборник, т. V. Таллин, 1962; О янусовидных фигурах см.: Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 204—205; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, — МИА, 1950, № 18, с. 333, рис. 97.

У других народов двуликие боги — это боги неба. Были они, судя по оттискам печатей, в шумеро-аккадской мифологии³¹. В древнеегипетской религии двумя лицами обладал «создатель богов, дающий жертвы обитателям преисподней на западе неба, восточный кормчий, обладатель обоих лиц, благодаря лучам которого видят». Это двуликое существо было связано с представлением о рождении богов и прежде всего, очевидно, бога света и солнца. Двуликим был у египтян и небесный перевозчик, перевозивший умерших в потусторонний мир³².

В древнеиндийских мифах бог-творец Пуруша создает женщину, распавшись на две половины. В индуизме «каждый аспект бога имеет две стороны: мужскую и женскую. Женская характеризует творческую энергию или силу (шакти) соответствующего бога». Великая Мать Шакти иногда изображалась «в виде шивантской двоицы Ардханарисвары (наполовину мужчина, наполовину женщина)». Бог Агни родился от самого себя³³.

Двойная кызылкульская фигура, скорее всего, символизирует демиурга — творца мира и вселенной, который первоначально породил мировое яйцо, а из последнего возникли небо, земля, солнце, звезды и т. д.

Тогда такого же верховного прототворца воспроизводит и «Салбыкский старик».

³¹ МНМ, т. II, с. 648, 683, 684.

³² Лившиц И. Г. Время — пространство в египетской иероглифике. Л., 1935, с. 237—241; Окладников А. П. Указ. соч., с. 333—334.

³³ Боги, брахманы, люди. 4000 лет индуизма. М., 1969, с. 76, 91; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1982, с. 236.

Очевидно, что описанные изваяния существенно иные, чем тазминские, и поэтому более вероятна их принадлежность к последующей афанасьевской эпохе. Что касается вышеописанного трехликого изваяния из поселка Бельтиры, то смысл его, вероятно, в первую очередь связан с теми же представлениями о вертикальной оси вселенной и о трех мирах (небесном, земном и подземном), которые зафиксированы нами уже для тазминских неолитических изваяний. Эти представления дожили до современности и у шаманистов Сибири. Но, как видим, в афанасьевское время идея трех миров воплощена в камень иначе, чем у тазминцев. Судя по лицам салбыкских божеств, а также божеств или духов, представляющих на бельтирском изваянии каждый из миров, афанасьевские боги действительно были другими. Новые находки дополняют и проясняют приоткрытый нами афанасьевский пантеон.

2. Окуневские ограды и стелы

На окуневском этапе прогрессивное развитие культуры афанасьевских племен продолжалось. Хотя многие предметы по-прежнему изготавливались ковкой из подъемной самородной меди (ножи, серпы, топоры, шилья, игольники), но уже в конце III тыс. производились литые медные (шилья, проушный топор, втульчатое копье) и бронзовые предметы (ножи, шилья, серьги, височные кольца). Бронзовые предметы отлиты довольно грубо из мышьяковистой бронзы и затем доработаны с помощьюковки и шлифова-

ния³⁴. В эту пору в Хакасско-Минусинской котловине зародился один из древнейших центров обработки металлов, центр металлургии и горного дела. Теперь люди не довольствовались больше самородной медью, а производили поиски окисленных медных руд, выплавляли металлы (медь, свинец) и даже создавали сплавы (мышьяковистая бронза). На Горном Алтае найдены древнейшие копи, рудокопные орудия, и в том числе каменные топоры с просверленным проухом³⁵, явившиеся прототипом уникального медного проушного топорика из центрального погребения старейшины в могильнике Тас хазаа на р. Абакане³⁶. Рудокопы занимались и литейным делом (в примитивных ямных печах), имели льячки и формы (очевидно, глиняные). Они уже умели отливать столь сложные орудия, как проушные топоры или древнейшие втульчатые копья (рис. 177, 178)³⁷.

Южносибирский очаг обработки металлов, металлургии и горного дела, возникший в III тыс. до н. э., является древнейшим во всей Северной и Восточной Азии. Это определяет его особое значение в прогрессивном развитии населения указанных областей. Даже высокоразвитые земледельческие племена Центрального Китая овладели ме-

³⁴ Богданова-Березовская И. В. Указ. соч.; Наумов Д. В. Указ. соч.

³⁵ Кызласов Л. Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае. — В кн.: Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева. М., 1965.

³⁶ Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

³⁷ Зимина В. М. Афанасьевское погребение из Тубы. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь, вып. 2. Новосибирск, 1966.

таллом (бронзой) лишь в XVIII—XVII в. до н. э., получив его, видимо, уже готовым извне, не будучи знакомыми с орудиями из чистой меди³⁸.

Конечно, в афанасьевское время происходило лишь становление гор-

заимствования в разных областях культуры от предшествующего этапа. Естественно, появилось и новое.

Наряду с земляными курганами, ограниченными часто круглыми оградами из каменных плит (Окунев улус; Бельтиры, могила 6; Ас-

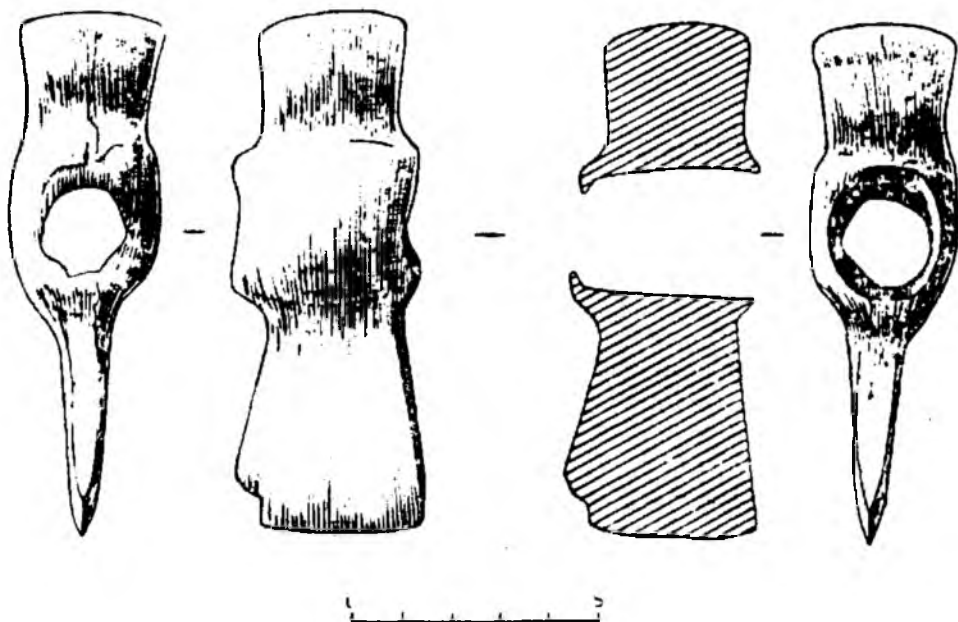

Рис. 177. Древнейший проушной топорик, отлитый из красной меди (могила 4 в ограде Тас хазаа, 1957 г.)

ного дела и металлургии, но столь раннее зарождение их в условиях богатейших рудных месторождений Саяно-Алтайского нагорья вызвало вскоре расцвет этого всемирно известного центра южносибирских культур бронзового века.

Памятники окуневского времени сохранили многие прямые связи-

киз, могила 2; «Большое кольцо»), появились округлые каменные курганы из обломков скалы (Уйбат-Хулган, курган 2) и квадратные ограды (5×6,15×15 до 40×39 м). Чаще всего в них находятся одиночные или парные погребения, а в больших оградах-кладбищах оказывается до 10—20 грунтовых могил.

Характерно, что окуневские могилы почти всегда находятся на курганном поле предшествующего афанасьевского времени или залегают в непосредственной близости от не-

³⁸ Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая. — СА, 1960, № 4 (ср.: Кучера С. Китайская археология. М., 1977, с. 90—96).

го или даже являются впускными в курганы ранних афанасьевцев. Это доказывает, что в случае сохранения родовых групп афанасьевцы окуневского времени предпочитали захоронить умерших на родовых кладбищах своих непосредственных предков, хотя кругом было много свободных мест для сооружения собственных кладбищ.

Если в прежнее время умерших хоронили преимущественно в грунтовых ямах (хотя уже встречались ямы, обставленные плитами, или каменные ящики)³⁹, то в окуневских могилах стали хоронить, главным образом, в ящиках из плит, но следует отметить и сохранение обычных грунтовых ям⁴⁰.

Существенно, что погребальный обряд остался прежним. Трупы умерших по-прежнему укладывались на спине с поднятыми вверх коленями или, реже, скорченно на боку (головой на запад или юго-запад). Изредка встречаются и трупосожжения⁴¹.

Изменилась несколько «мода» на сосуды, устанавливаемые в могилу, но в быту, очевидно, применялся тот же набор глиняных изделий⁴². Малые баночные сосуды, которые в афанасьевское время встречались в

могилах редко⁴³, теперь решительно преобладают. Но естественно, что в быту не могли обходиться только такими сосудами, особенно для приготовления пищи. Иногда в погребениях встречаются уплощеннодонные или горшковидные сосуды, формы которых восходят к яйцевидным; попадаются в обломках сферические выпуклодонные⁴⁴, среди которых важно отметить целый сосуд, украшенный уже поздним ромбическим орнаментом «андроновского» характера⁴⁵. Изредка в могилах обнаруживаются и яйцевидные остродонные сосуды⁴⁶, а также вазочки-курильницы на низком полом поддоне. Последние внутри имеют отделения, огражденные особой перегородкой, чего не было в ранних курильницах, но зато из афанасьевской могилы происходит плоскодонный сосуд с двумя отделениями⁴⁷. Отрицать происхождение окуневских курильниц от афанасьевских невозможно.

Рассмотрение всех типов окуневской посуды выявляет ее тесные генетические связи с посудой раннего этапа и указывает на то, что поздние формы не могли появиться без предшествующих. Изучение глиняной посуды доказывает, что афа-

³⁹ Тесь, курганы № 8 и 17; р. Аскиз, № 1; Бельтиры, № 2 и 11 (нижняя).

⁴⁰ Черновая VIII; Тас хазаа; Уйбат-Хулган, курган № 1, погребения 1 и 3; «Большое кольцо».

⁴¹ Скорченные на правом боку окуневские погребения есть в Тас хазаа; Бельтиры, № 6 (девочка) и Уйбат-Хулган, № 2 (мужчина). Трупосожжение — р. Есь (см.: Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи. — КСИИМК, вып. 54. М., 1954, с. 89, рис. 35).

⁴² Общезвестно, что для погребального ритуала иногда отбирались только определенные по форме и размерам сосуды (ср.: Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. — МИА, 1956, № 48, с. 18—19).

⁴³ Однако они есть в афанасьевских могилах не только на Енисее (Афанасьевский могильник, № 6 и 8; Сыда, № 14), но и в Горном Алтае (см.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. VI, 16, с. 58; История Алтая. Барнаул, 1983, рис. 3, 3).

⁴⁴ Уйбат-Хулган, № 1, погребение 2 (вместе с баночкой): Уйбат-Хулган, № 2; Тас хазаа; «Большое кольцо».

⁴⁵ Сыда, № 6, п. 1 (вместе с баночкой) (см.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 38—39).

⁴⁶ Тас хазаа, № 4; «Большое кольцо»; Ужур, № 4, п. 2.

⁴⁷ Бельтиры, № 8 (см.: Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре, с. 270).

насьевские и окуневские памятники взаимосвязаны. Эти связи еще должны быть изучены и объяснены.

Естественно, что материальная культура в окуневское время более развита. Но знакомство с инвентарем окуневских могил также обнаруживает общность с предметами афанасьевского этапа.

Наряду с медными и бронзовыми листовидными и черешковыми ножами (с деревянными ручками), игольниками, иглами, шильями появились медные кинжалы, рыболовные крючки из проволоки и выкованный из самородной меди серп, вставленный под углом в ручку из рога косули⁴⁸. Наряду с каменными клиновидными топорами появились металлические. Особенно замечательны древнейшие в Северной Азии прогрессивные по формам литые медные орудия: проушной топорик с высоким обухом и втульчатое копье (рис. 178). Если топорик имел прототипом каменные проушные топоры, известные по находкам на Алтае, то копье по абрису двуперного лезвия воспроизводит известные в неолите костяные копья со вкладышевыми лезвиями. Появились также бронзовые ножи, четырехгранные в сечении шилья (нередко вставлявшиеся в костяную рукоять), височные кольца и серьги (рис. 179).

Рис. 178. Древнейшее литое медное копье (курган 5 у горы Моиссиха на р. Тубе, 1959 г.)

⁴⁸ Такие по форме жатвенные ножи для энеолитических поселений конструируют С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова (см.: Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы. — СА, т. XXI. М.—Л., 1954, рис. 5; Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйства неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 158, рис. 3 (13). Аналогичные каменные серпы, вставленные под углом в костяные рукояти, найдены в Швейцарии (см.: Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, с. 252).

Таким образом, для охоты и рыболовства создавались уже металлические орудия (копье, крючки с жальцами и петлей). Кроме них

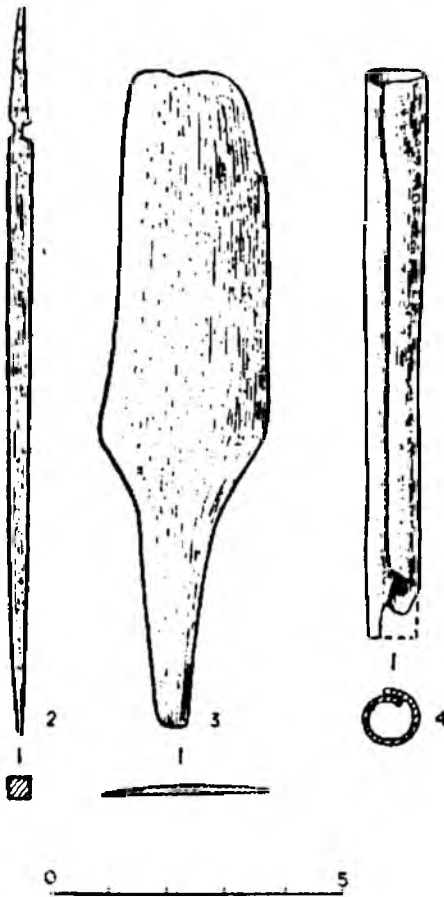

Рис. 179. Шило, нож, игольник, отлитые из меди (ограда Тас хазаа, могила 1а, 1957 г.)

употреблялись роговые гарпуны, составные остроги и сети (найлены костяные орудия для плетения)⁴⁹.

⁴⁹ Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, рис. 2.

В некоторых могилах найдены отдельные кости и зубы медведя, волка, оленя, кабарги, косули, соболя, рога марала, а также клювы журавлей и трубчатые кости птицы. В одном погребении обнаружен череп соболя. Все это, как и находки каменных наконечников стрел и дротиков, подтверждает, что охота продолжала оставаться важной отраслью хозяйства.

Между тем мяса диких животных в могилы уже не клали. В редких случаях встречаются кости домашнего барана и коровы (Тас хазаа), а также найдены игральные астргалы барана со знаками и зарубками. Развитие скотоводства несомненно.

На окуневском этапе в бассейне рек Абакана и Енисея появляется новая важная отрасль хозяйства — земледелие. Выше уже упоминался жатвенный нож-серп, состоящий из медного лезвия и роговой рукоятки. Кроме того, в Тас хазаа найдены каменные мотыги и курант зернотерки, песты, а также каменная колотушка⁵⁰. Каменные песты есть и в других могильниках.

Таким образом, позднеафанасьевская или окуневская культура предстает перед нами значительно обогащенной основными отраслями производящего скотоводческо-земледельческого хозяйства. Охота и рыболовство сохраняют еще высокий уровень среди отраслей хозяйственной деятельности человека.

В женских могилах находятся также игольники, сделанные из трубчатых костей птиц и металлических пластинок, костяные проколки и иглы. Обнаружены ожерелья из зубов и клыков медведя, соболя, кабарги, косули, лисицы, с полиро-

⁵⁰ Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре.

ванными мраморными шариками-подвесками; костяные бусы, а также каменные фигурные пронизки, бусы и бисер, вырезанные из разноцветных каменных пород. Одежды украшались не только зубами животных, бисером, кружками и пронизками из камня и м (и, но и вырезанными из рога колечками, округленными медными бляшками, а также нашивными фигурками летящих птиц. Найдены просверленные астрагалы косули.

Особое место занимают найденные в могилах изображения человеческих головок, то выгравированные на концах костяных пластинок (рис. 180), то вырезанные скульптурно навсрху каменного стерженька (рис. 181)⁵¹.

⁵¹ Вадецкая Э. Б. и др. Памятники окуневской культуры, табл. 24 (1-10, 12, 13, 15); Левашева В. П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, рис. 5.

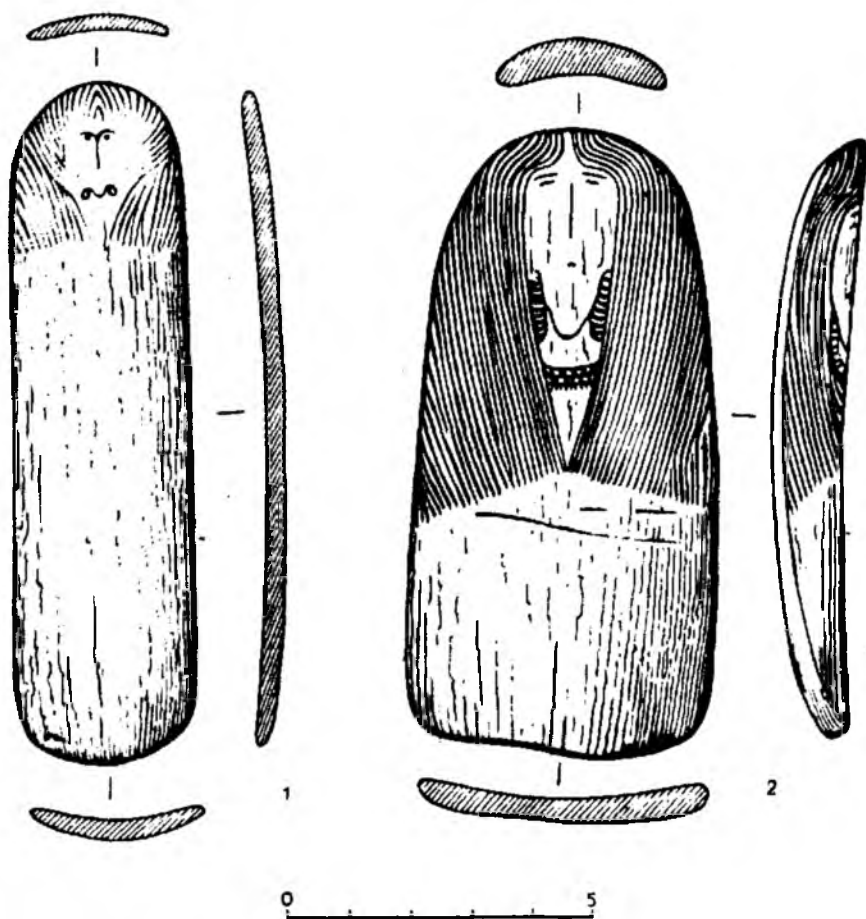

Рис. 180. Гравированные антропоморфные изображения на костяных пластинках (г. Абакан, у церкви, гробница 4, 1945 г.)

Таких находок пока не было обнаружено в афанасьевских могилах. Однако подобные же фигурки найдены случайно и в погребениях, относящихся к разным культурам вто-

Рис. 181. Каменная агальматовая фигурка с женской головкой (изображены серьги и волосы), случайно найденная в 1958 г. у подножья горы Сторожевой у с. Большая Ерба в Боградском районе

рой половины III — начала II тыс. до н. э., на обширной территории от Байкала до Онега и на юг до Самарканда⁵².

⁵² Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. — КСИИМК, вып. 63. М., 1956; Окладников А. П. Неолитические погребения на Афонтовой горе. — КСИИМК, вып. 25. М.—Л., 1949; Хороших П. П. Неолитическое погребение на реке Кае. — КСИИМК, вып. 54. М., 1954; Он же. Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске. — В кн.: Сибирский археологический сборник, вып. 2. Новосибирск, 1966; Студзницкая С. В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы. — СА, 1970, № 1; Фосс М. Е. Погребения на

Фигурки из могил окуневского времени имеют один и тот же физиономический тип. Это реалистичное воспроизведение вытянутого женского лица с очень узким подбородком и прямым носом. Часто изображены волосы и сережки. По мнению антропологов, все эти граюры и скульптуры воспроизводят один и тот же европеоидный тип⁵³.

Судя по нахождению каменных фигурок в женских могилах и учитывая назначение известных у сибирских народов маленьких изображений человека, можно предполагать, что фигурки окуневского времени являлись изображениями душ или духов предков больных женщин, своеобразными амулетами, предназначенными изгонять духов болезней из организма человека⁵⁴.

*
* * *

Хакасская экспедиция МГУ в 1972—1973 гг. исследовала окуневские могильники, располагавшиеся на улицах станционных поселков Усть-Бюрь и Ербинская на линии ж. д. Ачинск — Абакан.

В поселке Усть-Бюрь, стоящем на левом берегу р. Пююр-сух, на Степной улице, идущей от двухэтажного здания школы на север, обнаружен могильник из трех боль-

стоянке Кубенино. — ТГИМ, вып. 8. М., 1938; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис. 5, 8.

⁵³ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955, с. 542.

⁵⁴ Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.—Л., 1958, с. 212; Орлова Е. П. Амулеты гиляков. — В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964, с. 231; Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1970, с. 10—13, 24—25, 45—46.

Рис. 182. Общий вид ограды № 5 в пос. Усть-Бюрь до раскопок

ших могил, вытянутых вдоль улицы с юга на север. Возле дома № 19 находится четко выраженная квадратная ограда 9×9 м. В 6,5 м от нее к северу (у дома № 21) находится большая кольцевидная ограда (диаметром около 10 м), заполненная обломками скалы. В 19 м от нее к северу расположена вторая кольцевая ограда (диаметром около 14 м), также заполненная обломками скалы. Насыпи оград уплотненные, но заметно возвышаются над полотном дороги. Еще одно кольцо — каменный бугор (диаметром около 6 м) — лежит в полотне Станционной улицы у дома № 7, а у дома № 11 — округлый каменный курганчик (3 м в диаметре) с обнажившимся каменным ящиком без крышки, а рядом с ним в полотне дороги виден второй

ящик. Оба ящика вытянуты с запада на восток. Третий открытый ящик замечен нами на Заводской улице у дома № 3.

Квадратная ограда № 5 занимает половину проезжей части Степной улицы (рис. 182). Сооружена она из тонких и средних плит серого гранита и желтого (гладкого) доломита, врытых на ребро по квадрату (длина плиток от 0,47 м до 1,45 м; толщина от 4 до 26 см).

Ограда ориентирована сторонами по странам света. Длина восточной стороны — 9,13 м; северной — 10,12 м; западной — 9,1 м; южной — 9,8 м. Высота плит над уровнем почвы до 10—14 см. Грани квадрата отчетливо видны на поверхности улицы. Внутренность ограды засыпана обломками скалы от 0,5 кг до 20 кг весом (от $17 \times$

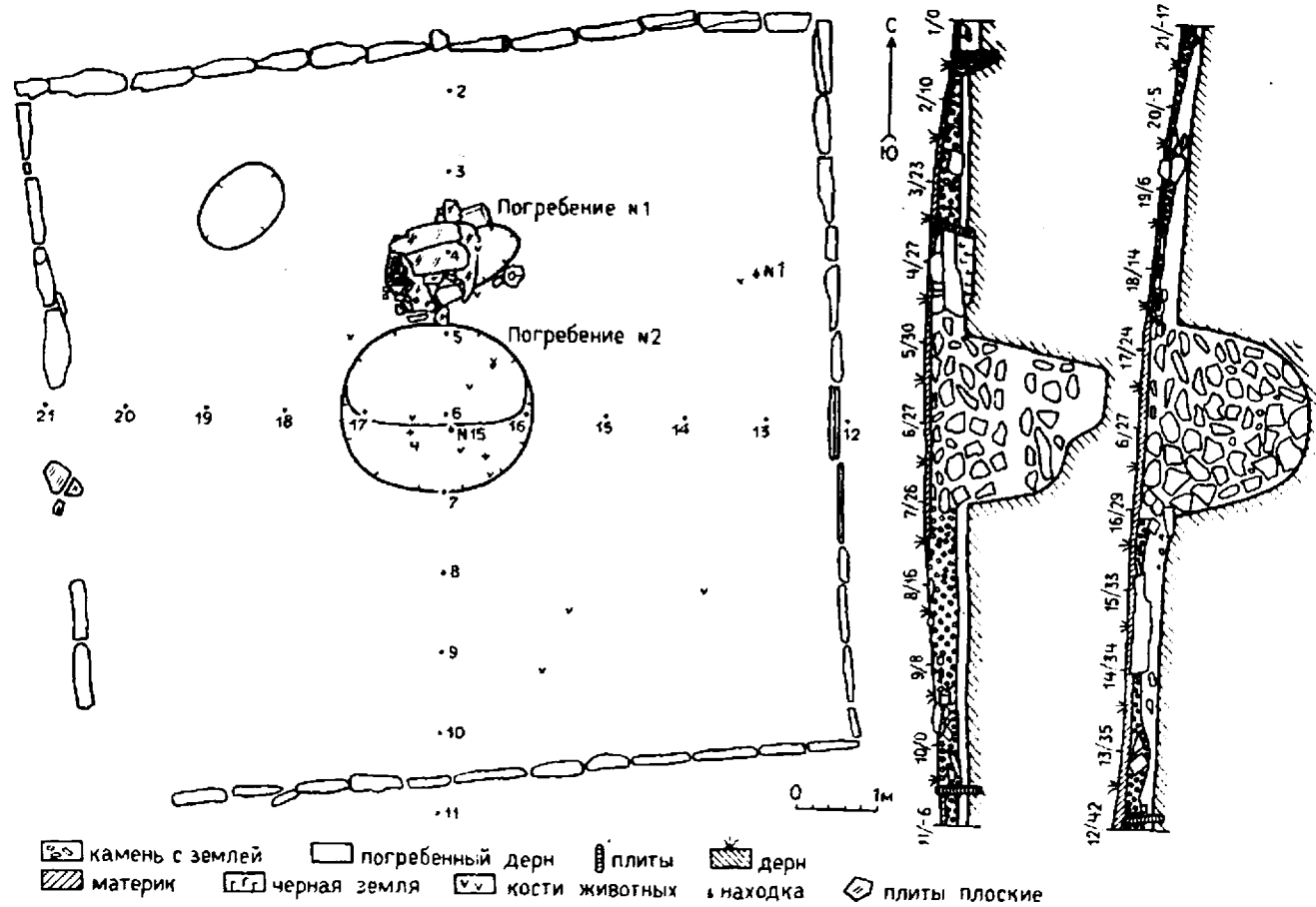

Рис. 183. План и разрезы ограды № 5 в пос. Усть-Бюрь

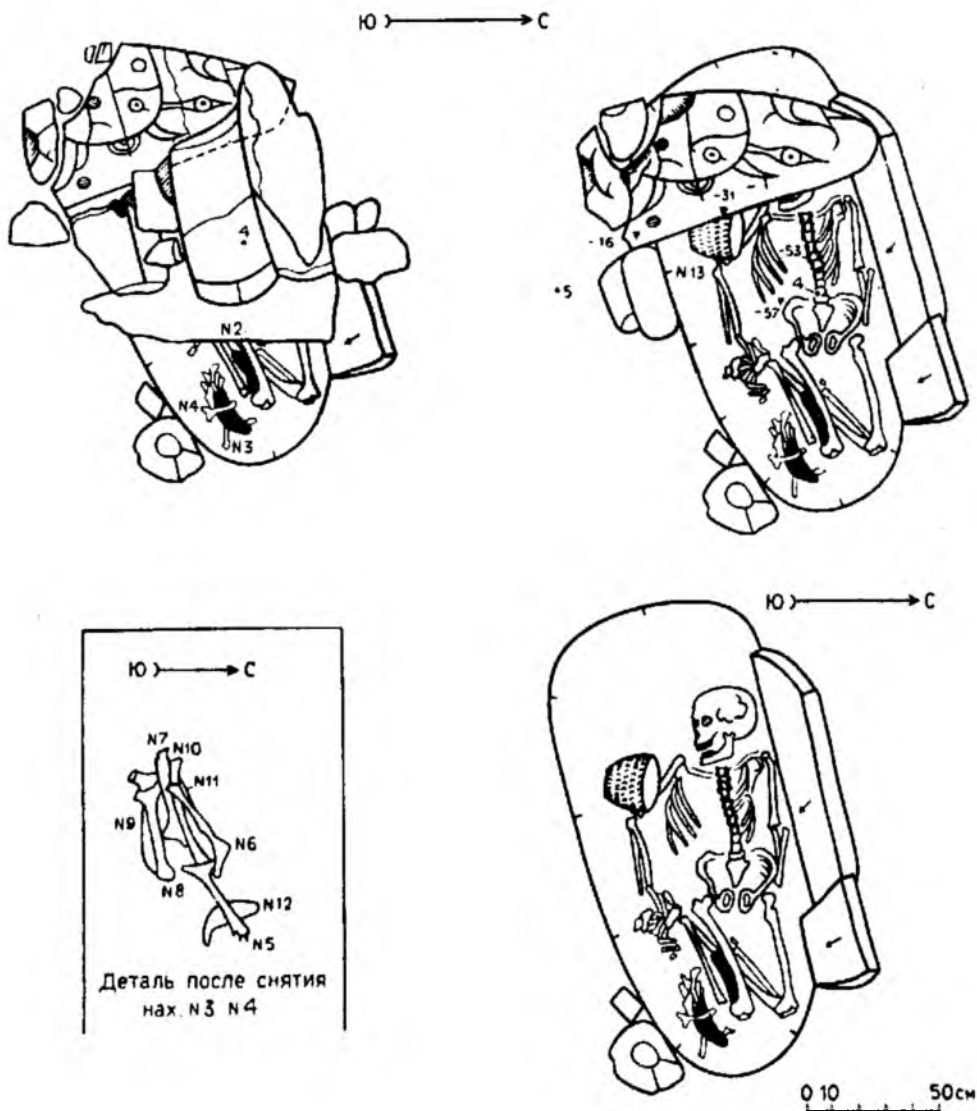

Рис. 184. План и детали погребения I в ограде № 5 пос. Усть-Бюрь

×20×8 см до 25×53×16 см; 87××32×28 см) и землей. Насыпь плавно возвышается к центру до 0,3 м от окружающей поверхности. Раскопки велись по секторам, при осях, проложенных с севера на юг и с запада на восток.

В северо-восточном секторе (на глубине 15 см) на погребенном дереве и в насыпи найдены: трубчатые кости и обломок ребра мелкого рогатого скота, обломок нижней челюсти лошади и обломок сосуда с гребенчатыми отпечатками снаружи.

Рис. 185. Погребение 1 в ограде № 5 пос. Усть-Бурь. Обломки тазминской стелы, перенесенные в качестве стенки и крышки окуневского каменного ящика

Его внутренняя поверхность затерта пучком травы (нах. № 1, рис. 183).

В юго-восточном секторе на глубине 17 см в насыпи обнаружены: обломок клыка грызуна, трубчатая кость животного и обломок таза лошади.

Могилка 1 находилась к северу от центра ограды. В засыпке над восточным концом найдена подвеска из нижнего коренного зуба медведя с отверстием, просверленным в корне (рис. 183, № 14), и здесь же — ребро какого-то мелкого животного. В поперечном разрезе вы-

явились плиты-перекрытия погребения 1. С восточной стороны вышел край овальной ямы, где на глубине 22 см обнаружены колени скорченного скелета.

Скелет взрослого мужчины (30—40 лет) лежал на спине, с поднятыми вверх коленями, головой на запад. Колени упали влево. Череп развернут лицом на юго-юго-восток (направо). Ширина таза — 0,28 м. Надбровные дуги сильно выражены. Левая височная кость вмята в полость, и череп раздавлен. Он оказался «европеоидным долхокран-

ным, с покатым лбом, массивным, с высокой орбитой несколько необычной формы. Выглядит архаично»⁵⁵. На костях правой ноги находился полулунный по форме предмет из сланца с двумя отверстиями (рис. 184, № 2), просверленными с двух сторон. К юго-востоку от колена обнаружена кучка костей животных и среди них — второй сланцевый полулунный по форме предмет с одним отверстием (рис. 184, № 3).

При расчистке покрытия, сложенного из плит и каменных брусьев, в надголовной западной части его найдена в обломках часть песчанниковой стелы (других кусков этой породы, за исключением трех мелких обломков, в погребении нет) с высеченным изображением личины на верхней гладкой стороне. Некогда это была прямоугольная тазминская стела со скругленным верхом. Впоследствии ее разбили и лишь кусок третьей части верха (с изображением двух глаз и левой стороны личины) положили в покрытие среди простых брусьев и более мелких камней над черепом погребенного (рис. 184, 185). После снятия полулунного сланцевого предмета № 3 была произведена расчистка костей диких животных, лежащих в кучке у правого колена скелета (рис. 184). Здесь обнаружены одинаковые подъязычные кости каких-то *Вовіпае* (быков). Все они естественной «Т»-образной формы (8 экз.), две из них просверлены на концах (рис. 184, 186, 187, № 4—11).

С восточной стороны под костями лежал правый верхний клык медведя (рис. 188, 3, № 12). Все кости

и клык, вероятно, вместе со сланцевыми полулунными предметами представляли собой детали какого-то (взаимосвязанного) снаряда или, может быть, жреческого снаряжения. Здесь же, у правого колена, находился верхний резец человека, возможно, перемещенный сюда грызунами (рис. 184).

У правого плеча скелета стоял наклонно большой раздавленный баночный сосуд (рис. 184, № 13). Его поверхность, с жемчужинами под венчиком, сплошь орнаментирована ногтевидными оттисками. На плоском дне прочерчена крестовидная фигура (рис. 189, 190). Дно ямы под скелетом — на глубине 0,6 м от поверхности насыпи; позвонки человека лежали на глубине 0,53 м, а плита перекрытия с личиной — на глубине 0,16 м (рис. 183).

Плохая сохранность плиты с личиной, черепа человека и сосуда объясняется тем, что по кургану, лежащему на улице поселка, неоднократно проезжал различный тяжеловесный транспорт.

После снятия скелета зачистили и осмотрели стенки погребального ящика. Южная стенка была сложена из небольших каменных брусьев и камней, а северная — из двух плит. Одна (восточная) — доломитовая (0,55×0,38×0,09), а вторая (западная) — песчанниковая. Последняя плита оказалась второй половиной верхней части той же самой тазминской стелы с рисунком личины (рис. 185). Обломки подошли друг к другу (рис. 112). Особо отметим, что рисунок на той части стелы, которая была использована в качестве стенки погребального ящика, был обращен к земляной стенке ямы.

Центральная часть насыпи ограды 5 была заложена обломками

⁵⁵ Определение антрополога И. В. Перевозчикова (Институт антропологии МГУ).

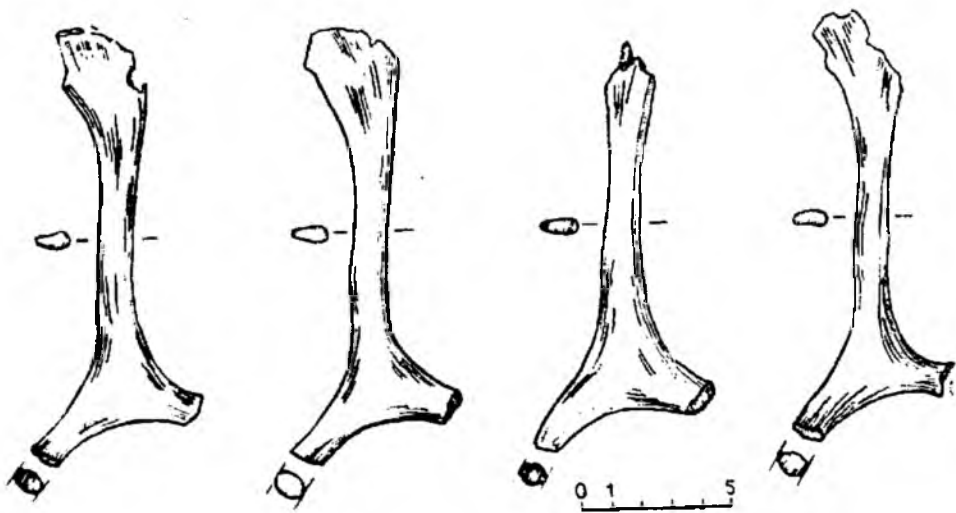

Рис. 186. Подъязычные кости быков из погребения 1 ограды № 5 в Усть-Бюре

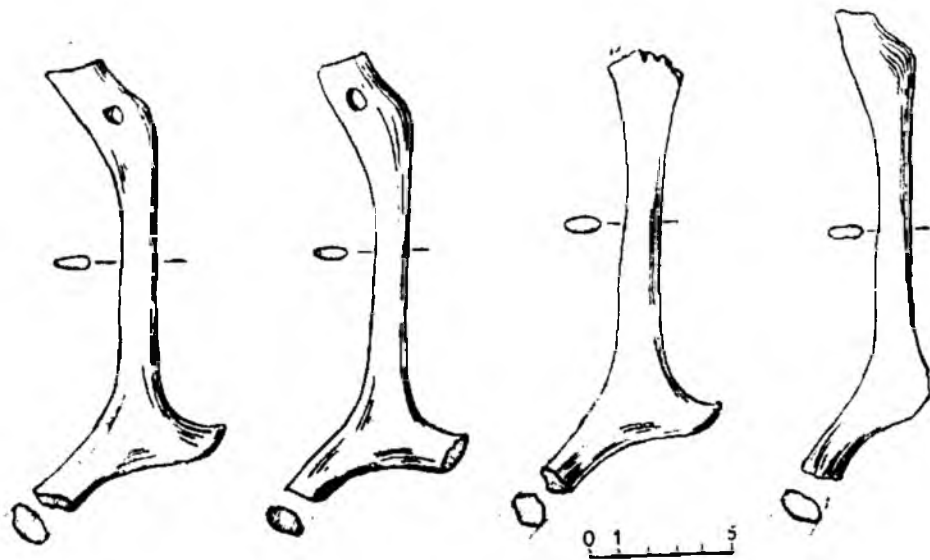

Рис. 187. Подвески из подъязычных костей быков

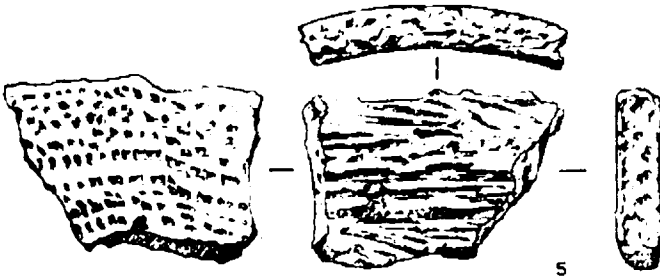
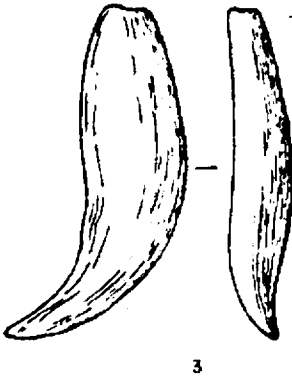
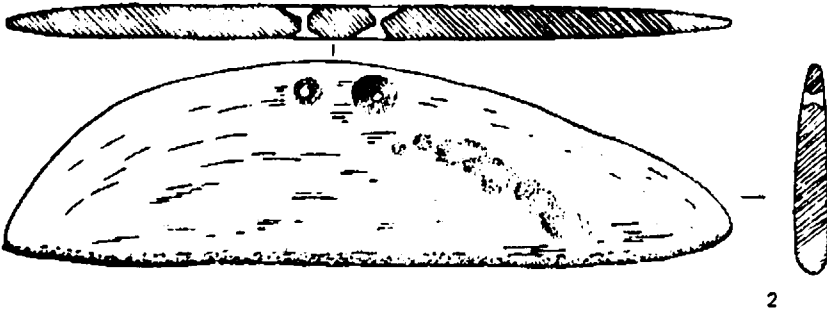
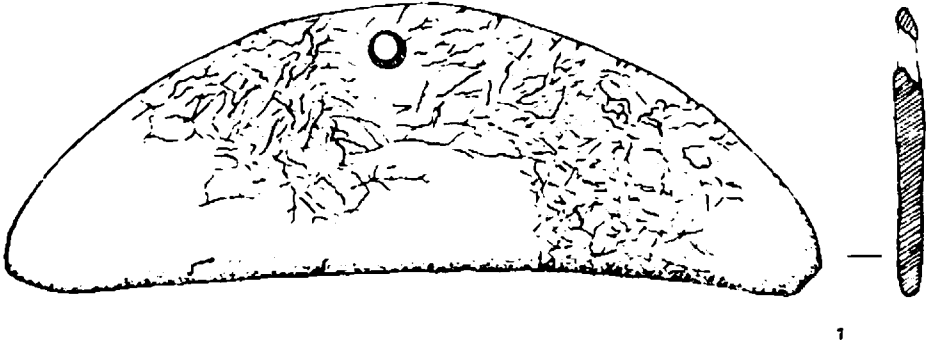

Рис. 189. Сосуд из погребения 1 ограды № 5 в Усть-Бюре

Рис. 190. Дно сосуда с крестовидной фигурой

Рис. 188. Предметы из ограды № 5 в Усть-Бюре. 1—3 — из погребения 1; 4 — находка 15 из погребения 2; 5 — находка 1 (1, 2 сланец; 3 — клык медведя; 4 — астрагал дикого барана; 5 — обломок сосуда)

скалы (размерами от $0,45 \times 0,32 \times 0,12$ м до $0,22 \times 0,12 \times 0,1$ м; в среднем — $0,36 \times 0,25 \times 0,18$ м). В верхней части засыпки — косточки животных, обломок таза и бедренная кость ребенка. С южной стороны в выбросе — обломок черепа ребенка.

Расчистили центральную выкладку из обломков скалы ($2,75 \times 2,2$ м и высотой над уровнем материка 0,5 м), вытянутую с востока на запад. В ее середине залежали камни размером от $0,45 \times 0,35 \times 0,1$ м до $0,2 \times 0,15 \times 0,06$ м. Под ними находилась овальная яма размерами $2,4 \times 2,1$ м и глубиной 1,8 м от уровня материка и 2 м от слоя погребенного дерна. В верхней части засыпки встречались отдельные косточки (обломки черепа, мелкой трубчатой, фаланга и атлант) подростка.

Далее на всех уровнях засыпки, состоящей из больших обломков скалы и черной земли, залежали в разбросанном состоянии кости одного и того же скелета подростка лет 10—12 (судя по зубам и длине костей рук и ног). Очевидно, мы имеем дело с разграбленным погребением, и потому яма (овальная в плане) имеет размеры, приданные ей грабителями (рис. 183).

В яме обнаружена отшлифованная игральная косточка — астрагал дикого горного барана (рис. 188, 4, № 15). Она найдена на глубине 1,04 м от уровня горизонта⁵⁶. Кроме многочисленных костей подростка в яме обнаружена пяточная кость, три фаланги и верхний атлант взрослого человека. Вероятно, первоначально здесь находилось центральное погребение взрослого

⁵⁶ Определение костей животных принадлежит Е. Г. Андреевой (Зоологический музей МГУ). Стела сдана на хранение в Минусинский краеведческий музей.

Рис. 191. Вид юго-восточного угла ограды № 5 в Усть-Буре после расчистки

(женщины?) и подростка. Северная часть ямы более заглублена (1,8 м), чем южная (1,35 м). Получилась очень сглаженная ступенька. Вероятно, это сделано недавними грабителями.

Разобрали стенки ограды, которая состояла из аккуратно вырубленных и подобранных гранитных плит размерами 0,97×0,62×0,15 м; 0,63×0,48×0,18 м; 0,95×0,49×0,2 м; 1,07×0,7×0,25 м. Плиты были врыты на различную глубину (0,35; 0,3; 0,5; 0,41; 0,52; 0,55 м) от поверхности современной почвы. Все они стояли очень ровно потому, что имели контрфорсы из мелких обломков скалы. Окуневцы поставили ограду с большим знанием дела (рис. 191).

В северо-западном углу ограды на горизонте была обнаружена еще одна овальная яма размером 1,24×

×0,85 м п глубиной 0,35 м (рис. 183). Она была заполнена черной землей и обломками скалы (размерами от 0,2×0,18×0,12 до 0,57×0,28×0,3 м). В северо-восточном углу ямы вертикально стоял большой камень (0,76×0,44×0,2 м), который торчал над горизонтом на 0,3 м. Яма, возможно, предназначалась для жертвоприношений (кровь животных и т. п.).

В поселке на ст. Ербинской ограда № 5 находилась возле дома № 96 на Степной улице. До раскопок это был сильно оплывший, округлый земляной курган (диаметром около 10 м и высотой до 0,7 м). В северной и западной полах насыпи были видны перпендикулярно расположенные отрезки стенок большой ограды, состоявшие из плит, врытых на ребро. Первоначально ограда была окопана на-

ми с внешней стороны. Выявились остатки четырех стенок, сделанных из небольших плиток девонского песчаника, шириной (длиной) от

Ограда ориентирована стенками на север-северо-запад, восток-северо-восток, юг-юго-восток и запад-юго-запад. Она имела неправиль-

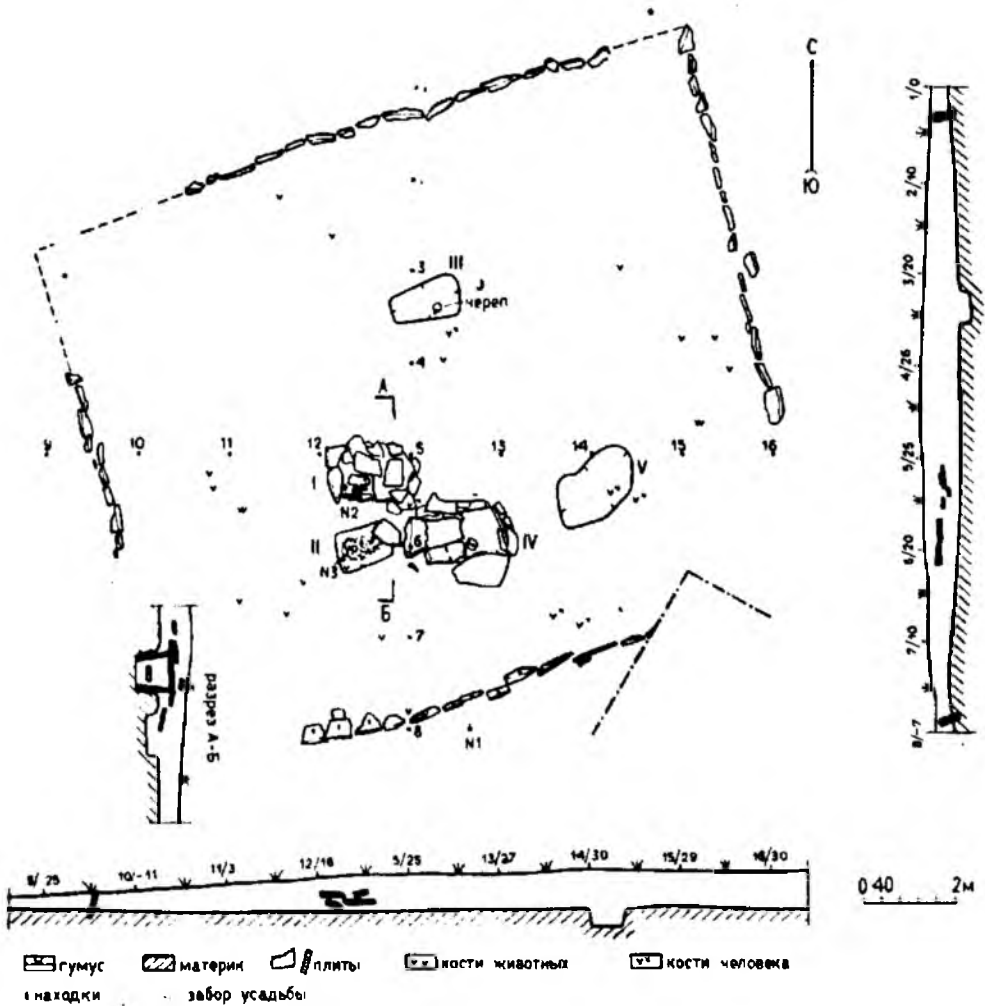

Рис. 192. План и разрезы ограды № 5 в пос. Ербинский

0,28 до 1 м и высотой (шириной) 0,48—0,6 м. Плитки первоначально, вероятно, устанавливались в канавки, вырытые в материке (рис. 192). По углам ограды плиты разбросаны местным населением.

ную прямоугольную форму размерами 15×12,8 м и была вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Курганная насыпь состояла из однородного черного гумуса, залегавшего на песчаном

материке. Можно предполагать, что в ограде первоначально находились какие-то надмогильные сооружения из дерна, разрушившиеся с течением времени.

В центре ограды обнаружено пять могил, полуразрушенных в результате древних ограблений (рис. 192). Все ямы неглубоко вырыты в материке (от 0,25 до 0,48 м; рис. 192). В них поставлены на большую высоту песчаниковые плиты, образующие стенки каменных ящиков (могилы 1 и 4), которые перекрывались крупными плитами.

С внешней стороны юго-восточной стенки ограды обнаружен обломок ребра животного с нарезками (нах. № 1).

Раскопки велись по четырем секторам. У северо-западной стены ограды на глубине 5 см — обломок трубчатой кости и челюсть мелкого рогатого скота. В юго-западном секторе (на глубине 4—20 см) найдены кости: фаланга лошади, обломок суставной кости, обломок лопатки и еще трех костей животного.

При расчистке насыпи над центральной могилой 1 обнаружены: обломок ребра, ключица и позвонок человека.

Могила 1 нарушена грабителями. Выявились остатки покрытия из горизонтально положенных плит, между которыми торчала вверх головкой бедренная кость взрослого человека (рис. 197). Покрытие состояло из плит, уложенных в три слоя. Оно уцелело в восточной части и раскрыто грабителями в юго-западном углу (рис. 197). Размеры плит: $0,6 \times 0,4 \times 0,08$ м; $0,65 \times 0,5 \times 0,06$; $0,42 \times 0,37 \times 0,05$; $0,38 \times 0,31 \times 0,06$; $0,83 \times 0,48 \times 0,07$; $1,2 \times 0,54 \times 0,12$ м. В процессе расчистки обнаружен небольшой обломок глиняного сосуда с зубчатым орнамен-

том (нах. № 2). Два обломка того же сосуда найдены в ящике.

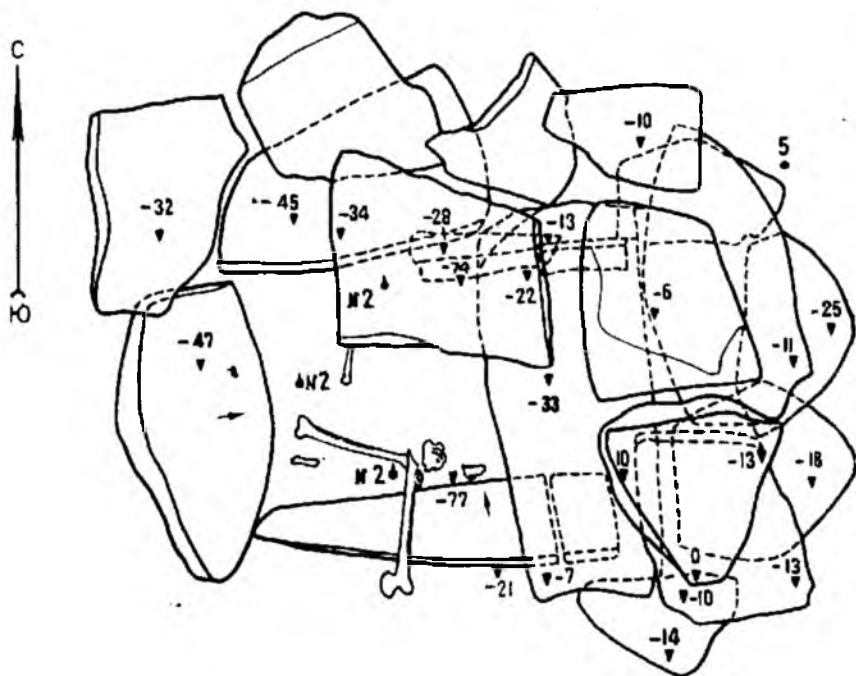
При расчистке ящика могилы 1 найдены (глубина 0,6—0,83 м) обломки черепа, атлант, ребро, коленная чашечка, берцовая и голень, малая лучевая, позвонок, резец и фаланга взрослого человека, лежавшие в беспорядке (рис. 197). Голень, пяточная и кости стопы лежали с восточного конца нетронутыми, и поэтому можно заключить, что погребенный некогда лежал головой на запад. Яма первоначально была овальной (размерами $1,81 \times 0,88$ м и глубиной 0,48 м). Находившийся в ней ящик из плит (средние их размеры $0,75 \times 0,4 \times 0,08$ м) имел высоту 0,7 м и был покрыт плитами (рис. 197). Ящик был вытянут с запада на восток. Торцовых плит с западной и восточной сторон не было. Размеры ямы по дну составляли $1,73 \times 0,75$ м.

При расчистке юго-западного сектора найдены разнообразные обломки костей животных.

Могила № 2 была выявлена по плите покрытия к югу от могилы 1 (рис. 192). При зачистке материка была выявлена подпрямоугольная яма, вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток, размерами около $1,24 \times 0,86$ м и глубиной 0,28 м. В ее заполнении найдена коленная чашечка, ниже — древесный тлен и остатки 8 бревнышек (диаметром 4—8 см), лежащих вдоль ямы. Поверх покрытие из жердей придавливали песчаниковые плитки (размером 33×18 ; 21×15 ; 23×29 ; 17×13 см; рис. 194).

Ниже обнаружен скелет подростка 11—12 лет, первоначально лежавшего на спине с поднятыми вверх коленями и головой, ориентированной на запад-юго-запад (рис. 194). Колени его упали к северу, а кости скелета были потре-

перекрытие

погребение

5

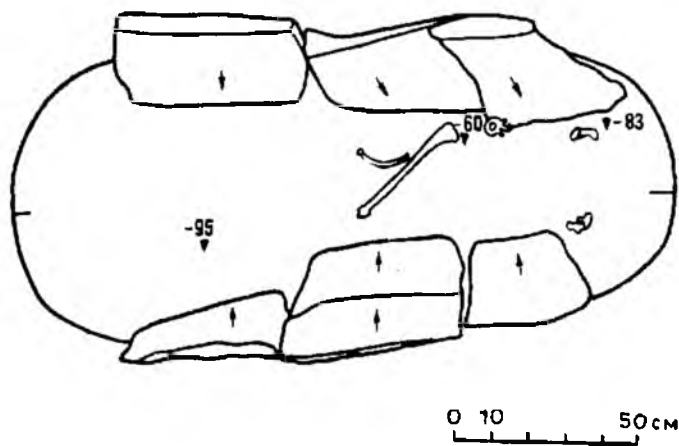

Рис. 193. План устройства могилы 4 в ограде № 5 в пос. Ербинский

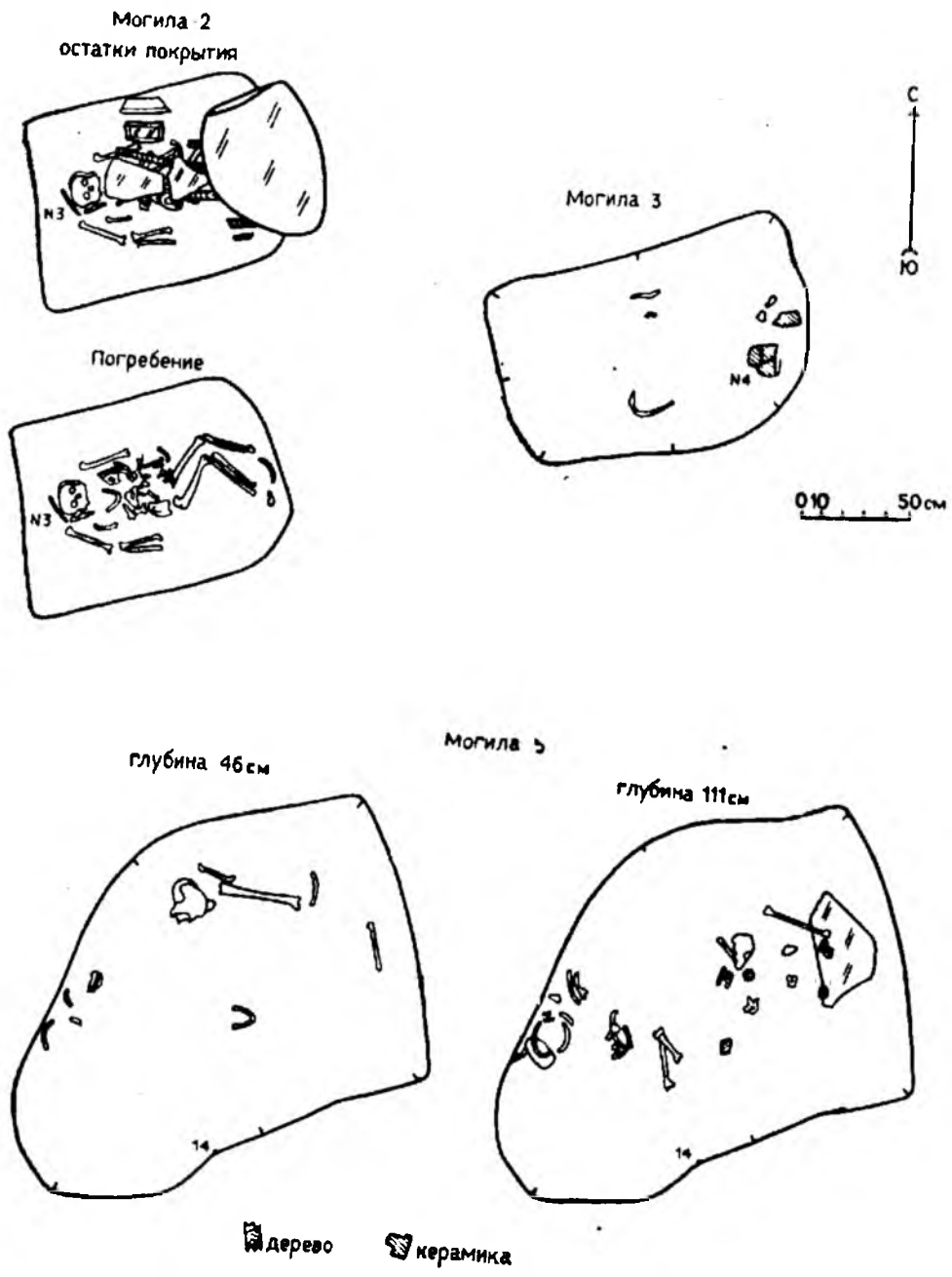

Рис. 194. Планы могил 2, 3, 5 в ограде № 5 в пос. Ербинский

вожены, вероятно, грызунами, череп же раздавлен (рис. 194).

У затылка погребенного обнаружена составная острога (из двух «гарпунов»), вырезанная из рога козули (нах. № 3). Интересно, что эта острога оказалась сборной — ее гарпуны происходят от двух переиспользованных острог. Одна из них была трехзубой (длина — 16,8 см), а другая — пятизубой (длина — 17,8 см). Видимо, после того как части двух острог были поломаны, оставшиеся объединили и отдали

подростку (рис. 195). Размеры ямы по дну: 1,25×0,75 м.

При снятии насыпи в северо-восточном секторе обнаружены разнообразные кости животных: трубчатая кость крупного животного, фаланга лошади, два обломка лопатки; пяточная кость крупного животного; трубчатая кость, челюсть мелкого рогатого скота и сустав. В 0,82 м к северу от могилы 1 найден обломок тазовой кости животного и затылочная часть черепа рода *Capris*. От репера 3 в 1,2 м на вос-

Рис. 195. Роговая составная острога из могилы 2 ограды 5 в пос. Ербинский

ток — фаланга человека (глубина 0,5 м).

В 3 м к северу от могилы 1 почти на уровне горизонта лежал череп взрослого человека, обращенный глазницами на запад-северо-запад (рис. 192). Он имел узкий вытянутый затылок и происходил явно из могилы 3, на засыпке которой и находился. Это мезокраний череп мужчины 25—30-летнего возраста, среднemasсивный, с широким лицом. В 1 м на восток от черепа на материке находился обломок ребра человека (вероятно, также происходящий из могилы). На засыпке могилы (глубина 0,54 м) еще найдена берцовая кость человека и на уровне материка (глубина 0,75 м) — позвонок человека.

Могилы 3 (из которой выброшены череп и перечисленные кости скелета взрослого) обнаружена при зачистке материка в 2,6 м к северу от могилы 1 (рис. 192). Это подпрямоугольная яма со скругленными углами, вытянутая с востока-северо-востока на запад-юго-запад (1,45×0,95—0,8 м и глубина до 0,3 м; рис. 194). В ее юго-восточном углу обнаружен раздавленный баночный сосуд (нах. № 4, рис. 196). В разных местах ямы лежали разрозненные кости одного взрослого скелета: ребра, фаланги руки и ноги (в восточном конце ямы; рис. 194). Вероятно, труп человека был первоначально положен головой на запад. Дно ямы имело размеры 1,2×0,7 м.

Расчистка насыпи в юго-восточном секторе обнаружила покрытие каменного ящика могилы 4. В его заполнении обнаружены две фаланги руки взрослого человека (глубина — 0,27 м). В разных местах под насыпью обнаружены: кость голени и обломок сустава лошади, пяточная кость животного и на материке

(глубина — 0,75 м) — астрагал мелкого рогатого скота (барана?) и обломок ребра человека.

Покрытие могилы 4 выявлено сразу же к востоку от могилы 2 (рис. 192) У дневной поверхности насыпи кургана — обломок берцо-

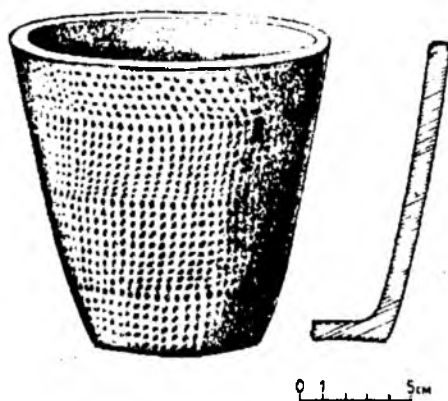

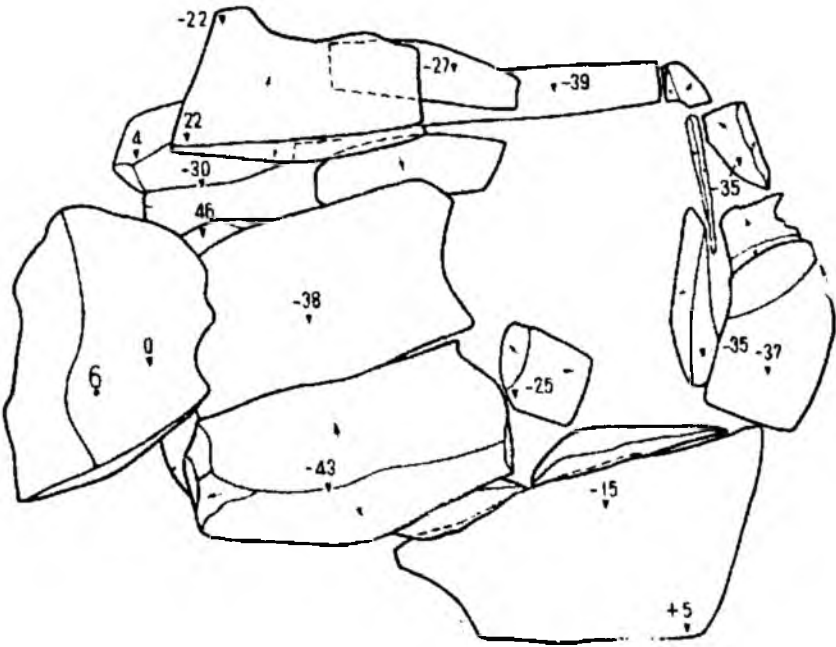
Рис. 196. Сосуд из могилы 3 ограды № 5 нос. Ербинский

вой кости человека длиной 37 см. Ниже найден позвонок человека.

Крышка ящика разбита на куски размерами от 1,15×0,85×0,23 м до 0,5×0,3×0,08 м. Она сохранилась только в западной части, а восточная половина ящика вскрыта грабителями (рис. 193). После снятия остатков покрытия выявлен каменный ящик, все стенки которого составлены из песчаниковых плит. Они отклонялись наружу. Размеры ящика (по внутренним краям плит): 1,75×1,05 м. Размеры плит в среднем 0,75×0,5×0,8 м. Самая крупная плита стояла на ребре по северной стенке (1,17×0,47×0,16 м).

Ящик вытянут с востока на запад. Сверху в нем найдены отдельные кости скелета взрослого человека: локтевая, ребра, обломок

ПОКРЫТИЕ

ПОГРЕБЕНИЕ

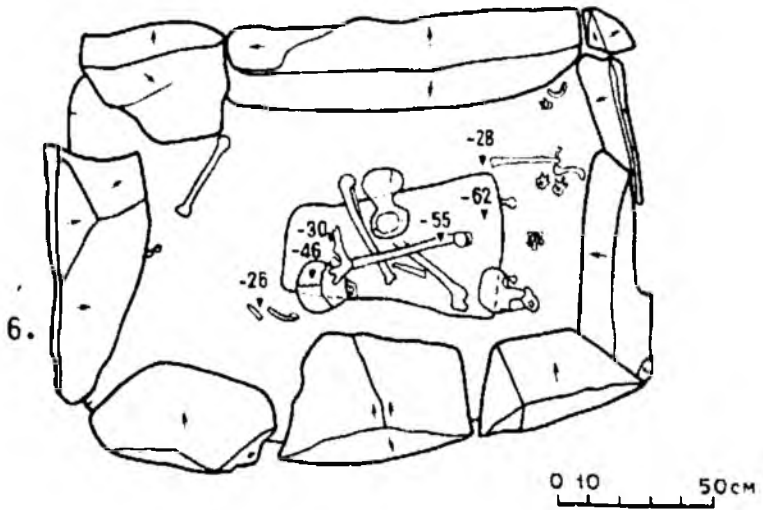

Рис. 197. План устройства могилы 1 ограды № 5 пос. Ербинский

нижней челюсти (глубина 0,26—0,3 м от нуля). На глубине 0,46—0,6 м лежали посредине в сплошной куче остальные кости скелета: бедренные, берцовые, тазовые, крестец, позвонки, ребра и фаланги (рис. 193). Эпифиз левой бедренной кости при жизни изуродован какой-то болезнью, в результате которой левая нога была короче правой.

Здесь же обнаружен брахикраний мужской череп с широким лицом и лбом с облитерированными теменными костями (около 50 лет). В засыпке ящика попадались мелкие остатки сгнившего дерева, по-видимому, от подплитового покрытия из жердей. На материке под костями человека лежала плита, сброшенная грабителями. Под нею оказались пяточные кости, возможно, лежащие *in situ*. Судя по этим костям, скелет первоначально лежал головой на запад. Глубина ямы — 0,73 м. Размеры ее по дну: 1,8×1 м.

В насыпи над могилой 5 обнаружены: обломок локтевой и две фаланги человека.

Могила 5 выявлена при зачистке материка в юго-восточном секторе, в 1,2 м к востоку от могилы 4 (рис. 192). Яма имеет неправильную («бобовидную» в плане) форму и вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Средние размеры: 2×1,4 м (рис. 194). На глубине 0,46 м в яме обнаружены разбросанные кости скелета взрослого человека (очевидно, мужчины 30—50 лет): часть таза, ребра, плечевая, нижняя челюсть, позвонки (рис. 194). В гумусной черной засыпке встречались мелкие куски сгнившего дерева. На глубине 1,11 м лежали остальные кости скелета: крыло таза, позвонки, ребра, лучевые и голенная. Здесь же куски полусгнившего дерева, часть которых

лежала на каменной плитке (0,52×0,28×0,06 м). Вероятно, яма первоначально была покрыта жердями поперек ее длинной оси (рис. 194). Дно ямы находилось на глубине 1,41 м. По дну яма приняла форму неправильного вытянутого с востока на запад овала размерами 1,45×0,93 м. До самого дна продолжали встречаться мелкие остатки сгнившего дерева.

Материк под гумусной курганной насыпью — крупнозернистый желтый песок со щебнем. Таким образом, в ограде обнаружены две могилы с каменными ящиками, перекрытыми плитами, и три могилы в грунтовых ямах с покрытием из жердей и плит (рис. 192).

*
* * *

Произведенное нами вычленение тазминских изваяний, стел и менгиров, а также обособление памятников афанасьевского камнерезного искусства показало, что люди в собственном окуневское время каменных монументов не сооружали и им не поклонялись. Древние тазминские и афанасьевские фигуры они ломали и использовали в качестве строительного материала. Истинное окуневское искусство было, следовательно, существенно иным.

Выше отмечалось, что в женских окуневских могилах обнаружены особые «идольчики». Это антропоморфные реалистические лица, выгравированные на концах костяных пластинок, и пестикообразные каменные фигурки с реальными европеоидными лицами женщин с узкими подбородками, прическами, серьгами и иногда с ожерельями на шее (рис. 180, 181). Если на тазминских изваяниях глаза обычно переданы выпуклостями с обводкой вы-

битой окружностью (иногда со зрачком посредине), а рот всегда показан полуоткрытым, с рельефно очерченными губами, то у окуневских фигурок глаза прочерчены, а рот — небольшая резная черточка.

По внешнему сходству с фигурками из могил иногда считают окуневской более крупную (длина 33 см) случайно найденную на правом берегу уйбатской Бейки пестикообразную фигурку из речного гранитного валуна с выбитым на ней лицом человека. Нельзя не заметить, однако, что при ее изготовлении применены иные приемы передачи лица. Все его детали, как и лицо в целом, рельефны в результате понижения фона сплошной выбивкой: глаза и губы обозначены бугорками, выделен крупный нос и т. д.⁵⁷

Безусловно окуневским может считаться в настоящее время только обломок одного изваяния. Это известная с 1722 г. устьесинская Хыс тас (Каменная девица), совершенно сходная по облику с найденными в могилах изображениями женщин с острыми подбородками и характерной прической (рис. 198)⁵⁸. Лицо Хыс тас, размещенное посредине плоской плиты со скругленным верхом, выделено слабым рельефом, а волосы вырезаны. Технически и композиционно оно выполнено так же, как женские лики на костяных пластинках (рис. 180), т. е. совершенно в другой манере, чем тазминские личины.

Таким образом, окуневская стела ничем не похожа на тазминские.

⁵⁷ Кызласов Л. Р. Андрономские антропоморфные фигурки из Средней Азии. — КСИИМК, вып. 63. М., 1956, рис. 11-2; Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. 24-14 и 53-121.

⁵⁸ Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. 33-16.

Сама по себе находка относительно крупной стелы с изображением Хыс тас, хранящейся ныне в Минусинском музее⁵⁹, возможно, свидетельствует о том, что это неслучайное явление для культовых изображений окуневского этапа. Но ее

Рис. 198. Изваяние Хыс тас, находящееся в Усть-Еси. Песчаник. Хранится в МКМ (по Х. Аппельгрюн-Кивало)

уникальность (в сравнении с изобилием тазминских стел и монументов) все же не позволяет считать, что аналогичных каменных изваяний было много⁶⁰.

Сопоставление найденных в могилах костяных «идольчиков» со стелой Хыс тас приводит к выводу, что основным культом окуневцев мог быть культ верховного женского божества. Изображения его воспроиз-

⁵⁹ Первоначальный вид ее зафиксирован Д. Г. Мессершмидтом в 1722 г. (см.: Кызласов Л. Р. В Сибирю неведомую за письменами таинственными. — В кн. Путешествия в древность. М., 1983, рис. 46).

⁶⁰ Внешнее сходство имеет еще только плита из Аскыровского улуса (см.: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей. — МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, табл. 8-73).

водились по подобию реального, но канонизированного женского образа. Вероятно, это и есть окуневская Праматерь.

Находки в могильнике Черновая VIII заставляют предполагать, что окуневскими жрецами применялись для испрашивания плодородия ритуальные фаллические действия, подобные североалтайскому эротическому обряду кочо-кан. В могиле жреца найден фаллический роговой наконечник («ритон»), очевидная деталь от деревянной принадлежности такого обряда⁶¹. В том же погребении оказался роговой жезл (или навершие ритуального посоха), завершающийся головой хищника или «дракона», проглотившего другого зверя. В другом кургане обнаружена полукруглая роговая пластина с неполными фигурами медведя и лося, как бы преследующими друг друга⁶². Все эти находки, включая и каменные подвески в виде полумесяца, возможно, связаны с космическим культом, с представлениями о смене дня и ночи, погоне и поглощении «драконом» солнца и т. п. Все представления связаны со звериными образами, возникшими скорее всего в среде таежных охотников⁶³, а не

степняков-скотоводов. Не в этом ли коренятся различия истоков южного степного культа тазминских скотоводов и северного таежного мировоззрения окуневцев? Впрочем, для решительных выводов и заключений время еще не пришло. Нужны новые материалы.

Что касается других произведений искусства, относимых в литературе к творчеству окуневских племен (например, каменных жезлов с головками быков, происходящих из числа случайных находок), то обоснования их возраста и культурной принадлежности не могут еще считаться вполне установленными⁶⁴. Тем не менее они, безусловно, относятся к средней поре бронзового века (XVI—XIV вв. до н. э.). Вероятно, следует, не касаясь их культурной принадлежности, ввести в научный оборот еще два аналогичных изделия, случайно найденных в Хакасии в последние годы.

Одно из них выкопано в г. Абакане. Оно сделано из красной яшмы. От скульптурной головы быка на одном конце до скругленного и приостренного второго конца предмет уплощен. Общая длина — 26 см, ширина головы — 4,2 см; ширина посередине — 3,9 см; толщина головы до 2,5 см; толщина посередине — 1,8 м. Сечение линзовидное, с приостренной нижней кромкой (рис. 199)⁶⁵. Изделие пре-

⁶¹ Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. XXIII, 2. Фаллические скульптурки связывают также с обрядами женской инициации (см.: Хлобыстин Л. П. О древнем культе нерпы на Байкале. — КСИА, вып. 101. М., 1964; Сатлаев Ф. А. Кочо-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев. — В кн.: Сб. МАЭ, т. 27. Л., 1971).

⁶² Вадецкая Э. Б. и др. Указ. соч., табл. XXXIII, 1; Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии. — В кн.: Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981, рис. 5.

⁶³ Ангарские драконы и фантастические человеко-ящеры. — В кн.: Окладников А. П. Памятники Средней Ангары.

Новосибирск, 1975, рис. 35; Он же. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976, табл. 65.

⁶⁴ Ср.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979, с. 25—26; Леонтьев Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири. — В кн.: Первообытная археология Сибири. Л., 1975.

⁶⁵ ХОКМ № 4998. Найден в 1974 г. в районе мелькомбината на глубине 1—1,5 м рядом с глиняным сосудом и остатками сгнившего дерева. Аналогичные см.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува, рис. 16.

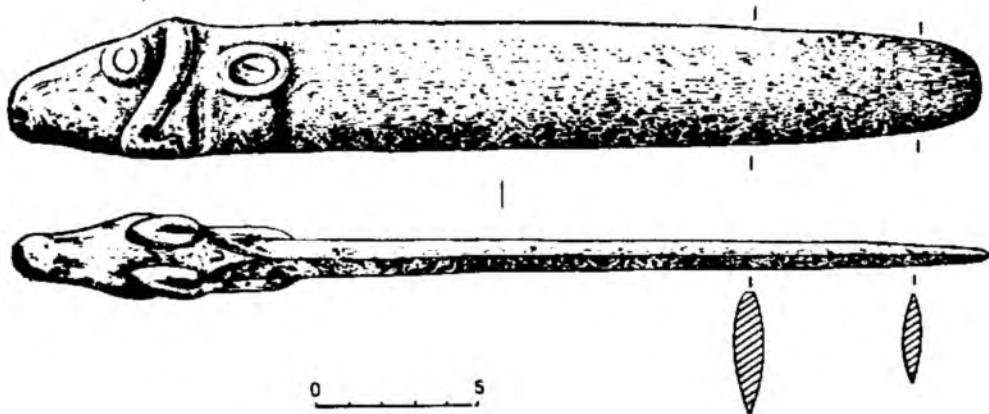

Рис. 199. Каменный шлифованный предмет, найденный в г. Абакане (1974 г.), с головой быка. Красная яшма. Хранится в ХОКМ

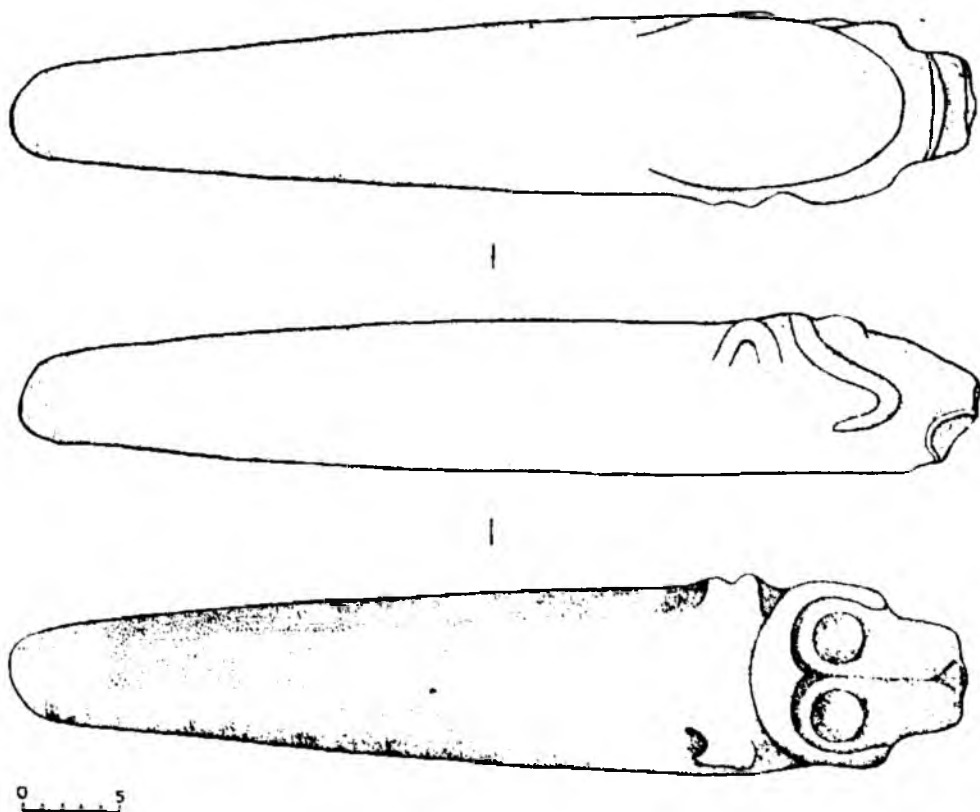

Рис. 200. Каменный фаллический предмет с головой быка, найденный на р. Тее. Хранится в ХОКМ

красно отшлифовано, выпуклые глаза и рельефные рога быка слегка сглажены от употребления.

Второе более крупное изваяние достигает в длину 49,2 см, в ширину — до 10,2 и в толщину — до 8 см. Эта фаллообразная утончающаяся скульптура выбита из серого камня мелкозернистой породы (возможно, диорита). Более толстый ее конец обработан в виде головы быка с рельефно выделенными глазами, рогами, ушами и разинутым ртом. Изваяние, тщательно оббитое и хорошо заглаженное, снизу под головой имеет овальную плоскость (15×9 см), на которой оно лежало и, вероятно, передвигалось людьми вперед и назад (рис. 200)⁶⁶.

Эта крупная скульптура, воспроизводящая голову быка и его фаллос, имела явно культовый характер и применялась в каких-то религиозных обрядах. Очевидно, что кроме малых «ручных» сакральных орудий этого культа, переносимых с места на место, употреблялись и крупные, так сказать «стационарные».

Ручные предметы аналогичного вида представляли собой культовые инструменты древних жрецов и не являлись символами власти или ранга. Скорее всего, все они связаны с обрядами древних скотоводов, совершаемыми в связи с культом плодородия крупного рогатого скота.

⁶⁶ Найдено на р. Тёе и до 1971 г. хранилось в школе пос. Усть-Чуль.

Заключение

Скотоводство в Хакасии зародилось в неолите. Тогда и началось первое крупное общественное разделение труда — выделение скотоводческих племен степной части Южной Сибири среди основной массы охотническо-рыболовецкого населения лесостепной и таежной Сибири. В афанасьевскую эпоху каждый родовой поселок имел небольшое стадо и скотоводчество было придомным, пастушеским. Часть членов родовой общины занималась по-прежнему охотой и рыболовством.

Важным шагом в развитии производящей экономики явилось земледелие, зародившееся у энеолитического населения степной Хакасии в конце III тыс. до н. э. Если скотоводство было привнесено в бассейн среднего течения Енисея с юга, то культура земледелия, вероятно, была занесена в Южную Сибирь с территории Нижнего Поволжья или Средней Азии. Хакасия стала древнейшим центром земледельческой культуры в Северной Азии, и земледельческая традиция не прерывалась в ней вплоть до современности. Важно отметить, что здесь рано расцвел яркий культовый центр, несомненно, оказавший глубокое воздействие на сложение сибирского шаманизма.

В тазмнскую и афанасьевскую эпохи домашнее производство получает дальнейшее развитие. Наряду со старой техникой изготовления каменных орудий труда и охоты (пиление, сверление, шлифовка, ретуширование и т. п.) широко распространяется резьба по дереву, кости и камню; расцветает искусство рисунка, гравюры и резьбы, совершенствуются приемы изготовления каменных изваяний; затем возникают горное дело, холодная обработка металлов и, наконец, металлургия. Женским занятием оставались: изготовление глиняной посуды, обработка кожи и мехов, пряжение шерсти, заготовка продуктов питания и собирательство съедобных плодов и корней.

В общественной жизни утверждаются нормы патриархата. Об этом, в частности, свидетельствуют погребения старейшин с огромными сосудами и центральное погребение мужчины, по-видимому старейшины, в Тас хазаа. При нем был найден проушной медный топорик и другой инвентарь. В одной могиле с ним оказались захороненными две женщины и младенец.

Хотя тазминских памятников и афанасьевских могил раскопано еще недостаточно для широких обобщений, все же можно полагать, что уже с неолита в Хакасско-Минусинской котловине проживало смешанное в антропологическом отношении население: круглоголовые европеоиды с монголоидной примесью и длинно-головые европеоиды «палеоевропейского» типа. Что касается таежной зоны, то по Саянским горам тогда, вероятно, проживали монголоидные потомки правобережных неолитических охотников, может быть, самодийцев по языку.

Исторически сложившаяся этническая пестрота Хакасско-Минусинской котловины являлась важнейшей особенностью этногенетического процесса, протекавшего в этой области в последующие века. Рано возникший южносибирский очаг своеобразной, богатой и яркой культуры, в свою очередь, оказал большое прогрессивное воздействие как на племена, обитавшие в Центральной Азии, так и на население всей Северной Азии, вплоть до берегов «Моря Мрака» — студеного Ледовитого океана.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия.
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации.
АСГЭ	— Археологический сборник Гос. Эрмитажа.
ВМУ	— Вестник Московского университета.
ЗОРСАРАО	— Записки отделения Русско-славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК	— Известия археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии наук.
ИВСОГО	— Известия Восточно-сибирского отделения Географического общества СССР.
ИВСОРГО	— Известия Восточно-сибирского отделения Русского географического общества.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МКМ	— Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова.
МНМ	— Мифы народов мира.
МЭ	— Материалы по этнографии.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	— Советская археология.
Сб. МАЭ.	— Сборник Музея антропологии и этнографии.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР.
СТ	— Советская тюркология.
СЭ	— Советская этнография.
ТГИМ	— Труды Государственного Исторического музея.
Хак. НИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ХОКМ	— Хакасский областной краеведческий музей.

Оглавление

Введение	5
ЧАСТЬ I. ЭПОХА НЕОЛИТА	
Глава I. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЛЕВОБОЕРЕЖЬЕ ЕНИСЕЯ	19
1. Оглахты II и Оглахты III	19
2. Сарагаш	34
3. Бутрахты	36
Глава II. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ПРАВОБОЕРЕЖЬЕ ЕНИСЕЯ	38
1. Кызыкуль (хак. Кызыл кӧл)	38
2. Бузунова	42
3. Потрошилова	45
4. Каменная гора	46
5. Казанцева	48
6. Малая Минуса	51
7. Саянская	53
8. Ильинка	53
9. Пункт X	55
10. Пункт XVII	56
11. Уньюк	58
Глава III. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ	60
1. Техническая характеристика каменного ин- вентаря	60
2. Типологическая характеристика каменных орудий	63
3. Глиняная посуда	67
4. Место неолитических поселений Хакасско- Минусинской котловины	68
5. Занятия неолитического населения древ- нейшей Хакасии	75

ЧАСТЬ 2. ЭПОХА ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И ПЕРЕХОД К ЭНЕОЛИТУ .

Глава I.	ТАЗМИНСКАЯ КУЛЬТУРА — КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙШИХ СВЯТИЛИЩ И КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ СИБИРИ	85
	1. Раскопки древних святилищ	87
	2. Данные об изваяниях и менгирах	136
	3. Культурная принадлежность святилищ с каменными изваяниями или менгирами и их датировка	168
Глава II.	МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МИРОВОСПРИЯТИЕ ТАЗМИНЦЕВ	188
	1. О семантике тазминских изваяний и писаниц	188
	2. Представления о вселенной и божествах, о жизни и смерти	199
	3. Солнце, небесные боги и духи	217
Глава III.	АФАНАСЬЕВСКИЕ И ОКУНЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ	242
	1. Афанасьевские погребения и стелы	242
	2. Окуневские ограды и стелы	263
	Заключение	291
	Список сокращений	293

МОНОГРАФИЯ

Леонид Романович Кызласов

ДРЕВНЕЙШАЯ ХАКАСИЯ

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*
Редактор *В. В. Михеева*
Художник *В. А. Плотнов*
Художественный редактор *М. Ф. Евстафиева*
Технический редактор *К. С. Чистякова*
Корректоры *Л. А. Айдарбекова, В. А. Ветров*

ИБ № 2164

Сдано в набор 26.02.86. Подписано в печать 30.09.86.
ЛН-67433. Формат 70×90/16. Бумага для глубокой печати.
Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,65. Уч.-изд. л. 20,50. Тираж 12500 экз.
Заказ 326. Цена 1 р. 90 к. Изд. № 3773

Ордена «Знак Почета»
издательство Московского университета,
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ,
119899, Москва, Ленинские горы

